

Институт славяноведения РАН

**Центральноевропейские
исследования**

INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES, RAS

CENTRAL-EUROPEAN STUDIES

**2019
Issue 2 (11)**

Nestor-History
Moscow • St. Petersburg
2020

Институт славяноведения РАН

**ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

**2019
Выпуск 2 (11)**

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2020

УДК 94 (367+436)

ББК 63.3(0)6

ЦЗ82

Издание основано в 1999 году

Учредитель и издатель: Институт славяноведения РАН

Выпуск подготовлен при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-59-23005 «Монархия Габсбургов: новые направления в изучении экономического, социально-политического и национального развития композитарного государства Центральной Европы»

ЦЗ82 Центральноевропейские исследования. 2019. Выпуск 2 (11) /
Главн. ред. О. В. Хаванова. — М. : Институт славяноведения РАН ;
СПб. : Нестор-История, 2020. — 344 с.

ISSN 2619-0877

DOI: 10.31168/2619-0877

«Центральноевропейские исследования» — междисциплинарный ежегодник о Центральной Европе и сопредельных регионах в сравнительной перспективе.

Периодичность: один раз в год

Тираж: 500 экз.

Почтовый адрес: 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А,

Институт славяноведения РАН

Электронный адрес: austrian.centre.inslav@gmail.com

Сайт: <https://inslav.ru/centralnoevropeyskie-issledovaniya>

© Коллектив авторов, 2020

© Институт славяноведения РАН, 2020

© Обложка и логотип П. К. Донской, 2020

© Издательство «Нестор-История», 2020

Корректор *В. И. Сайфутдинова*

Оригинал-макет *Л. Е. Голод*. Обложка и логотип *П. К. Донской*

Подписано в печать 21.09.2020. Формат 60×90^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 21,5

Тираж 500 экз. Заказ № 2216

Издательство «Нестор-История»

197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86

Главный редактор

Ольга Владимировна Хаванова, д.и.н., проф. РАН, зам. директора ИСл РАН

Заместители главного редактора

Дарья Юрьевна Ващенко, к.филол.н., ст. научн. сотр. ИСл РАН

Анна Романовна Лагно, к.и.н., ст. научн. сотр. ИСл РАН

Ответственный секретарь

Людмила Константиновна Новосельцева, мл. научн. сотр. ИСл РАН

Редколлегия

Лариса Михайловна Аржакова, д.и.н., доцент, Институт истории СПбГУ

*Юлия Евгеньевна Бут, к.и.н., доцент, исторический факультет УрФУ
(Екатеринбург)*

Кирилл Александрович Кочегаров, к.и.н., ст. научн. сотр. ИСл РАН

*Арина Владимировна Лазарева, к.и.н., доцент,
исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова*

Александр Сергеевич Стыкалин, к.и.н., вед. научн. сотр. ИСл РАН

Международный редакционный совет

*Иван Бертени-мл., PhD, старший научный сотрудник
Института истории Центра гуманитарных исследований Исследовательской
сети им. Л. Этвеша (Будапешт)*

*Эва Ковальская, DSc., ведущий научный сотрудник
Института истории Словацкой академии наук (Братислава)*

*Ивана Хорбец, PhD, научный сотрудник
Института хорватской истории (Загреб)*

*Искра Шварц, PhD, доцент Института восточноевропейской истории
Венского университета (Вена)*

*Дамиан Шимчак, PhD, доцент кафедры истории Университета
им. Адама Мицкевича (Познань)*

Редактор-корректор

Лариса Альфредовна Авакова, ИСл РАН

Editor

Olga Khavanova, DSc., Professor of the RAS, Deputy Director,
Institute of Slavic Studies of RAS, Moscow

Managing Editors

Anna Lagno, PhD, Senior Research Fellow,
Institute of Slavic Studies of the RAS
Daria Vashchenko, PhD, Senior Research Fellow,
Institute of Slavic Studies of the RAS

Editor Assistant

Liudmila Novoseltseva, Junior Research Fellow,
Institute of Slavic Studies of the RAS

Editorial board

Larisa Arzhakova, DSc., associate professor,
Institute of History, St. Petersburg State University
Yulia But, PhD, Associate Professor,
History Faculty, Ural Federal University (Yekaterinburg)
Kirill A. Kochegarov, PhD, Senior Research Fellow,
Institute of Slavic Studies of the RAS
Arina V. Lazareva, PhD, Associate Professor,
History Faculty, Moscow Lomonosov State University
Aleksandr S. Stykalin, PhD, Leading Research Fellow,
Institute of Slavic Studies of the RAS

International advisory board

Iván Bertényi, Jr., PhD, Senior Research Fellow, Institute of History,
Centre for the Humanities, Eötvös Loránd Research Network (Budapest)
Eva Kowalská, DSc., Leading Senior Researcher,
Institute of History of the Slovak Academy of Sciences (Bratislava)
Ivana Horbec, PhD, Research Fellow, Institute of Croatian History (Zagreb)
Iskra Schwarcz, PhD, Associate Professor,
Institute of East-European History, Vienna University (Vienna)
Damian Szymczak, PhD (history), Associate Professor,
Institute of History of the Adam Mickiewicz University (Poznań)

Editor, corrector

Larisa A. Avakova, Institute of Slavic Studies of the RAS

Содержание

Полигlossия как норма

Петер Бенка

Много языков — один город: вольные королевские города
Верхней Венгрии 13

Мария Александровна Петрова

Языковые практики российских и австрийских дипломатов во второй
половине XVIII в. 35

Илдико Рошонци

Тема славянского языкового родства и многоязычия в воспоминаниях
русских офицеров—участников Венгерской кампании 1849 г. 61

Любовь Алексеевна Кирилина

Языковая ситуация в словенских землях
в конце XVIII — начале XX в. в социокультурном контексте эпохи 80

Обучение языкам и языки преподавания

Ивана Хорбец

Многоязычие в хорватских землях
под властью Габсбургов в XVIII в. 107

Ольга Владимировна Хаванова

Опыт создания первых грамматик в монархии Габсбургов:
частная инициатива и регулирующее вмешательство государства
(1760–1770-е годы) 137

Искра Шварц

Атрибуция рукописи «История России до Петра Великого»
и специфика славяно-сербского языка в творчестве
Захария Орфелина. 158

Ольга Сергеевна Каштанова

- Языковая политика в сфере образования в западных губерниях России
и Царстве Польском в XIX в. 180

Из первых уст**Екатерина Викторовна Байдалова**

- Проблема языковой идентичности в романе В. Винниченко «Хочу!»
в социокультурном контексте эпохи 211

Анна Романовна Лагно

- Кто, что, кому и на каком языке говорил? Польско-украинское
пограничье в 40-е годы XX в.: из истории одной семьи. 228

Анна Аркадьевна Плотникова

- Календарные обходы у градищанских хорватов Венгрии:
архаика и ее воспроизведение 250

Дарья Юрьевна Ващенко

- Хорваты среди венгров: праздник сбора винограда 268

Полигlossия постмодерна**Оксана Аркадьевна Якименко**

- Полигlossия в современной венгерской литературе:
разнообразие авторских стратегий 285

Екатерина Дмитриевна Гончаренко

- Белорусско-русская смешанная речь
в современных сценических выступлениях 308

В память о коллеге**Светлана Михайловна Фалькович**

- О некоторых аспектах русско-польского двуязычия
в Российской империи XIX — начала XX в. 327

Contents

Polyglossy as a norm

Benka, Peter

Many languages — one town: royal free towns of Upper Hungary 13

Petrova, Maria A.

Language practices of Russian and Austrian diplomats
in the second half of the eighteenth century 35

Rosonczy, Ildikó

The motive of Slavic kinship and multilingualism in the memoirs
of Russian officers — participants in the Hungarian campaign of 1849 61

Kirilina, Liubov' A.

The language situation in the Slovene lands from the late eighteenth
to early twentieth centuries in the sociocultural context of the era 80

Teaching languages, languages of teaching

Horbec, Ivana

Multilingualism in the Croatian lands under the sceptre
of the Habsburgs in the eighteenth century..... 107

Khavanova, Olga V.

First grammar books in the Habsburg Monarchy: individual initiative
and regulatory interference by the state (1760s–1770s) 137

Schwarcz, Iskra

Attribution of the manuscript of *The Life of Peter the Great* and specifics
of the Slavonic-Serbian language in the works of Zaharij Orfelin 158

Kashtanova, Olga S.

Language policy in the field of education in the western provinces
of Russia and the Kingdom of Poland in the nineteenth century..... 180

First hand stories***Baydalova, Ekaterina V.***

- The problem of language identity in Volodymyr Vynnychenko's novel
I want! in contemporary sociocultural context.211

Lagno, Anna R.

- Who, what, to whom and on what language speaks?
Polish-Ukrainian borderland in the 1940s: from the history of a family.228

Plotnikova, Anna A.

- Calendar bypass rites of Burgenland's Croats in Hungary:
history and reproduction250

Vashchenko, Daria Yu.

- Croats among Hungarians: the grape harvest festival268

Postmodern Polyglossia***Yakimenko, Oksana A.***

- Polyglossia in modern Hungarian literature:
diversity of authors' strategies285

Goncharenko, Ekaterina D.

- Belarusian-Russian mixed speech in modern stage performances308

In memoriam of a colleague***Falkovich, Svetlana M.***

- On some aspects of Russian-Polish bilingualism in the Russian Empire
in the nineteenth and early twentieth centuries.327

ПОЛИГЛОССИЯ КАК НОРМА

Петер Бенка

PhD, научный сотрудник, кафедра словацкой истории, философский факультет, Университет им. Я.А. Коменского в Братиславе, Братислава, Словакия. 814 99, Šafárikovo námestie 6.
E-mail: peter.benka@uniba.sk

Много языков — один город: вольные королевские города Верхней Венгрии

В венгерском обществе раннего Нового времени сосуществовало несколько разных языков. Это особенно справедливо в отношении населения вольных королевских городов, где носители разных языков общались друг с другом в относительно небольшом пространстве. В статье рассматривается положение вольных королевских городов Верхней Венгрии. Бюргерство, в особенности местные элиты, возникшие и оформившиеся в позднее Средневековье, поддерживали немецкую культурную и языковую идентичность. Более того, в своих политических представлениях они отводили особую роль идеалам коммунальной гармонии и единства. В то же время города были открыты для иммиграции новых жителей, которые в большинстве случаев были не немецкого происхождения и, таким образом, представляли угрозу для сложившейся социальной гармонии. Ответом на сложившуюся ситуацию стал ряд мер, варьировавшихся от постепенной интеграции пришельцев в культурную ткань городской коммуны до карательных мер, направленных на недопущение тех, кто не имел необходимых языковых компетенций, к ключевым политическим и экономическим должностям. Важную роль здесь играла Реформация, требовавшая более широкого использования локальных языков в богослужении. В статье также рассматривается косвенное влияние более общих политических процессов на социолингвистическую ситуацию на низовом уровне.

Ключевые слова: вольные королевские города Верхней Венгрии, городские коммуны раннего Нового времени, многоязычие, историческая социолингвистика, использование местных языков

Haec ciuitas [Cassouia], non minus pulchra quam munita est, ciuilitate et incolarum comitate, inclyta, olim frequens emporium, quo non modo Hungari, sed etiam Poloni & pleraque aliae Septentrionis nationes confluebant. Lingua utuntur pene Saxonica. <...> Huic Cassouiae, vicinae sunt Ciuitates aliae liberae: Eperies, Leuchouia, Barthfa, Sibinum: omnes inter loca montosa sitae, quarum incolae eadem, qua Cassouiani utuntur lingua¹.

В первой половине XVI в. Миклош Олах (1493–1568), один из наиболее значительных венгерских ученых-гуманистов своего времени, представил частично идеализированное описание своей родины, в то время раздираемой конфликтами. В сочинении, которое он весьма характерно назвал «*Hungaria et Attila*» («Венгрия и Аттила»), он, с одной стороны, привел географическое описание современного ему королевства, с другой стороны — вспоминал его славное прошлое. Описывая вольные королевские города Верхней Венгрии², наибольшее внимание автор уделит г. Кашша, экономическому и военно-политическому центру региона. Остальные города, то есть Эперьеш, Лёче, Бартфа и Кишсебен, упоминаются в труде скорее фоном к уже представленному описанию главного города области³. При этом он заметил, что для всех описанных им городов характерна одна общая черта: их жители говорят на немецком, точнее, на саксонском языке (*lingua saxonica*). По крайней мере, так языковая ситуация в данных городах выглядела в глазах внешнего наблюдателя. Более тщательное изучение жизни общества в отдельных королевских

¹ *Olahus N. Hungaria et Attila sive de originibus gentis, Regni Hungariae situ, habitu, opportunitatibus et rebus bello paceque ab Attila gesti libri duo* / ed. A.F. Kollarus. Vindobonae: Trattner, 1763. P. 49.

² Термин «Верхняя Венгрия» (*Hungaria Superior*) в тексте употребляется в значении, принятом у современников. В раннее Новое время этим наименованием обозначали территорию северо-восточной части Венгерского королевства (примерно современная территория восточной Словакии, северо-западной Венгрии и Подкарпатской Руси), относящиеся к одноименному военному капитанату и финансово-административной области Сепешской казенной палаты, центром обоих был город Кашша. Эволюцию использования данного названия см. в неопубликованной диссертационной работе: Halaga 1958.

³ Названия городов на территории Венгерского королевства в тексте приводятся в венгерском написании. Список исторических географических названий см. в конце статьи (*прим. редкол.*).

городах, однако, показывает, что языковой узус был более пестрым. Политический идеал единства и сплоченности городского сообщества, столь характерный для той эпохи, отражался в том числе во взглядах на языковую практику, однако сама реальность городской жизни нередко противоречила этому.

В последние десятилетия феномен языка стал в значительной степени предметом исторических исследований. Если прежде ученые занимались скорее собственно лингвистическим анализом, а также описанием эволюции языковой системы, в наше время под влиянием социолингвистики больше внимания уделяется изучению языка в реальном употреблении. Уже стали классическими многочисленные работы британского историка Питера Бёрка, в которых он подчеркнул значимость так называемой исторической социолингвистики и социальной истории языка⁴. Особенно интересным и перспективным представляется проведение такого рода исследований на материале из областей, где на малой территории было противопоставлено не просто несколько вариантов одного и того же языка, но сразу несколько различных языков, существенно отличающихся друг от друга.

Вместе с тем необходимо помнить, что в рамках каждого языка в широком смысле слова существовало, как и сегодня, множество отдельных подсистем, жаргонов и т. п., которые сами по себе выполняли различные социальные и культурные функции. На уровне отдельного пользователя в повседневной практике употребление конкретного языка / языкового идиома зависело от множества факторов, причем не только от образования и языкового опыта индивидуума⁵.

Тем самым язык, выполняя коммуникативную функцию, посредством конкретного своего варианта и его использования в той или иной ситуации передавал определенную информацию. Излишне напоминать, что еще в раннее Новое время люди в определенной степени, сознательно или бессознательно, понимали важную роль языка для формирования и поддержания коллективной идентичности.

⁴ Burke 2004; Burke, Porter (eds.) 1987. Впоследствии Бёрк обозначил многие проблемы, а также способы их решения на примере голландского языка, см.: Burke 2005. Значение так называемого «обращения к языку» (*linguistic turn*) для историографии подчеркнул, например, в инаугурационной лекции при вступлении в должность королевского профессора Р. Эванс. См.: Evans 1998.

⁵ Введением в проблематику социолингвистических исследований может послужить, например.: Trudgill 2004.

Столь же значительная роль приписывалась языку в сфере политики. Обычно в исследованиях, где рассматривается главным образом язык как *politicum*, принято цитировать слова ученых-гуманистов о том, что империя и язык шагают рука об руку, и развитие одного способствует процветанию другого. Открытыми, однако, остаются вопросы, до какой степени подобные рассуждения интеллектуалов находили воплощение в области практической политики и в какой мере соответствующая сфера располагала средствами для эффективного применения формулировок на практике⁶.

Мультиэтническим (и мультилингвальным) характером Венгерское королевство раннего Нового времени дает ученому интересный материал для исследования вопросов, связанных с языковым узусом. Городские сообщества представляют в рамках данного королевства еще более специфический феномен, поскольку на небольшой и сравнительно четко обозначенной территории мы находим языковое разнообразие в его концентрированной форме, что отметили и сами современники⁷. Предметом анализа в данной статье является функционирование союза пяти вольных городов Верхней Венгрии, который образовывали города Кашша, Лёче, Эперьеш, Бартфа и Кишсегбен. В целях защиты своих экономических и политических прав они уже с XV в. тесно сотрудничали друг с другом. Их взаимодействие проявилось в первую очередь в проведении общих собраний, на которых вырабатывалась консолидированная политика по актуальным вопросам и где посланники от городов, стремясь повысить свое влияние, старались выработать коллективные решения, общие для всех собравшихся. Несмотря на это, между ними существовали разногласия, происходили конфликты, и практические результаты таких решений оказывались скромными⁸.

⁶ Различные аспекты проблемы рассматриваются на примере отдельных стран в коллективном труде: Nicklas, Schnettger (Hrsg.) 2007.

⁷ Об этом см., например, высказывание евангелического проповедника Якоба Глатца: «Ни в одной другой стране нет такой мешанины различных народов, религий, образа мыслей, привычек, добродетелей и ошибок, как в Венгрии. Язык, на котором говорят в центре города, не используется на окраинах, там говорят по-немецки, тут — на славянском». Цит. по: *Glatz J. Freymüthige Bemerkungen eines Ungars über sein Vaterland: Auf einer Reise durch einige Ungarische Provinzen. Teutschland* [i. e. Gotha]: [Ettinger], 1799. S. 4. Об авторе см.: Adam, Schelander (Hrsg.) 2010.

⁸ Союз городов уже в ту эпоху назывался Пятиградье (*Pentapolis*), после включения в него во второй половине XVII в. Кешмарка он превратился в Шестиградье, см.:

Со времен высокого Средневековья сообщества горожан формировались по корпоративному принципу. В Венгрии уже в последующую эпоху они приобретали корпоративную идентичность, обусловленную их положением в правовой системе королевства⁹. Ее появление было связано со временем возникновения городских сообществ и получением от венгерских королей со второй половины XIII в. привилегий коммуна так называемых госпитов (*hospites*), то есть колонистов в первую очередь из немецкоговорящих областей Священной Римской империи. В течение последующих столетий некоторые из этих коммун добились широких прав в экономической, правовой и политической сферах. Для сообщества (*universitas*) городов при этом с самого начала идеалом было хотя бы номинальное равенство в правах и совместная защита интересов в рамках политической реальности той эпохи.

Важной стала необходимость единства жителей города в противостоянии с внешним миром, стремление к гармонии внутри сообщества, потребность в различных (главным образом в юридических) документах, создаваемых в городской среде. Вольные королевские города со времен Средневековья стремились выделяться как в физическом, так и в интеллектуальном плане. С одной стороны, важным фактором их топографии становились городские укрепления, которые, помимо своей основной функции, символически отделяли их от деревенского «тыла». С другой стороны, на уровне социальной организации они позиционировались как сообщества горожан, то есть людей, которые соответствовали определенным критериям, приобрели городские права (права горожан), и стали тем самым полноправными членами коммуны с правом активного участия в осуществлении властных полномочий¹⁰. С приходом эпохи гуманизма на данную средневековую основу на уровне политической имагологии дополнительно наслаивалось подражание античной политической (республиканской) традиции¹¹.

Halaga 1982. Об этих городах в контексте венгерской городской политики см.: Nemet 2004.

⁹ Špiesz 1976.

¹⁰ Характерно, что в исследуемый период города Центральной и Восточной Европы трактуются как «закрытые сообщества», см.: Miller 2006.

¹¹ Важную роль в распространении политических идеалов гуманизма в городских коммунах региона сыграл Валентин Эк, ученый-гуманист, который был направлен

Во главе городского самоуправления стоял фогт (лат. *iudex*, нем. *Richter*), сама должность в данном случае указывает на основы института с правами осуществления судебной власти в коммуне поселенцев. Вокруг него формировался обычно городской совет в составе 12 членов (лат. *iurati*, *assessores*, позднее *senatores*). Данная основная структура дополнялась также другими органами власти, в свободных королевских городах это был расширенный городской совет (*centum viri*), который, несмотря на латинское обозначение («сто человек»), имел разное количество членов в зависимости от города и эпохи. В более сложных ситуациях в политическую жизнь включались также остальные горожане¹².

Реальность, однако, зачастую противоречила декларируемым идеям. В случае, если разногласия переходили определенную черту, возникали кризисные ситуации. Дело в том, что не каждый обитатель городского пространства автоматически становился обладателем прав горожанина, и даже те, кто таковыми располагал, на деле в разной степени участвовали в самоуправлении. Городское сообщество в раннее Новое время — равно как и население в целом — было внутренне существенно дифференцировано, при этом отдельные элементы имели неравновесное влияние на развитие сообщества как целостности. В политическом плане привилегированное положение имели все обладатели городских прав, которые, по крайней мере, теоретически располагали возможностью активного и пассивного участия в самоуправлении.

На практике доминировали представители местной элиты, которых можно выделить на основании нескольких критериев. В первую очередь речь идет об их экономическом и социальном положении. В целом можно утверждать, что степень политической активности и вес, которым тот или иной индивидум пользовался в обществе, были прямо пропорциональны размеру его имущества, особенно в период социальной и экономической стабильности. При этом во время значительных перемен, которые отражались в том числе на имущественных взаимоотношениях членов городского сообщества, на этой почве могли возникать конфликты¹³.

в Бартфу в качестве учителя в городской школе, впоследствии стал нотариусом, а затем бургомистром. См.: Kiss 2010.

¹² Szeghyová 2013.

¹³ Miller 2006b.

С тех пор, как в центральноевропейское муниципальное пространство стали проникать гуманизм и Реформация, к городской элите можно причислить также образованные круги. В течение XVI в. в их число вошли протестантские священники, которые, в отличие от служителей традиционной церкви (по крайней мере теоретически), были гораздо более связаны со светскими институтами. Вольные королевские города Верхней Венгрии достаточно быстро отреагировали на происходившее в Священной Римской империи, и уже в первой половине XVI в. отдельные сообщества приступили к модификации своей духовной жизни в реформатском, лютеровско-меланхтоновском ключе. Протестантские священники могли создавать семьи, что приводило к формированию династий, в которых интеллектуальный труд наследовался из поколения в поколение¹⁴. Их члены оказывали непосредственное влияние на формирование идеалов и духовного мировоззрения горожан. В силу семейных связей с представителями старой городской элиты новые священники живо участвовали в решении городских дел¹⁵.

Элита участвовала в городской жизни не только благодаря активной политической деятельности, но и при помощи целенаправленных социальных механизмов. Она имела в сообществе положение и пользовалась всеобщим уважением, ее представители в основном косвенным образом решали, какие культурные модели поведения — к каковым относится в том числе использование языка — будут иметь преимущества и станут инструментом, позволяющим достичь определенного статуса. Путем имитации (как средства) данные образцы распространялись также на низшие слои общественной иерархии и в результате могли стать средством социальной мобильности¹⁶.

¹⁴ Феномен специфического «состояния» лютеранских священников в раннее Новое время уже привлекал внимание исследователей, см., например: Kaufmann 2006: 303–322. Также см. тематическое исследование: Karant-Nunn 1979.

¹⁵ На примере вольных королевских городов Верхней Венгрии см.: Marešková 2000; Marešková 2012. В европейском контексте (в частности, на примере Священной Римской империи) см.: Brady 1998.

¹⁶ Данное явление можно обнаружить и в других регионах, где городская среда, по крайней мере ее элита, в культурном и языковом отношении существенно отличалась от большинства окружающего населения. Например, в Причерноморье функцию элиты выполняли греческие торговцы, при этом повышение социального престижа для болгарских пришельцев означало в первую очередь их «эллинизацию»,

Как уже было упомянуто, большинство городских сообществ Венгерского королевства в правовом плане происходили от коммун переселенцев — по большей части выходцев из немецкоговорящих областей Священной Римской империи, которые наиболее активно стали переселяться на территорию королевства во второй половине XIII в. Следует, однако, отметить, что часто эти новые, привилегированные поселения возникали вблизи уже существовавших населенных пунктов. Для многих королевских городов тем самым можно уже с их возникновения предполагать определенную языковую и этническую двойственность жителей и выделить в них немецкие привилегированные коммуны и автохтонную словацкую часть. Со временем оба подмножества стали сливаться в одно целое, в котором объединялись немецкий внутренний город и словацкие предместья, иногда кварталы. Из налоговых реестров позднего Средневековья мы узнаем о существовании улиц с обозначением «Словацкая» (лат. *platea Slavorum*, нем. *Windischgasse*). Историки, как правило, трактуют их как реликты прежних структур, отсылающих к эпохе возникновения привилегированных городских сообществ¹⁷.

Несмотря на такого рода дуализм, характерный для городов со времени их возникновения, уже в Средние века в отдельных сообществах установилось доминантное и престижное положение немецкой культурной и языковой идентичности. В конце концов, первое наделение правами напрямую относилось к немецким переселенцам, тем самым слияние городской сословной и немецкой культурной идентичностей неудивительно. В демографическом плане такие небольшие городские коммуны, какие существовали в Верхней Венгрии, не были настолько стабильными, и потому естественным образом были подвержены иммиграции извне¹⁸. Традиционно новые жители прибывали либо из других городских общин Венгерского королевства, либо из регионов с немецким населением — из окрестных (например Сепеш/Ципс/Спиш), либо расположенных в других провинциях (особенно из Силезии, но также из иных областей). Кроме того, горожанами становились переселенцы из ближайших окрестностей конкретного города. То, что не все горожане были немецкого

см.: Русев 2014. Выражаю благодарность д-ру К. Голеву из Болгарской академии наук, который обратил мое внимание на это явление.

¹⁷ Halaga 1967.

¹⁸ Miller 2006a: 58–78.

происхождения, по крайней мере в XV–XVI вв., подтверждают данные сохранившихся налоговых реестров городского населения — при именах некоторых жителей встречаются этнические идентификаторы, практически выполнявшие функцию фамилии, например «*Sclavus*», «*Windisch*», «*Unger*», «*Polack*», «*Walach*» и др.¹⁹ К примеру, в Бартфе, которая с возникновения поддерживала интенсивные торговые связи с Польшей, еще в начале XVII в. наиболее частотная фамилия в налоговых реестрах представляла собой варианты слова «*Poliak*»/«поляк»²⁰.

При анализе данного феномена следует, однако, учитывать относительность его соответствия реальным фактам, поскольку в некоторых случаях подобные обозначения могли фигурировать, к примеру, как прозвища²¹. Точно так же речь могла идти о внешней идентификации, с которой сам носитель имени необязательно отождествлял себя. Несмотря на это, подобные явления свидетельствуют о том, что «не-немецкость» воспринималась как нечто необычное, отличающееся от общих ожиданий. Кроме того, в упомянутых налоговых реестрах отсутствуют какие-либо маркеры в форме фамилий, которые номинально отсылали бы к немецкой идентичности.

Немецкий язык и происхождение зачастую оставались важными факторами в политической и экономической жизни городов, как минимум до конца XVII в. В подтверждение можно привести эксплицитную формулировку из г. Сепешсомбат, который хотя и не входил в союз Пятиграда, но находился в том же регионе и в культурном отношении был тесно связан с прочими коммунами. В 1520 г. там было принято распоряжение, согласно которому словак по происхождению мог стать горожанином только в случае, если он сможет защитить самого себя перед судом²².

¹⁹ Налоговые реестры первой половины XV в. опубликованы: Magyarországi városok régi számadáskönyvei. (Selmeczbánya, Pozsony, Besztercebánya, Nagyszombat, Sopron, Bártfa és Körmöczbánya városok levéltáiraiból.) / szerk. L. Fejérpataky Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1885. 684 old.

²⁰ Marečková 1978: 98 (pozn. 6).

²¹ Проблему определения идентичности на основании формы написания имен и фамилий в позднем Средневековье рассматривает Šedivý 2017.

²² MV SR. ŠA PO. Pracovisko Poprad. F. Magistrát mesta Spišská Sobota, Markbuch oder primär Register 1579–1930. Šk. 1. Fol. 225: «Anno 1520 ist beschlossen worden keinen wündischen in diese gemeine vor einen Bürger auff, und anzunehmen, der sich vor gericht nicht selbsten vereden kann». См.: Malovcová 2001/2002.

О том, что знание и использование немецкого языка считалось важным в том числе среди жителей Союза пяти городов, свидетельствует постановление совместного заседания городских представителей от 1571 г. В п. 14 указано, что все города, входящие в союз, обязуются поддерживать и использовать немецкий язык²³. При этом никак не оговорено, что послужило причиной подобного решения, а также каким образом оно воплощалось на практике. Тем не менее это можно расценивать как попытку проведения языковой политики.

Более радикальные требования содержатся в уставах многих ремесленных цехов Лёче. Их членом мог стать лишь тот, кто не только продемонстрировал знание немецкого языка, но и подтвердил свое немецкое происхождение. Поэтому потенциально заинтересованным словацким, польским либо венгерским ремесленникам не позволялось принимать участие в экономической жизни города, поскольку заниматься тем или иным ремеслом было позволено лишь членам соответствующего цеха²⁴.

Известно разбирательство, происходившее в Бартфе в 20-е годы XVI в. Два горожанина, Шимон Ганковски и Лукаш Кишин (Парвус), подали жалобу в королевский суд, так как им запрещали варить пиво, а это занятие в данной коммуне разрешалось только горожанам, обладавшим полными правами. В качестве обоснования запрета члены сообщества заявили, что истцы не владели немецким языком²⁵. Именно в городском сообществе Бартфы во второй половине 20-х годов XVI в. комплекс политических, экономических и религиозных проблем достиг максимального напряжения. В конце концов городской совет в 1530 г. добился от нового венгерского короля — императора Священной Римской империи Фердинанда I Габсбурга (1526–1564 гг.) постановления, согласно которому словакам и полякам было вообще запрещено переезжать на жительство в город. В качестве довода для такого радикального шага приводились различия в языке и нравах, которые могли привести к разобщенности и конфликтам в самом

²³ MV SR. ŠA PO — pracovisko Spišský archív Levoča. F. Magistrát mesta Levoča, XIII/80: «Über der Teüttschen sprach in Stetten treulich und vleissig zuhaltten».

²⁴ Suchý 1974: 286–287. Szende 2009.

²⁵ ŠA PO — pracovisko Bardejov. F. Magistrát mesta Bardejov, sign. 5385 (mandát Eudovíta II. zo 16. marca 1525): «Fidelium nostrorum circumspectorum Simonis Hankowsky et Luce Kyschyn inhabitatorum dicte ciuitatis, <...> quod essent ignorantes lingue Alemane a Braxatione et educillacione ceruise prohibuissetis».

городском сообществе²⁶. В одном из пунктов данного документа эксплицитно выражается мнение, согласно которому язык переплетается с нравственностью и специфической идентичностью.

Все упомянутые меры были направлены на ограничение свободы индивида, что наводит на мысль: социальная мобильность в городских сообществах была для людей не немецкого происхождения существенно затруднена, если вообще возможна. При этом не каждое поставленное условие оказывалось на практике непреодолимым, и не каждое распоряжение выполнялось неукоснительно. Отдельные городские сообщества на практике выглядят более гибкими. Например, в случае с Бартфой не думается, чтобы принятый запрет как-то последовательно претворялся в жизнь. Уже десятилетием позже, в 1543 г., тот же самый император подтвердил более давние привилегии конца XV в., согласно которым подданным из окрестностей позволялось переселяться в город²⁷. Здесь снова можно обратить внимание на уже упомянутую распространенность фамилии «*Poliak*» в начале XVII в.²⁸

В жизни городских сообществ существовали сферы, где гибкость в языковом вопросе была необходима. Например, судебная практика. Об этом свидетельствует постановление городского совета Эперьеша от 1557 г., согласно которому адвокат либо его представитель во время судебного заседания должен был использовать тот же язык, что и обвиняемый, чтобы не возникло недоразумений²⁹. В 1641 г. городской суд в Бартфе отказался принять жалобу местного дворянина Ференца Расливици на венгерском языке. Подателя жалобы вызвали в суд, дабы тот обеспечил ее прочтение на каком-то из более приемлемых языков — с учетом языка, на котором говорил обвиняемый, — в данном случае на словацком либо на латинском³⁰. Кроме того, определенную роль мог играть и тот факт, что жители Бартфы

²⁶ ŠA PO — pracovisko Bardejov. F. Magistrát mesta Bardejov, sign. 6416: «Quemadmodum inter eos iam sepius ob diuersitatem linguarum et nacionum graues fuissent orte dissensiones, fierent eciam modo ex quibus non solum damna sed eciam pericula aliqua communitati euenire tinerent. <...> Predictas duas naciones polonos scilicet et Sclavos ab ingressu morandi et habitandi vt prefertur causa civitatem durante nostro beneplacito: prohibendi habeant potestatem». Опубликовано в: Janota 1862: 142–143.

²⁷ Janota 1862: 141–142.

²⁸ См. прим. 20.

²⁹ Szeghyová 2016: 73.

³⁰ ŠA PO — pracovisko Bardejov. F. Magistrát mesta Bardejov. Knihy, sign. 48 (Magistrátny protokol, 1641–1645). S. 52.

в конкретную эпоху и в конкретном регионе уже сильно ассоциировали носителей венгерского языка и дворянское сословие, которое представляло для городов конкуренцию в политической и экономической области. Даже в сфере экономики ситуация не всегда развивалась столь драматично для ненемецких кандидатов, как это теоретически предполагалось в приведенных примерах. На практике часто существовали исключения, и в цеха, особенно в более открытых городах, каковым был, к примеру, Эперьеш, принимались также ремесленники не немецкого происхождения³¹.

При этом люди, происходившие из иной среды, выучив язык и приняв соответствующие обычаи, могли продвинуться в городском сообществе на более высокие позиции. Об этом свидетельствуют отдельные случаи иноязычных переселенцев или их потомков, овладевших немецким языком и ведущих образ жизни, отвечающий немецкому духу города, что позволило им добиться значительного веса в экономической и политической сферах. Это, естественно, не означало, что они целиком отказались от использования родного языка, они могли говорить на нем в разных ситуациях. В советах городской элиты при этом заседали люди, для которых было важно владение двумя или даже несколькими языками, в том числе и те, для кого немецкий язык был родным. Уже в раннее Новое время в городе родители следили за тем, чтобы их дети освоили также другие языки, имеющие хождение в их среде. Здесь можно привести пример Иоганна Охерлана, горожанина из Бартфы, сенатора и городского фогта рубежа XVII–XVIII вв., который вспоминал, что родители еще в детстве отправляли его на некоторое время в семейные виноградники в токайской области, чтобы там, он, помимо прочего, научился также говорить по-венгерски³².

Специфический случай представляет собой г. Кашша, и не только исключительным положением органов власти. В то время как в остальных городах Верхней Венгрии до конца XVII в. доминирующее положение занимала немецкая элита и в коммунах господствовала немецкая культура, Кашша в начале XVI в. оказалась в более сложной ситуации. Там, равно как в остальных городах, в Средневековье

³¹ Bodnárová, Domenová 2017: 241.

³² Archív Cirkevného zboru ECAV Bardejov. Diarium Ioanni Ocherlani. [шифр и пагинация отсутствуют]. О подобной неформальной практике обучения языку см., например: Kovács 2009.

местная элита и значительная часть горожан были преимущественно немцами, однако уже в эпоху позднего Средневековья — равно как в соседнем Эперьеше — там, наряду со словацкой, существовала также венгерская коммуна. Их внутреннее развитие еще более осложнилось политическими и военными процессами в Венгерском королевстве после битвы 1526 г. при Мохаче. В 1536 г. Кашша попала под контроль Яноша Запольяи (1487–1540 гг.) — конкурента Фердинанда I Габсбурга в борьбе за венгерскую корону. Смена власти заставила эмигрировать около десяти наиболее влиятельных горожан немецкого происхождения, сторонников Фердинанда Габсбурга, которые были на ключевых постах заменены приверженцами Запольяи, многие из которых считали себя венграми. Вновь под скипетр Габсбургов город перешел только в 1552 г., и вместе с габсбургской властью туда вернулись и представители немецких купеческих семейств³³. Такие пертурбации вели к конфликтам, в том числе и в более позднюю эпоху. Поэтому неудивительно, что в городских уставах второй половины XVI — начала XVII в. подчеркивалась необходимость гармоничного сосуществования и сотрудничества между носителями обоих языков. Один из документов сравнивает горожан, говорящих по-немецки и по-венгерски, с командой одного корабля — в их общих интересах взаимодействовать так, чтобы не потопить друг друга³⁴. В этом проявилось стремление к уже упомянутому идеалу единства и кооперации горожан, что в реальных условиях не единожды осложнялось языковыми различиями, которые в Кашше присутствовали более явно, нежели в иных городах.

Важной сферой городской жизни, на которую оказывала влияние языковая практика, были церковные связи. Уже со времен позднего Средневековья известны отрывочные сведения из городов Верхней Венгрии о том, что у каждой из языковых коммун был свой проповедник. С распространением реформационных учений, появление которых было вызвано, среди прочего, необходимостью введения богослужения на языке Священной Римской империи, данная практика перешла на качественно новый уровень. В протоколах церковных

³³ Németh 2007: 150–151; Halaga 1982b.

³⁴ МНЈН: Corpus Staturom. T. 2. Pars 2. (Statuta et articuli municipiorum Hungariae) / ed. S. Kolosvári, K. Óvári. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1890. P. 148–149 (Artikel, 1607): «Weil beide Nationen gleichsam in einem Schiff sein, guts und böses mit einander aszstehen müssen: Concordia enim parvae res crescunt, discordia maxima dilabantur».

собраний Союза Пятиграда, равно как и в городских уставах, зафиксировано требование реформирования религиозной жизни для того, чтобы донести содержание веры — в том числе это касалось литургии, религиозных текстов и духовного образования — на понятном языке³⁵. Во всех городах, помимо основной должности пастора, были введены также должности его помощников, владеющих отдельными языками. Известно о немецких и словацких проповедниках в Барте, Лёче и Кишсебене. В Эперьеше и Кашше появились проповедники для верующих, говоривших по-венгерски³⁶. Таким образом повышался символический статус языков, носители которых прежде часто ограничивались в правах городскими сообществами. Они непосредственно внутри сообществ переходили из сугубо частной сферы на официальный и сакральный уровень.

Такие перемены происходили и под воздействием внешних обстоятельств. Показательным здесь опять является пример Кашши. В первой половине XVII в. город вновь на несколько десятилетий перешел из сферы влияния Габсбургов под власть трансильванских воевод. Связь с Потисьем и Трансильванией вела к усилению венгерского элемента в городских коммунах, а венгерский язык начал заменять немецкий в городской администрации и среди элиты. Менее драматичные изменения происходили в начале XVII в. в Лёче. Известен старый текст присяги времен императора Матиаса (1612–1619 гг.; венгерский король Матяш II (1608–1618 гг.)), которую новоиспеченные горожане приносили на словацком языке. Можно предположить, что такой сдвиг в публичном использовании словацкого языка в городском сообществе стал возможным под влиянием решений Венгерского государственного собрания, которое в 1608 г. уравнило в правах словацких и венгерских горожан с немецкими³⁷.

Наиболее значительное повышение общественного статуса словацкого языка в городах Верхней Венгрии произошло, однако, только

³⁵ В статьях середины XVI в. во втором пункте указано: «*Ceremoniae peragantur eo sermone, quem omnes intelligunt ut omnia cedant, ad aedificationem ecclesiae*». См.: Magyar protestáns egyháztörténeti adattár / szerk. E. Thury. Budapest: Magyar protestáns irodalmi társaság, 1908. Vol. 7. 14. old. Проблема происхождения и датировки документов рассматривается в: Csepregi 2013: 319–333.

³⁶ В случае Кашши, к примеру, акцент делался на проповедь Евангелия: «*Klar und rein, Deuttsch, Hungerisch, und Wyndisch*». См.: МНЖН. Corpus Statutorum. T. 2. Pars 2. P. 95 (Articuli electae communitatis, 1563).

³⁷ Suchý 1974: 288–289; Štolc, Horváth 1951.

в конце XVII в. Именно тогда структура городского самоуправления в политической и экономической областях начала разрушаться под непосредственным влиянием императорского двора и его институтов, проводивших централизацию³⁸. Это влекло за собой ослабление старой городской немецкой элиты, а с ней и социальных механизмов, которые до тех пор функционировали в сообществах. Многие представители старых родов, будучи евангеликами (лютеранами), оказались в новом политическом контексте не востребованы, их отстраняли от власти. Соответственно открывалось пространство для новых горожан, в числе которых находились те, что не были столь тесно связаны с культурным и языковым микрокосмосом городских сообществ. Это, в свою очередь, означало, что соответствующие языки все чаще начинали употребляться в официальной сфере. В последующую эпоху, к примеру, гораздо больше представлены словацкие тексты присяг, и это касалось не только новых горожан, но и введения старых в муниципальные органы власти³⁹.

На примере вольных королевских городов Верхней Венгрии можно наблюдать, что использование языков здесь, равно как и в других регионах, определялось совокупностью факторов. Речь идет не только о том, какой язык квалифицировался каждым отдельным индивидуумом в качестве родного. Важной здесь также была символическая и практическая роль, которую играл тот или иной язык. Так, употребление одного — в случае городов немецкого — открывало путь к продвижению по социальной лестнице, часто даже непосредственно его обуславливало. В свою очередь, горожанин, не будучи немцем по происхождению, после того как занимал более высокое положение в обществе, мог косвенно, а при определенных обстоятельствах и напрямую способствовать повышению престижа своего родного языка. В период Реформации специфические варианты некоторых языков приобретали определенную степень сакрализации, им открывалась дальнейшая возможность влиять на социальную сферу. Процитированное в качестве эпиграфа утверждение Миклоша Олаха о том, что горожане говорили на «саксонском» языке, одновременно и справедливо, и нет. С одной стороны, мы видели, что городские сообщества

³⁸ Németh 2014: 443–448; Németh 2009.

³⁹ Benka 2018. Тексты опубликованы в: Monumenta Linguae Slovacae. Vol. I.I: Prísazné formuly zo 16.–18. storočia / ed. P. Benka, M. Homza, P. Žigo. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 2018. 381 p.

Верхней Венгрии в XV–XVII в. сами себя идентифицировали в качестве немецких, и их представители стремились сохранить этот статус. С другой стороны, повседневная жизнь и самая сущность конкретных сообществ приносили с собой различные вызовы, вынуждавшие их участников искать решения, часто в форме компромиссов, ради практической пользы общего дела. В каждой конкретной ситуации любой из языков или его вариант не терял функцию средства общения. Если индивид располагал несколькими подобными средствами, это играло ему лишь на пользу. (Не)использование того или иного языка в конечном счете зависело от общей оценки ситуации и выгоды либо риска, который могли получить пользователи.

Перевод со словацкого Д. Ю. Ващенко

Список исторических географических названий

Бартфа — ныне Бардеёв в Словакии, в немецкой традиции Бартфельд
Кашша — ныне Кошице в Словакии, в немецкой традиции Кашау
Кешмарк — ныне Кежмарок в Словакии, в немецкой традиции Кэзмарк
Кишсебен — ныне Сабинов в Словакии, в немецкой традиции Цебен
Лёче — ныне Левоча в Словакии, в немецкой традиции Лойчау
Сепеш — ныне Спиш в Словакии, в немецкой традиции Ципс
Сепешсомбат — ныне Спишска Собота в Словакии, в немецкой традиции
Георгенберг
Эпереш — ныне Прешов в Словакии, в немецкой традиции Эпериес

Список сокращений

MŮJH — Monumenta Hungariae Juridico-Historica
MV SR — Ministerstvo vnútra Slovenskej republiky, Bratislava
ŠA PO — Štátny archív Prešov

Литература

- Русев 2014 — *Русев И.* Бяла и районът в ранния османски период (XV–XIX в.). По въпроса за етническия произход на местното население // Приноси към историята на град Бяла. От древността до 1878 г./съст. и ред. В. Йотов. Варна: Онгъл, 2014. С. 237–310.
- Adam, Schelander (eds.) 2010 — Jakob Glatz. Theologe — Pädagoge — Schriftsteller / hrsg. von G. Adam, R. Schelander. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010. 123 S.

- Benka 2018 — *Benka P.* Mestské prisahy v Bardejove v ranom novoveku ako prameň kultúrnych a sociálnych dejín // Historický časopis. 2018. R. 66. Č. 1. S. 27–54.
- Bodnárová, Domenová 2017 — *Bodnárová M., Domenová M.* Prešov od stredoveku do konca 16. storočia // Dejiny Prešova / zos. P. Kónya. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity, 2017. T. 1. S. 137–294.
- Brady 1998 — *Brady Th.A.* Communities, politics, and Reformation in early modern Europe. Leiden: Brill, 1998. 494 p.
- Burke 2004 — *Burke P.* Languages and communities in early modern Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 210 p.
- Burke 2005 — *Burke P.* Towards a social history of early modern Dutch. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2005. 36 p.
- Burke, Porter (eds.) 1987 — The social history of language / ed. by P. Burke, R. Porter. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 219 p.
- Csepregi 2013 — *Csepregi Z.* A reformáció nyelve. Tanulmányok a magyarországi reformáció első negyedszázadának vizsgálatára alapján. Budapest: Balassi kiadó, 2013. 560 old.
- Evans 1998 — *Evans R.J.W.* The Language of history and the history of language: An inaugural lecture. Oxford: Oxford University Press, 1998. 34 p.
- Halaga 1958 — *Halaga O.R.* Košická administratívna oblasť za feudalizmu. Košice, 1958. 159 s. (рукопись).
- Halaga 1967 — *Halaga O.R.* «Ius Scavorum» a «Platea Scavorum» stredovekých miest Uhorska // Historické štúdie. 1967. R. 12. S. 123–153.
- Halaga 1982a — *Halaga O.R.* Pentapolis — ostslowakische Städtegemeinschaft und ihre Handwerkerbünde // Městské právo v 16. — 18. století v Evropě / red. K. Malý. Praha: Univerzita Karlova, 1982. S. 41–52.
- Halaga 1982b — *Halaga O.R.* Vývoj jazykovo-národnostnej štruktúry Košíc // Historický časopis. 1982. R. 30. Č. 4. S. 3–20.
- Janota 1862 — *Janota E.* Bardyjów. Historiczno-topograficzny opis miasta i okolicy. Kraków: Drukarnia c. k. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1862. 222 s.
- Karant-Nunn 1979 — *Karant-Nunn S.C.* Luther's pastors: The Reformation in the Ernestine countryside. Philadelphia: The American Philosophical Society, 1979. 79 p.
- Kaufmann 2006 — *Kaufmann Th.* Konfession und Kultur: Lutherischer Protestantismus in der zweiten Hälfte des Reformationsjahrhunderts. Tübingen: Mohr Siebeck, 2006, 522 S.
- Kiss 2010 — *Kiss F.G.* Humanist ethics and urban patriotism in Upper Hungary in the early sixteenth century (Valentin Eck's *De Reipublicae Administratio-ne*) // Whose love of which country? Composite states, national histories and patriotic discourses in early modern East Central Europe / ed. by B. Trencsényi, M. Zászkaliczky. Leiden: Brill, 2010. P. 131–148.

- Kovács 2009 — *Kovács T.* Das Debrecener reformierte Kollegium und die Deutsche Sprache: Sprachstudium in zielsprachiger Umgebung // «Nezameniteľné je dedičstvo otcov» / zos. P. Kónya. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity, 2009. S. 349–360.
- Malovcová 2001/2002 — *Malovcová B.* Vznik a charakter najstaršej zachovanej spiškosobotskej mestskej knihy z rokov 1579–1930 // *Z minulosti Spiša: Ročenka Spišského dejepisného spolku v Levoči* / red. F. Žifčák. Levoča: Spišský dejepisný spolok, 2001/2002. R. 9–10. S. 119–129.
- Marečková 1978 — *Marečková M.* Společenská struktura Bardějova v I. polovině XVII. století. Brno: Univerzita J. E. Purkyně, 1978. 227 s.
- Marečková 2000 — *Marečková M.* Sociální struktura Bardějova v první polovině 17. století a majetkové poměry evangelických duchovních // *Prvé augsburské vyznanie viery na Slovensku a Bardejov* / zos. P. Kónya. Prešov: Biskupský Úrad Východného Dištriktu Evanjelickej Cirkvi A. V. na Slovensku, 2000. S. 93–98.
- Marečková 2012 — *Marečková M.* Společenské postavení duchovních ve východoslovenských městech v 17. století // *Historia Ecclesiastica*. 2012. R. 3. Č. 1. S. 77–83.
- Miller 2006a — *Miller J.* Uzavřená společnost a její nepřátelé: Město středovýchodní Evropy (1500–1700). Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2006. 464 s.
- Miller 2006b — *Miller J.* Problém integrity: Úvaha o sociálních konfliktech v raněnovověkých městech a městské autonomii v kontextu reformace // *Historický časopis*. 2006. R. 54. Č. 3. S. 385–418.
- Németh 2004 — *Németh I. H.* Várospolitikai és gazdaságpolitikai a 16. – 17. századi Magyarországon: 2 köt. Budapest: Gondolat, 2004. 921 old.
- Németh 2007 — *Németh I. H.* Städte zwischen zwei Königen: die politische Aktivität des oberungarischen Städtebundes zwischen 1526 und 1536 // *Maria von Ungarn (1505–1558): Eine Renaissancefürstin* / hrsg. von M. Fuchs, O. Réthelyi. Münster: Aschendorff, 2007. S. 133–152.
- Németh 2009 — *Németh I. H.* Pre-modern state urban policy at a turning point in the Kingdom of Hungary: The elections to the town council // *Urban elections and decision-making in early modern Europe, 1500–1800* / ed. by R. Schlögl. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. P. 276–299.
- Németh 2014 — *Németh I. H.* Unterdrückung oder Reform. Die Rekatholisierung in den ungarischen königlichen Freistädten // *Město v převratech konfesionalizace v 15. až 18. století* / red. V. Ledvinka. Praha: Scriptorium, 2014. S. 435–450.
- Nicklas, Schnettger (Hrsg.) 2007 — *Politik und Sprache im frühneuzeitlichen Europa* / hrsg. von T. Nicklas, M. Schnettger. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2007. 184 S.
- Szeghyová 2013 — *Szeghyová B.* Úradníci a zamestnanci súdnej samosprávy v mestách Pentapolitany v 16. storočí // *Historické štúdie*. 2013. R. 47. S. 73–88.

- Szeghyová 2016 — *Szeghyová B.* Súdnictvo a súdna prax v mestách Pentapolitany v 16. storočí. Bratislava: VEDA, 2016. 188 s.
- Šedivý 2017 — *Šedivý J.* Poučenie z krízového vývoja v stredovekej scholastike alebo esej o nás stredovekároch // *Forum Historiae*. 2017. R. 1. URL: <http://forumhistoriae.sk/documents/10180/67648/Sedivy.pdf> (дата обращения: 15.11.2019).
- Špiesz 1976 — *Špiesz A.* Panovnícka moc a mestská samospráva vo východnej časti strednej Európy za feudalizmu // *Historický časopis*. 1976. R. 24. Č. 4. S. 497–515.
- Štolc, Horváth, 1951 — *Štolc J., Horváth P.* Levočské prísazné formuly zo XVI. — XIX. storočia // *Jazykovedný zborník Slovenskej akadémie vied a umení* / red. Š. Peciar. Bratislava: Nakladateľstvo SAVU, 1951. S. 190–196.
- Suchý 1974 — *Suchý M.* Dejiny Levoče, 1. Košice: Východoslovenské vydavateľstvo, 1974. 399 s.
- Szende 2009 — *Szende K.* Integration through language. The multilingual character of late medieval Hungarian towns // *Segregation — integration — assimilation. Religious and ethnic groups in the medieval towns of Central and Eastern Europe* / ed. by D. Keene, B. Nagy, K. Szende. Farnham: Ashgate, 2009. P. 205–233.
- Trudgill 2000 — *Trudgill P.* Sociolinguistics: An introduction to language and society. London: Penguin Books, 2000. 240 p.

References

- Adam, G., Schelander, R., eds., 2010. *Jakob Glatz. Theologe — Pädagoge — Schriftsteller*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 123 p.
- Benka, P., 2018. Mestské prisahy v Bardejove v ranom novoveku ako prameň kultúrnych a sociálnych dejín. *Historický časopis*, 66, 1, pp. 27–54.
- Bodnárová, M., Domenová, M., 2017. Prešov od stredoveku do konca 16. storočia. In: Kónya P., ed. *Dejiny Prešova*, 1. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity, pp. 137–294.
- Brady, Th.A., 1998. *Communities, politics, and Reformation in early modern Europe*. Leiden: Brill, 494 p.
- Burke, P., 2004. *Languages and communities in early modern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 210 p.
- Burke, P., 2005. *Towards a social history of early modern Dutch*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 36 p.
- Burke, P., Porter, R., eds., 1987. *The social history of language*. Cambridge: Cambridge University Press, 219 p.
- Csepregi, Z., 2013. *A reformáció nyelve. Tanulmányok a magyarországi reformáció első negyedszázadának vizsgálatára alapján*. Budapest: Balassi kiadó, 560 p.

- Evans, R. J. W., 1998. *The language of history and the history of language: An inaugural lecture*. Oxford: Oxford University Press, 34 p.
- Halaga, O. R., 1958. *Košická administratívna oblasť za feudalizmu*. Košice, 1958. 159 p. (manuscript).
- Halaga, O. R., 1967. "Ius Sclavorum" a "Platea Sclavorum" stredovekých miest Uhorska. *Historické štúdie*, 12, pp. 123–153.
- Halaga, O. R., 1982. Pentapolis — ostslowakische Städttegemeinschaft und ihre Handwekerbünde. In: Malý, K., ed. *Městské právo v 16. — 18. století v Evropě*. Praha: Univerzita Karlova, pp. 41–52.
- Janota, E., 1862. *Bardujów. Historiczno-topograficzny opis miasta i okolicy*. Kraków: Drukarnia c. k. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 222 p.
- Karant-Nunn, S. C., 1979. *Luther's pastors: The Reformation in the Ernestine countryside*. Philadelphia: The American Philosophical Society, 79 p.
- Kaufmann, Th., 2006. *Konfession und Kultur: Lutherischer Protestantismus in der zweiten Hälfte des Reformationsjahrhunderts*. Tübingen: Mohr Siebeck, 522 p.
- Kiss, F. G., 2010. Humanist ethics and urban patriotism in Upper Hungary in the early sixteenth century (Valentin Eck's De Reipublicae Administratione). In: Trencsényi, B., Zászkaliczky, M., eds. *Whose love of which country? composite States, National Histories and Patriotic Discourses in Early Modern East Central Europe*. Leiden: Brill, pp. 131–148.
- Kovács, T., 2009. Das Debrecener reformierte Kollegium und die Deutsche Sprache: Sprachstudium in zielsprachiger Umgebung. In: Kónya, P., ed. *"Nezameniteľné je dedičstvo otcov"*. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity, pp. 349–360.
- Malovcová, B., 2001/2002. Vznik a charakter najstaršej zachovanej spiškosobotskej mestskej knihy z rokov 1579–1930. In: Žifčák, F., ed. *Z minulosti Spiša: Ročenka Spišského dejepisného spolku v Levoči*. Levoča: Spišský dejepisný spolok, 9–10, pp. 119–129.
- Marečková, M., 1978. *Spoločenská štruktúra Bardějova v I. polovine XVII. storočia*. Brno: Univerzita J. E. Purkyně, 227 p.
- Marečková, M., 2000. Sociálna štruktúra Bardějova v prvej polovine 17. storočia a majetkové pomery evanjelických duchovných. In: Kónya, P., ed. *Prvé augsburské vyznanie viery na Slovensku a Bardejov*. Prešov: Biskupský Úrad Východného Dištriktu Evanjelickej Cirkvi A. V. na Slovensku, pp. 93–98.
- Marečková, M., 2012. Spoločenské postavenie duchovných vo východoslovenských mestech v 17. storočí. *Historia Ecclesiastica*, 3 (1), pp. 77–83.
- Miller, J., 2006a. Uzavřená společnost a její nepřátelé: Město středovýchodní Evropy (1500–1700). Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 464 p.
- Miller, J., 2006b. Problém integrity: Úvaha o sociálních konfliktech v raněnovověkých městech a městské autonomii v kontextu reformace. *Historický časopis*, 54 (3), pp. 385–418.

- Németh, I. H., 2004. *Várospolitikai és gazdaságpolitika a 16. – 17. századi Magyarországon*: 2 vols. Budapest: Gondolat, 921 p.
- Németh, I. H., 2007. Städte zwischen zwei Königen: die politische Aktivität des oberungarischen Städtebundes zwischen 1526 und 1536. In: Fuchs, M., Réthelyi, O., eds. *Maria von Ungarn (1505–1558): Eine Renaissancefürstin*. Münster: Aschendorff, pp. 133–152.
- Németh, I. H., 2009. Pre-modern state urban policy at a turning point in the Kingdom of Hungary: The elections to the town council. In: Schlögl, R., ed. *Urban elections and decision-making in early modern Europe, 1500–1800*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, pp. 276–299.
- Németh, I. H., 2014. Unterdrückung oder Reform. Die Rekatholisierung in den ungarischen königlichen Freistädten. In: Ledvinka, V., ed. *Město v převratech konfesionalizace v 15. až 18. století*. Praha: Scriptorium, pp. 435–450.
- Nicklas, T., Schnettger, M., eds., 2007. *Politik und Sprache im frühneuzeitlichen Europa*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 184 p.
- Rusev, I., 2014. Byala i rayonat v ranniya osmanski period (XV–XIX v.). Po vaprosa za etnicheskiya proizhod na mestnoto naselenie [Byala and the region in the early Ottoman period (from the fifteenth to the nineteenth century). On the ethnic origin of the local population]. In: Yotov, V., ed. *Prinosi kam istoriyata na grad Byala. Ot drevnostta do 1878 g.* [Contributions to the history of Byala. From antiquity to 1878]. Varna: Ongal, pp. 237–310.
- Šedivý, J., 2017. Poučenie z krízového vývoja v stredovekej scholastike alebo esej o nás stredovekárach. *Forum Historiae*, 1. URL: <http://forumhistoriae.sk/documents/10180/67648/Sedivy.pdf> (accessed: 15.11.2019).
- Špiesz, A., 1976. Panovnícka moc a mestská samospráva vo východnej časti strednej Európy za feudalizmu. *Historický časopis*, 24, 4, pp. 497–515.
- Štolc, J., Horváth, P., 1951. Levočské prísahné formuly zo XVI. – XIX. storočia. *Jazykovedný zborník Slovenskej akadémie vied a umení* / red. Š. Peciar. Bratislava: Nakladateľstvo SAVU, pp. 190–196.
- Suchý, M., 1974. *Dejiny Levoče*, 1. Košice: Východoslovenské vydavateľstvo, 399 p.
- Trudgill, P., 2000. *Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society*. London: Penguin Books. 240 p.
- Szende, K., 2009. Integration through language. The multilingual character of late medieval Hungarian towns. In: Keene, D., Nagy, B., Szende, K., eds. *Segregation – integration – assimilation. Religious and ethnic groups in the medieval towns of Central and Eastern Europe*. Farnham: Ashgate, pp. 205–233.
- Szeghyová, B., 2013. Úradníci a zamestnanci súdnej samosprávy v mestách Pentapolitany v 16. storočí. *Historické štúdie*, 47, pp. 73–88.
- Szeghyová, B., 2016. *Súdnictvo a súdna prax v mestách Pentapolitany v 16. storočí*. Bratislava: VEDA, 2016. 188 p.

Peter Benka

PhD, Researcher, Department of Slovak History, Faculty of Arts,
Comenius University in Bratislava, Bratislava, Slovakia. 814 99,
Šafárikovo námestie 6. E-mail: peter.benka@uniba.sk

Many languages — one town: royal free towns of Upper Hungary

Early modern Hungarian society was characterised by the presence of multiple different languages. This was especially true for the kingdom's urban communities where speakers of various tongues encountered each other in relatively small physical spaces. In this paper, the case of the Upper Hungarian royal free towns is discussed. As a result of the towns' origins and late medieval development, the communities of burghers, and especially local elites, tended to cultivate their German cultural and linguistic identities. Moreover, in their political imagination, an especially important role was played by the ideals of communal harmony and unity. However, each of the towns was opened to the immigration of new inhabitants, who in many cases were people of non-German origin, and who thus presented potential sources of disharmony. Various measures were therefore developed to address the situation, ranging from the gradual integration of newcomers into the cultural fabric of every community to punitive measures aimed at excluding those ignorant of a specific language from positions of economic or political influence. An important phenomenon occurred with the Reformation with its stress on more prominent use of vernacular language in worship. The mainly indirect impact of larger political developments on the local sociolinguistic situation is also mentioned.

Keywords: royal free towns of Upper Hungary, early modern urban communities, multilingualism, historical sociolinguistics, use of vernacular

Мария Александровна Петрова

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия. 119334, Ле-
нинский проспект 32А. E-mail: maria.petrova@bk.ru

Языковые практики российских и австрийских дипломатов во второй половине XVIII в.

Статья посвящена феномену полиглоссии в международном сообществе дипломатов, для которых владение одним или несколькими иностранными языками было необходимостью, а общение на иностранном языке — неотъемлемой частью повседневной жизни. Языковые практики российских и австрийских дипломатов рассматриваются в контексте языковой политики Екатерины II, Марии Терезии и ее сына Иосифа II, последовательно проводивших в своих державах реформы в поддержку общегосударственного языка — соответственно русского и немецкого. Эти реформы были во многом обусловлены возросшим значением французского языка в придворных и образованных кругах Европы, ставшего к середине XVIII в. основным языком международного общения. В центре исследования — проблема выбора, который русские по происхождению и австрийские дипломаты делали в пользу родного или французского языка при составлении донесений и писем на имя монарха или руководства внешнеполитических ведомств. Поскольку в российской Коллегии иностранных дел служило немало иностранцев, французский и русский языки в ее делопроизводстве были равноправны. Их использование в переписке зависело от предпочтений руководителей ведомства, личного опыта и привычек дипломатических представителей, в ряде случаев — от предмета переписки. В делопроизводстве австрийской Государственной канцелярии французский язык в официальных донесениях использовался гораздо реже, чем немецкий, но довольно часто в полуофициальной, балансирующей на грани личной, переписке с монархами или высокопоставленными должностными лицами, чтобы установить с ними доверительный контакт. Существенный вывод, сделанный в ходе исследования, состоит в том, что анализ языковых практик российских и австрийских дипломатов требует изучения языковых компетенций и обязанностей сотрудников миссий.

Ключевые слова: международные отношения, дипломатическая переписка, выбор языка, профессиональная терминология, российская Коллегия иностранных дел, австрийская Государственная канцелярия

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России» (подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление»).

В многонациональном сообществе дипломатов владение одним или несколькими иностранными языками является необходимостью, а общение на иностранном языке — неотъемлемой частью повседневной жизни. До середины XVII в. основным языком международного общения в Европе оставалась латынь, но уже с этого времени ее начал постепенно вытеснять французский язык, что было во многом связано с усилением могущества Франции в эпоху Людовика XIV, возросшим значением ее культуры в придворных и образованных кругах. К середине XVIII ст. французский язык не только служил средством внешней коммуникации дипломатов — с представителями двора пребывания и иностранными коллегами, но и входил во внутреннюю переписку внешнеполитических ведомств. Параллельно совершенствовалось и стандартизировалось делопроизводство на общегосударственных языках, для которых европейские правительства разрабатывали специальные меры поддержки. Важным в этой связи представляется опыт многонациональных государств — Австрийской монархии и Российской империи, где полигlossия (многоязычие, мультилингвизм) была нормой.

С первых лет правления Мария Терезия (1740–1780 гг.) последовательно расширяла в наследственных землях сферу применения немецкого языка, инициировав его реформу, целью которой было «создание ясного грамматически нормализованного, синтаксически и стилистически простого способа выражения мыслей в новых условиях эпохи Просвещения»¹. Императрица пригласила в Вену Иоганна Кристофа Готтшеда (1700–1766), уроженца Кёнигсберга, большую часть жизни прожившего в саксонском Лейпциге, автора многократно переиздававшейся грамматики немецкого языка («*Grundlegung einer deutschen Sprachkunst*», 1748)². С 1774 г. во владениях Габсбургов постепенно вводилось всеобщее начальное образование, основным языком преподавания стал немецкий. Сын Марии Терезии — Иосиф II (1780–1790 гг.) — декретом о языке 1784 г. повелел заменить латынь на немецкий в органах государственного управления во всех своих владениях, по сути сделав его «инструментом, сплывающим

¹ Так эту цель сформулировал в 1751 г. Иоганн Генрих Готтлиб Юсти (1717–1771), первый профессор красноречия (*Beredsamkeit*) знаменитого венского Терезианума. См.: Besch, Betten, Reichmann, Sonderregger (Hrsg.) 2003: 2278, 2367–2368.

² Evans 2004: 5–8.

этнические сообщества Габсбургской монархии и ее управленческие элиты»³.

В Российской империи меры поддержки русского языка затрагивали преимущественно сферу образования. В 1766 г. трудами Ивана Ивановича Бецкого (1704–1795) русский язык стал обязательным для изучения в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе; в 1768 г. Екатерина II разрешила читать лекции в Московском университете на русском языке⁴, фактически придав ему статус основного языка в преподавании. В конце 1770-х годов началось создание системы начальных учебных заведений. Приступившая в 1782 г. к работе Комиссия об учреждении народных училищ под руководством австрийского серба Теодора Янковича де Мириево (1741–1814) за несколько лет подготовила комплект учебников по разным дисциплинам на русском языке⁵. В 1783 г. в Петербурге по образцу Французской академии открылась так называемая Академия Российская как центр по изучению русского языка и словесности, главной целью которой стало создание словаря русского языка⁶. Примечателен также указ Правительствующего Сената от 9 сентября 1773 г. «О прилежании Российскому юношеству к совершенному познанию Немецкого языка, а гражданским чиновникам в Немецких Провинциях к изучению языка Российского». Стимулом к такому прилежанию должны были стать преимущества при продвижении по карьерной лестнице⁷.

Современная историография проявляет интерес не только к языковой политике европейских монархов эпохи Просвещения, но и к процессам распространения и использования иностранных языков в различных сферах общественной (управлении, науке, образовании, культуре) и частной жизни. Анализируя языковые практики и факторы перехода с родного языка на иностранный и обратно (*code-switching*), историки размышляют о роли иностранных языков в формировании национальной и социальной идентичности представителей отдельных этнических и социальных групп — главным

³ Хаванова 2018: 304.

⁴ Белявский 1995: 192.

⁵ Воронов 1858.

⁶ См. подробнее: Offord, Argent, Rjéoutski 2015: 25–45.

⁷ ПСЗ. Собрание 1. М., 1830. Т. 19. № 14036. С. 818–819.

образом тех, кто принадлежал к привилегированным слоям населения⁸.

Дипломатический материал в изучении рассматриваемой проблематики еще только начинает привлекать внимание специалистов. В. Ржеуцкий, Д. Оффорд и Ж. Аржан проследили основные особенности использования латинского, немецкого и французского языков в международных договорах, заключенных Россией в конце XVII — начале XIX вв., и в делопроизводстве российского внешнеполитического ведомства — Коллегии иностранных дел — с момента ее создания Петром I в 1718 г.⁹ Кроме того, В. Ржеуцкий показал, что уже в первой половине XVIII в. некоторые русские по происхождению дипломаты начали использовать французский язык в переписке с русскими коллегами¹⁰.

В статье сравниваются языковые практики и стратегии российских и австрийских дипломатов второй половины XVIII в. на основе изучения отдельных, наиболее ярких примеров, с которыми мне удалось познакомиться в ходе работы с дипломатической перепиской в Архиве внешней политики Российской империи, Российском государственном архиве древних актов в Москве и Австрийском государственном архиве в Вене. В центре исследования — проблема выбора между родным и французским языком, который российские и австрийские дипломаты делали при составлении официальных донесений и частных писем, адресованных монархам и руководителям внешнеполитических ведомств. Представленные выводы следует считать предварительными ввиду огромного объема документов, который еще предстоит обработать.

К концу правления Екатерины II Россия имела 25 постоянных миссий в Европе¹¹, не считая консульских. Через них прошло около 100 дипломатов, включая советников посольства, которые становились главами миссии на время отпуска или отъезда министра.

⁸ См. например: Häberlein, Keese (Hrsg.) 2010; Rjéoutski, Frijhoff (eds.) 2018; Glück, Häberlein, Flurschütz da Cruz (Hrsg.) 2019.

⁹ Offord, Rjéoutski, Argent 2018: 263–326 (глава 5 «French in diplomacy and other official domains»); Rjeoutski, Offord, Argent 2019.

¹⁰ Ржеуцкий 2017.

¹¹ Вена, Берлин, Стокгольм, Копенгаген, Париж, Лондон, Гаага, Константинополь, Варшава, Мадрид, Гамбург, Данциг, Регенсбург, Митава, Дрезден, Турин, Эйтин, Флоренция (позже Пиза), Неаполь, Лиссабон, Франкфурт-на-Майне, Генуя, Мальта, Мюнхен.

Примерно половина дипломатов, служивших в Коллегии иностранных дел, были иностранного происхождения. К таковым можно отнести не только подданных иностранных государств (главным образом германских и итальянских), но и выходцев из Остзейских губерний Российской империи в первом или втором поколении, для которых родным был немецкий язык. Опыт каждого дипломата уникален, но поскольку их объединяет род занятий и необходимость подолгу находиться вне привычной языковой среды, то некоторые закономерности в реализации языковых стратегий все-таки можно проследить. Статья основывается на материалах миссий в Вене, Берлине, Регенсбурге, Гамбурге, Франкфурте-на-Майне, Гааге, Константинополе.

В Коллегии иностранных дел существовало неписаное правило — реляции на имя монарха составлять на родном языке: русские по происхождению дипломаты делали это на русском языке, дипломаты иностранного происхождения — на немецком или итальянском. Отступления от правила обычно приходилось объяснять. Так, граф Николай Петрович Румянцев (1754–1826), направляясь к месту службы во Франкфурт-на-Майне проездом через Вену, в апреле 1782 г. удостоился личных встреч с императором Иосифом II. Реляцию о первой беседе он составил Екатерине II по-французски, на что обратил внимание в сопроводительном письме вице-канцлеру И. А. Остерману (1725–1811) на русском языке («дабы сохранить всю точность изречений договора моего с Императором»¹²). Подробности второй встречи были изложены императрице по-русски¹³. Во всяком случае, до начала 1790-х годов реляции, составленные по-немецки и по-итальянски, исправно переводились на русский язык сотрудниками Секретной экспедиции (об этом свидетельствуют, например, документы миссии в Регенсбурге, куда русских назначали крайне редко). При этом в 1750-е годы рескрипты и инструкции для дипломатов германского происхождения могли составляться на немецком языке и лишь потом переводиться на русский¹⁴.

¹² Н. П. Румянцев — И. А. Остерману, 3 (14) апреля 1782 г., Франкфурт // АВПР. Ф. 92. Сношения России с Франкфуртом-на-Майне. Оп. 2. Д. 3. Л. 32.

¹³ Н. П. Румянцев — Екатерине II, Франкфурт, 8 (29) мая 1782 г. // Там же. Л. 43–45об.

¹⁴ См., например, проекты инструкции и рескриптов резиденту в Регенсбурге Георгу Генриху Бютнеру за 1756–1757 гг., составленные на немецком языке, и их черновые переводы на русский язык: Там же. Ф. 83. Сношения России с имперским собранием.

С руководством Коллегии иностранных дел русские по происхождению дипломаты переписывались как на русском, так и на французском языках, а дипломаты иностранного происхождения — преимущественно на французском¹⁵. В 1750-е — первой половине 1760-х годов депеши и письма, составленные на французском языке, переводились на русский, но с середины 1760-х годов эта практика постепенно сходит на нет, что свидетельствует об упрочении позиций французского языка в российском внешнеполитическом ведомстве. В екатерининскую эпоху росло число рескриптов и различного рода инструктивных документов, составленных по-французски¹⁶. При этом 22 декабря в 1787 г. императрица издала циркулярный рескрипт, предписывавший всем служившим за границей «природным россиянам» писать донесения на ее имя и в Коллегию иностранных дел, а также использовать в переписке между собой русский язык, «исключая только те случаи, где существо дела, предстоящего к их донесению, взыскивать будет точного сохранения слов языка, на котором оное трактовано было»¹⁷. Влияние этого указа на языковую практику российских дипломатов нуждается в дополнительных исследованиях. Но, судя по опубликованной подборке донесений за 1789 г., они не спешили исполнять полученные предписания, продолжая чередовать русский и французский¹⁸.

Для официальных дипломатических донесений не характерны переход с языка на язык и использование отдельных слов на другом языке в рамках одного текста. Таким образом, приступая к работе над донесением, дипломату нужно было сразу принять решение, на каком языке писать. Процесс принятия подобных решений в источниках почти не отражен. Тем не менее попытаемся выделить факторы, оказывающие влияние на языковые практики.

Оп. 1. 1756 Д. 2. Установить составителя рескриптов по почерку пока не удалось. Можно предположить, что канцлер А. П. Бестужев-Рюмин, хорошо владевший немецким языком, диктовал рескрипты кому-то из сотрудников Секретной экспедиции.

¹⁵ Существуют и примеры систематической переписки на русском языке среди дипломатов — остзейских немцев, например Карла Матвеевича Симолина и Христофора Ивановича Петерсона.

¹⁶ Offord, Rjéoutski, Argent 2018: 291.

¹⁷ АВП РИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 6. 1787. Д. 702. Л. 10.

¹⁸ Международные отношения в начальный период Великой французской революции (1789): сборник документов из Архива внешней политики МИД СССР / под ред. А. Л. Нарочницкого. М.: Наука, 1989.

Всякая переписка подразумевает общение двух человек. В нашем случае это переписка между начальником и подчиненным, поэтому личность адресата дипломатических донесений, который должен понять их содержание, иногда имеет куда большее значение, чем личность отправителя, чья деятельность *a priori* требует знания иностранных языков.

В первые годы правления Екатерины II главой Коллегии иностранных дел официально до 1765 г., а фактически до октября 1763 г. был канцлер Михаил Илларионович Воронцов (1714–1767), затем с 1763 по 1781 г. — Никита Иванович Панин (1718–1783, граф с 1767 г.), назначенный первоприсутствующим и даже после отставки Воронцова не получивший чин канцлера. Второй по значимости пост вице-канцлера занимали с 1762 по 1774 г. князь Александр Михайлович Голицын (1723–1807), а с 1775 по 1796 г. — Иван Андреевич Остерман. Когда в 1781 г. Панина вынудили уйти в отставку, Остерман стал президентом Коллегии иностранных дел (также без чина канцлера), но наибольшее влияние на внешнеполитические дела имел секретарь Екатерины II и с 1784 г. второй член Коллегии Александр Андреевич Безбородко (1747–1799, граф с 1785 г., светлейший князь с 1797 г.).

Из пяти указанных деятелей М.И. Воронцов и А.А. Безбородко не имели опыта дипломатической службы, но вполне справлялись с обязанностями по ведению переговоров и неформальному общению с представителями дипломатического корпуса. При этом Воронцов, вероятно, согласился бы с мнением прусского посланника в Петербурге А.А. Мардефельда, высказанном в 1746 г., что прескверно изъясняется на немецком и французском языках¹⁹, поскольку в 1757 г. сам просил фаворита Елизаветы Петровны И.И. Шувалова (1727–1797) оказать снисхождение своему «дурному французскому языку»²⁰. Основным языком общения Воронцова, как и для многих других представителей его поколения, был русский²¹. Документы АВП РИ свидетельствуют о том, что французские тексты для него обычно переводили.

¹⁹ Лиштенан 2000: 278.

²⁰ Письма гр. М.И. Воронцова к И.И. Шувалову // Русский архив. 1864. № 4. С. 350.

²¹ Tipton 2015: 136.

В отличие от М. И. Воронцова, в 1745–1746 гг. и в 1763–1765 гг. путешествовавшего по Европе, А. А. Безбородко никогда не покидал пределов России. АВП РИ хранит записки и мемуары, составленные его рукой по самым разным внешнеполитическим вопросам, значительная часть — на русском языке. Неудивительно поэтому, что русские по происхождению дипломаты переписывались с ним преимущественно на родном языке.

И. А. Остерман был сыном Генриха Иоганна Фридриха (Андрея Ивановича) Остермана (1686–1747), служившего вице-канцлером при Екатерине I, Петре II, Анне Иоанновне и Иване VI, и русской дворянки Марфы Ивановны Стрешневой. После переворота Елизаветы Петровны Иван Остерман остался на российской службе, хотя и был переведен из гвардии в армию. В 1742 г. он покинул Россию, много путешествовал, изучал иностранные языки, в 1757 г. был прикомандирован к российской миссии в Париже, с 1760 по 1774 г. служил посланником в Швеции. По возвращении в Петербург в 1774 г. он явно предпочитал переписываться с российскими дипломатами на французском языке. Безбородко же писал Остерману по-русски.

Выбор языка, который русские дипломаты делали в переписке с Н. И. Паниным и А. М. Голицыным, труднее поддается анализу. Оба представляли интересы России за рубежом, где провели значительную часть жизни, оба владели русским и французским одинаково хорошо, о чем свидетельствуют в том числе комментарии, оставленные ими на полях дипломатических донесений. Довольно часто язык донесений, адресованных Панину и Голицыну, совпадает с языком писем, поступавших из Петербурга. Но поскольку число донесений всегда превышало число инструктивных документов, то выбор языка зависел от многих самых разных обстоятельств: например, от способа передачи текста и от предмета переписки. Существенно чаще русский язык использовался для донесений, подлежавших шифровке: редкий для европейцев язык предоставлял больше возможностей для сокрытия конфиденциальной информации, хотя шифры на французском языке также широко использовались в делопроизводстве Коллегии иностранных дел.

Среди сюжетов, обсуждавшихся дипломатами русского происхождения с руководством Коллегии чаще на русском языке, можно выделить дела личного состава миссий, официальные характеристики служащих посольства, данные в ответ на официальные запросы,

а также выплата жалованья, почтовых и «чрезвычайных издержек». К «чрезвычайным издержкам» относились средства, потраченные на служебные поездки, получение важных или секретных документов и подкуп, на приобретение по просьбе своего двора предметов роскоши, книг, произведений искусства²². Дешепи подобного содержания могли передаваться в Публичную экспедицию Коллегии или другие ведомства и служить основанием для повышения жалованья, оплаты долгов, предоставления дополнительных средств на нужды миссии, а также для назначения на новые посты. При этом сам список издержек мог быть составлен по-французски.

На французском языке обычно писали, когда нужно было точно передать содержание переговоров или бесед с иностранными министрами. Однако дипломатическая переписка свидетельствует, что русские послы и посланники могли с легкостью обсуждать самые разные проблемы международных отношений и на русском языке, а использование профессиональной терминологии, уже сложившейся к середине века, трудностей не вызывало. Поскольку термин «дипломат» еще не появился, служащие внешнеполитического ведомства писали о своем «министерстве» или «министерском характере», «посольском характере» или «характере полномочного министра», «министерском долге», «министерской корреспонденции», «взаимных посланничествах», а по-французски: *correspondence ministérielle, mon rôle ministériel, ma mission, les affaires ministérielles, carrière ministérielle*.

Количество заимствований и калек из европейских языков (особенно французского) к середине XVIII в. стабилизировалось. Такие слова, как «сукцессор», «авертировать», «аккордовать», «инвита́ция», «алианция», постепенно заменялись русскими эквивалентами, но термины «негосиация», «кара́ктер», «кредитив», «мемуар», «но́та», «тракта́т», «резолю́ция», «конфирма́ция», «апроба́ция» прочно утвердились в русском языке. При этом «посредничество» («посредство») и «поверенность» («доверенность») широко использовались вместе с латинскими аналогами — «медиация» и «конфиденция».

²² Н. П. Румянцев — И. А. Остерману, Франкфурт, 1 (12) декабря 1786 г., (к дешепе приложен счет) // АВП РИ. Ф. 92. Сношения России с Франкфуртом-на-Майне. Оп. 2. Д. 34. Л. 97, 98 (все документы в этом деле, кроме упомянутой дешепи и счета, относятся к 1785 г.).

Новое понятие «дипломатический корпус», означавшее первоначально свод дипломов, или документов по международному праву, постепенно было перенесено на весь состав иностранных миссий, находящихся в одной стране. Так, французский поверенный в делах в Петербурге Лоран Беранже уже в 1762 г. писал о «членах дипломатического корпуса» (*les membres du corps diplomatique*)²³. Первые упоминания этого термина в российской дипломатической переписке относятся к середине 1760-х годов: министр в Регенсбурге И. М. Симолин (1720–1799) в 1765 г. использовал словосочетание «*tout le corps diplomatique*» («весь дипломатический корпус»)²⁴. В 1787 г. посланник во Франкфурте-на-Майне Н. П. Румянцев писал о «дипломатическом корпусе» при дворе майнцского курфюрста уже на русском языке²⁵. Он же использовал прилагательное «дипломатический» в других словосочетаниях, например: «герцог Виртембергский писал ко мне в виде дружеского не дипломатического сношения»²⁶; «навел я разговор на склонность, каковую имеют в Германии к пространному и нелепому толкованию всякаго дипломатического подвига»²⁷.

Таким образом, выбор языка во многом определяли личные предпочтения дипломата, обусловленные уровнем его образования, социальным происхождением и культурным опытом, семейными традициями. Чередование русского и французского языков в переписке с руководством Коллегии характерно для многих дипломатов, родившихся в 1710–1730-е годы. Среди них — посланник в Берлине князь Владимир Сергеевич Долгоруков (1717–1803), посол в Вене князь Дмитрий Михайлович Голицын (1721–1793), резидент в Регенсбурге и поверенный в делах в Константинополе Павел Артемьевич Левашев (1726/27–1820), посланник в Гамбурге и Лондоне Алексей Семенович Мусин-Пушкин (1731/1732–1817). Можно предположить,

²³ Л. Беранже — герцогу Шуазелю, Санкт-Петербург, 2 (13) июля 1762 г. // Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 140: Дипломатическая переписка французских представителей при дворе Императрицы Екатерины II, часть 1-ая (годы с 1762 по 1765). С. 10.

²⁴ И. М. Симолин — А. М. Голицыну, 31 января (11 февраля) 1765 г.: // РГАДА. Ф. 1263. Голицыны. Оп. 1. Д. 3203. Л. 1об.

²⁵ АВП РИ. Ф. 92. Сношения России с Франкфуртом-на-Майне. Оп. 92/2. Д. 49. Л. 32об.

²⁶ Н. П. Румянцев — И. А. Остерману, 19 (30) августа 1785 г. // Там же. Д. 32. Л. 20.

²⁷ Н. П. Румянцев — И. А. Остерману, 19 (30) августа 1786 г. // Там же. Д. 43. Л. 63об.

что их детство и юность пришлось на те годы, когда французский язык в России еще только набирал силу. При этом в случае с Долго-руковым и Голицыным чаша весов склоняется в пользу французского языка, возможно потому, что оба начали дипломатическую карьеру в Париже в качестве дворян посольства. Определенную роль сыграло и место их дальнейшей службы: Вена и Берлин безусловно являлись центрами французской придворной культуры, в отличие от Гамбурга, Регенсбурга или Константинополя, откуда Мусин-Пушкин и Левашев чаще писали по-русски.

Братья Николай Петрович и Сергей Петрович Румянцевы, рожденные в 1754 и 1755 гг., переписывались с Коллегией иностранных дел и со своим родным дядей Дмитрием Михайловичем Голицыным по служебной надобности, за редкими исключениями, по-французски. Юные годы они провели в путешествиях по Европе под руководством художественного агента и постоянного корреспондента Екатерины II барона Фридриха Мельхиора Гримма (1723–1807), учились в Лейденском университете, какое-то время служили при дворе и, по-видимому, привыкли к общению на иностранном языке. При этом оба имели опыт переписки по-русски — по крайней мере со своим знаменитым отцом фельдмаршалом Петром Александровичем Румянцевым-Задунайским (1725–1796). Как отмечено историком А. Бекасовой, в письмах его сыновей «содержится немало характерных примеров, которые можно отнести к шедеврам “высокого” эпистолярного стиля того времени»²⁸. Поэтому в идеале необходимо сравнивать служебную и частную переписку дипломатов, чтобы прояснить их языковые стратегии.

Весьма интересной для исследователя представляется переписка Дмитрия Михайловича Голицына, с 1761 по 1792 г. служившего в Австрии сначала в ранге посла, затем посланника и снова посла. Россию он покинул в 1758 г., отправившись в путешествие по Европе, был в 1759 г. прикомандирован к миссии в Париже и больше на родину не возвращался. Голицын принадлежал к тем дипломатам, которые переписывались с руководством Коллегии иностранных дел как на русском, так и на французском языках. В разные годы тот или иной язык выходил на первое место, но динамику проследить довольно сложно, то есть нельзя сказать, что в первые годы пребывания

²⁸ Бекасова 2012.

в Вене Голицын писал больше по-русски, а в последние по-французски или наоборот. Объяснить выбор языка тоже не всегда возможно.

Дмитрий Михайлович был двоюродным братом вице-канцлера Александра Михайловича Голицына. Однако их связывали не только родственные, но и дружеские в современном понимании этого слова отношения. Переписка, сохранившаяся в фонде Голицыных в РГАДА, продолжалась до самой смерти Дмитрия Михайловича в 1793 г., но до ухода Александра Михайловича в отставку в 1774 г. она балансировала на грани официальной и личной. Многие письма, отправленные Дмитрием Михайловичем брату, независимо от языка, на котором они составлены, содержат собственноручные приписки крайне неразборчивым почерком, чаще по-русски. Чем это можно объяснить: ностальгией ли по родине, осознанным желанием иногда писать по-русски или сиюминутным порывом? Приписки по-русски и по-французски могли следовать друг за другом. Собственноручный текст в рассматриваемую эпоху воспринимался как знак особого расположения адресату или показатель серьезности обсуждаемого дела. Иногда дипломаты даже монархам писали собственноручно, чтобы подчеркнуть значимость передаваемого сообщения.

В письмах Д. М. Голицына немало свидетельств смены языка внутри одного текста, переписанного секретарем. Так, письмо от 14 (25) апреля 1781 г. начинается по-русски сведениями об отправке в Россию купленных в Европе картин и эстампов для собрания Александра Михайловича, продолжается рассказом также на русском о пребывании в Италии молодого князя Дмитрия Михайловича Голицына (родного племянника Александра Михайловича). Далее следуют рассуждения на французском языке о том, что пребывание за границей требует неизбежных расходов, и лекарства от этого нет: путешествия стоят дорого. Этот сюжет сменяется рассказом на русском языке о поведении английского двора в конфликте с Голландией, в который вклинивается одна фраза по-французски: «*Voilà, les ressources et avantages réels pour l'Angleterre*» («Вот настоящие возможности и преимущества для Англии»). Завершается письмо постскриптумом на французском языке о покупках юного князя Дмитрия в Италии²⁹.

Дж. Типтон, анализируя рукописное наследие семейства Воронцовых, выделила четыре фактора перехода с языка на язык в рамках

²⁹ РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1152. Л. 25–27об.

одного текста: необходимость процитировать кого-то; соблюдение эпистолярного этикета (обычно обращения и этикетные формулы вежливости писались по-французски); обсуждение русских реалий, отсутствующих во французском языке; передача абстрактных понятий и чувств на французском языке³⁰. По переписке Д. М. Голицына подобные закономерности почти не прослеживаются. Письма на русском языке открываются обращением «милостивой государь мой братец». Одни и те же сюжеты могут быть отражены и по-русски, и по-французски, кроме, пожалуй, хозяйственных дел князя: покупки земель или крепостных, получения доходов с деревень, их обустройства. Дмитрий Михайлович, проявлявший интерес к благотворительности, советовался с двоюродным братом по этому вопросу чаще на русском языке. А вот переписка по поводу воспитания многочисленных племянников обоих князей, опекунами которых они часто выступали вместе, велась преимущественно на французском языке, видимо для того, чтобы использовать ее в переписке с иностранными гувернерами³¹. Когда дело касалось чувств, Дмитрий Михайлович чаще писал по-французски, например, о болезни и смерти горячо любимой жены Екатерины Дмитриевны (1720–1761)³². Тем не менее о сложных взаимоотношениях императора Иосифа II и его второй супруги Йозефы Баварской (1739–1767) он подробно сообщал вице-канцлеру на русском языке³³.

Еще один фактор, оказывающий влияние на выбор языка дипломатических донесений, — это опыт и языковые навыки сотрудников миссии: советников или секретарей посольств, переводчиков и актуариусов, дворян, юнкеров, офицеров посольства, имевших отношение к составлению и шифровке документов, хотя мы точно не знаем, как распределялись обязанности в работе над текстом. Главы миссий могли диктовать текст, поручать составление донесений по отдельным сюжетам наиболее способным или проверенным сотрудникам. Необходимо изучать структуру каждой миссии, отслеживать передвижения ее сотрудников, разбираться в почерках, а это, безусловно, отдельная исследовательская задача.

³⁰ Tipton 2015, 135.

³¹ См.: Берелович 2011.

³² Д. М. Голицын — А. М. Голицыну, 3 (14) ноября 1761 г., Вена // РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1128. Л. 21–22.

³³ Д. М. Голицын — А. М. Голицыну, Вена, 10 (21) марта 1766 г. // Там же. Л. 4–6об. (в этом деле собраны письма за разные годы).

Обратимся к особенностям языковых практик австрийских дипломатов, которые представляли интересы не только дома Габсбургов, но в первую очередь — императоров Священной Римской империи (*Heiliges Römisches Reich Deutscher Nation*), с 1438 г. выбиравшихся из членов этой династии. Во второй половине XVIII в. Габсбурги имели более 80 дипломатических миссий³⁴, большинство из них располагались в границах империи, поскольку после заключения в 1648 г. Вестфальских мирных договоров все имперские штаты (в русской традиции — сословия или чины) получили право на проведение собственной внешней политики.

Дипломатическое ведомство Монархии Габсбургов выделилось в 1742 г. из Австрийской придворной канцелярии (*Österreichische Hofkanzlei*)³⁵, и с 1757 по 1793 г. носило название «Императорская королевская тайная придворная и государственная канцелярия иностранных, нидерландских и итальянских дел» («*Kaiserliche königliche geheime Hof- und Staats-Canzley der auswärtigen, niederländischen und italiänischen Geschäfte*»), поскольку к его компетенции относилось управление Австрийскими Нидерландами и Миланским герцогством, вошедшими в состав наследственных владений династии после Войны за испанское наследство 1701–1714 гг.³⁶

В Нидерландском департаменте делопроизводство велось преимущественно на французском языке, в Итальянском департаменте — на итальянском. Но основным языком делопроизводства Государственной канцелярии во второй половине XVIII в. был немецкий. Именно на нем составлялись инструкции (*Instruktionen*) для дипломатов, отправлявшихся к новому месту службы и адресованные им

³⁴ Winter (Hrsg.) 1965: 62–98.

³⁵ Австрийская придворная канцелярия в свою очередь выделилась в 1620 г. из Имперской придворной канцелярии (*Reichshofkanzlei*), созданной в 1559 г. и с 1648 г. постепенно утрачивавшей свое значение. Номинальным главой Имперской придворной канцелярии был имперский эрцканцлер Священной Римской империи — пост, который традиционно занимали курфюрсты Майнца, но фактически этим ведомством руководил имперский вице-канцлер, которому австрийские дипломаты также направляли официальные донесения, касающиеся преимущественно внутриимперских дел, но объем этих донесений в разы меньше, чем тех, что адресованы главе Государственной канцелярии. В рамках этой статьи делопроизводство Имперской придворной канцелярии не рассматривается. См.: Hartmann 2019: 280–282; Hochedlinger 2019a: 323–332.

³⁶ Göbl, Hochedlinger 2019: 445–452; Hochedlinger 2019b: 453–460; Capra 2019: 526–533; Zedinger 2019: 537–540.

регулярные указания (*Weisungen*), а также значительное число донесений (*Berichte*) на имя государственного канцлера Венцеля Антона Кауница-Ритберга (1711–1794), реже монарха.

В статье обобщается опыт работы с перепиской австрийских дипломатов, в разные годы служивших в Петербурге, Берлине, Париже, Константинополе, Регенсбурге, Гамбурге и Франкфурте. Большинство из них вообще не писали по-французски в официальных донесениях. Этот факт вызывал у исследователей удивление. О. В. Хаванова, реконструировавшая детали повседневной жизни австрийских послов и посланников в Петербурге в 1760–1770-е годы, предположила, что секретари посольства, на которых была возложена работа по сбору официальной и конфиденциальной информации о событиях при дворе и переписыванию донесений набело, недостаточно владели французским языком или не владели им вообще. В пользу такого предположения говорит тот факт, что в архивных делах зачастую можно встретить коротенькие собственноручные записки главы миссии, адресованные канцлеру и составленные на французском языке³⁷.

Сохранилось не так много свидетельств из первых уст, раскрывающих дипломатическую кухню. Среди них донесения австрийского посла в Париже в 1753–1766 гг. Иоганна Георга фон Штаремберга (1724–1807), пользовавшегося иногда французским языком в официальных текстах. В начале 1757 г. он обратился к канцлеру Кауницу с просьбой прислать в миссию второго секретаря, одинаково хорошо владеющего французским и немецким языками. Штарембергу приходилось привлекать к работе своего личного секретаря (собиравшегося в ближайшее время вернуться в Вену, его имя в источнике не указано), потому что действующий секретарь посольства дю Барре не вполне справлялся со своими обязанностями³⁸:

Если один из нас серьезно заболевает, я не знаю, что будет с делами. Мои поездки в Версаль, проведение конференций с министрами, общение с публикой, необходимое для того, чтобы я знал обо всем, что происходит, и обо всем, о чем говорят, требуют бесконечного

³⁷ Хаванова 2016: 64; Хаванова 2017: 83.

³⁸ И. Г. Штаремберг — В. А. Кауницу, Париж, 31 января 1757 г. // ÖStA. HHStA. Staatskanzlei. StA. Frankreich. Diplomatische Korrespondenz. Kt. 99. Starhemberg an Kaunitz. Konv. 1757. I–VI. Fol. 46–46 v. Перевод с фр. яз. мой. — М. II.

количества времени. Если прибавить к этому [время, необходимое. — М.П.] для писаний (*écritûres*), я не понимаю, как мне удастся за двадцать четыре часа делать все, что я делаю³⁹.

Большой интерес в связи с обсуждаемой проблемой представляют донесения австрийского интернунция в Константинополе в 1780–1802 гг. барона Петра Филиппа Герберта фон Раткеля (1735–1802), более половины которых составлены на французском языке. Это обстоятельство, вероятно, обусловлено особенностями его биографии. Герберт происходил из семьи ирландского якобита Иоганна Герберта-Раткеля, покинувшего Англию после Славной революции в 1688 г. и поселившегося в Константинополе, и представительницы древнего албанского рода Франциски фон Скандерберг. Рано оставшись сиротой, Петер Филипп пользовался покровительством дипломатического корпуса в Константинополе, благодаря чему получил возможность учиться в Вене в Академии восточных языков (*Orientalische Akademie*), основанной Марией Терезией в 1754 г. Карьеру он начал в 1760 г. с должности библиотекаря графа Иоганна Карла Кобенця (1721–1770), полномочного министра императора в Австрийских Нидерландах; с 1763 г. служил в Нидерландском департаменте австрийской Государственной канцелярии, в числе прочего отвечал за переписку на французском языке; в 1779 г. был уполномоченным на Тешенском конгрессе, а в 1780 г. по собственному желанию вернулся в родной Константинополь в ранге интернунция⁴⁰.

Можно предположить, что до начала дипломатической карьеры Герберт редко писал по-немецки. Поэтому в его донесениях преобладал французский язык, особенно когда речь шла об отношениях иностранных держав, российско-австрийском взаимодействии в Константинополе (а в 1780-е годы Вена и Петербург были союзниками), повседневном общении дипломатов. Немецкий язык чаще использовался в донесениях, посвященных внутренней политике Османской империи⁴¹. Зависимость выбора языка от предмета переписки могла быть связана с распределением обязанностей среди

³⁹ Собственноручная записка И. Г. Штаремберга В. А. Кауницу на французском языке от 3 февраля 1757 г. // Ibid. Fol. 64.

⁴⁰ Kraelitz-Greifenhorst 1907: 210–211.

⁴¹ Эти выводы сделаны на основании работы с донесениями Герберта за 1781–1784 гг. // HHStA. Staatskanzlei. StA. Türkei II. Diplomatische Akten. Kt. 75–85.

сотрудников миссии и познаниями в языках — проблема, к которой так или иначе приходится возвращаться в тексте статьи⁴².

Наряду с официальными донесениями в распоряжении исследователей есть параллельная полуофициальная, на грани личной, переписка некоторых австрийских дипломатов с императором Иосифом II, канцлером Кауницем, вице-канцлером графом Иоганном Филиппом Кобенцлем (1741–1810), составленная преимущественно на французском языке. Наиболее яркий пример — переписка за 1780-е годы посланника (с 1784 г. посла) в Петербурге графа Иоганна Людвига Кобенцля (1753–1809) и посла в Париже графа Флоримона Клода Мерси-Аржанто (1727–1794), пользовавшихся доверием императора и государственного канцлера, известного знатока французской культуры.

Любопытный факт: все не слишком многочисленные шифрованные фрагменты в переписке Иосифа II и Кобенцля составлены исключительно по-немецки⁴³. Граф Мерси, уроженец Льежского епископства, для которого, по-видимому, французский язык был родным, переписывался с императором и канцлером Кауницем только по-французски. В 1783 г. посол получил новый шифр для документов на французском языке, но отказался им пользоваться. Свою позицию он объяснял тем, что шифровальщики версальского кабинета смогут подобрать ключ к любому шифру уже после второго или третьего его применения. Мерси предпочитал иметь надежные каналы доставки корреспонденции — проверенных курьеров⁴⁴.

Собственноручную переписку на французском языке с государственным вице-канцлером графом И.Ф. Кобенцлем вел посланник в Берлине в 1785–1789 гг. князь Генрих Ройс цу Грайц (1749–1799). Письма австрийского дипломата содержат не только сведения о его личной жизни и карьере, но и ценные подробности австро-прусских отношений, меткие характеристики политических

⁴² Посланник в Берлине в 1779–1785 гг. венгерский дворянин Карл Ревички (1737–1793) также иногда (особенно часто в 1782 г.) писал официальные донесения на французском языке.

⁴³ См., например: Joseph II. und Graf Ludwig Cobenzl. Ihr Briefwechsel / hrsg. von A. Beer, J. Ritter von Fiedler. Wien: In Commission bei Carl Gerold's Sohn, Buchhändler der Kais. Akademie der Wissenschaften, 1901. Bd. 1. S. 41, 44, 57.

⁴⁴ *Correspondance secrète du comte de Mercy-Argenteau avec l'Empereur Joseph II et le prince de Kaunitz* / publ. par A. Ritter von Arneth, J. Flammermont. Paris: Imprimerie Nationale, 1889. T. 1. P. 223, 235, 246.

деятелей Священной Римской империи. Визуально они отличаются от официальных немецкоязычных донесений, поскольку написаны на листах маленького формата. Во французском тексте писем Ройса встречаются вставки на немецком языке, как правило, или при цитировании оригинальных документов, или при передаче содержания важных разговоров, а также отдельные немецкие слова, которые Ройс, вероятно, не знал по-французски, например: «выскачка» (*Vorlaut*), «всезнайка» (*Naseweiß*), «снайпер» (*Scharfschützen*). В недатированном письме за 1787 г. он употребил слово «шпион» по-французски (*espion*)⁴⁵, а 25 мая 1788 г. — по-немецки (*Kundschafter*)⁴⁶.

Иногда дипломату казалось уместнее использовать устойчивые выражения на родном языке. Так, сообщая своему покровителю графу Кобенцлю об истинной причине с нетерпением ожидаемого отпуска — знакомстве с богатой невестой и ее родителями и возможном сватовстве, Ройс шутливо заметил: «Если бы я получил разрешение, то мог бы уже в конце июня [1788 г. — М.П.] <...> спокойно отправиться на поиски прекрасной дамы или корзины (*chercher une jolie femme ou einen Korb*)»⁴⁷. В немецком языке выражение «получить корзину» (*einen Korb erhalten, bekommen, kriegen*) означает получить отказ при сватовстве.

Размышляя по-французски в начале письма от 17 августа 1786 г. о сложностях работы австрийского дипломата при традиционно враждебном берлинском дворе, князь Ройс жаловался вице-канцлеру:

Меня удручает, что мои коллеги относятся ко мне, пожалуй, более сдержанно, чем сами пруссаки, которые мне часто повторяют, что забыли о том, что я — министр Австрии, на что я им всегда отвечаю, что являюсь их другом, от которого не следует иметь тайн. *Если человеку помогают видеть, у него есть большое преимущество, я же нахожусь один среди людей, на которых часто ужасно злюсь*⁴⁸ (закурсивлен текст на немецком языке. — М.П.).

⁴⁵ HHStA. Staatskanzlei. Diplomatische Korrespondenzen. Preußen. Kt. 65. Konv. Briefe des Grafen Reuß. 1787 (листы письма не нумерованы)

⁴⁶ Г. Ройс — И. Ф. Кобенцлю, Берлин, 25 мая 1788 г. // Ibid. Kt. 66. Konv. Briefe des Grafen Reuß. 1788. Fol. 14.

⁴⁷ Г. Ройс — И. Ф. Кобенцлю, Берлин, 25 мая 1788 г. // Ibid. Fol. 13v–14.

⁴⁸ Г. Ройс — И. Ф. Кобенцлю, Берлин, 17 августа 1786 г. // Ibid. Kt. 64. Fol. 127.

Затем дипломат перешел на французский язык, обращаясь к графу Кобенцлю с просьбой повысить вознаграждение своему доверенному лицу, помогавшему добывать ценные сведения. На четвертой странице этого десятистраничного письма Ройс на полуслове сменил язык и продолжил писать по-немецки до конца текста, сообщая о текущих делах берлинской миссии⁴⁹.

Пожалуй, основной вывод, который крайне осторожно можно сделать, анализируя языковые практики австрийских дипломатов, заключается в том, что французский использовался ими скорее для установления личного, доверительного контакта с монаршими особами или руководителями Государственной канцелярии, в то время как немецкий оставался языком официального общения с ними. В российской Коллегии иностранных дел французский и русский языки были равноправны и водораздел между частной и служебной перепиской проходил не по языковому признаку, очевидно потому, что в ведомстве служило немало иностранцев. Выбор русского или французского языка был обусловлен в первую очередь личными пристрастиями, способностями и привычками дипломата и его адресата, отчасти сюжетом переписки. Большое разнообразие языковых стратегий российских дипломатов требует, на мой взгляд, более пристального внимания к изучению уровня владения языками у сотрудников российских миссий за рубежом, хотя и для истории австрийской Государственной канцелярии эта проблема является актуальной.

Список сокращений

АВП РИ — Архив внешней политики Российской империи, Москва
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
РГАДА — Российский государственный архив древних актов, Москва
Сб. РИО — Сборник Императорского Русского исторического общества
StA — Staatenabteilungen
ÖStA — Österreichisches Staatsarchiv, Wien
HHStA — Haus-, Hof- und Staatsarchiv

⁴⁹ Ibid. Fol. 127v–133v.

Литература

- Бекасова 2012 — *Бекасова А.* Отцы, сыновья и публика в России второй половины XVIII века // Новое литературное обозрение. 2012. № 113. С. 99–129. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2012/113/be20.html#_ftn1 (дата обращения: 25.11.2019).
- Белявский 1995 — *Белявский М. Т.* М. В. Ломоносов и основание Московского университета. М.: Изд-во Московского ун-та, 1995. 312 с.
- Берелович 2011 — *Берелович В.* Гувернеры в семье Голицыных. 1760–1780 гг. // Французский ежегодник 2011. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2011. С. 190–199.
- Воронов 1858 — *Воронов А. С.* Федор Иванович Янкович де-Мириево, или Народные училища в России при императрице Екатерине II. СПб.: Типография Праца, 1858. 168 с.
- Лиштенан 2000 — *Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство. 1740–1750. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2000. 407 с.
- Ржеуцкий 2017 — *Ржеуцкий В. С.* Выбор языка: российская дипломатия в первой половине XVIII века и использование французского языка // Россия и Европа: исторический опыт взаимодействия и взаимопонимания. XVIII–XX вв.: сб. статей / отв. ред. М. Ц. Арзаканян. М.: Геоинфо, 2017. С. 122–131.
- Хаванова 2016 — *Хаванова О. В.* Австрийские послы и посланники при русском дворе в период охлаждения двусторонних отношений в 60-е — начале 80-х годов XVIII в. // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте. К 60-летию Константина Владимировича Никифорова. М.: Институт славяноведения, 2016. С. 58–76.
- Хаванова 2017 — *Хаванова О. В.* «Я послал к нему Айхенфельда...» Биография и карьера секретаря австрийского посольства в Петербурге // Славяноведение. 2017. № 5. С. 80–87.
- Хаванова 2018 — *Хаванова О. В.* Усердие, честолюбие и карьера: Чиновничество в монархии Габсбургов в эпоху просвещенного абсолютизма. М.: Индрик, 2018.
- Besch, Betten, Reichmann, Sonderregger (Hrsg.) 2003 — Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / hrsg. von W. Besch, A. Betten, O. Reichmann, St. Sonderregger. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2003. Teilband 3. 3001 S.
- Capra 2019 — *Capra C.* Die Zentralbehörden für die italienischen Provinzen (1713–1796) // Verwaltungsgeschichte der Habsburgermonarchie in der Frühen Neuzeit / hrsg. von M. Hochedlinger, P. Mat'a, Th. Winkelbauer. Wien: Böhlau Verlag, 2019. Bd. 1. Hof und Dynastie, Kaiser und Reich,

- Zentralverwaltungen, Kriegswesen und landesfürstliches Finanzwesen. S. 522–533. (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, Ergänzungsband 62/1–2).
- Evans 2004 — *Evans R.J.W.* Language and state building: The case of the Habsburg Monarchy // *Austrian History Yearbook*. 2004. Vol. 35. P. 1–24.
- Glück, Häberlein, Flurschütz da Cruz (Hrsg.) 2019 — Adel und Mehrsprachigkeit in der Frühen Neuzeit: Ziele, Formen und Praktiken des Erwerbs und Gebrauchs von Fremdsprachen / hrsg. von H. Glück, M. Häberlein, A. Flurschütz da Cruz. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. 260 S.
- Göbl, Hochedlinger 2019 — *Göbl M., Hochedlinger M.* Die Österreichische Hofkanzlei // *Verwaltungsgeschichte der Habsburgermonarchie in der Frühen Neuzeit* / hrsg. von M. Hochedlinger, P. Mat'a, Th. Winkelbauer. Wien: Böhlau, 2019. Bd. 1. Hof und Dynastie, Kaiser und Reich, Zentralverwaltungen, Kriegswesen und landesfürstliches Finanzwesen. S. 445–452 (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, Ergänzungsband 62/1–2).
- Häberlein, Keese (Hrsg.) 2010 — Sprachgrenzen — Sprachkontakte — kulturelle Vermittler: Kommunikation zwischen Europäern und Außereuropäern (16.–20. Jahrhundert) / hrsg. von M. Häberlein, A. Keese. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2010. 421 S.
- Hartmann 2019 — *Hartmann P.C.* Der Reichserzkanzler // *Verwaltungsgeschichte der Habsburgermonarchie in der Frühen Neuzeit* / hrsg. von M. Hochedlinger, P. Mat'a, Th. Winkelbauer. Wien: Böhlau, 2019. Bd. 1. Hof und Dynastie, Kaiser und Reich, Zentralverwaltungen, Kriegswesen und landesfürstliches Finanzwesen. S. 280–282 (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, Ergänzungsband 62/1–2).
- Hochedlinger 2019a — *Hochedlinger M.* Die Reichshofkanzlei // *Verwaltungsgeschichte der Habsburgermonarchie in der Frühen Neuzeit* / hrsg. von M. Hochedlinger, P. Mat'a, Th. Winkelbauer. Wien: Böhlau, 2019. Bd. 1. Hof und Dynastie, Kaiser und Reich, Zentralverwaltungen, Kriegswesen und landesfürstliches Finanzwesen. S. 323–332 (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, Ergänzungsband 62/1–2).
- Hochedlinger 2019b — *Hochedlinger M.* Die Staatskanzlei // *Verwaltungsgeschichte der Habsburgermonarchie in der Frühen Neuzeit* / hrsg. von M. Hochedlinger, P. Mat'a, Th. Winkelbauer. Wien: Böhlau, 2019. Bd. 1. Hof und Dynastie, Kaiser und Reich, Zentralverwaltungen, Kriegswesen und landesfürstliches Finanzwesen. S. 453–460. (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, Ergänzungsband 62/1–2).
- Kraelitz-Greifenhorst 1907 — *Kraelitz-Greifenhorst F., von.* Rathkeal: Peter Philipp Herbert // *Allgemeine Deutsche Biographie*. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1907. Bd. 53. S. 210–215.
- Offord, Argent, Rjéoutski 2015 — *Offord D., Argent G., Rjéoutski V.* French and Russian in Catherine's Russia // *French and Russian in imperial Russia* /

- ed. by D. Offord, L. Ryazanova-Clarke, V. Rjéoutski, G. Argent. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015. Vol. 1. Language use among the Russian elite. P. 25–45.
- Offord, Argent, Rjéoutski 2018 — *Offord D., Rjéoutski V., Argent G.* The French language in Russia: A social, political, cultural, and literary history. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. 702 p.
- Rjéoutski, Frijhoff (eds.) 2018 — Language choice in Enlightenment Europe: Education, sociability, and governance / ed. by V. Rjéoutski, W. Frijhoff. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. 233 p.
- Rjeoutski, Offord, Argent 2019 — *Rjeoutski V., Offord O., Argent G.* French as a diplomatic and official language in Russian Empire // *Jus Gentium*. 2019. Vol. 4. № 2. P. 419–493.
- Tipton 2015 — *Tipton J.* Code-switching in the correspondence of the Vorontsov family // *French and Russian in imperial Russia* / ed. by D. Offord, L. Ryazanova-Clarke, V. Rjéoutski, G. Argent. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015. Vol. 1: Language use among the Russian elite. P. 132–151.
- Winter (Hrsg.) 1965 — *Repertorium der diplomatischen Vertreter aller Länder seit dem Westfälischen Frieden (1648)* / hrsg. von O. F. Winter. Graz; Köln: Verlag Hermann Böhlau Nachf., 1965. Bd. 3. 1764–1815. 612 S.
- Zedinger 2019 — *Zedinger R.* Die Wiener Behörden für die Verwaltung der Österreichischen Niederlande // *Verwaltungsgeschichte der Habsburgermonarchie in der Frühen Neuzeit* / hrsg. von M. Hochedlinger, P. Mat'a, Th. Winkelbauer. Wien: Böhlau, 2019. Bd. 1. Hof und Dynastie, Kaiser und Reich, Zentralverwaltungen, Kriegswesen und landesfürstliches Finanzwesen S. 534–540. (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, Ergänzungsband 62/1–2).

References

- Bekasova, A., 2012. Ottsy, synov'ia i publika v Rossii vtoroi poloviny 18 veka [Fathers, sons and the public in Russia in the second half of the eighteenth century]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 113, pp. 99–129. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2012/113/be20.html#_ftn1 (accessed: 25.11.2019).
- Beliauskii, M. T., 1995. *M. V. Lomonosov i osnovanie Moskovskogo universiteta* [M. V. Lomonosov and the foundation of Moscow University]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 312 p.
- Berelowitsch, W., 2011. Guvernery v sem'e Golitsynykh. 1760–1780 gg. [Tutors in the family of Golitsyn. 1760s – 1780s]. In.: *Frantsuzskii ezhegodnik 2011*. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, pp. 190–199.
- Besch, W., Betten, A., Reichmann, O., Sonderregger, St., eds., 2003. *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*. Tb. 3. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 3001 p.

- Capra, C., 2019. Die Zentralbehörden für die italienischen Provinzen (1713–1796). In: Hochedlinger, M., Mat'a, P. Winkelbauer, Th., eds. *Verwaltungsgeschichte der Habsburgermonarchie in der Frühen Neuzeit*, 1. Hof und Dynastie, Kaiser und Reich, Zentralverwaltungen, Kriegswesen und landesfürstliches Finanzwesen. Wien: Böhlau, pp. 522–533 (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, Ergänzungsband 62/1–2).
- Evans, R.J.W., 2004. Language and State Building: The Case of the Habsburg Monarchy. *Austrian History Yearbook*, 35, pp. 1–24.
- Glück, H., Häberlein M., Flurschütz da Cruz, A., eds, 2019. *Adel und Mehrsprachigkeit in der Frühen Neuzeit: Ziele, Formen und Praktiken des Erwerbs und Gebrauchs von Fremdsprachen*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 260 p.
- Göbl, M., Hochedlinger, M., 2019. Die Österreichische Hofkanzlei. In: Hochedlinger, M., Mat'a, P., Winkelbauer, Th., eds. *Verwaltungsgeschichte der Habsburgermonarchie in der Frühen Neuzeit*, 1. Hof und Dynastie, Kaiser und Reich, Zentralverwaltungen, Kriegswesen und landesfürstliches Finanzwesen. Wien: Böhlau, pp. 445–452 (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, Ergänzungsband 62/1–2).
- Häberlein, M., Keese, A., eds, 2010. *Sprachgrenzen — Sprachkontakte — kulturelle Vermittler: Kommunikation zwischen Europäern und Außereuropäern (16.–20. Jahrhundert)*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 421 p.
- Hartmann, P.C., 2019. Der Reichserzkanzler. In: Hochedlinger, M., Mat'a, P., Winkelbauer, Th., eds. *Verwaltungsgeschichte der Habsburgermonarchie in der Frühen Neuzeit*, 1. Hof und Dynastie, Kaiser und Reich, Zentralverwaltungen, Kriegswesen und landesfürstliches Finanzwesen. Wien: Böhlau, pp. 280–282 (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, Ergänzungsband 62/1–2).
- Hochedlinger, M., 2019a. Die Reichshofkanzlei. In: Hochedlinger, M., Mat'a, P., Winkelbauer, Th., eds. *Verwaltungsgeschichte der Habsburgermonarchie in der Frühen Neuzeit*, 1. Hof und Dynastie, Kaiser und Reich, Zentralverwaltungen, Kriegswesen und landesfürstliches Finanzwesen. Wien: Böhlau, pp. 323–332 (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, Ergänzungsband 62/1–2).
- Hochedlinger, M., 2019b. Die Staatskanzlei. In: Hochedlinger, M., Mat'a, P., Winkelbauer, Th., eds. *Verwaltungsgeschichte der Habsburgermonarchie in der Frühen Neuzeit*, 1. Hof und Dynastie, Kaiser und Reich, Zentralverwaltungen, Kriegswesen und landesfürstliches Finanzwesen. Wien: Böhlau, pp. 453–460 (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, Ergänzungsband 62/1–2).
- Khavanova, O.V., 2016. Avstriiskie posly i poslanniki pri russkom dvore v period okhlazhdeniia dvustoronnikh otnoshenii v 60-e — nachale 80-kh godov 18 v. [Austrian ambassadors and envoys at the Russian court during a cooling-off period in bilateral relations from the 1760s to the early 1780s]. In:

- Istoriia, iazyk, kul'tura Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy v natsional'nom i regional'nom kontekste. K 60-letiiu Konstantina Vladimirovicha Nikiforova* [History, language and culture of Central and South-West Europe in the national and regional context. On the sixtieth anniversary of Konstantin Vladimirovich Nikiforov]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 58–76.
- Khavanova, O. V., 2017. "Ia poslal k nemu Aikhenfel'da..." Biografiia i kar'era sekretaria avstriiskogo posol'stva v Peterburge ["I send Aikhenfeld to him..." The biography and career of the secretary of the Austrian embassy in Petersburg]. *Slavianovedenie*, 5, pp. 80–87.
- Khavanova, O. V., 2018. *Userdie, chestoliubie i kar'era: Chinovnichestvo v monarkhii Gabsburgov v epokhu prosveshchennogo absoliutizma* [Diligence, ambition and career-making: administrative elites in the later eighteenth-century Habsburg Monarchy]. Moscow: Indrik, 360 p.
- Kraelitz-Greifenhorst, F., von, 1907. Rathkeal: Peter Philipp Herbert. In: *Allgemeine Deutsche Biographie*, 53. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, pp. 210–215.
- Liechtenhan, F.-D., 2000. *Rossiiia vkhodit v Evropu: Imperatritsa Elizaveta Petrovna i voina za Avstriiskoe nasledstvo. 1740–1750*. Russia enters Europe: Empress Elizabeth and the war of the Austrian succession. 1740–1750. Moscow: Ob'edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo, 407 p.
- Offord, D., Argent, G., Rjéoutski, V., 2015. French and Russian in Catherine's Russia. In: Offord, D., Ryazanova-Clarke, L., Rjéoutski, V., Argent, G., eds. *French and Russian in imperial Russia*, 1. Language use among the Russian elite. Edinburgh: Edinburgh University Press, pp. 25–45.
- Offord, D., Argent, G., Rjéoutski, V., 2018. *The French language in Russia: A social, political, cultural, and literary history*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 702 p.
- Rjéoutski, V.S., 2017. Vybor iazyka: rossiiskaia diplomatiia v pervoi polovine XVIII veka i ispol'zovanie frantsuzskogo iazyka [Choice of language: Russian diplomacy in the first half of the eighteenth century and the use of the French language]. In: Arzakanian, M.Ts., ed. *Rossiiia i Evropa: istoricheskii opyt vzaimodeistvii i vzaimoponimaniia. 18–20 vv.: sbornik statei* [Russia and Europe: historical experience of interaction and mutual understanding in the 1700s–1900s: a collection of essays]. Moscow: Geoinfo, pp. 122–131.
- Rjéoutski, V., Frijhoff, W., eds, 2018. *Language choice in Enlightenment Europe: Education, sociability, and governance*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 233 p.
- Rjeoutski V., Offord O., Argent G., 2019. French as a diplomatic and official language in Russian Empire. *Jus Gentium*, 4 (2), pp. 419–493.
- Tipton, J., 2015. Code-switching in the correspondence of the Vorontsov family. In: Offord, D., Ryazanova-Clarke, L., Rjéoutski, V., Argent, G., eds. *French*

- and Russian in imperial Russia*, 1. Language use among the Russian elite. Edinburgh: Edinburgh University Press, pp. 132–151.
- Voronov, A. S., 1858. *Fedor Ivanovich Iankovich de-Mirievo, ili Narodnye uchilishcha v Rossii pri imperatritse Ekaterine II* [Fedor Ivanovich Jankovich de-Mirievo, or the Public schools in Russia in the reign of Catherine II]. Saint Petersburg: Tipografiia Pratsa, 168 p.
- Winter, O. F., ed., 1965. *Repertorium der diplomatischen Vertreter aller Länder seit dem Westfälischen Frieden (1648)*, 3. 1764–1815. Graz; Köln: Verlag Hermann Böhlau Nachf., 612 p.
- Zedinger, R., 2019. Die Wiener Behörden für die Verwaltung der Österreichischen Niederlande. In: Hochedlinger, M., Mat'a, P., Winkelbauer, Th., eds. *Verwaltungsgeschichte der Habsburgermonarchie in der Frühen Neuzeit*, 1. Hof und Dynastie, Kaiser und Reich, Zentralverwaltungen, Kriegswesen und landesfürstliches Finanzwesen. Wien: Böhlau Verlag, pp. 534–540 (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, Ergänzungsband 62/1–2).

Maria A. Petrova

PhD, Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninsky Prospekt, 32A. E-mail: maria.petrova@bk.ru

Language practices of Russian and Austrian diplomats in the second half of the eighteenth century

The introduction of French into the international sphere proceeded gradually throughout the eighteenth century and was largely due to the growing significance of French culture in the courts and educated milieu of Europe. By the middle of the century, French had not only become the most important language of external diplomatic communication, but had also gradually entered into the internal correspondence of foreign offices. Nevertheless, in the second half of the eighteenth century a large part of such correspondence continued to be conducted in the native language of the diplomats involved. This paper, based on archival sources, deals with the linguistic practices of Russian-speaking (Russophone) diplomats of the Russian Empire and diplomats from Austria, as well as the problem they faced in choosing between their native language or French when writing reports and letters. The language practices are considered in the context of the language policies of Catherine II, Maria Theresa, and Joseph II, who consistently implemented reforms in the Russian Empire and the Austrian monarchy in support of Russian and German respectively. Since there were many diplomats of foreign origin in the Russian College of Foreign Affairs, the French and Russian languages were considered equal. Their use in correspondence depended on the preferences of the chiefs, the personal experience of the diplomatic representatives (their French language skills, level of education in general, social and cultural background, and the characteristics of their particular place of residence), and in some cases on the subject of the correspondence. In the paperwork of the Austrian State Chancellery, the French language was used in official reports far less frequently than German, but rather often in semi-private correspondence with monarchs or high-ranking nobles in order to establish a confidential contact with them. A significant conclusion is drawn that the analysis of the language practices of Russian and Austrian diplomats requires a study of the language competency of the mission staff.

Keywords: international relations, diplomatic correspondence, language choice, professional terminology, the Russian College of Foreign Affairs, the Austrian State Chancellery

Илдико Рошонци

PhD, сотрудник, Издательство «Magyar Napló», Будапешт, Венгрия. 1062, Budapest, Bajza u. 18. E-mail: irosonczy@gmail.com

Тема славянского языкового родства и многоязычия в воспоминаниях русских офицеров–участников Венгерской кампании 1849 г.

В середине XIX в. около 40 % населения Габсбургской монархии составляли славяне. Находившиеся на разных стадиях нациообразовательных процессов и различавшиеся по конфессиональной принадлежности большие и малые народности в революционном 1848 г. наряду с социальными и политическими требованиями выдвигали разные по степени радикализма требования национального самоуправления внутри монархии. В 1849 г. дело дошло до российского военного вмешательства по просьбе Франца Иосифа I с целью подавления венгерского вооруженного сопротивления. Это произошло как раз тогда, когда в среде говоривших на славянских языках народностей, переживавших период так называемого национального возрождения, все яснее осознавалось языковое родство, появилось учение о славянской взаимности, проявилось чувство славянской общности. До венгерского театра военных действий главные силы русской армии добирались частично через Моравию и частично через северные, населенные преимущественно славянскими народностями территории. Офицеры и солдаты русской армии без большого труда находили общий язык с мораванами, поляками, русинами, словаками, а также говорившими на местных славянских наречиях немцами (саксами) и венграми. В статье рассматривается, как в воспоминаниях офицеров русской армии, ступившей на территорию Габсбургской монархии, отразилась идея языкового родства, какую роль играл родственный славянский язык в контактах солдат с местным населением, наконец, как эти офицеры оценивали военную операцию с точки зрения будущего славянских народов, проживавших в Габсбургской монархии. Особое внимание уделено проблеме поведения в условиях боевых действий этнических поляков на русской службе.

Ключевые слова: славянская общность, родственный славянский язык как средство общения, преимущества полиглотсии, русские офицеры польского происхождения

В революционном для Европы 1848 г. многонациональная и разноязыкая Габсбургская монархия тоже превратилась в площадку жарких межэтнических противоречий. Политические движения, начертавшие на своих знаменах требования социальных изменений, выдвигали разные по характеру и широте требования национально-го самоопределения в рамках монархии, что, естественно, означало и требование права на язык и его использование.

Весной 1849 г. австрийское правительство приняло решение, что активную и успешную борьбу венгров по защите своего конституционного строя, которую они вели в полном соответствии с санкционированными в 1848 г. императором-королем государственно-правовыми основаниями, можно подавить только с помощью иностранной армии. Император Франц Иосиф I (1848–1916 гг.) после длительной дипломатической подготовки обратился к императору Николаю I с просьбой о военной помощи еще до того, как в Вене стало известно про венгерскую Декларацию о независимости¹. Для достижения быстрого успеха царь направил к венгерскому и трансильванскому театру военных действий 200-тысячное войско, поскольку опасался, что Габсбургская монархия, игравшая ключевую роль в поддержании баланса сил в Европе, может прекратить существование². В Лондоне рассуждали примерно так же, поэтому рассчитывали на вмешательство России.

Особый характер российскому военному вмешательству придавало то обстоятельство, что среди народов, населявших Габсбургскую монархию, около 40 % составляли славяне — большие и малые этнические группы, говорившие на разных языках, исповедовавшие разную религию и достигшие разного уровня национальной консолидации. Основная часть русской армии прошла по территориям, где значительную часть населения составляли славяне: через Галицию и северные комитаты Венгерского королевства она дошла до центра страны, иными словами, побывала на территориях проживания поляков, русинов и словаков. Кроме того, передовые отряды русской армии побывали в Моравии. В мае 1849 г. массовое вторжение началось с того, что генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич (1782–1856) для скорейшей помощи Вене отправил пехотную дивизию русской

¹ Andics 1961: 121–147. Rosonczy 2016.

² См., например: Виноградов 2000.

армии под командованием генерал-лейтенанта Ф.С. Паниютина (1790–1865) по железной дороге³. Эта дивизия, составленная из полков 8-й и 9-й дивизий 3-го пехотного корпуса, погрузилась на поезд в Кракове и проследовала до моравского Унгариш-Градиша⁴. Здесь и в окрестностях они простояли две недели, затем пешим порядком выступили в направлении Пресбурга.

Учитывая сказанное выше, простые необразованные солдаты русской армии, оказавшиеся на чужбине, все-таки могли кое-как изъясниться со значительной частью населения страны, которую им предстояло умиротворить. И это происходило ровно тогда, когда в среде говоривших на славянских языках народностей, переживавших период так называемого национального возрождения, все яснее осознавалось языковое родство, появилось учение о славянской взаимности, проявилось чувство славянской общности, а 2 июня 1848 г.⁵ в Праге открылся Первый славянский съезд.

Армия Николая I как важнейший общеимперский институт была этнически пестрой, при этом командным языком был русский. Язык части населения западных губерний империи и Царства Польского, польский или русинский, был одновременно родным языком для части подданных Австрийской империи, к тому же переходные языковые формы вместо четких языковых границ облегчали общение.

В статье рассматривается отражение идеи языкового родства в дошедших до нас воспоминаниях офицеров русской армии, ступившей на территорию Габсбургской монархии, анализируется, какую роль играл родственный славянский язык, в том числе как средство общения, в контактах солдат с местным населением, наконец, как эти офицеры оценивали военную операцию с точки зрения будущего славянских народов, проживавших под скипетром австрийского императора. Эти мемуары заслуживают внимания еще и потому, что в зависимости от образованности и любознательности автора содержат более или менее пространные исторические, географические и языковые рассуждения. В ряде случаев мемуары написаны любителями, в них ощущается влияние разных целей и побудительных мотивов,

³ Рошонци 2018.

⁴ Топонимика Габсбургской монархии дается в статье на немецком языке так, как данные географические названия встречаются в русских источниках XIX в. Список исторических географических названий см. в конце статьи (*прим. редкол.*).

⁵ Даты даны по григорианскому календарю.

но они все равно позволяют глубже проникнуть в образ мыслей русского армейского офицера⁶.

Как говорилось выше, передовые отряды русской дивизии, срочно отправленные по железной дороге к Вене, доехали только до Моравии и 11 мая высадились из вагонов в Унгариш-Градише. На постой их разместили в городе и окрестных деревнях. Поскольку в городе как окружном административном центре размещались многочисленные учреждения, в нем — наряду с мораванами, чехами, ганаками и словаками — проживало немало немцев. Современный чешский историк Л. Чоупек точно подметил, что в 1848–1849 гг. «здесь, как и в Моравии в целом, земельный и династический патриотизм был сильнее национального самосознания», попутно уточнив, что в этот период важнейшим событием в истории Унгариш-Градиша стало квартирование русских отрядов в мае 1849 г.⁷

«Моравцы принимали нас очень радушно; солдатам не нужно было назначать квартир: — каждый хозяин сам брал себе нескольких солдат и таким образом весь батальон был размещен», — восклицал, испытав на себе сердечность местных жителей, Богуслав Лугинский (М. М. Левченко), молодой офицер 3-го батальона 17-го (Брянского) егерского полка⁸. Капитан А. Алексеенко, командир 6-й роты 18-го (Севского) пехотного полка, записал похожие впечатления, добавляя, что моравское наречие «очень сходно с чешским, и для знающего родственный с ним польский язык, удобопонятно»⁹. «Язык моравов есть

⁶ В 1988 г. в Будапеште был издан том, в который вошли мемуары и дневники 12 русских офицеров (*A magyarországi hadjárat 1849. Orosz szenttanúk a magyar szabadságharcról / szerk. T. Katona; vál., bev. I. Rosonczy; ford. Zs. Gerencsér, I. Rosonczy. Budapest: Európa Könyvkiadó, 1988*). Во введении дан краткий обзор этого типа источника (Rohonczy 1988: 10–18, 30–36). Первый русский историограф Венгерской кампании 1849 г. И. Ореус наряду с материалами современного РГВИА широко использовал многочисленные мемуары (Ореус 1880). На мемуары опирался и британский историк И. У. Робертс, не имевший возможности работать с архивными источниками в СССР (Roberts 1991).

⁷ Čoupek 2000: 208.

⁸ Лугинский Б. Воспоминания о походе в Венгрию в 1849 году. Записки пехотинца. Ч. I // Москвитянин. 1855. № 8. С. 90. Под псевдонимом «Богуслав Лугинский» публиковался этнограф Михаил Михайлович Левченко (1830–1891/92?). Дронов 2018: 254. См. также: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М.: Изд-во всесоюзной книжной палаты, 1960. Т. 4. Новые дополнения к алфавитному указателю псевдонимов. Алфавитный указатель псевдонимов. С. 276.

⁹ Алексеенко А. Воспоминания старого служажки // Русский Архив. 1890. Т. III. № 10. С. 162. (В переводе на венгерский язык см.: A. Alekszejenko: Egy öreg harcос emlékei // A magyarországi hadjárat. 363–412. old.)

наречие чешского языка. Он так удобопонятен для русских, что чрез два дни по прибытии в Моравию мы уже довольно легко объяснились с жителями», — описывал язык мораван уроженец Малороссии, упомянутый выше Лугинский, отмечая любовь к труду и скромный образ жизни мораван, которых можно назвать «идеалом благоденствующего простого народа»¹⁰. Полковник Константин Романович Семякин, командир Брянского егерского полка, писал жене: «Моравия страна прелестная, здесь нашли мы от жителей прием самый радушный. Это чистые славяне»¹¹. Так что нет необходимости особо объяснять, почему Семякин, пока дивизия не отправилась из Унгариш-Градиша в направлении Венгрии, шутливо писал жене: «И я учусь по-немецки, а пока говорю по-моравски»¹². Сердечные отношения между русскими и местным населением сохранились до самого конца пребывания их в городе: «Моравьяни [так!] по-прежнему нас любят, живут дружно»¹³.

Издававшуюся в Брюнне на славянском языке газету «*Morawské Nowiny*» («Моравская газета») читали не только местные жители, но и русские офицеры¹⁴. «О чем я даже помыслить никогда не мог, что однажды увижу русских, к тому же в качестве наших союзников, стало былью», — воодушевленно писал в этой служившей инструментом пропаганды газете градишский корреспондент 13 мая 1949 г. Характеризуя русских солдат, он так писал о целях их вооруженной акции: «Они хотят сражаться только с венграми, тысячетелными врагами славян, и сопротивляющимися их царю поляками»¹⁵.

Помимо языкового родства, взаимные симпатии между русскими военными и славянским населением Моравии усиливало еще одно обстоятельство — живая традиция здешней миссионерской деятельности славянских апостолов Кирилла и Мефодия¹⁶. Они прибыли

¹⁰ Лугинский Б. Воспоминания о походе. С. 90–91.

¹¹ К. Р. Семякин — жене, Унгариш-Градиш, 4 (16) мая 1849 г. // РГВИА. Ф. 172. Семякин, К. Р. 1836–1867. Оп. 1. Д. 3. Л. 87–88об.

¹² К. Р. Семякин — жене, Унгариш-Градиш, вечер 13 (25) мая 1849 г. // Там же. Л. 91–93.

¹³ К. Р. Семякин — жене, Унгариш-Градиш, 11 (23) мая 1849 г. // Там же. Л. 89–90; *Tomaszewicz W. Dziennik oficera rosyjskiego z kampanii węgierskiej 1849 roku* / oprac. T. Epszstein. Warszawa: Cursor, 2010. S. 48–50.

¹⁴ Лугинский Б. Воспоминания о походе. С. 91. Офицер ошибочно называет местом издания газеты Унгариш-Градиш. См.: *Morawské Nowiny*. 1849. 23 V. (117). S. 549.

¹⁵ *Morawské Nowiny*. 1849. 16 V (112). S. 526.

¹⁶ Ср.: Ковальская 2013.

к велеградскому двору моравского князя Ростислава в 863 г., пробыли там более года, где, если верить местной традиции, в 885 г. умер Мефодий. Об этом общем славянском наследии напомнили солдатам Панютина¹⁷.

Из Унгариш-Градиша дивизия Панютина выдвинулась пешим порядком по направлению к венгерской границе, которую перешла у Унгариш-Брода и через Тырнау продолжила путь на Пресбург. Об этом марш-броске Лугинский записал: «Жители всех пройденных нами мест до самого Вартберга были словаки и встречали нас приветливо; в Вартберге же впервые встретили мы нерасположение жителей, потому что главное население этого города составляют венгры»¹⁸.

Лугинский, кратко изложив, в каких частях Венгерского королевства живут немадьярские народы, перешел к словацким диалектам: «Словаки разделяются на собственно словаков, иначе называемых угерскими славянами, и сотаков. <...> Язык словаков, называемый ими славянским, подходит очень к польскому, в нем нет однакож носовых звуков. <...> Наречие сотаков ближе подходит к малорусскому»¹⁹. Поручик 4-го (Мариупольского) гусарского полка Андрей Михайлович Фатеев (1814–1865), не скрывавший наклонности к беллетристике, также с радостью отметил, что понимает язык местных жителей: «Речь, сударь, у здешнего народа, не то на польскую похожа, не то на церковную нашу, для того и разговор их мы без трудности понимать могли; только так чудно они говорят: тянут как-то слово-то, словно поют, да и так, как будто гортанью больше выговаривают»²⁰. Он сообщил, что переводчиками были знавшие по-словацки венгры, и бывало, что русский офицер обращался к своим говорившим «чисто по-словацки» собеседникам на смешанном русско-польско-славянском языке²¹. Увлечшись любительским

¹⁷ Лугинский Б. Воспоминания о походе. С. 89.; Morawské Nowiny. 1849. 16 V. (112). S. 527.

¹⁸ Лугинский Б. Воспоминания о походе. С. 95.

¹⁹ Там же С. 94–95.

²⁰ Фатеев А. М. Рассказ отставного солдата о венгерском походе // Русская беседа. 1860. Кн. II. № 20. С. 25.

²¹ Воспоминания и сочинения А. М. Фатеева о венгерских впечатлениях 1849 г. собрал и издал в переводе на венгерский язык И. Хорват (*Fatyejev A. Világostól–Krimig. Egy magyarbarát orosz huszártiszt emlékeiből* / szerk. I. Horváth. Budapest: Noran Libro Kiadó, 2011). Цитируемый здесь эпизод приведен на с. 142–144 под заголовком «*Emlékezés az 1849-es magyarországi hadjáratra*» («Из воспоминаний о венгерском

языкознанием, Фатеев часто путал словацкие и венгерские слова и выражения. Например, «газда» (слов. и венг. *«gazda»* / «хозяин»), «газдыня» (слов. *«gazdiná»* / «хозяйка»), «йо регель» (венг. *«jó reggelt»* / «доброе утро»), «нес сепатше» (слов. *«nech sa páči»* / «пожалуйста»), «тешек» (венг. *«tessék»* / «пожалуйста»), «нем туду» (венг. *«nem tudom»* / «не знаю»). Нашлось в его воспоминаниях место и для характерных венгерских ругательств: «бассамо» (венг. *«bassza meg»* / «едрить»), «теремтете» (венг. *«teremtette»* / «тварь»), «саррос кутти» (венг. *«szaros kutya»* / «паршивый пес»)». ²²

Основные силы русских вошли на территорию Венгерского королевства через Дукельский перевал. Там они встретились со словаками и русинами, которых в большинстве своем называли просто «карпатские славяне». Николай I сопровождал войска до Граба, до венгерской границы, потом «перешел ее и сделал несколько верст по Венгрии», писал Дмитрий Петрович Сонцов, один из адъютантов главнокомандующего Паскевича:

На самом рубеже Галиции толпилось несколько сот собравшихся карпатских славян. При виде Государя, они бросились на колени. Стоявший перед ними униатский священник с крестом подошел к Николаю Павловичу, который к нему приложился, при возгласе словаков: «Царь наш!». Вот первый шаг в пределах Венгрии.

Далее автор задавался поэтическим вопросом: «Подумал ли Император о великой своей миссии в судьбе славян?» ²³ Попутно замечу,

походе 1849»), якобы напечатанном в 1864 г. в журнале «Русская беседа». Это, по всей видимости, ошибка: журнал издавался с 1856 по 1860 г., и в списке опубликованных материалов воспоминания Фатеева не упомянуты. См.: Роспись статей журнала «Русская беседа». URL: http://expositions.nlr.ru/ex_rare/slavophils/56_60/beseda.pdf (дата обращения: 10.10.2019). Оригинальную русскую публикацию мне найти не удалось.

²² Фатеев А. М. Рассказ отставного солдата. С. 31. И. Хорват считает, что наблюдения Фатеева о языке местного населения относятся исключительно к венгерскому языку, словам и выражениям (Horváth 1988: 314–318). Однако это не так, что в будущем могло бы стать темой для отдельной статьи.

²³ Сонцов Д. Из воспоминаний о венгерской кампании (Заметки участника и очевидца). М., 1871. С. 8. В переводе на венгерский язык см.: Dmitrij Szoncov: Emlékek a magyarországi hadjáratból // A magyarországi hadjárat. 225–263. old. О карпатских славянах см., например: Лихутин М. Д. Записки о походе в Венгрию в 1849 году // Умирение Венгрии 1848–1849 / сост. П. Ю. Пернавский. М.: Вече, 2011. С. 375. В переводе на венгерский язык см.: Mihail Dormidontovics Lihutyin: Feljegyzések az 1849. évi magyarországi hadjáratról // A magyarországi hadjárat. 609–815. old.

что упомянутые карпатские славяне греко-католического вероисповедания были не словаками, а по всей видимости, русинами.

Русская армия прошла через Бартфельд и вошла в первый на своем пути крупный город Эперьес²⁴, население которого в то время колебалось между 7 и 8 тыс. чел. Во многих мемуарных текстах говорится о торжественном и сердечном приеме, оказанном русским горожанами. Полковой адъютант входившего в 4-й пехотный корпус 22-го (Камчатского) егерского полка Петр Владимирович Алабин (1824–1896) писал:

Жители Эперьеса, большею частию, словаки, враги инсurreкции венгерцев, сторонники австрийского императора, встретили нас с выражением не только приязни, но даже восторга²⁵.

Федор Григоров, адъютант командующего 3-го пехотного корпуса генерала Ф. В. Ридигера (1783–1856), вспоминал:

Вступление войск в Эперьеш было истинно великолепно. <...> День был чудесный, все окна раскрыты, и дамы, в роскошных нарядах, махая белыми платками, цветами бросали из окон в фельдмаршала, тогда как другие усыпали ими улицу. Дома были украшены развешенными коврами, и улицы наполнены народом²⁶.

О том же, чуть ли не слово в слово писал флигель-адъютант царя барон Леонтий Павлович Николаи (1820–1891)²⁷. «Этим торжест-

²⁴ Ср.: Дронов 2018.

²⁵ Алабин П. Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854–56, 1877–78 годах. Самара, 1888. С. 70. Алабин упомянул происходивших с территории Венгерского королевства бродячих торговцев-словаков, которые «под именем венгерцев так недавно еще скитались по всей России, до Восточной Сибири <...>, таская пешком, за спиною, тяжелый ящик с разными, как они называли “олейками” [olaj – масло], то есть лекарственными маслами». Алабин П. Там же. С. 70–71. В переводе на венгерский язык см.: Pjotr Vlagymirovics Alabin: A magyar háború // A magyarországi hadjárat. 39–223. old.

²⁶ Григоров Ф. Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года (Адъютанта графа Ф. В. Ридигера) // Русская старина. 1898. Т. XXIX (июнь). С. 498. В переводе на венгерский язык см.: Fjodor Vasziljevics Rüdiger gróf segédtszjtjének visszaemlékezése az 1849. évi magyarországi hadjáratra. In: A magyarországi hadjárat. 511–557. old.

²⁷ Дневник барона Л. П. Николаи, веденный им во время Венгерской кампании 1849 года // Русская старина. 1877. Т. XX. С. 115. В переводе на венгерский язык см.: Leontyin Pavlovics Nyikolai bárónak az 1849. évi magyarországi hadjárat idején vezetett naplója. In: A magyarországi hadjárat. 265–335. old.

венным приемом мы обязаны славянскому населению Епериеса: оно видело в нас родичей, освободителей от соединенного ига немцев и мадьяр», — записал так же и Сонцов²⁸.

Как видно из приведенных примеров, русские офицеры выказываемую в их адрес приязнь или неприязнь упрощенно связывали с этносом. Однако местные жители, с которыми русские вступали в разговор, не всегда были словаками, достоверно можно утверждать только то, что они говорили по-словацки. Логично предположить, что как в Эпериесе, так и в других местах вступавшие в город русские войска приветствовали на том языке, который они лучше всего понимали. Начиная с конца XVIII в., несмотря на сильную словакизацию, в городе проживало многочисленное немецкое бюргерство, и один из мемуаристов предположил, что большинство населения — немцы²⁹. В повседневной жизни в Эпериесе говорили на трех языках: словацком, немецком и венгерском. В случае необходимости горожане обращались на том языке, который казался наиболее подходящим для какого-либо случая. Иными словами, полигlossия, точнее, использование нескольких языков в данном случае означала сохранение жизни и имущества, а также безопасность, точно так же, как и торжественная встреча вступающей в город армии.

Об этом написал цитируемый выше адъютант Ридигера: «Нам сказали, впрочем, что точно так же принимал этот город и австрийцев, и венгерцев, и оттого только и уцелел». И не без сарказма добавил:

В тех городах и местечках, через которые проходили войска, вывешивались флаги: для нас белые, для австрийцев желтые с черным, а для венгерцев — зеленые с красным, и каждый дом имел в готовности таких три флага, которые выносились по мере надобности.

Он вспоминал: когда русские входили в город, на ратуше развешивался забытый венгерский флаг, который затем в спешном порядке сняли³⁰. Уже находясь в застенке, полковник венгерской гонведной армии Вилмош Лазар (1817–1849), записал перед казнью³¹ воспоминания о входе находившихся под его командованием гонведных

²⁸ Сонцов Д. Из воспоминаний о венгерской кампании. С. 9.

²⁹ Лихутин М.Д. Записки о походе. С. 205.

³⁰ Григоров Ф. Из воспоминаний о Венгерской кампании С. 498–499.

³¹ Подробнее см.: Юхас 2019.

отрядов в Эпериес и Бартфельд. Они мало отличаются от впечатлений русского адъютанта. По словам Лазара, что ввод войск в Эпериес в апреле 1849 г. «был внезапным, но все равно нам бросили несколько наспех сделанных венков». Лазару достался небольшой красивый венок с надписью «молодые эпериеские патриотки». Вступление гонведов в Бартфельд описано так:

Градом посыпались искусственные и сплетенные из живых цветов венки <...>, повсюду реяли национальные флаги, и я был уверен, что на тех домах, где в окнах колышится самый большой триколор, при появлении императорских войск раньше других выставляют императорский штандарт³².

Бытовые сценки показывают, как родственный язык сводил вместе солдат и местное население, но и солдаты славянского происхождения союзных австрийской и русской армий сходу понимали друг друга. Когда в начале июня 1849 г. дивизия Панютина вступила в Пресбург, об их взаимной приязни тут же написала местная «*Pressburger Zeitung*» («Пресбургская газета»): «Русские солдаты в необычных шинелях бродят в обнимку с нашими солдатами, говорящими на родственных языках»³³. Оказывается, что к дивизии Панютина, не имевшей в своем составе кавалерии, имперское военное командование в качестве прикрытия приставило эскадроны 1-го (Киваларта) уланского полка. Уланов в австрийскую армию набирали в Галиции, поэтому им не составляло труда общаться с русскими.

Даже капитан Алексеенко, который не знал «ни одного из общеупотребляемых иностранных языков», воспрял духом, когда обнаружил, что может говорить с барышнями, посещавшими русский лагерь, без переводчика. Сопровождавший дам австрийский офицер неохотно переводил вопросы любопытных гостей на более или менее понятный всем польский язык:

Как вдруг одна из дам, <...> обратилась ко мне с вопросом на словацком наречии, и услыша мой ответ по-русски, чрезвычайно

³² Lázár Vilmos 1849-i honvéd ezredes aradi várfogságában kivégeztetése előtt írt emlékirata [Воспоминания революционного полковника Вилмоша Лазара, написанные в крепостной тюрьме Арада накануне казни] // Az aradi vértanúk / összegyűjtötte T. Katona. Negyedik, átdolgozott kiadás, Budapest [s.d.]. 132. old.

³³ Pressburger Zeitung. 1849. 8 VII. № 129.

обрадовалась, что может непосредственно вести со мною разговор, и буквально закидала вопросами о России, о солдатах и вообще о нашей военной жизни³⁴.

Эти барышни были племянницами того самого Антона Палшовича, каноника Пресбургского капитула, которого в 1854 г. за верность императору наградили орденом Франца Иосифа и проповеди которого на словацком языке расходились большими тиражами.

Русские офицеры польского происхождения или те, кто длительное время служил на территориях массового расселения поляков в Российской империи, оказались в процессе межъязыковой коммуникации в более выгодном положении. Квартирмейстер 18-го (Орловского) егерского полка, носившего имя генерал-фельдмаршала Паскевича, поляк по происхождению поручик Владислав Томашевич описал в дневнике подслушанный в корчме политический спор:

Было забавно наблюдать, как разговаривают два словака, один считал, что победят венгры, другой, насколько я понял по отдельным словам, утверждал обратное³⁵.

Он же увековечил для нас другую, тоже застольную сценку. Петрая славянская компания развлекалась так: хорошо говорившие по-польски австрийские офицеры из Галиции, взбудораженные вином, бойко отплясывали польку под незатейливую музыку с местными девушками, и им ни в чем не уступали офицеры Севского пехотного полка³⁶. Фамилия одного из них была Попруженко, что, по всей вероятности, указывает на его малороссийское происхождение.

Вследствие разделов Речи Посполитой польские офицеры служили не только в российской и австрийской, но и в прусской армии. Именно эти три державы принимали участие в подготовленном ими вооруженном подавлении Венгерской революции. Участие Прусского королевства, впрочем, свелось к тому, что в мае 1849 г. через его территорию по железной дороге из Кракова в моравский Унгарши-Градиш проследовала неоднократно упоминавшаяся выше русская дивизия. Полк Томашевича тоже был в составе этого формирования. Его написанный в 1849 г. по-польски дневник был впервые опубликован только

³⁴ Алексеев А. Воспоминания старого служки. С. 165.

³⁵ *Tomaszewicz W. Dziennik oficera rosyjskiego* S. 55.

³⁶ *Ibid.* S. 54–55.

в 2010 г. под редакцией Т. Эпштейна. В нем можно прочитать, как автор дневника беседовал по-польски с офицером прусской армии о преимуществах участвующих в кампании армий³⁷. Выходит, что родным языком обоих был польский. Ученым известны и другие русские офицеры, которые в 1849 г. вели дневники по-польски, например, артиллерийский офицер 1-й батареи 4-й артиллерийской бригады 2-го пехотного корпуса Е.Е. Михаловский. Его дневник опубликован в 1910 г. по-русски в «Журнале Императорского русского военно-исторического общества»³⁸. В 1880-х годах к тому времени отставной артиллерийский полковник Михаловский передал издателю И. Павлову свой дневник, который, по его словам, вел по-польски для «стариков-родителей». Оба офицера, и Томашевич, и Михаловский, отлично зарекомендовали себя во время венгерской кампании, Томашевич был даже представлен к награде³⁹. Союзные армии, русская и австрийская, вели переписку на немецком и французском языках, но приведенные примеры показывают, что при общении солдат с местным населением часто использовался и польский, как один из славянских языков.

Однако из-за развернувшегося в то время польского революционного движения, ставившего целью восстановление независимого польского государства, и в связи с тем, что в венгерской гонведной армии служило немало поляков, это обстоятельство само по себе таило опасность. К тому же австрийское правительство оценивало их число в 20 тыс. Эта цифра сильно завышена (в действительности, их было не более 4–5 тыс. чел.), но российское военное командование предприняло повышенные меры предосторожности. За поведением офицеров и солдат польского происхождения, их контактами с местным населением следили с особым вниманием, генерал-фельдмаршал Паскевич, назначенный главнокомандующим армии, отправлявшейся на подавление венгерского восстания, в самом начале похода приказал своим командирам «иметь строгое наблюдение, дабы <...> воинские чины <...>, а особенно офицеры имели сколь можно менее сношение с жителями

³⁷ Tomaszewicz 2010. S. 44–45.

³⁸ *Михаловский, Е.Е.* Воспоминания о Венгрии. Походные записки 1849 года. Страница из истории 1 батареи 4 артиллерийской бригады / опубликовал Ив. Павлов // Журнал Императорского Русского Военно-исторического общества. 1910. № 5. С. 1–17. В приложении к публикации приведена одна страница на польском языке из рукописного оригинала.

³⁹ Epsztein 2010: 15.

тем паче городскими, которых превратный образ мнений мятежем посеянный, может иметь самое вредное влияние <...> в особенности Вы должны наблюдать за офицерами из польских уроженцев»⁴⁰.

Бдительность оказалась не напрасной. Солдаты русской армии из поляков, случалось, позволяли себе высказывать политические убеждения. Пусть даже подвыпив, в корчме. Генерал-лейтенант Павел Христофорович Граббе (1789–1875), командующий русской колонной, вступившей в северовенгерские комитаты, записал 21 июня 1849 г. в дневнике:

Два юнкера Низовского полка, Урбан и Корсак, оба поляки, за возмутительные в пьяном виде речи с венгерцами и за уступку одному из них казенных патронов своих, схвачены, и производится над ними следствие. Необходимость примера строгости в дивизии, в состав которой вошло много поляков⁴¹.

Материалы военно-полевого суда подтверждают этот случай. Прапорщик 11-го (Низовского) егерского полка Александр Корсак в винной лавке пил с местными «за здоровье Бема и Дембинского, имел преступный разговор, во время коего, между прочим сказал, что если он будет в сражении с венгерцами, то стрелять в них не станет <...>, дал им 25 казенных боевых патронов». Присутствовавший унтер-офицер дворянин Александр Урбановский был обвинен «в недонесении начальству о вышеизложенных противузаконных разговорах Корсака до начатия о том следствия». В следственном деле упомянуто, что одним из собеседников был чешский лесник, значит, разговор велся, по всей видимости, на смеси польского, чешского и, не исключено, словацкого языков. Военно-полевой суд приговорил обоих к смертной казни, но Паскевич

<...> имея в виду, что смягчение определенного военным судом смертного приговора может возбудить в них раскаяние и желание

⁴⁰ РГВИА. Ф. 846. Военно-ученый архив. Оп. 16. Д. 5368. (Бумаги относящиеся до венг. камп. после ген. Семякина) 14–14об. Приказ генерал-лейтенанта Ф. С. Панютина — полковнику К. Р. Семякину, Пресбург, 4 июня 1849 г., составленный на основании приказа главнокомандующего генерал-фельдмаршала Паскевича от 13 (25) мая 1849 г.

⁴¹ *Граббе П. Х.* Записная книжка графа П. Х. Граббе. Москва: Тип. М. Г. Волчанинова, 1888. С. 417. В переводе на венгерский язык см.: Pavel Hrisztoforovics Grabbe gróf naplójegyzeteiből. Részletek // A magyarországi hadjárat. 457–510. old.

загладить необдуманный <...> поступок, конфирмациею своею определил: разжаловать их в рядовые, впредь до отличной выслуги, с переводом на службу на Кавказ⁴².

Самой известной, хотя часто передаваемой с многочисленными неточностями, можно назвать историю Конрада Руликовского — корнета 7-го (Вознесенского) уланского полка, входившего в состав 4-го корпуса. По моим сведениям, он был единственным русским офицером, который, будучи поляком, сознательно готовился к тому, чтобы при первой возможности перейти на сторону венгров. Его примеру больше никто не последовал. После капитуляции венгерской гонимой армии Руликовский попытался эмигрировать, но вернулся и сообщил первому попавшемуся на его пути русскому военному формированию, что возвращается из плена. Однако о его дезертирстве стало известно командованию, и Руликовского арестовали. Русский военно-полевой суд приговорил поляка к смертной казни, которая была приведена в исполнение 28 августа в Грос-Вардейне⁴³.

Во второй половине XX в. историческая наука считала Руликовского *русским* офицером, разделявшим социально-передовые и революционные взгляды. Примером может служить статья советского историка В.Г. Вержбицкого «Сочувствие передовых офицеров и солдат русской армии венгерской революции 1848–49 гг.»⁴⁴. Однако источники свидетельствуют, что главной движущей силой его поступка была *польская* идентичность. И Корсак, и Урбановский, и Руликовский предстали перед военно-полевым судом из-за своей открыто декларируемой принадлежности к польской нации. Впрочем, многих осудили за разные неблагоприятные проступки, например, грабежи, разбои, пьянство, отставание от своей части и пр. Каждый такой случай в материалах военно-полевого суда следует рассматривать отдельно.

⁴² Материалы расследования см.: Вержбицкий 1962: 128–129. Приведенный Вержбицким шифр архивного дела устарел. Дело см.: РГВИА. Ф. 395. Инспекторский департамент Военного министра. Оп. 285. Д. 393. (По отношению Ауд. Деп-а с изъяснением Высочайше утвержденной конфирмации о прапорщике Корсак и унтер-офицере Урбановском).

⁴³ Биографию Руликовского см.: Рошонци 2012; Rulikowski, Konrad // Kovács 2015: 587–588. Писатель-коммунист Б. Иллеш, вдохновленный подвигом и судьбой Руликовского, решил спустя сто лет придумать историю русского капитана Гусева. Этот вымысел, тиражировавшийся в советской историографии, убедительно развенчал А.С. Стыкалин, см.: Стыкалин 2014.

⁴⁴ Вержбицкий 1962.

Известные мне мемуары свидетельствуют, что опыт, полученный во время похода 1849 г., дал богатую пищу идеям о взаимосвязанности судеб славянства, возможном объединении в будущем всех славянских народов и призвании России решать судьбы зарубежных славян. У Сонцова читаем:

Необходимо было показать, где славянам в будущем нужно искать руку помощи от натисков чужих племен (как то делали мадьяры с славянским населением в Венгрии), показать в стране, частью славянской, все могущество России, той необъятной силы, которую сама судьба дала в покровители разъединенным славянским племенам⁴⁵.

В схожем духе пространно и со ссылками на другие военно-исторические труды рассуждал об этих материях отставной генерал-майор Михаил Дормидонтович Лихутин, участвовавший в Венгерском походе в составе 4-го корпуса. Его часто цитируемая в историографии книга была впервые издана в 1875 г., затем вновь переиздана в 2011 г.⁴⁶ В ней он писал:

Относительно славян все, по-видимому, указывало на пользу вмешательства. <...> Обессиливая мадьяр, мы давали славянам возможность достигать лучшей будущности, открывали новые пути к ней и возвышали дух их, не рискуя ничем в сомнительных предприятиях для целей слишком отдаленных⁴⁷.

Естественно, что во время венгерского похода русские офицеры на собственном опыте убедились в родстве славянских языков, и они при всяком удобном случае этим охотно пользовались, но процитированные выше рассуждения о будущем славян и роли России не проявились на уровне политики. Император Николай I был корректным союзником австрийского императора. Он отправил войска в соседнюю Габсбургскую монархию, чтобы обеспечить восстановление ее консервативного устройства, территориальную целостность и укрепить пошатнувшийся трон Франца Иосифа I. Движения австрийских славян он считал нелегитимными и не использовал их.

⁴⁵ Сонцов Д. Из воспоминаний о венгерской кампании. С. 6.

⁴⁶ Лихутин 2011. С. 372–377.

⁴⁷ Там же. С. 372–373.

Список исторических географических названий

Бартфельд (нем.), Бартфа (венг.) — ныне Бардеёв в Словакии
Брюнн (нем.) — ныне Брно в Чехии
Вартберг (нем.), Сенц (венг.) — ныне Сенец в Словакии
Грос-Вардейн (нем.), Надъварад (венг.) — ныне Орадя-Маре в Румынии
Пресбург (нем.), Пожонь (венг.) — ныне Братислава в Словакии
Тырнау (нем.), Надьсомбат (венг.) — ныне Трнава в Словакии
Унгариш-Брод (нем.) — ныне Угерске-Брод в Чехии
Унгариш-Градиш (нем.) — ныне Угерске-Градиште в Чехии
Эпериес/Эперьеш (нем./венг.) — ныне Прешов в Словакии

Список сокращений

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив, Москва

Литература

- Вержбицкий 1962 — *Вержбицкий В.Г.* Сочувствие передовых офицеров и солдат русской армии венгерской революции 1848–49 гг. // Исторический архив. 1962. № 4. С. 121–133.
- Виноградов 2000 — *Виноградов В.Н.* Венгерский поход И.Ф. Паскевича 1849 г.: легенда и действительность // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 80–96.
- Дронов 2018 — *Дронов М.Ю.* Прешов глазами участников Венгерского похода 1849 года: нюансы восприятия // 20 років високошкольської русиністики на Словачії (Збірник рефератів з міжнародної научної конференції) / зост. К. Копорова. Пряшов: Пряшівська універсіта в Пряшові, 2018. С. 252–264.
- Ковальская 2013 — *Ковальская Э.* Традиция национальных святых Кирилла и Мефодия: возникновение и использование в политической пропаганде словацкого национализма // Славяноведение. 2013. № 2. С. 68–78.
- Ореус 1880 — *Ореус И.* Описание Венгерской войны 1849 года с приложением 14-ти карт и планов. Санкт-Петербург: Типография и хромолитография А. Траншеля, 1880. 117 с.
- Рошонци 2018 — *Рошонци И.* Роль железнодорожного сообщения в оказании Россией военной помощи Австрии в мае 1849 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. Вып. 13. № 3–4. С. 32–49.
- Стыкалин 2014 — *Стыкалин А.С.* Правда и вымысел о реакции российского общества на венгерскую революцию 1848 г. Венгерская кампания 1849 г. и капитан Гусев // Историческая экспертиза. 2014. № 1. С. 38–54.

- Юхас 2019 — *Юхас К.* 6 октября — День памяти арадских мучеников в зеркале истории: практики коммеморации, местные и фольклорные традиции // Центральноевропейские исследования. 2019. Вып. 1 (10). С. 17–46.
- Andics 1961 — *Andics E.* A Habsburgok és a Romanovok szövetsége. Az 1849. évi magyarországi cári intervenció diplomáciai előtörténete. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1961. 452 old.
- Čoupek 2000 — *Čoupek L.* Revoluce 1848–1849 a Uherské Hradiště // *Slovácko*. 2000. R. XLII. S. 208–228.
- Epsztein 2010 — Epsztein T. [Wprowadzenie] // *Tomaszewicz W.* Dziennik oficera rosyjskiego z kampanii węgierskiej 1849 roku / oprac. T. Epsztein. Warszawa: Cursor, 2010. S. 5–31.
- Horváth 1988 — *Horváth I.* Petrov obsitos megjegyzései a magyar nyelvről // *Magyar Nyelvőr*. 1988. 112. sz. 314–318. old.
- Kovács 2015 — *Kovács I.* Honvédek, hírszerzők, légionisták. A szabadságharc lengyel résztvevőinek életrajzi lexikona 1848–1849. Budapest: Magyar Napló, 2015. 952 old.
- Roberts 1991 — *Roberts I. W.* Nicholas I and the Russian intervention in Hungary. London: Palgrave Macmillan, 1991. 301 p.
- Rosonczy 1988 — *Rosonczy I.* Bevezető // A magyarországi hadjárat 1849. Orosz szemtanúk a magyar szabadságharcról / szerk. T. Katona; vál., bev. I. Rosonczy I.; ford. Zs. Gerencsér, I. Rosonczy. Budapest: Európa Könyvkiadó, 1988. 5–37. old.
- Rosonczy 2012 — *Rosonczy I.* Adalékok Konrad Rulikowski sorsához. Egy orosz ezredes, A. K. Baumgarten 1849-es naplója // *Hadtörténelmi Közlemények*. 2012. 1. sz. 199–203. old.
- Rosonczy 2016 — *Rosonczy I.* «A lázadók újabb győzelmeket aratnak» — Orosz–osztrák tárgyalások az orosz fegyveres beavatkozásról 1849 áprilisában // *Rosonczy I.* Orosz fegyverekkel Ferenc Józsefért. Tanulmányok I. Miklós 1849-es magyarországi beavatkozásáról. Budapest: Magyar Napló, 2016. 35–72. old.

References

- Andics, E., 1961. *A Habsburgok és a Romanovok szövetsége. Az 1849. évi magyarországi cári intervenció diplomáciai előtörténete*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 452 p.
- Čoupek, L., 2000. Revoluce 1848–1849 a Uherské Hradiště. *Slovácko*, XLII, pp. 208–228.
- Dronov, M. Yu., 2018. Prešov glazami uchastnikov Vengerskogo pokhoda 1849 goda: niuansy vospriiatiia [Presov through the eyes of participants of the Hungarian campaign of 1849: nuances of perception]. In: Koporova, K., ed. *20 rokov vysokohskolskoi rusinistiky na Slovákii (Zborník referatív z medzhinarodnoi nauchnoi konferentsii)*. Priashov: Priashivska univerzita v Priashovi, pp. 252–264.

- Epsztajn, T., 2010. [Wprowadzenie] Esptein, T., ed., Tomaszewicz, W. *Dziennik oficera rosyjskiego z kampanii węgierskiej 1849 roku*. Warszawa: Cursor, pp. 5–31.
- Horváth, I., 1988. Petrov obsitos megjegyzései a magyar nyelvről. *Magyar Nyelvőr*, 112, pp. 314–318.
- Juhász, K., 2019. 6 októberia — Den' pamiaty aradskikh muchenikov v zerkale istorii: praktiki kommemoratsii, mestnye i fol'klornye traditsii [6 October — The memorial day of the Martyrs of Arad in historical perspective: commemoration practices, local and folklore traditions]. *Tsentrāl'noevropeiskie issledovaniia*. 2018, 1 (10), pp. 17–46.
- Kovács, I., 2015. *Honvédek, hírszerzők, légionisták. A szabadságharc lengyel résztvevőinek életrajzi lexikona 1848–1849*. Budapest: Magyar Napló, 952 p.
- Kowalská, E., 2013. Traditsiia natsional'nykh sviatykh Kirilla i Mefodii: vozniknovenie i ispol'zovanie v politicheskoi propagande slovatskogo natsionalizma [Tradition of the national Saints Cyril and Methodius: emergence and use in political propaganda of Slovak nationalism]. *Slavianovedenie*, 2, pp. 68–78.
- Oreus, I., 1880. *Opisanie Vengerskoi voiny 1849 goda s prilozheniem 14-ti kart i planov* [Description of the Hungarian War of 1849 with the addition of 14 maps and plans]. Saint Petersburg: Tipografiia i khromolitografiia A. Transhelia, 117 p.
- Roberts, I. W., 1991. *Nicholas I and the Russian intervention in Hungary*. London: Palgrave Macmillan, 301 p.
- Rosonczy, I., 1988. Bevezető. In: Katona, T., Rosonczy, I., Gerencsér, Zs., eds. *A magyarországi hadjárat 1849. Orosz szemtanúk a magyar szabadságharcról*. Budapest: Európa, pp. 5–37.
- Rosonczy, I., 2012. Adalékok Konrad Rulikowski sorsához. Egy orosz ezredes, A. K. Baumgarten 1849-es naplója. *Hadtörténelmi Közlemények*, 125 (1), pp. 199–203.
- Rosonczy, I., 2016. “A lázadók újabb győzelmeket aratnak” — Orosz–osztrák tárgyalások az orosz fegyveres beavatkozásról 1849 áprilisában. In: Rosonczy, I. *Orosz fegyverekkel Ferenc Józsefért. Tanulmányok I. Miklós 1849-es magyarországi beavatkozásáról*. Budapest: Magyar Napló, pp. 35–74.
- Rosonczy, I., 2018. Rol' zheleznodorozhnogo soobshcheniia v okazanii Rossiei voennoi pomoshchi Avstrii v mae 1849 g. [The role of railway communication in providing Russian military support for Austria in May 1849]. *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii*, 13 (3–4), pp. 32–49.
- Stykalin, A. S., 2014. Pravda i vymysel o reaktsii rossiiskogo obshchestva na vengerskuiu revoliutsiiu 1848 g. Vengerskaia kampaniia 1849 g. i kapitan Gusev [Truth and fiction about the reaction of Russian society to the Hungarian revolution of 1848. The Hungarian campaign of 1849 and Captain Gusev]. *Istoicheskaiia ekspertiza*, 1, pp. 38–54.
- Verzhbitskii, V. G., 1962. Sochuvstvie peredovykh ofitserov i soldat russkoi armii vengerskoi revoliutsii 1848–49 [The sympathy of the progressive officers

and soldiers of the Russian army with the Hungarian revolution of 1848–49]. *Istoricheskii arkhiv*, 4, pp. 121–133.

Vinogradov, V. N., 2000. Vengerskii pokhod I. F. Paskevicha 1849 g.: legenda i deistvitel'nost' [Hungarian campaign of I. F. Paskevich of 1849: Myth and reality]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 3, pp. 80–96.

Ildikó Rosonczy

PhD, employee, *Magyar Napló* Publishing House, Budapest, Hungary. 1062, Bajza u. 18, Hungary. E-mail: irosonczy@gmail.com

The motive of Slavic kinship and multilingualism in the memoirs of Russian officers – participants in the Hungarian campaign of 1849

In the middle of the nineteenth century, about 40 per cent of the population of the Habsburg monarchy were Slavs. In the revolutionary year of 1848, larger and smaller nationalities that were at different stages of the nation-building process and who differed in their confessional affiliation as well as their social and political claims, were each demanding different degrees of national autonomy within the Monarchy. In 1849, it came to a head when Russian military intervention was requested by Francis Joseph I in order to suppress the Hungarian armed resistance. This coincided with the period of the so-called national awakening among the Slavic-speaking nationalities of the Monarchy, when linguistic kinship was becoming more and more obvious, the doctrine of Slavic reciprocity was born, and a sense of Slavic community appeared. The Russian army travelled to the Hungarian battleground through Moravia and the northern territories, which were mainly inhabited by Slavic peoples. Officers and soldiers of the Russian army easily found a common language with the Moravians, Poles, Ukrainians, Ruthenians, and Slovaks, as well as with Germans (Saxons) and Hungarians who spoke local Slavic dialects. This article examines the idea of linguistic kinship as reflected in the memoirs of officers of the Russian army who fought in the Hungarian Campaign of 1849 and strives to explore what role kindred Slavic languages played in the contacts between soldiers and the local population, and how these officers evaluated the military operation from the point of view of the future of the Slavic peoples living in the Habsburg Monarchy. Particular attention is paid to the problem of the wartime behaviour of ethnic Poles in Russian service.

Keywords: Slavic community, kindred Slavic language as a communication tool, advantage of polyglossia, examples of Russian officers of Polish origin

Любовь Алексеевна Кирилина

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32А. E-mail: kirilina.ljuba@rambler.ru

Языковая ситуация в словенских землях в конце XVIII — начале XX в. в социокультурном контексте эпохи

В конце XVIII — начале XX вв. словенцы находились не только в своем, но и в немецком, итальянском, венгерском культурных пространствах. Господствующее положение в государстве и обществе занимал немецкий язык, словенский считался языком простого народа. В статье рассматриваются особенности языковой ситуации в Крайне, Нижней Штирии и Южной Каринтии — регионах, находившихся в сфере немецкого политического и культурного влияния, в которых проживало большинство словенцев. Целью работы является анализ ее эволюции в социокультурном ракурсе эпохи. Интенсивное развитие словенского литературного языка началось со второй половины XVIII в., в период национального возрождения. В то время язык играл роль средства общения, а также социального маркера, и только с середины XIX в. он приобрел функции отличительного этнического признака и стал основой для политических проектов строительства нации. К началу XX в. словенский литературный язык уже полностью сформировался и имел собственную научную и профессиональную терминологию. На эволюцию языковой ситуации в словенских землях решающим образом влияли два фактора: языковая политика австрийского государства, направленная на систематизацию и классификацию не-немецких языков, а также деятельность словенских патриотов, имевшая целью развитие национального самосознания и культуры своего народа и упрочение его позиций в рамках империи.

Ключевые слова: словенские земли, полигlossия, языковая классификация, государственная политика, монархия Габсбургов

В конце XVIII — начале XX вв. большая часть словенской этнической территории входила в состав коронных австрийских земель. Словенцы занимали компактные области на юге Штирии и Каринтии и составляли треть населения этих провинций, в Приморье они представляли большинство везде, кроме Истрии, а Крайна была

почти полностью словенской (доля немцев не превышала 8%). Кроме того, словенцы проживали в Прекмурье (в венгерских комитатах Ваш и Зала), а также в Венецианской Словении. У словенцев, еще в VIII в. потерявших независимость, не было традиций государственности, собственного класса феодалов, они остались «неисторическим» народом с неполной социальной структурой. Доминирующее положение в обществе занимали немцы и итальянцы. Словенский язык считался языком простого народа, на нем говорило большинство крестьян — основная масса словенского населения (в городах тогда проживало всего 4% словенцев¹). В городах и крупных населенных пунктах преобладало словенско-немецкое двуязычие. В Приморье горожане-словенцы в той или иной степени владели и итальянским языком, а среди привилегированных сословий был распространен и немецкий.

В статье я ограничусь рассмотрением языковой ситуации в Крайне, Нижней Штирии и Южной Каринтии — областях, относившихся к немецкому культурному пространству, где проживало большинство словенского населения. Не затрагивая собственно лингвистические аспекты тематики, к настоящему времени уже достаточно хорошо изученные, я сосредоточусь на ее анализе в социокультурном аспекте эпохи, началом которой стало словенское национальное возрождение, а концом — распад Австро-Венгерской монархии. При этом необходимо учитывать, что на эволюцию языковой ситуации в словенских землях оказали влияние два взаимосвязанных фактора: деятельность словенских патриотов и политика австрийского правительства.

Литературно-письменный язык словенцев был создан протестантом П. Трубаром (1508–1586) и его последователями еще в XVI в. на основе люблянского говора. Тогда были изданы первые книги на словенском языке, составлена первая грамматика (бохориича). Письменный язык был ограничен в то время почти исключительно произведениями религиозной литературы. В период Контрреформации иезуиты ввели в словенских землях систему среднего и высшего образования, в крупнейших городах были открыты иезуитские коллегии, преподавание в которых проводилось на латинском языке.

¹ Grafenauer 1962: 154.

Во второй половине XVIII в. развитие словенского языка и культуры, по верному замечанию словенского историка П. Водопивеца, «в первую очередь стимулировали правительственные реформы и в меньшей степени идеи немецкого просвещения»². Действительно, реформы Марии Терезии (1740–1780 гг.) и ее сына Иосифа II (1780–1790 гг.), проводивших политику государственной централизации, дали мощный толчок развитию словенского национального возрождения. Особую роль в этом процессе сыграли школьные реформы. В 1770 г. образование было провозглашено государственным делом, а в 1774 г. начальное школьное обучение стало обязательным³. «Общий школьный устав» 1774 г. и «Методическая книга» 1775 г. предусматривали проведение занятий в начальных школах на родных языках учащихся, что, естественно, повлекло за собой организацию перевода на них школьных учебников.

Насущной проблемой для монархии Габсбургов стало закрепление главенствующей роли немецкого языка. Языком образования и науки была латынь, в высшем обществе охотнее говорили по-итальянски и по-французски, на этих же языках давались театральные представления. На немецком языке в Австрийской монархии до середины XVIII в. издавались в основном книги для простого народа. Кафедру немецкого языка в Венском университете открыли лишь в 1749 г.⁴ После роспуска в 1773 г. Ордена иезуитов роль латинского языка в обучении стала снижаться. Напротив, позиции немецкого языка укрепились. С 1776 г. его знание стало необходимым условием для поступления в гимназию, в 1782 г. он получил статус языка обучения в средних и высших учебных заведениях, а еще через два года был провозглашен официальным языком во владениях Австрийского дома вместо латыни.

Власти начали осознавать важность местных языков для осуществления своей образовательной программы и коммуникативных целей. Чтобы донести декреты и законы до низших слоев населения, их стали переводить на не-немецкие языки. Первым декретом, переведенным на словенский язык, стал Патент о военной службе 1758 г. В связи с потребностью государства в образованных чиновниках открывались новые гимназии.

² Vodopivec 1997: 65.

³ Хаванова 2006: 285–294.

⁴ Чуркина 2017: 23.

Австрийское правительство поддерживало стандартизацию немецких литературных языков. Естественно, при этом оно исходило из практической потребности систематизировать и упростить работу бюрократического аппарата, однако такая политика решающим образом стимулировала развитие языков и национального самосознания ненемецких народов империи. Т. Шеер и Р. Стергар справедливо отметили, что посредством классификации по языкам государство делило жителей на более узкие национальные категории, помещало их в так называемые этнические ящики⁵.

Процесс национального возрождения в конце XVIII — начале XIX в. развивался «вглубь, а не вширь»⁶. Словенских патриотов было еще очень мало, но они инициировали серьезный сдвиг в развитии языка и культуры. Началом словенского национального возрождения по традиции считается выход «Крайнской грамматики» М. Похлина (1735–1801) в 1768 г.⁷ В ней автор выступил за то, чтобы молодежь не стыдилась своего родного крайнского языка и учила его в латинских школах с тем же воодушевлением, что и немецкий. С выходом книги в свет и стала распространяться идея значимости словенского языка, началось его планомерное развитие. По замечанию Т. Домея, для зарождающегося национального движения «язык являлся само собой разумеющейся основой», и главной задачей словенских патриотов было развить и утвердить его как главный язык, использующийся в словенских землях во всех сферах⁸. Необходимо было развить систему школьного образования, подготовить религиозную и учебную литературу для простых людей, развить словенский литературный язык.

Центром деятельности словенских просветителей стала Любляна (Лайбах). Многие из них объединились сначала в Академии деятельных (*Akademia operozorum*, 1778–1883), а после ее закрытия в кружке барона Сигизмунда (Жиги) Цойса (1747–1819), богатейшего человека в Крайне. В конце XVIII — начале XIX в. они добились больших успехов. Историк и драматург А. Линхарт (1756–1795) в «Опыте

⁵ Stergar, Scheer 2018: 576.

⁶ Kidrič 1929: 350.

⁷ P. Marcus (*Marko Pohlin*). *Kraynska grammatika*: Das ist die crainerische Grammatik, oder Kunst die crainerische Sprach regelsrichtig zu reden, und zu schreiben. Laybach: Johann Friedrich Eger, 1768.

⁸ Domej 1995: 91.

истории Краины и других южных славян Австрии»⁹, написанной на немецком языке, впервые выделил словенцев как особый народ. Лингвист Е. Копитар (1780–1844) в 1809 г. опубликовал, тоже на немецком, первую научную грамматику словенского языка, в которой доказал существование единого словенского языка. Она стала программным сочинением словенского возрождения. Педагог и поэт В. Водник (1758–1819) был редактором и единственным автором первой словенской газеты «*Lublanske novize*» («Люблянские новости», 1797–1800). Б. Кумердей (1738–1805) поставил вопрос о необходимости создания национальной начальной школы. Просветителями было издано несколько словенских грамматик, сборников стихов, календарей. Линхарт и Водник переводили на родной язык правительственные постановления. В 1799 г. в Любляне появились первые объявления на словенском языке, а в 1802 г. первая уличная надпись¹⁰. Как отметила российский лингвист О.С. Плотникова, в начальный период национального возрождения произошло лексическое обогащение литературно-письменного языка, усложнение его синтаксической структуры, были разработаны нормы литературного языка и его грамматика¹¹.

Вопрос языкового выбора перед просветителями еще не стоял, они находились как в немецком, так и словенском культурном пространстве и, как правило, знали несколько языков. Так, например, С. Цойс был итальянцем по отцу и словенцем по матери, знал оба этих языка и, конечно, немецкий, на котором и предпочитал общаться и вести переписку. Воодушевленные развитием родного языка, словенские деятели так же трепетно могли относиться и к другим языкам. В свою очередь, многие крайнские немецкие дворяне гордились, что их отечество является и родиной крайнского (словенского) языка. Например, граф Иоганн Эдлинг, будучи референтом провинциальной школьной комиссии, организовал начальную школу в Краине, он сделал для словенских школ не меньше, чем словенские патриоты¹². А люблянский епископ Иоганн Карл Герберштейн

⁹ Linhart A.T. Versuch einer Geschichte von Krain und den übrigen Ländern der südlichen Slaven Oesterreichs (1788–1791). Laibach: Eger, 1788.

¹⁰ Плотникова 1978: 341.

¹¹ Там же.

¹² Melik 1997: 42.

(1719–1787) выступал за использование словенского языка в проповедях и в начальном образовании народа¹³.

Во времена французской оккупации в годы Наполеоновских войн, когда были созданы Иллирийские провинции с центром в Любляне (1809–1813), французские власти, стремясь привлечь на свою сторону местное население, приняли постановление о том, что обучение в начальных и средних школах следует вести на родном языке учащихся¹⁴. В. Водник составил в 1811 г. первую грамматику на словенском языке и другие учебники. В том же году словенский язык стал учебным предметом в лицее в Граце. Крупным достижением периода Иллирийских провинций было открытие в 1810 г. Центральных школ — полноценного университета с четырех-пятилетним сроком обучения, проводившегося на латыни, немецком и французском языках. Никому так и не удалось его закончить — в 1814 г., после восстановления власти Габсбургов, он был упразднен.

После поражения Наполеона австрийские власти отменили французские реформы, но постепенно многие начальные школы все же перешли к обучению на словенском языке. Он стал учебным предметом в лицеях не только Граца, но и Любляны (1817), а позже и Голицы (1847).

В первой половине XIX в. язык выполнял функции средства общения и социального маркера, он еще не превратился в политический символ или «инструмент культивирования нации»¹⁵. Так, один из лидеров либералов второй половины XIX в. Й. Вошняк отметил в воспоминаниях, что словенские горожане «в большинстве своем уже с детства владели немецким», хотя знали и родной язык.

Не ощущали мы себя, однако, ни немцами, ни словенцами, так как о национальности до 1848 г. никто и не говорил, и язык для нас был лишь средством общения¹⁶.

Государственным языком был немецкий, он являлся официальным в суде, учреждениях и гимназиях. Для крестьянства и низших городских слоев допускалось употребление словенского языка в официальных учреждениях, важнейшие государственные постановления

¹³ Stergar 2019.

¹⁴ Подробнее см.: Кирилина, Чуркина 1996: 78.

¹⁵ Stergar 2019.

¹⁶ *Vosnjak J.* Spomini. Ljubljana: Slovenska Matica, 1982. S. 1415.

переводились на словенский. Знание немецкого языка было обязательным для всех, кто стремился сделать карьеру, и родители, желавшие, чтобы их дети поднялись выше по ступеням социальной лестницы, старались дать им необходимое языковое образование. Как правило, образованные люди знали и латынь, которой по окончании гимназии владели практически свободно. Если говорили они обычно по-немецки, то серьезные речи составляли на латыни. В Крайне, где словенское население преобладало, многие немцы умели говорить по-словенски¹⁷.

В городах, а в Штирии и Каринтии также и в деревнях преобладало обучение на немецком языке, в деревенских школах Крайны, в Горице и части Приморья — на словенском. Большинство начальных школ были смешанными. Так, например, в Крайне в 1840-х годах было 12 немецких начальных школ, 23 словенских, 60 немецко-словенских¹⁸. Воскресные школы по преимуществу были словенскими. В гимназиях преподавание велось на немецком или итальянском языках. Главными предметами обучения были закон Божий, латинский и древнегреческий языки¹⁹. Один из словенских патриотов того времени И. Мацун вспоминал, что за шесть лет обучения в Мариборской гимназии (1830-е годы) он ни разу не слышал ни слова по-словенски²⁰. Многие словенские патриоты происходили из немецкоговорящих семей, общались и вели переписку по-немецки, одновременно учили родной язык. Яркий пример этому — Я. Блейвейс (1808–1881), который начал учить словенский язык, вернувшись в Люблянину после окончания Венского университета и решив заняться просветительской деятельностью среди словенцев. С 1843 г. он стал издавать газету для крестьян и ремесленников — «*Kmetijske in rokodeljske novice*» («Крестьянские и ремесленные новости», 1843–1902, далее — «*Novice*»), сыгравшую большую роль в развитии языка и культуры. Но и в публикациях этой газеты в первые годы использовалось много немецких слов и конструкций, а словенские слова часто пояснялись в скобках немецкими.

В начальный период словенского национального возрождения идея единства еще отсутствовала — региональное самосознание было распространено повсеместно. Поскольку словенцы не считали себя

¹⁷ Stergar 2019.

¹⁸ Apih 1888: 11.

¹⁹ Кирилина, Чуркина 1996: 78.

²⁰ Apih 1888: 11, 14.

единым народом, то не было и наименования для обозначения такового. Впервые этнонимы «*Slovenec*», «*Sloven*» в значении «словенец» появились в словенско-немецком словаре О. Гутсманна 1789 г.²¹, затем в трудах Линхарта и Копитара. Сначала их использовали в основном лингвисты, и часто — для обозначения не только словенского-ворящего населения, но и славян в целом²². Название «Словения» в первый раз было употреблено в письме Я. Н. Примица (1785–1823) В. Воднику в 1810 г.²³ Распространение оно получило значительно позже — после того, как появилось в печати — в оде Й. Весела Косеского (1798–1884), опубликованной в 1844 г. в газете «*Novice*». В ней впервые слово «Словения» использовалось как персонификация всех этнических словенских земель, название общности, которой раньше не было²⁴.

В эти времена среди широких слоев общественности интереса к словенскому языку и культуре еще не было. Так, газета «*Lublanske novize*» в 1800 г. закрылась из-за отсутствия подписчиков. Однако с ростом грамотности словенского населения увеличилась и потребность в издании прессы на словенском языке. До 1848 г. «*Novice*» Блейвейса была единственной газетой на словенском языке, и подписчиками ее являлись главным образом священники (крестьяне раскупали только одну десятую часть тиража)²⁵. Количество словенских деятелей постепенно росло: если, по подсчетам В. Мелика, в 1770-е годы развитием языка, литературы и культуры занималось около 30 человек, две трети из них были священниками, остальные — представителями дворянства и интеллигенции, то в 1825–1848 гг. насчитывалось уже 62 словенских патриота, среди них 44 священника²⁶.

Из-за обилия местных диалектов в конце XVIII — начале XIX в. единого словенского литературного языка еще не было, как не сформировалось и национальное самосознание словенцев — для них принадлежность той или иной провинции значила больше, нежели языковая близость. Крайнцы называли свой язык «крайнским» (*kranjski*), штирийцы — «штирийским» (*štajerski*), каринтийцы — «каринтийским»

²¹ Плотникова 1978: 335–336.

²² Kosi, Stergar 2016: 474–475; Orožen 1996.

²³ Гранда 2010: 37.

²⁴ Melik 1997: 44.

²⁵ Кирилина 2000: 19.

²⁶ Melik 1997: 44.

(*koroški*). Это обстоятельство, кстати, в свое время очень разочаровало французов, настроенных с уважением относиться к местному языку, но вскоре осознавших, что в Иллирийских провинциях о едином языке нет и речи²⁷.

Далеко не все словенские интеллигенты были готовы отказаться от своих местных диалектов. Так, некоторые словенские патриоты стремились к созданию своих региональных литературных языков. Хорватская кайкавщина²⁸ использовалась как литературный язык у прекмурцев вплоть до начала XX в.²⁹ В XVIII в. она являлась литературным стандартом католической церкви в Восточной Штирии, и на ее основе в начале XIX в. был создан восточно-штирийский литературный язык. На нем и писал стихи словенский поэт С. Враз (1810–1851). Словенская исследовательница Й. Чех обоснованно объяснила, что его последующий переход к хорватам во многом был продиктован языковой спецификой. Словенский язык на востоке Штирии, где жил Враз, был ближе к хорватскому языку, нежели к крайнскому, и был не очень понятен крайнцам. Стремление Враз утвердиться в центральнословенском литературном круге «было обречено на неудачу» из-за того, что крайнцы не могли в полной мере понять и оценить его поэзию³⁰. Переехав в Загреб, С. Враз получил там признание как хорватский поэт.

Словенские просветители при составлении грамматик также опирались на разные диалекты. Например, в «Крайнской грамматике» М. Похлин не учитывал особенности нецентральных диалектов и вообще не упомянул о существовании других словенских областей. Ф. Метелко (1786–1861) в 1824 г. при составлении грамматики словенского языка взял за основу восточноштирийский диалект, а П. Дайнко (1787–1873) годом позже — диалект Нижней Крайны. В результате, в 20–30-е годы XIX в. функционировало несколько языковых вариантов. Наряду с устаревшей бохоричицей использовались алфавиты, разработанные Метелко (метелчица) и Дайнко (дайнчица). В начале 1840-х годов в словенских землях

²⁷ Melik 1997: 42.

²⁸ Одно из наречий хорватского языка, распространенное на северо-востоке Хорватии, а также в приграничных районах Венгрии и в Румынии.

²⁹ О прекмурском литературном языке подробнее см., напр.: Есеншек 2016: 99–119; Kosi, Stergar 2016: 469.

³⁰ Čeh 2006: 152.

под влиянием хорватских иллиров стала распространяться гаевица³¹, окончательно утвердившаяся в словенском правописании в 1848 г.

Власти проводили классификацию по языкам, часто выбирая один стандарт из нескольких. Этот шаг был чисто прагматическим, чиновники стремились сократить количество языков, чтобы упростить свою работу. Далеко не все были стандартизированы, использование некоторых существовавших до тех пор письменных языков было прекращено. Так, например, администрация провинции Штирии сначала поощряла развитие восточноштирийского литературного языка, но в 1838 г. по предложению Вены запретила использование штирийской словенской орфографии и языка в школах³². Такая политика привела к существенным последствиям: языки, потерявшие или не получившие законный статус, уже не могли стать основой для формирования нации.

Под влиянием политического движения в хорватских землях среди многих национальных деятелей (преимущественно происходивших из Штирии и Каринтии) стала популярной идея Великой Иллирии, общей прародины югославян. Сторонники хорватского варианта иллиризма, в их числе и С. Враз, выступали за полный отказ от самостоятельного национального развития и принятие хорватской культуры и языка. Однако существовала и словенская разновидность иллиризма, идеологом которой являлся М. Маяр-Зильский (1809–1892), считавший, что иллирийский язык должен представлять нечто среднее между хорватским и словенским языками. Позже Маяр воодушевился идеей создания общеславянского языка, не нашедшей поддержки в словенском обществе. Многие патриоты, например, круг поэта Ф. Прешерна (1800–1849), выступили против идей иллиризма, стремясь развить словенский язык до уровня литературного. В 1840-х годах иллирийское движение в словенских землях пошло на спад, возродившись в обличье «неоиллиризма» уже в начале XX в.

Подобная специфика развития словенского языка и тесно связанного с ним национального самосознания в последние годы

³¹ Латинский алфавит, созданный Л. Гаем для хорватского языка по образцу чешского.

³² Stergar, Scheer 2018: 576, 578.

стимулировала появление новых интерпретаций феномена словенского народа. Немецкий ученый Иоахим Хёслер³³, австрийская исследовательница Т. Шеер, словенские историки Й. Коси и Р. Стергар пришли к выводу, что идея словенской нации возникла только в начале XIX в. и происходила не из «прежнего существования словенской этнической или языковой общности, а из идей местных интеллигентов, спроецировавших на местную ситуацию актуальные в Европе концепты»³⁴. Т. Шеер и Р. Стергар вполне обоснованно доказали, что сформировалась она также «на основе новой классификации языков», проводившейся австрийским правительством, и именно эта классификация «стала решающим фактором формирования наций»³⁵. Анализ возникновения словенского народа, по мнению Й. Коси и Р. Стергара, подтверждает теоретические положения модернизма и тезис о его «хронологической современности». Общепринятые представления историков об особой словенской этнической общности авторы назвали «видом методологического национализма», утверждая при этом, что «словенский народ не развился из особой словенской этнической группы, поскольку во время его появления ее вообще не было»³⁶. Последний тезис все же кажется излишне категоричным и недостаточно аргументированным, для его доказательства следовало бы также привлечь результаты исследований лингвистов и этнографов.

Лишь в середине XIX в. язык начал играть роль отличительного этнического признака и использоваться как основа для политического проекта строительства нации³⁷. В программе Объединенной Словении, разработанной словенскими либералами во время революции 1848 г. и ставшей главной национальной программой словенцев вплоть до Первой мировой войны, были выдвинуты требования полного равноправия словенского языка с немецким в словенских землях, введения его в школы и учреждения. Тогда же впервые прозвучало и требование создания словенского университета в Любляне.

³³ Критический разбор его монографии провел словенский историк Я. Цвирн. См.: Cvirn 2010.

³⁴ Kosi, Stergar 2016: 464.

³⁵ Stergar, Scheer 2018: 577.

³⁶ Stergar, Scheer 2018: 467–468.

³⁷ Juvan 2000: 138–139.

В октроированной конституции 1849 г.³⁸, так и не увидевшей свет, был провозглашен принцип равноправия всех австрийских народов и их права на развитие собственных языков и культуры. Позже были приняты и некоторые постановления, отвечавшие словенским интересам. «*Reichsgesetzblatt*» («Государственная официальная газета») выпускалась с 1849 г. на десяти языках, включая словенский. Так государство санкционировало лингвистическую классификацию, сформированную в предыдущие десятилетия. Официальное признание названия для языка и народа было большим достижением. Л. Светец, М. Цигале, Я. Циглер предложили при кодификации словенского языка учитывать и особенности его нецентральных диалектов. Новые языковые формы М. Цигале использовал при переводе кодекса законов, а в 1851 г. они были официально утверждены и рекомендованы для школьных изданий³⁹. Названия «крайнский» и «вендский» не исчезли, но с тех пор употреблялись в основном в уничижительном смысле противниками усиления роли словенского языка. Очевидно, что использование единого словенского языка стало в 1850-е годы результатом стремлений как словенцев, так и государственной власти⁴⁰.

После реформы гимназий, проведенной в 1849 г., словенский язык стал обязательным предметом для словенских учащихся. Это означало полный перелом ситуации. Новые поколения словенских интеллигентов отныне уже со школы учились мыслить, говорить и писать по-словенски. Прежнее преобладание немецкого языка в культурной жизни сменилось двуязычием, а потом и приоритетом словенского в ряде областей, прежде всего, в Крайне. Конкордат 1855 г.⁴¹ дал церкви особые права надзора за школой, что сыграло позитивную роль в упрочении позиций словенского языка — большинство словенских учителей были священниками. После революции произошел раздел Штирии на округа с учетом границ проживания народностей, что

³⁸ Октроированная или «дарованная» австрийским императором Францем Иосифом I (1848–1916 гг.) конституция фактически не вступила в действие и была отменена в 1851 г.

³⁹ Плотникова 1978: 353.

⁴⁰ Melik 1997: 45.

⁴¹ Соглашение между Святым престолом и Австрийской империей, согласно которому католичество объявлялось государственной религией, признавалась автономия церкви и ее право владения имуществом, ей были переданы цензура книг и наблюдение над всеми католическими школами.

также было на пользу словенцам. В мариборской гимназии с 1850 г., когда словенский язык стал обязательным предметом, его изучали 194 ученика из 217⁴². В 1852 г. в Клагенфурте открылось первое словенское издательское общество — Общество св. Мохора, в 1864 г. в Любляне, по инициативе штирийских словенцев, — Словенская матрица, в числе изданий которой были и учебники для средних учебных заведений на словенском языке⁴³.

В 1867 г., после введения системы дуализма, в Цислейтании была принята конституция, провозгласившая политические права и свободы, в том числе и равноправие национальностей. С 1880 г. жители австрийской части монархии при проведении переписи населения должны были указывать в бланках язык повседневного общения. И если немцев, учитывая интенсифицировавшийся в то время процесс германизации населения, это вполне устраивало, то славяне империи безуспешно требовали изменить эту формулировку и учитывать в переписях «родной язык» или «национальность»⁴⁴. Бюрократическая логика допускала, чтобы люди причислили себя только к одной из заданных национальных категорий. Таким образом, билингвизм на государственном уровне не признавался. С одной стороны, переписи искаженно отображали социальную реальность, но, с другой, формировали ее, знакомя население с национальными категориями идентификации. Любопытен в этом отношении анализ бланков переписи 1880 г. в Любляне, предложенный В. Валенчицем: некоторые респонденты определяли свой язык повседневного использования как «крайнский» или просто «славянский», другие утверждали, что пользуются двумя языками, а кто-то даже различал свой «словенский» язык от «вендского» жены⁴⁵.

Очень важное значение имело использование языковых классификаций в школах. Ученикам, большинство из которых были двуязычными, зачастую приходилось делать трудный для них выбор. Например, по воспоминаниям Ю. Трунка, многие словенские ученики, поступая в гимназию в Филлахе в Каринтии, записывались немцами, чтобы им не пришлось сдавать на экзаменах словенский язык⁴⁶. Сло-

⁴² Чуркина 2015: 268.

⁴³ Bernik 1964: 14, 15.

⁴⁴ Valenčič 1974: 289–290.

⁴⁵ Valenčič 1974: 300–303.

⁴⁶ *Trunk J. M.* Spomini. Celje: Tiskarna družbe sv. Mohorja, 1950. S. 30.

венский национальный деятель Й. Сернец из Штирии, мать которого была немкой, а отец словенцем, писал, что дома с родителями дети говорили по-немецки, а в деревне и с одноклассниками общались на словенском языке. Когда он поступил в гимназию в Мариборе, ему пришлось выбрать язык обучения. Сернец вспоминал:

Хотя я сказал, что плохо знаю словенский, меня записали на занятия словенским языком для словенцев, тогда как для немцев, учивших словенский, проводились другие занятия⁴⁷.

И еще важный момент: хотя мальчик делал в словенском языке много ошибок, учителя ставили ему хорошие оценки, поскольку видели прогресс в его знаниях. По словам Сернеца, они добились того, что он «охотно учил словенский», а также повлияли на его мышление «в национальном плане»⁴⁸. Классификация, проводившаяся в школах, способствовала тому, что учащиеся овладевали нормами стандартного словенского языка, а также, особенно в регионах с двуязычным населением, начинали осознавать свою принадлежность единому словенскому народу.

Важным новшеством стало и использование полковых языков с 1868 г., когда была введена всеобщая воинская обязанность. Если более половины рекрутов полка говорили на одном языке, он становился полковым и офицеры должны были общаться на нем с рекрутами. Языковая классификация статистически распределяла солдат по национальности, а также устанавливала и укрепляла связь между языком и национальностью в их сознании. Использование одного языка (за исключением 80 немецких команд⁴⁹) стало нормой. Формирование лингвистически однородных групп в школах и в армии способствовало развитию местных национализмов⁵⁰. Осознание своей национальной идентичности к началу XX в. практически стало нормой.

В 1870 г. был отменен надзор духовенства над школами. В результате по уровню грамотности словенцы перед Первой мировой войной находились на четвертом месте в империи — после немцев, чехов и итальянцев⁵¹. Однако для словенцев этот закон имел и отри-

⁴⁷ *Sernec J.* Spomini. Ljubljana: Komisijška založba «Tiskovne zadruga», 1927. S. 2–4.

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ Stergar, Scheer 2018: 583.

⁵⁰ Stergar, Scheer 2018: 583.

⁵¹ Gestrin, Melik 1966: 261.

чательные последствия, поскольку роль национального духовенства в системе образования уменьшилась.

В конце XIX — начале XX в. все начальные школы в Крайне (за исключением регионов Кочевье, Бела-Печ и Любляна) были словенскими. В Приморье и Нижней Штирии словенские школы преобладали в деревнях, в городских школах занятия велись на итальянском или немецком языках. Словенцы добились в 1895 г. открытия словенской школы в Горице, в Триесте же их старания так и не увенчались успехом. Еще хуже дела обстояли в Каринтии — там работали всего три словенские школы, существовал еще ряд двуязычных школ, но в них немецкий язык постепенно вытеснял словенский. В четырех немецко-словенских гимназиях в Крайне после 1908 г. некоторые предметы преподавались на словенском языке. А в 1905 г. в Шент-Виде около Любляны была основана первая словенская гимназия — частная епископская. Единственная государственная словенская гимназия открылась в 1913 г. в Горице. Во всех других приморских гимназиях обучение велось на немецком или итальянском языке. Реальные училища в словенских землях были немецкими, за исключением итальянского училища в Триесте и немецко-словенского в Идрии. На словенском языке велось обучение также в ряде профессиональных школ⁵². В провинциальных собраниях словенский язык имел равные права с немецким лишь в Крайне, с итальянским — только в Горице.

Во время правления консерватора Э. Тааффе (1879–1893) Крайна стала считаться словенской провинцией. С 1880-х годов в ней быстрыми темпами проходила словенизация населения. Словенские патриоты часто сетовали на преобладание немецкого языка в повседневном общении жителей Любляны во второй половине XIX в. Ф. Шуклье писал:

В господских семьях языком общения был немецкий: по-словенски или “по-крайински” мы говорили только с ... прислужгой!

При этом он не преминул заметить, что немецкий язык большинства горожан был ужасен⁵³. Описывая Люблян у рубежа 1870–1880-х годов, И. Хрибар (1851–1941) подчеркнул «чисто немецкий характер» города: все надписи были на немецком языке, в учреждениях

⁵² Gestrin, Melik 1966: 260–262.

⁵³ Šuklje F. Iz mojih spominov. Ljubljana: Slovenska Matica, 1988. I. del. S. 14.

говорили исключительно по-немецки, на улицах тоже «чаще можно было услышать немецкую, а не словенскую речь, особенно из уст образованных людей». Жительницы Любляны из образованных слоев даже «стыдились говорить на улице по-словенски»⁵⁴. Однако постепенно число тех, кто причислял себя к немцам, сокращалось. Модернизация и словенизация Любляны рубежа XIX–XX вв. позволила городу окончательно утвердиться в качестве словенского центра. Показательно сравнение результатов переписей населения: если в 1880 г. 22,79 % (5 тыс. 658 чел. из 24 тыс. 824) жителей города назвало своим языком повседневного использования немецкий, то через 20 лет их число уже сократилось до 15,23 % (5 тыс. 433 чел. из 35 тыс. 600)⁵⁵.

Процесс словенизации проходил не просто, он вызвал ожесточенное сопротивление немецкоговорящего населения. Когда в 1896 г. жупаном стал либерал И. Хрибар, он настоял на том, чтобы в магистрате говорили только по-словенски, что поначалу привело к чувству дискомфорта у чиновников, недостаточно владевших языком⁵⁶. Камнем преткновения стал и вопрос о языке уличных надписей. В 1892 г. совет общины Любляны принял решение о словенских надписях в городе, в 1894 и в 1897 г. — о двуязычных. Хрибар, однако, настоял, чтобы размеры букв были в соотношении 6:1, так как в Любляне $\frac{6}{7}$ населения словенцы. Он с гордостью вспоминал, что, «хотя это решение было справедливым, оно, конечно, вызвало бешенство в немецких кругах и сильное недовольство правительства»⁵⁷. В 1899 г. решения 1897 г. были отменены и принято постановление о том, что надписи должны быть чисто словенскими⁵⁸. Поскольку в то время большинство надписей на предприятиях и торговых лавках были немецкими, решать вопрос в пользу замены их словенскими зачастую приходилось с помощью полицейского комиссара⁵⁹.

В Штирии и Каринтии проходили обратные процессы — германизации словенского населения. Либерал И. Лах сетовал, что к 1880-м годам Марибор превратился в немецкий центр со словенской

⁵⁴ *Hribar I. Moji spomini. I. del. Ljubljana:Mercur, 1928. S. 93–94, 230.*

⁵⁵ Stergar 2019.

⁵⁶ *Hribar I. Moji spomini. I. del. S. 275–276.*

⁵⁷ Ibid. S. 284.

⁵⁸ Drnovšek 1983: 111, op. 124.

⁵⁹ *Hribar I. Moji spomini. I. del. S. 286.*

округой. В Клагенфурте в 1852 г. словенцы составляли две трети населения, а в начале XX в. уже почти никто не рисковал говорить в городе по-словенски⁶⁰.

До середины XIX в. никто из словенских патриотов, выступавших за изучение, развитие и унификацию словенского (крайнского) литературного языка, не протестовал против превалирования немецкого языка и того положения, которое он занимал в жизни общества. Эти неконфликтные языковые традиции соблюдались повсеместно, во многих отношениях они были характерны для всего XIX ст. Особенно ярко это прослеживается на примере литературного творчества, как словенского, так и немецкого. Так, Ф. Прешерн писал стихотворения не только на словенском языке, но также на немецком (38 произведений) и на латыни. Он публиковал их во всех серьезных периодических изданиях, выходивших в то время в Крайне. Поэт считал, что словенцы должны быть благодарны немецкой культуре, она представляет безусловную ценность, но словенцы «должны держаться своего языка и народности»⁶¹.

Процесс языкового и культурного взаимодействия был двусторонним, и ряд немецких деятелей науки и культуры также проявили интерес к словенскому языку и культуре. В Любляне, к примеру, проживали несколько немецких авторов, выучивших словенский язык. Л. Кордеч, публицист и издатель, считал себя славянином, пишущим по-немецки; Р. Г. Пуфф — учитель гимназии, публицист, директор немецкого театра, выучил словенский язык и считал его составной частью австрийской культуры. Он первым дал описание Штирии и других словенских территорий в путевых заметках, а также издал первый туристический путеводитель по словенской Штирии. Э. Х. Коста, написавший на немецком ряд краеведческих и экономических трудов, выучил словенский язык, стал словенским патриотом и одним из ближайших сподвижников Я. Блейвейса, возглавил Словенскую матицу, физкультурное общество «Сокол».

Двум мирам — и немецкому, и словенскому — принадлежал граф А. фон Ауэрсперг (немецкий поэт Анастасиус Грюн, 1806–1876). Он дружил с Прешерном, в молодости изучал словенский язык, впоследствии же стал одним из лидеров Немецкой партии. Был патриотом

⁶⁰ *Lah I. Knjiga spominov. Ljubljana: Tiskovna zadruga, 1925. S. 11.*

⁶¹ *Grdina 1993: 60–61.*

Крайны и каждое лето собирал словенский фольклор и переводил его на немецкий язык, в чем ему помогали Ф. Прешерн, С. Враз, Е. Копитар. В 1850 г. он издал «Народные песни Крайны», где впервые представил Европе словенский фольклор и поэзию. Он написал некролог Прешерну, в который включил перевод нескольких его стихов на немецкий язык. Ауэрсперг считал, что Прешерн «развил и облагородил» словенский язык и сравнивал его с кузнецом, выковавшим «плуг для возделывания уже давно запущенной нивы языка»⁶². Вместе с тем он был непоколебимо убежден в цивилизаторской миссии германства, без воздействия которой словенская культура не сможет развиваться, и полагал, что словенский язык никогда не станет полноценным литературным языком — на него нельзя перевести ни Гомера, ни Шекспира.

Словенцы в XIX в. делали переводы с немецкого, а также с латыни, французского, русского и других европейских языков. Они стремились доказать, что и на своем языке могут выразить все, что было написано по-немецки, и на том же высоком уровне. Печатались они не только в словенских, но и в немецких изданиях, предназначавшихся двуязычным читателям.

Уже в 50–60-е годы XIX в. начался процесс размежевания как среди словенских патриотов, так и между словенцами и немцами. Многие политические лидеры словенцев того времени отвергали ценности немецкой культуры, и эта резкая позиция привела к увеличению числа немшкутаров (сл. *nemškutar*) — словенцев, отказавшихся от своей культуры и перешедших в немецкий лагерь. Среди них были и бывшие словенские патриоты — например, К. Дежман, В. Коншек, Й. Швегель (в молодости — словенский поэт Жвегель, а в конце века — глава Немецкой партии в Крайне)⁶³. Немшкутары верили в цивилизаторскую миссию немцев и считали, что немецкий язык как язык высшей культуры и науки необходим для «общественной реализации» каждого словенца⁶⁴. В начале 1880-х годов, когда на политическую сцену выдвинулось новое поколение словенских патриотов, достижения немецкой культуры вновь стали признавать, однако на рубеже XIX–XX вв. словенско-немецкая конфронтация

⁶² Melik 2002: 132.

⁶³ Grdina 1993: 63.

⁶⁴ Prijatelj 1956: 53.

постепенно нарастала и достигла пика к началу Первой мировой войны. Противопоставление свой — чужой, включавшее разделение по национальному признаку и охватывавшее практически все сферы общественной жизни, стало неотъемлемой составной частью формирования национального самосознания словенцев. Язык стал одним из средств политической борьбы.

Как правительственная политика, так и столкновения местных национализмов влияли на изменение языковой ситуации в империи. Языковые и культурные требования не-немецких народов подчас вызывали конфликты, парализовавшие работу правительства. Так, спор о введении словенско-немецких параллельных классов на первой ступени гимназического обучения в Целье в 1895 г. спровоцировал обострение славяно-немецкого конфликта общеавстрийского масштаба и во многом способствовал падению правительства князя А. Виндишгреца⁶⁵. Однако упорное сопротивление словенских и других югославянских деятелей не дало возможности правительству санкционировать открытие итальянского университета в Триесте в начале XX в. Точно так же и многие требования словенцев, направленные на укрепление позиций своего языка, не были осуществлены из-за противодействия немецких и итальянских политиков.

Люди, стремившиеся утвердиться в обществе, теперь уже должны были однозначно и четко самоидентифицироваться. Словенский патриот мог получить признание в кругу национально ориентированных словенцев, но его патриотизм вредил ему в немецком или итальянском окружении⁶⁶, и наоборот. Можно согласиться с метким высказыванием И. Грдины: если во второй половине XIX в. «словенский интеллигент принадлежал двум культурам», то перед Первой мировой войной ситуация изменилась коренным образом: «бикультурные люди были лишь исключениями»⁶⁷. Впрочем, и «исключения», национально индифферентных людей, было немало.

К началу XX в. словенский литературный язык уже полностью сформировался и имел собственную научную и профессиональную терминологию. Патриоты вели борьбу за его равноправие в школах и учреждениях и за развитие родной культуры и утверждение ее

⁶⁵ Cvirn 2006: 180–181.

⁶⁶ Vodopivec 2007: 17.

⁶⁷ Grdina 1993: 66.

на европейском уровне. Однако до распада Австро-Венгерской монархии реально им удалось добиться только введения словенского языка в начальные школы в качестве языка обучения в большинстве словенских земель (кроме Южной Каринтии).

Изучая процессы эволюции языковой ситуации в словенских землях в конце XVIII — начале XX в., можно проследить прежде всего влияние на них двух мощных факторов: языковой политики австрийского государства, направленной на систематизацию и классификацию ненемецких языков, а также усилий национальных деятелей по развитию словенского языка и культуры и укреплению его позиций в рамках империи. Они были тесно взаимосвязаны: правительственная политика вольно или невольно то стимулировала, то притормаживала процесс развития ненемецких языков и культур и соответствующих национальных движений. В свою очередь, окрепшие к концу XIX в. национализмы оказывали влияние на деятельность правительства, подчас вызывая своими конфликтами его кризисы.

Литература

- Гранда 2010 — Гранда С. Краткий очерк истории словенцев // Словенская литература (от истоков до рубежа XIX — XX веков) / отв. ред. Н. Н. Старикова. М.: Индрик, 2010. С. 15–52.
- Есеншек 2016 — Есеншек М. Иной взгляд на историю словенского литературного языка // *Slavica Literatura* 19. Maribor, 2016. № 2. S. 99–119.
- Кирилина, Чуркина 1996 — Кирилина Л. А., Чуркина И. В. Словенская школа в прошлом, настоящем и будущем // Педагогика. 1996. № 1. С. 76–82.
- Кирилина 2000 — Кирилина Л. А. Словенцы и революция 1848–1849 гг. М.: Институт славяноведения РАН, 2000. 160 с.
- Плотникова 1978 — Плотникова О. С. Становление словенского литературного языка в период национального возрождения // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков / редкол.: С. Б. Бернштейн (отв. ред.), Л. Н. Смирнов, Г. К. Венедиктов. М. Наука, 1978. С. 329–353.
- Хаванова 2006 — Хаванова О. В. Заслуги отцов и таланты сыновей. Венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов, 1746–1784. СПб.: Алетейя, 2006. 439 с.
- Чуркина 2015 — Чуркина И. В. Борьба за словенскую школу (вторая половина XIX — начало XX вв. // Славянский мир в третьем тысячелетии.

- Ратный подвиг и мирный труд в истории и культуре славянских народов. М.: Институт славяноведения РАН, 2015. С. 266–275.
- Чуркина 2017 — *Чуркина И. В.* Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. — 1914 г. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. 576 с.
- Apih 1888 — *Apih J.* Slovenci in 1848 leto. Ljubljana: Matica slovenska, 1888. 302 s.
- Bernik 1964 — *Bernik F.* Sto let kulturnega poslanstva // Slovenska Matica 1864–1964 / ur. F. Bernik. Ljubljana: Slovenska Matica, 1964. S. 11–26.
- Cvirn 2006 — *Cvirn J.* Razvoj ustavnosti in parlamentarizma v Habsburški monarhiji. Dunajski državni zbor in slovinci (1848–1918). Ljubljana: Filozofska fakulteta, Oddelek za zgodovino, 2006. 320 s.
- Cvirn 2010 — *Cvirn J.* Joachim Höslers, Von Krain zu Slowenien. Die Anfänge der nationalen Differenzierungsprozesse in Krain und der Untersteiermark von der Aufklärung bis zur Revolution 1768 bis 1848. // *Zgodovinski časopis* 64. 2010. № 3–4. S. 491–494.
- Čeh 2006 — *Čeh J.* Cankarjev pogled na ilirizem in novoiliristične ideje Frana Ilešiča // Preseganje meja. Slovenski slavistični kongres (Zagreb, 2006). Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije, 2006. S. 151–162.
- Domej 1995 — *Domej T.* Slovenci v 19. stoletju v luči svojih lastnih oznak // Slovenci in država: zbornik prispevkov z znanstvenega posveta na SAZU od 9. do 11. novembra 1994. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1995. S. 83–93.
- Drnovšek 1983 — *Drnovšek M.* Novoletni govori župana Ivana Hribarja ljubljanskemu občinskemu svetu 1896–1909 // Arhivi. Glasilo Arhivskega društva in arhivov Slovenije. Letnik VI. Št. 1–2. Ljubljana: Arhivsko društvo Slovenije, 1983. S. 100–110.
- Gestrin, Melik 1966 — *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1966. 364 s.
- Grafenauer 1962 — *Grafenauer B.* Zgodovina slovenskega naroda. Ljubljana: Glavna zadržna zveza, Oddelek za tisk in propagando, 1961. Zv. V. 239 s.
- Grdina 1993 — *Grdina I.* Doživljanje Nemcev in nemške kulture pri slovenskih razumniki od prosvetljenstva do moderne // *Zgodovinski časopis*. 1993. 47. № 1. S. 57–67.
- Juvan 2000 — *Juvan M.* Literarno besedilo in narodno-kulturna razlika // *Juvan M.* Vezi besedila: študije o slovenski književnosti in medbesedilnosti. Literarno-umetniško društvo Literatura, 2000. S. 133–159.
- Kidrič 1929 — *Kidrič F.* Zgodovina slovenskega slovstva od začetkov do marčne revolucije. Ljubljana: Slovenska matica, 1929. 724 s.
- Kosi, Stergar 2016 — *Kosi J., Stergar R.* Kdaj so nastali «ljubi slovinci»? O identitetah v prednacionalni dobi in njihovi domnevni vlogi pri nastanku slovenskega naroda // *Zgodovinski časopis*. 2016. 70. № 3–4. S. 458–488.

- Melik 1992 — *Melik V.* Nemci in Slovenci // *Zgodovinski časopis*. 1992. 46. № 2. S. 171–174.
- Melik 1997 — *Melik V.* Problemi v razvoju slovenske narodne identitete // Avstrija. Jugoslavija. Slovenija. Slovenska narodna identiteta skozi čas / ur. D. Nečak. Ljubljana: Oddelek za zgodovino Filozofske fakultete, 1997. S. 41–52.
- Melik 2002 — *Melik V.* A. A. Auersperg in slovenski narod // *Melik V.* Slovenci 1848–1918. Razprave in članki. Maribor: Litera, 2002. S. 127–140.
- Orožen 1996 — *Orožen M.* Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika v 19. stoletju. Ljubljana: Filozofska fakulteta, 1996. 405 s.
- Prijatelj 1956 — *Prijatelj I.* Slovenska kulturno-politična zgodovina. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1956. Knj. 2. 625 s.
- Stergar 2019 — *Stergar R.* The evolution of linguistic policies and practices of the Austro-Hungarian armed forces in the era of ethnic nationalisms: The case of Ljubljana-Laibach // *Language diversity in the late Habsburg Empire* / ed. by M. Prokopovych, C. Bethke, T. Scheer. Leiden: Brill, 2019. P. 50–71. (Central and Eastern Europe. 9). DOI: 10.1163/9789004407978_005
- Stergar, Scheer 2018 — *Stergar R., Scheer T.* Ethnic boxes: the unintended consequences of Habsburg bureaucratic classification // *Nationalities Papers*. 2018. Vol. 46. № 4. P. 575–591. DOI: 10.1080/00905992.2018.1448374.
- Valenčič 1974 — *Valenčič V.* Etnična struktura ljubljanskega prebivalstva po ljudskem štetju 1880 // *Zgodovinski časopis* 1974. 28. № 3–4. S. 287–319.
- Vodopivec 1997 — *Vodopivec P.* Nekaj opozoril na vzporednice in razlike v narodnem oblikovanju slovencev in bretoncev // Avstrija. Jugoslavija. Slovenija. Slovenska narodna identiteta skozi čas. / ur. D. Nečak. Ljubljana: Oddelek za zgodovino Filozofske fakultete, 1997. S. 62–73.
- Vodopivec 2007 — *Vodopivec P.* Kulturno-duhovne razmere na Slovenskem v 19. stoletju // *Bogoslovni vestnik*. 2007. 67. № 1. S. 9–17.

References

- Apih, J., 1888. *Slovenci in 1848 leto*. Ljubljana: Matica slovenska, 302 p.
- Bernik, F., 1964. Sto let kulturnega poslanstva. In: Bernik, F., ed. *Slovenska Matica 1864–1964*. Ljubljana: Slovenska Matica, pp. 11–26.
- Churkina, I. V., 2015. Bor'ba za slovenskuiu schkolu (vtoraia polovina 19 — nachalo 20 vv. [The struggle for the Slovenian school (from the second half of the nineteenth to the early twentieth century)]. *Slavyanskii mir v tret'em tysiacheletii. Ratnyi podvig i mirnyi trud v istorii i kul'ture slavyanskikh narodov* [The Slavic world in the third millennium. Feat in war and peaceful labor in the history and culture of Slavic peoples]. Moscow, pp. 266–275.
- Churkina, I. V., 2017. *Rossia i slaviane v ideologii slovenskikh natsional'nykh deiatelei 16 v. — 1914 g.* [Russia and the Slavs in the ideology of Slovenian national

- activists from the sixteenth century to 1914]. Moscow: Institut slavianovedenia RAN, 576 p.
- Cvirn, J., 2006. *Razvoj ustavnosti in parlamentarizma v Habsburški monarhiji. Durnajski državni zbor in slovinci (1848–1918)*. Ljubljana: Filozofska fakulteta, Oddelek za zgodovino, 320 p.
- Cvirn, J., 2010. Joachim Höslers, Von Krain zu Slowenien. Die Anfänge der nationalen Differenzierungsprozesse in Krain und der Untersteiermark von der Aufklärung bis zur Revolution 1768 bis 1848. *Zgodovinski časopis*, 64, 3–4, pp. 491–494.
- Čeh, J., 2006. Cankarjev pogled na ilirizem in novoiliristične ideje Frana Ilešiča. In: *Preseganje meja. Slovenski slavistični kongres (Zagreb, 2006)*. Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije, pp. 151–162.
- Domej, T., 1995. Slovenci v 19. stoletju v luči svojih lastnih oznak. In: *Slovenci in država: zbornik prispevkov z znanstvenega posveta na SAZU od 9. do 11. novembra 1994*. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, pp. 83–93.
- Drnovšek, M., 1983. Novoletni govori župana Ivana Hribarja ljubljanskemu občinskemu svetu 1896–1909. *Arhivi. Glasilo Arhivskega društva in arhivov Slovenije*, 1–2 (VI). Ljubljana: Arhivsko društvo Slovenije, pp. 100–110.
- Jesenshek, M., 2016. Inoi vzgled na istoriiu slovenskogo literaturnogo iazyka [A different view on the history of the Slovenian literary language]. *Slavica Literatura*, 19, 2, pp. 99–119.
- Gestrin, F., Melik, V., 1966. *Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918*. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 364 p.
- Grafenauer, B., 1962. *Zgodovina slovenskega naroda*, 5. Ljubljana: Glavna zadružna zveza, Oddelek za tisk in propagando, 239 p.
- Granda, S., 2010. Kratkii ocherk istorii sloventsev [A brief survey of the history of Slovenes]. In: Starikova, N.N., ed. *Slovenskaia literatura (ot istokov do rubezha 19–20 vekov)* [Slovenian literature (from the origins to the turn of the nineteenth and twentieth centuries)]. Moscow: Indrik, pp. 15–52.
- Grdina, I., 1993. Doživljanje Nemcev in nemške kulture pri slovenskih razumnikih od prosvetljenstva do moderne. *Zgodovinski časopis*, 47, 1, pp. 57–67.
- Juvan, M., 2000. Literarno besedilo in narodno-kulturna razlika. In: Juvan, M. *Vezi besedila: študije o slovenski književnosti in medbesedilnosti*. Literarno-umetniško društvo Literatura, pp. 133–159.
- Khavanova, O., 2006. *Zaslugi ottsov i talanty synovei. Vengerskie dvoriane v uchebnykh zavedeniiax monarkhii Gabsburgov, 1746–1784* [Fathers' merits and sons' talents: Hungarian nobles in the educational institutions of the Habsburg Monarchy, 1746–1784]. Saint Petersburg: Aleteia, 439 p.
- Kidrič, F., 1929. *Zgodovina slovenskega slovstva od začetkov do marčne revoluciji*. Ljubljana: Slovenska matica, 724 p.

- Kirilina, L. A., Churkina, I. V., 1996. Slovenskaia shkola v proshlom, nastoiaschem i budushchem [Slovenian school in the past, present and future]. *Pedagogika*, 1, pp. 76–82.
- Kirilina, L. A., 2000. *Sloventsy i revoliutsiia 1848–1849 gg.* [Slovenes and the revolution of 1848–1849]. Moscow: Institut slavyanovedeniia RAN, 160 p.
- Kosi, J., Stergar, R., 2016. Kdaj so nastali »ljubi slovinci«? O identitetah v prednacionalni dobi in njihovi domnevni vlogi pri nastanku slovenskega naroda. In: *Zgodovinski časopis*, 3–4, (70), pp. 458–488.
- Melik, V., 1992. Nemci in slovinci. *Zgodovinski časopis*, 46, 2, pp. 171–174.
- Melik, V., 1997. Problemi v razvoju slovenske narodne identitete. In: Nečak, D., ed. *Avstrija. Jugoslavija. Slovenija. Slovenska narodna identiteta skozi čas*. Ljubljana: Oddelek za zgodovino Filozofske fakultete, pp. 41–52.
- Melik, V., 2002. A. A. Auersperg in slovenski narod. In: Melik, V. *Slovinci 1848–1918. Razprave in članki*. Maribor: Litera, pp. 127–140.
- Orožen, M., 1996. *Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika v 19. stoletju*. Ljubljana: Filozofska fakulteta, 405 p.
- Plotnikova, O. S., 1978. Stanovleniie slovenskogo literaturnogo iazyka v period nacional'nogo vrozozhdeniia [Formation of the Slovenian literary language in the period of national revival]. In: *Nacional'noe vrozozhdenie i formirovanie slavyanskikh literaturnikh iazykov* [National revival and the formation of Slavic literary languages]. Moscow: Nauka, pp. 329–353.
- Prijatelj, I., 1956. *Slovenska kulturno-politična zgodovina*, 2. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 625 p.
- Stergar, R., 2019. The evolution of linguistic policies and practices of the Austro-Hungarian armed forces in the era of ethnic nationalisms: The case of Ljubljana–Laibach. In: Prokopovych, M., Bethke, C., Scheer, T., eds. *Language diversity in the late Habsburg Empire*. Leiden: Brill, pp. 50–71 (Central and Eastern Europe, 9). DOI: 10.1163/9789004407978_005.
- Stergar, R., Scheer, T., 2018. Ethnic boxes: the unintended consequences of Habsburg bureaucratic classification. *Nationalities Papers*, 46, 4, pp. 575–591. DOI: 10.1080/00905992.2018.1448374.
- Valenčič, V., 1974. Etnična struktura ljubljanskega prebivalstva po ljudskem štetju 1880. *Zgodovinski časopis*, 28, 3–4, pp. 287–319.
- Vodopivec, P., 1997. Nekaj opozoril na vzporednice in razlike v narodnem oblikovanju slovencev in bretoncev. In: Nečak, D., ed. *Avstrija. Jugoslavija. Slovenija. Slovenska narodna identiteta skozi čas*. Ljubljana: Oddelek za zgodovino Filozofske fakultete, pp. 62–73.
- Vodopivec, P., 2007. Kulturno-duhovne razmere na Slovenskem v 19. stoletju. *Bogoslovni vestnik*, 67, 1, pp. 9–17.

Liubov' A. Kirilina

PhD, Senior Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninsky Prospekt, 32A. E-mail: kirilina.ljuba@rambler.ru

**The language situation in the Slovene lands
from the late eighteenth to early twentieth centuries
in the sociocultural context of the era**

From the end of the eighteenth to the early twentieth centuries, Slovenes lived not only on their own, but also in the German, Italian, and Hungarian cultural spaces. The dominant role in state and society was played by the German language, with Slovenian considered the language of the common people. This article examines the peculiarities of the language situation in Carniola, Lower Styria, and Southern Carinthia — regions with predominantly Slovene populations that nevertheless remained under German political and cultural influence — and analyses the evolution of Slovenian against the sociocultural background of the age. The maturation of Slovene literary language began in the second half of the eighteenth century, during the period known as the national revival. At that time, language was both a means of communication and a social marker; only from the middle of the nineteenth century did it acquire its function as a distinctive ethnic feature and the basis for political nation-building projects. By the beginning of the twentieth century, it was fully formed and had its own scientific and professional terminology. The evolution of the language situation in the Slovenian lands was decisively influenced by two factors: the language policy of the Austrian state, aimed at the systematization and classification of non-German languages; and the activities of Slovenian patriots, aimed at developing their language and culture, and strengthening their position within the Empire.

Keywords: Slovenian lands, polyglossia, language classification, state policy, Habsburg monarchy

ОБУЧЕНИЕ ЯЗЫКАМ И ЯЗЫКИ ПРЕПОДАВАНИЯ

Ивана Хорбец

PhD, научный сотрудник, Институт хорватской истории, Загреб, Хорватия. 10000, Zagreb, Opatička 10. E-mail: ihorbec@isp.hr

Многоязычие в хорватских землях под властью Габсбургов в XVIII в.

В статье рассматривается роль многоязычия в хорватских землях под властью Габсбургов в XVIII в. Основное внимание уделено хорватско-славонскому дворянству и иным местным элитам (духовенство, офицеры, врачи, инженеры и др.) как части общества, восприимчивой к влиянию образовательных норм и языковой политики, проводимой венским двором. Дан комплексный анализ уровня знаний разных языков в хорватском обществе в XVIII в., показаны влияние политики в сфере образования и важность выбора языка для социальной и политической репрезентации. Доказывается, что культура образованной, политически наиболее активной части хорватского общества вплоть до первой половины XIX в. оставалась в основе своей многоязычной в силу особенностей языковых практик и благодаря тому обстоятельству, что венский двор сделал для утверждения национального языка больше, чем хорватские элиты. Исследование основано на документах из государственных архивов Хорватии, Венгрии и Австрии и ряде опубликованных источников, таких как переписка, мемуары и публицистика.

Ключевые слова: многоязычие, история Хорватии, Габсбургская монархия, венский двор, история образования, история элит

Даже при поверхностном знакомстве с официальными и личными бумагами самой образованной части населения хорватских земель под властью Габсбургов в XVIII в. становится ясно, что современный историк, чтобы понимать содержание этих документов, должен владеть несколькими языками. Помимо текстов, написанных на латыни, являвшейся тогда административным языком в Хорватии и Славонии, встречается много записей на немецком, французском, итальянском (его венецианском наречии), венгерском и,

конечно, на хорватском языке, родном для большинства жителей королевства. Хорватско-славонское дворянство, подавая прошения о принятии на статскую или военную службу в Габсбургской монархии, особо подчеркивало знание латинского, венгерского, немецкого, итальянского или французского языков, и дошедшие до наших дней эпистолярные коллекции подтверждают владение этими языками. Полиглоссия, конечно, была отличительной чертой элит во всей Европе в эпоху Просвещения¹, но хорватские земли можно рассматривать как особо характерный пример означенного явления. Если в политической, социальной и культурной сфере континента в раннее Новое время (в некоторых случаях — до конца XVIII в.) в публичной сфере утвердился примат народных языков, то в Хорватии и Славонии латинский язык сохранял статус официального вплоть до 1847 г. Культурную жизнь вслед за латынью на протяжении всего XIX в. определяли и живые иностранные языки — прежде всего, немецкий, французский, а затем и венгерский. Каждый из этих языков играл особую роль в жизни населения хорватских земель; о социальном, культурном или политическом окружении говорящего можно было судить по выбору им языка.

Цель статьи — проанализировать степень востребованности иностранных языков и значение многоязычия в хорватских землях под властью Габсбургов в XVIII в., особое внимание уделено хорватско-славонским элитам как части общества, наиболее подверженной влиянию образовательных норм и языковой политики габсбургских властей. На основе архивных документов и текстов того времени (корреспонденции, мемуаров, нормативных актов и иных публикаций) исследуется важность владения теми или иными языками в XVIII в., зависимость языковой практики от политики или социальных отношений и значение выбора языка для социальной или политической репрезентации индивида². В центре исследования в географическом плане находятся хорватские земли, которые

¹ Rjéoutski, Frijhoff (eds.), 2018; Glück, Häberlein, Flurschütz da Cruz (Hrsg.), 2019; Evans 2004.

² Результаты исследования уже опубликованы в ряде статей: Horbec, Matasović 2019; Horbec, Matasović 2018; Horbec 2018; Fischer 2001. В данной статье представлены новые данные продолжающегося исследования архивных материалов (переписка из семейных фондов Хорватского государственного архива и Венгерского национального архива).

в течение XVIII в. были под властью Габсбургов, при этом рассматриваются как их гражданская (королевство Хорватии и Славонии), так и военная (Военная Граница) части. Хронологически исследование сконцентрировано на XVIII в. Это был период обновления после продолжительных войн с Османской империей, он считается ключевым для понимания отношения образованной общественности как к изучению современных иностранных языков в качестве маркера принадлежности к определенному культурному кругу, так и к изучению национального (в данном случае хорватского) языка, рассматривавшегося в качестве интегрирующего фактора в размышлениях современников о политической идее нации. Попробую аргументировать тот тезис, что культура образованных и политически активных слоев общества в хорватских землях именно из-за специфичности языковой практики оставалась подчеркнуто многоязычной вплоть до конца XIX в. Также я постараюсь объяснить, почему утверждению национального языка в середине XIX в. больше способствовала образовательная политика венского двора, чем действия хорватской элиты.

Территория, общество и языковые практики

Область, на которую распространяется исследование, охватывает две части Габсбургской монархии в период раннего Нового времени. Они существенно различались по языковой практике и языковой политике. С одной стороны, значительная часть исследования относится к королевству Хорватии и Славонии (полное название «*Regna Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae*», или дословно «Королевства Далмации, Хорватии и Славонии»)³. Его территория охватывала «гражданскую часть», которая также была частью земель короны св. Стефана или Венгерского королевства в составе владений Австрийского

³ В историографии эта область часто именуется «Банская Хорватия» — то есть территории под юрисдикцией Хорватско-славонского сабора и бана. Туда включаются три хорватских (Вараждин, Загреб, Крижевцы) и три славонских (Пожега, Вировитица, Срем) комитата (жупании) с гражданским управлением. Также эти части королевства называют «Гражданская Хорватия» и «Гражданская Славония», чтобы отделить их от областей с военной администрацией. Указание Далмации в официальном названии королевства на протяжении раннего Нового времени связано исключительно с декларативными властными притязаниями. Далмация до 1797 г. находилась под управлением Венеции и поэтому не относится к предмету исследования.

дома. При этом хорватско-славонские сословия, согласно *Corpus juris Hungarici* (корпусу законов Венгерского королевства), сохраняли значительную автономию во внутреннем управлении (административную и финансовую). С другой стороны, в составе владений Австрийского дома находилась и область Военной Границы, управлявшейся напрямую из Вены через Придворный военный совет территории вдоль границы с Османской империей. Политическое и социальное развитие в этих двух частях хорватских земель под властью Габсбургов зависело от различных политических решений: Хорватия и Славония управлялись по законам и обычаям Венгерского королевства, а Военная Граница — через особые распоряжения, которые в вопросах образовательной политики главным образом совпадали с циркулярами, принимавшимися для Чешско-Австрийских наследственных провинций.

Среди образованной части населения в королевстве Хорватии и Славонии можно выделить духовенство, дворянство и немногочисленные профессиональные группы врачей, хирургов или инженеров. Для Военной Границы это было, прежде всего, офицерство, почти исключительно иностранного происхождения (если не считать так называемую Банскую границу, где офицерские должности сохранялись за хорватско-славонскими дворянами), кадры военного управления, а также разные специалисты, которых на данной территории было особенно много. В Хорватии и Славонии дворянство, которое считалось носителем национальной идентичности вплоть до конца XIX в., прежде всего из-за традиции военной службы во время войн против османов, а также отчасти и из-за недостатка сильно-го бюргерства сохранило по отношению к прочим слоям населения четко разграниченный правовой статус. Практика употребления языков в дворянской среде сильно влияла на общую языковую ситуацию в королевстве, поэтому здесь уместно детально рассмотреть структуру и состав хорватско-славонского дворянства.

Дифференциация знатных и незнатных в течение всего XVIII в. оставалась господствующим делением в обществе, но и дворянство было весьма гетерогенно, а динамичные административные реформы способствовали еще большему его расслоению. Число дворян увеличивалось в течение XVIII в., при этом в 1780-е годы почти 90 % всего дворянства составляли его беднейшие слои, не имевшие ни поместий, ни зависимых крестьян. Магнатские семьи были малочисленны, но имели до 70 % территории дворянского землевладения в целом.

Помимо небольшого числа родов, чьи владения находились преимущественно на территории хорватских земель (Драшковици, Оршичи, Патачичи, Пеячевичи, Войковичи/Войкфи), было также немало магнатских семей, имевших иноземное происхождение (например, Сермаж, Надашди, Баттяни, Эрдёди, Перлаш, Эльц). В силу социальной активности эти семьи определяли культуру хорватской элиты⁴. На местном уровне самым влиятельным было среднее дворянство, часто поколениями связанное с несением сословной службы (например, семейства Раух, Раффайи, Маленич, Магдич, Юршич, Циндери, Магдаленич, Чиккулини, Кеглевич, Елачич, Шкрлец). Оно же зачастую было и наиболее консервативным, так как их главный интерес заключался в сохранении привилегий и традиционной системы управления. Прослойка горожан была малочисленной и политически пассивной. Крупнейшие города (Загреб, Вараждин, Фиуме (совр. Риека), Пожега, Крижевцы, Копривница) насчитывали 2,5–5 тыс. жителей, а управление городами осуществляло главным образом дворянство, которое в течение XVIII в. интенсивно селилось в этих городах.

Политическое и общественное пространство в хорватских землях отличалось многоязычием отчасти из-за политической раздробленности, а отчасти — из-за крайне разнородного состава местных элит. Различались и языки управления: в Хорватии и Славонии, так же как и во всем Венгерском королевстве, официальным языком был латинский; на Военной Границе — немецкий.

Латинский язык доминировал в публичном пространстве не только в политике (управлении), но и в общественной, культурной и научной сфере. Для образованных людей латынь не только являлась официальным языком, но и часто выбиралась для написания литературных произведений или личных писем, причем, даже для адресатов, говоривших на том же языке, что и отправитель. Кроме того, она была языком науки и культуры: ряд работ так называемых хорватских латинистов по теологии, праву, естественным наукам, поэтические произведения намного превосходят труды на других языках, а литература на латыни в хорватских землях в количественном измерении является одной из богатейших в Европе⁵. Латинский язык

⁴ Štefanec 2013; Adamček 1981.

⁵ О хорватской литературе раннего Нового времени, в частности XVIII в. см.: Gortan, Vratović (prired.) 1969–1970; Gortan 1978; Bogišić 1995.

занимал важное место и в образовании. Для хорватско-славонского дворянства он был «языком, который хорватам учить легче, чем живые языки, как будто этот язык их родной с раннего детства»⁶. Также дворянам латынь была нужна для несения государственной службы. Хорватско-славонское дворянство считало использование латинского языка справедливым в первую очередь из-за того, что это гарантировало равный доступ к политике для всех сословий Венгерского королевства, где полиэтническое дворянство как элита не имело общего родного языка. Наконец, использование латыни имело и большое символическое значение: с одной стороны, для дворянства оно было показателем принадлежности к европейской цивилизации и римскому культурному наследию (что в контексте положения страны на рубеже Запада и Востока особенно важно), с другой стороны, указывало на принадлежность к образованной элите и повышало их авторитет в публичной сфере.

В отличие от гражданской части страны, в документах Военной Границы латинский язык почти нигде не встречается. В качестве исключения можно выделить только территорию Банской Границы, где славонский бан и дворянство имели намного большее влияние, чем на остальной Военной Границе — их политическая и социальная активность приводила к регулярному использованию латыни в документах служебного и личного характера. На территории Военной Границы в основном был распространен *немецкий язык* как язык администрации того времени. По большей части он использовался не только в документообороте при сношении с институтами, употреблявшими латынь в качестве служебного языка, но и в личной переписке частных лиц. Однако это не означает, что немецкий язык не имел хождения в гражданской части, то есть в Хорватии и Славонии. Он закономерно присутствовал в общественной жизни этой территории с начала правления династии Габсбургов (1527), внедрялся через военное управление и хозяйственную деятельность в течение нескольких веков войн против Османской империи, а затем был принят элитой, главным образом в течение XVIII в., отмеченного укреплением мощи Габсбургов и многочисленными реформами, которые способствовали созданию протомодерных государственных

⁶ Речь графа Франьо (Ференца) Войкффи на заседании Хорватского-славонского сора 1832 г. цит. по: Sikirić Assouline 2009: 258–259.

структур. Поэтому на протяжении XVIII в. немецкий все чаще выступал как язык, знание которого свидетельствовало не только о космополитизме высших слоев хорватского общества, но и об их политическом влиянии, за которым стоял венский двор⁷. Затем, в связи с упомянутыми интеграционными процессами в монархии, немецкий язык вошел в школы, а после и в управление — сначала косвенно (в черновики документов и межведомственную деловую переписку), а потом (с 1784/1786 по 1790 г.) он был (неуспешно) провозглашен и языком администрации.

Хотя официальные и личные документы, созданные на исследуемой территории в течение XVIII в., написаны главным образом на латинском и немецком, в повседневной жизни в основном употреблялся *хорватский язык*, являвшийся родным для большей части населения. В делопроизводстве хорватский использовался крайне редко главным образом по причине того, что имел три диалекта — штокавский, кайкавский, чакавский. Из-за отсутствия стандарта юридической (и вообще научной) терминологии, а также литературной нормы он долгое время не был достаточно развит для нужд управления⁸. Хорватский встречается только среди документов, связанных с судебными тяжбами, и, намного реже — среди сообщений от низших чиновников комитатов (жупаний), которые, можно предположить, не обладали достаточным знанием латыни, чтобы писать на ней⁹. Даже в частной корреспонденции к концу XVIII в. хорватский язык представлен меньше всего. Хотя еще в течение XVII в. и в первой половине XVIII в. хорватско-славонские дворяне, даже иностранного происхождения, личные письма часто писали по-хорватски¹⁰. Во второй половине XVIII в. эта практика в значительной мере была утрачена, поэтому хорватский язык является скорее исключением в сохранившейся корреспонденции дворянских семей, о чем подробнее сказано ниже. Знание хорватского языка только в исключительных

⁷ См.: Horbec 2018.

⁸ На территории употребления хорватского языка распространены три значительно различающихся диалекта: штокавский, кайкавский и чакавский. Карту их распространения см.: Fischer 2001: 56.

⁹ См. прошения судей дворянского происхождения. Йосипа Завршцкого и Ивана Грденича. 1779 г. // HDA-34. Kut. 6, 7/1770. Nr. 240; Kut. 6, ex gen. congr. 8. VIII. 1770.

¹⁰ Примеры: Matasović 2008: 43–45, 49, 62, 117–128; о семье Чикулини см.: HDA-706. Kut. 88–90 (korespondencija 1720–1749.); о семье Эрдеди см.: Pálffy 2001: 26.

случаях было нужно для занятия публичных должностей: например, в 1779 г. из десяти чиновников в канцелярии Хорватского королевского наместнического совета, центрального исполнительного органа власти в королевстве Хорватии и Славонии с 1767 г. по 1779 г., четверо не знали хорватский язык¹¹, и можно предположить, что даже хорватско-славонский бан граф Ференц Надашди (в должности с 1756 по 1783 г.) недостаточно знал хорватский язык, чтобы вести на нем переписку¹². Единственные служащие, от которых в Хорватии и Славонии в XVIII в. по закону требовалось знание народного языка, были медицинские работники — врачи и хирурги¹³. Этот факт с современной точки зрения представляется особенно интересным: с одной стороны, такое требование государственной власти вполне логично: медицинские работники вряд ли смогли бы успешно выполнить свою работу, если бы не знали языка тех, кого они лечили. С другой стороны, на лицо парадокс: дипломированные врачи и хирурги в хорватских землях почти всегда, в отличие от прочих служащих, были иностранцами¹⁴. Знание хорватского требовалось и на территории Военной Границы: все тамошние чиновники должны были изучать язык народа, хотя командным языком оставался немецкий¹⁵.

Наконец, не следует забывать и об остальных языках, использовавшихся в политической и частной переписке. *Венгерский язык* был одновременно родным для большинства венгерского дворянства, которое имело те же привилегии, законы, а также законодательные и управленческие институты, что и хорватское. Причем хорватские и славонские дворяне в политическом смысле считались *венграми* (*Hungari*)¹⁶, и знание венгерского было желательным для каждого, кто

¹¹ См. его прошение: MNL OL. A 39. 1779/4389.

¹² См., например, перевод письма Вучимира Тривановича из банского гусарского полка на немецкий: MNL OL. P 507. 46. cs. № 857 (varia).

¹³ См.: *Linzbauer F. X. Codex sanitario-medicinalis Hungariae*. Budae: Typis Caesareo-Regiae Scientiarum Universitatis, 1853. Sv. III/1. S. 550–551.

¹⁴ Horbec 2015: 159.

¹⁵ *Taube F. W., von. Historische und geographische Beschreibung des Königreichs Slavonien und des Herzogthumes Syrmien, sowol nach ihrer natürlichen Beschaffenheit, als auch nach ihrer itzigen Verfassung und neuen Einrichtung in kirchlichen, bürgerlichen und militärischen Dingen*. Leipzig: [s. t.], 1777. Bd. II. S. 85.

¹⁶ См. ст. 61 от 1741 г. и ст. 35 от 1764/1765 гг. в Своде законов Венгерского королевства: *Corpus juris Hungarici. Magyar Törvénytar*. URL: <https://net.jogtar.hu/ezer-ev-torveny?docid=74100061.TV&searchUrl=/ezer-ev-torvenyei%3Fkeyword%3D1741;>

собирался делать карьеру на государственной службе. Однако хотя они и подчеркивали знание венгерского языка в прошениях при поступлении на государственную службу¹⁷, в их корреспонденции крайне редко можно найти доказательства его применения в социально-политической сфере. С другой стороны, в среде образованных дворян было нередким использование в общении *французского и итальянского языков*¹⁸. На Военной Границе также приветствовалось знание «османского» языка: если верить автору путевых заметок Фридриху Вильгельму фон Таубе, и полковые писари, и фурьеры должны были уметь читать и писать по-турецки, чтобы в случае необходимости вести переписку с бегами и пашами в Сербии, Боснии и османской Хорватии¹⁹.

Изучение языков в XVIII в.

Общая грамотность изначально базировалась на латинском языке, а получить образование в основном стремилась молодежь, которая связывала будущую карьеру, а иногда и образ жизни с духовной, гражданской или военной службой. Развитие начального образования в хорватских землях происходило благодаря приходским священникам, в то время как сферу среднего и высшего образования главным образом контролировал Оден иезуитов. Программа в иезуитских школах опиралась на официальный учебный план иезуитов — «*Ratio atque institutio studiorum Societatis Jesu*»²⁰ (1599) — и делала упор на преподавание латинского языка, необходимого для публичной и научной деятельности, а также предполагала изучение философии и теологии²¹. По желанию можно было продолжить учебу в одном из университетов монархии — при этом

URL: <https://net.jogtar.hu/ezer-ev-torveny?docid=76400035.TV&searchUrl=/ezer-ev-torvenyei%3Fkeyword%3DXXXV> (дата обращения: 21.11.2019).

¹⁷ См. прошение Николы Шкрлец-Ломницкого от 1758 г.: MNL OLA 1. 1758/121.

¹⁸ MNL OL. P 507. 28. cs. № 241; 30. cs. № 245; HDA-706. Kut. 88–91; HDA-711; Kut. 96–100; ÖStA. HHStA. Ungarische Akten. Fasc. 317 (Frangepan). Konv. A–D.

¹⁹ *Taube F. W., von.* Historische und geographische Beschreibung. Bd. II. S. 85.

²⁰ Название документа не имеет общепринятого перевода на русский язык. Наиболее точным представляется вариант, предложенный Д. В. Шмониным: «Порядок и установление занятий в Обществе Иисуса», см.: *Шмонин Д. В.* «Порядок и устройство». К публикации раздела «Ratio Studiorum» (1599) // Вестник русской христианской духовной академии. 2011. Т. 12. Вып. 4. С. 309 (прим. перев.)

²¹ Подробнее о программе образования см.: Shek Brnardić 2009.

молодежь из хорватских земель ориентировалась на поступление в высшие учебные заведения Вены, Граца или Трнавы²² (позднее Буда/Пешта). В первой половине XVIII в. большая часть студентов обучалась только в течение семестра или осваивала два курса философии, поскольку этого было достаточно для получения статуса «литерата» (*literatus*, то есть «образованный»)²³. Аристократы, напротив, до основания государственных высших учебных заведений в середине XVIII в. получали домашнее образование, которое гарантировало широкий кругозор и свободное владение иностранными языками.

В ходе реформы высшего образования в монархии Габсбургов изучение современных языков приобрело важность, особенно для тех, кто выбирал административную, публичную карьеру. Хотя изменения коснулись учебных программ университетов еще в 1740–1760-х годах, когда венский двор активно насаждал широкое изучение немецкого языка среди народов монархии²⁴, говорить о языковой политике на разных ступенях можно только с 1770-х годов, когда вышли в свет два основополагающих акта, оказавшие существенное влияние на систему образования в хорватских землях под властью Габсбургов: «Общий школьный устав» (1774), действовавший в Чешско-Австрийских наследственных провинциях и на Военной Границе, и «Порядок воспитания и образования», больше известный под латинским названием как «*Ratio educationis*» (1777 г., дополнения 1806 г.), применявшийся на землях короны св. Стефана, в частности в Хорватии и Славонии²⁵. Согласно «Общему школьному уставу», на Военной Границе предполагалось учреждение «немецких» начальных школ, программа которых включала изучение и родного языка помимо немецкого, в то время как в «латинских» основной упор делался «на

²² Университет в Трнаве (по-венгерски Надьсombат) основан в 1635 г. и долгое время был единственным университетом Венгрии. В 1777 г. он был торжественно перенесен в только что отстроенный королевский дворец в Буду, в 1784 г. вновь сменил местопребывание на Пешт.

²³ Horbec, Matasović 2019: 149.

²⁴ MNL OL. A 1. 1765/85; 1769/426. См. также: ÖStA. FHKA. Camerale Ungarn. Fas. r. Nr. 878. Subd. 3. № 24 ex Feb. 1770. Fol. 118, № 91 ex Feb 1772. Fol. 199.

²⁵ [Matasović M.] Sustav obrazovanja i cjelokupnog školstva za Ugarsko Kraljevstvo (1777.) // Od protomodernizacije do modernizacije školstva u Hrvatskoj: Zakonodavni okvir / ur. I. Horbec, M. Matasović, V. Švoger. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2017. Str. 85–142.

изучение латыни, необходимой <...> тем, кто будет врачом, фельдшером и т.д. или тем, кто хочет зарабатывать на хлеб пером» (ст. V). «*Ratio educationis*» признавал важность латинского языка в общественной жизни: констатировался факт, что богослужение и законодательная деятельность в Венгерском королевстве осуществляются на латинском языке, как и работа органов государственного управления. Латынь в Венгрии была почти что родным языком, поэтому «широко было распространено мнение, что незнание латыни — существенное доказательство безграмотности» (§ 102). В то же время поощрялось изучение национальных языков (таковых было семь), на которых надо было преподавать различные дисциплины, в особенности естественнонаучного цикла.

Основываясь на содержании этих нормативных документов, можно сделать вывод, что в цели языковой политики не входило обязательное владение несколькими языками. Первостепенной задачей начального образования, контролируемого государством, было распространение грамотности, позволявшей использовать знание нескольких языков в повседневной жизни и трудовой активности населения. Неоспоримым было преобладание латыни в среднем и высшем образовании, но вместе с тем возрастала и польза от изучения немецкого, в первую очередь из-за доступности современной литературы и возможности свободной коммуникации с представителями других народностей империи («*Ratio educationis*», § 83, 84, 101, 102). Уделялось внимание и другим национальным языкам, поскольку, согласно «*Ratio educationis*», молодежь получала образование «не для того, чтобы прослыть образованным, но из-за обязанности перед королем и государством, и, что самое важное, ради общественной жизни, в условиях, когда все чаще употребляются родные языки, а не латынь». Изучение современных иностранных языков не навязывалось, наоборот, для введения в школах итальянского или французского языка было недостаточно средств (§ 184). Впрочем, побуждения к изучению иностранных языков чаще были безуспешными — примеры тому есть в записках Имбре Игнатиевича Ткалаца (1824–1912), который в 1830-е годы учился в школе на Военной Границе, где действовало предписание помимо родного языка учить и немецкий. В воспоминаниях о детстве он запечатлел скверное знание немецкого языка среди граничар, упомянув историю из школьных будней одного из местных жителей:

Мы годами зубрили, но ни одного приличного предложения сами так и не составили, — на что тогдашний учитель отвечал нам: “Император приказал, надо исполнять”.

К концу XVIII в. знание немецкого языка стало особенно важно для тех, кто строил карьеру в государственных структурах, даже в тех областях, где официальным языком была латынь. Из-за увеличения документооборота между венским двором и Венгерским королевством использование латыни стали считать непрактичным, в этой связи хорватско-славонское дворянство все чаще сталкивалось с необходимостью знать немецкий. Так, например, для вовлечения хорватско-славонских сословий в экономические проекты венского двора Мария Терезия (1740–1780) в 1764 г. распорядилась распространить среди чиновников «полезные книги» о земледелии и скотоводстве на немецком языке²⁶. А в 1766 г. она же основала в Хорватии и Славонии фонд для поощрения учеников, которые делали успехи в изучении немецкого языка²⁷. Той же линии придерживались при дворе, учреждая в 1769 г. Политико-экономического коллегіума в Вараждине, основной целью которого была подготовка дворянства к государственной службе в духе просвещенного абсолютизма. Предполагалось, что языком преподавания станет немецкий, на котором написан учебник Йозефа фон Зонненфельса (1732–1817)²⁸. Но с учетом того, что курс был разработан для местного дворянства и горожан, образование которых базировалось на знании латыни, желающих пройти обучение практически не было вплоть до момента, когда власти установили языком преподавания латинский²⁹. Адальберт Адам Барич (1742–1813), преподаватель коллегіума, был вынужден сделать перевод учебника на этот мертвый язык³⁰.

²⁶ ÖStA. FHKA. Kommerz Litorale, Fasz. r. Nr. 720. Fol. 1346–1348; Allerhöchste Resolution, Sept. 1764.

²⁷ Фонд просуществовал до 1788 г., когда его средства были направлены на поддержку беспризорных и больных учеников. См.: Cuvaj 1909: 399.

²⁸ *Sonnenfels J., von.* Grundsätze der Polizey-, Handlung- und Finanzwissenschaft. Wien: bei Josef Kurzbock, 1765–1767. Автор учебника Й. фон Зонненфельс (1732–1817) был ведущим теоретиком политической экономии в Габсбургской монархии в XVIII в., с 1763 г. преподавал камеральные науки на философском факультете Венского университета. Его ученик А. Барич стал профессором в Вараждине.

²⁹ HDA-12. A77/1769.

³⁰ Примечательно, что первые студенты коллегіума при поступлении указали, что знают немецкий — но, вероятно, их знаний было недостаточно для полноценной

Изменение отношения к изучению языков

Упомянутые выше «Общий школьный устав» и «*Ratio educationis*», как и поощрение властями использования немецкого и национальных языков, показывают, что языковая политика в монархии Габсбургов в XVIII в. отражала общую для просвещенной Европы тенденцию, которая заключалась в попытках согласовать традиционное гуманистическое образование с пользой владения современными языками. В таком ракурсе грамотность приобретала в глазах подданных важное значение и подтверждалась зачастую именно знанием языков. Это, конечно, касалось в первую очередь хорватского дворянства, в особенности магнатских кругов, чья политическая и экономическая мощь были главным образом связаны с венским двором. Отголосок этих перемен можно наблюдать в стиле прошений о поступлении на статскую службу, утвердившемся в 1770-е годы. Например, если раньше подобные документы не содержали сведений о владении иностранными языками, поскольку сами заявители не считали эти знания важными, то отныне хорватско-славонские дворяне помимо имевшегося опыта работы в качестве преимущества указывали знание иностранных языков³¹.

Влияние языковой политики в области образования и других «языковых тенденций» в монархии Габсбургов на элиту королевства Хорватии и Славонии в XVIII в. демонстрируют дошедшая до наших дней переписка и иные источники личного происхождения. Важнейшими для моего исследования являются корреспонденция хорватских банов, которые по долгу службы контактировали с широким кругом лиц, а также письма и документация дворянских семейств, например, Сермаж или Драшкович³². На основании этих источников

учебы. HDA-12. F46/1770). Подготовленный Баричем перевод учебника никогда не был опубликован по причине несоответствия перевода терминологии. HDA-12. Serija 12.1. Sv. II. Fol. 421–423.

³¹ Примером является прошение Игнатия Магдаленича 1768 г. о поступлении на службу в должности советника Хорватского королевского веча: в качестве конкурентных преимуществ он указал, что помимо хорватского и латинского, владеет немецким, итальянским и французским языками, а так же посетил все места, важные с точки зрения развития торговли по Адриатическому морю. См.: MNL OL. A 1. 1768/27.

³² Корреспонденция хорватских банов частично хранится в Венгерском национальном архиве. См.: MNL OL. P 201; P 507; P 1316; P 1675. Корреспонденция семей Сермаж и Драшкович хранится в Хорватском национальном архиве. См.: HDA 706; HDA 711.

можно констатировать факт, что бан Йожеф Эстерхази (1733–1741) вел переписку с хорватско-славонскими дворянами и аристократами на латыни, исключая нескольких магнатов венгерского происхождения, с которыми он общался на венгерском. Однако во второй половине XVIII в. начали все больше использовать современные языки для переписки, особенно среди благородных сословий. Так граф Петар Троило Сермаж, участник Семилетней войны (1756–1763), писал по-немецки с фронта³³, граф Адам Оршич в начале XIX в. оставил мемуары на немецком³⁴. В этой связи необходимо особо отметить корреспонденцию бана Ференца Надашди, который переписывался с аристократами по-немецки, а с представителями хорватского среднего и мелкого дворянства (Бедековичами, Краячичами, Раухами, Шпишичами, Шкерлецами и др.) — на латыни.

В эпистолярном наследии бана графа Ференца Балашша (1785–1790) прослеживается схожая тенденция, но в то же время есть в нем одна особенность, которая едва просматривается в бумагах его предшественника Надашди: все больше хорватских дворянских семей, в особенности скромного происхождения, к концу XVIII в. выбирали немецкий язык для писем, структура и содержание которых типичны для патрон-клиентских отношений — открытки, извещения, просьбы об оказании поддержки и т.д.³⁵ Подобная практика свидетельствует, что дворяне, рассчитывая на карьеру в местной сословной администрации, выбирали для коммуникации немецкий язык, пытаясь не только подражать аристократии, но и конкурировать с ней за высокие должности. Еще одним примером тому является история Игнатия Магдаленича, который до 1760-х годов все письма писал исключительно на латинском языке, а после обучения в Вене и получения баронского титула в 1762 г. все чаще использовал немецкий³⁶. Кроме немецкого языком общения был и французский: например, молодая аристократка графиня Барбара Драшкович, обучаясь в Пресбурге

³³ Die Briefe des Grafen Sermage aus dem siebenjährigen Kriege / ur. J. Matasović. Zagreb: Narodna Starina, 1923. 368 s.

³⁴ Memoiren des Grafen Adam Orsich de Szlavetich Ivan // Arhiv za povjestnicu jugoslavensku / ur. I. Kukuljević Sakcinski. Zagreb, 1869. Knj. X. S. 245–318.

³⁵ См., например, корреспонденцию семьи Бужан: MNL OL. P 1765. 22. tétel. № 1824–1828; письма Гаспара Свагела см.: Ibid. № 8361–8374; письма Александра Сечена см.: Ibid. № 2072–2974.

³⁶ Его переписку с баном Ф. Надашди см.: MNL OL. P 507. 35. cs. № 465.

(совр. Братислава), в 1768 г. писала родителям по-французски (так она практиковалась в изучаемом языке)³⁷, так как представители фамилий Чикулини, Сермаж или Драшкович регулярно использовали французский для общения с лицами иностранного происхождения³⁸.

Языковые предпочтения, диктуемые хорватскому обществу элитой, в скором времени распространились и среди горожан: в городах употребление иностранных языков стало признаком хорошего тона, на что частично повлиял наплыв ремесленников и солдат иностранного происхождения. «В Осиеке и Петроварадине вы не услышите никакого другого языка кроме немецкого», — записал Фридрих Вильгельм фон Таубе в 1770-е годы³⁹. По путевым заметкам графа Домокоща Телеки можно судить о том, что в остальных городах Славонии был также распространен немецкий, а в Загребе еще и латынь⁴⁰. В то же время Фиуме, входивший в состав Венгерского королевства, испытывал сильное итальянское культурное влияние, поэтому среди горожан шире был распространен итальянский. Телеки отмечал:

Особенно отчетливо это видно в кафанах⁴¹, там не слышно другой речи, кроме итальянской, местные предпочитают читать итальянские газеты. Если кто-то спросит на другом языке, вряд ли его поймут⁴².

В связи с государственной языковой политикой и все возраставшей значимостью многоязычия в публичной сфере, к концу XVIII в. оно все чаще наблюдалось и среди неимущих слоев населения, которые по мере своих возможностей тратили деньги на образование, считая его выгодным вложением средств. Прекрасным примером того являются сведения, датированные 1779 г., о знании языков канцелярскими служащими Хорватского королевского наместнического

³⁷ Ibid. 28. cs. № 241. Fol. 571.

³⁸ См.: HDA-706. Kut. 88; HDA-711. Kut. 96.

³⁹ Taube F. W., von. Historische und geographische Beschreibung. Bd. I. S. 63.

⁴⁰ Teleki von Szék D. Reisen durch Ungarn und einige angränzende Länder. Pesth: Hartleben, 1805. S. 178, 222.

⁴¹ Кафана — разновидность таверны (прим. перев.).

⁴² Ibid., S. 245–248. Схожие сведения приводит Альберто Фортис. См.: Fortis A. Travels into Dalmatia, containing observation on the natural history of that country and the neighbouring islands; the natural productions, arts, manners and customs of the inhabitants, in a series of letters. London: Printed for J. Robson, Bookseller, New Bond Street, 1778. P. 510.

совета. В основном это мелкие дворяне или горожане, имевшие какое-то образование, которые помимо служебного латинского языка неплохо знали и немецкий. По крайней мере, из десяти служащих только один указал, что его немецкий — «чуть-чуть» (*«tak-tak nemski»*)⁴³. Есть тому и другие примеры. Сын офицера-границара просветитель Матия Антун Релькович знал латинский, немецкий, французский и венгерский языки; лексикограф Йосип Вольтич (Вольтиджи), человек незнатного происхождения, владел латинским, немецким и итальянским; библиотека одного торговца из Осиека в 1765 г. составляла сотню наименований на итальянском, латинском и немецком языках⁴⁴.

Латинский по-прежнему оставался языком публичной сферы или публичных отношений. Как уже упоминалось, на нем в основном велась переписка хорватско-славонских банов, особенно со средним дворянством. Дворяне, хотя и неплохо владели иностранными языками, предпочитали латынь. Символически знание латыни выделяло их среди других слоев населения, не обладавших правом на участие в политической жизни, и укрепляло их позиции внутри сословной системы Венгерского королевства. В качестве примера можно привести Николу (Миклоша) Шкрлец-Ломницкого (1729–1799), одного из выдающихся государственных деятелей в Хорватии в эпоху просвещенного абсолютизма и видного критика авторитарного правления Иосифа II (1780–1790 гг.). Шкрлец, хотя и владел немецким, итальянским, венгерским и французским языками, рабочую документацию и частную переписку вел исключительно на латыни — так он демонстрировал свою принадлежность к венгерскому дворянству и верность законам королевства⁴⁵. Многие хорватско-славонские дворяне, особенно те, кто поступил на государственную службу в 1770-е годы, во второй половине XVIII в. предпочитали писать исключительно на латинском языке, даже если раньше вели деловую и личную переписку по-хорватски⁴⁶. Аристократы сохранили латынь в обиходе для писем на определенную тематику: например, Драшковици писали бану Надашди по-немецки о войне, а о политике

⁴³ MNL OL. A 39. 1779/4389.

⁴⁴ Biočić 2018: 542. Vitek 2018.

⁴⁵ Nikola Škrlec Lomnički, 1729–1799 / ur. E. Pusić et al. Zagreb: Pravni fakultet; Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti, 1999–2007. Sv. I–IV.

⁴⁶ См.: HDA-706. Kut. 88–91, HDA-711. Kut. 96–100.

на латыни⁴⁷, однако это было обусловлено не тем, что немецкий был служебным языком в армии монархии Габсбургов, а латынь в сфере государственного управления в Хорватии, но доступностью употребляемой терминологии. В этом смысле примечателен пример графа Адама Баттjани, который в 1756 г. поздравил бана Надашди с назначением на латыни — языке государственной администрации, и в то же время просил по-немецки дать рекомендации своим протeже, в менее официальной манере, которая подчеркивала их общение на равных⁴⁸.

На основании источников можно сделать вывод, что во второй половине XVIII в. по сравнению с первой хорватский употреблялся меньше, хотя и не исчез из письменного общения⁴⁹. Иногда его использование выглядело «экзотически»: писавший жене с Семилетней войны по-немецки граф П. Т. Сермаж прибегал к кайкавскому диалекту хорватского, когда хотел скрыть содержание от любопытных глаз⁵⁰. В то же время некоторые дворяне, состоявшие на службе в местных структурах, вероятно, не были достаточно грамотны, поэтому, чтобы быть понятыми, вели переписку на хорватском. С учетом того, что многие, несмотря на происхождение, не имели соответствующего их сословию образования, остается открытым вопрос, на каком уровне они владели латинским, достаточно ли его было для свободного использования в служебных целях, соответствовали ли их знаниям основным требованиям. Большинство заканчивали несколько классов гимназии без курса философии. В ведомости о положении дел в королевстве Хорватии и Славонии за 1769 г. Венгерская канцелярия подвергла критике такую практику: «В целом общая грамотность государственных служащих сводится к умению читать и писать»⁵¹. На это хорватский историк каноник Балтазар Адам Крчелич (1715–1778) отреагировал:

Знаний грамматики было достаточно для того, чтобы говорить, препираться и кричать о предметах, в которых мы не разбирались⁵².

⁴⁷ MNL OL. P 507. 29. cs. № 243, 244.

⁴⁸ Ibid. 25. cs. № 148.

⁴⁹ См. личную переписку: HDA-711. Kut. 100.

⁵⁰ Štefanec 2018: 43.

⁵¹ MNL OL. A 1. 1769/610. Fol. 20.

⁵² Krčelić B. De regnis Dalmatiae, Croatiae et Sclavoniae notitiae praeliminares. Zagreb: Typis Antonii Jandeka, 1770. S. 440.

В Славонии, где после османского владычества в течение XVIII в. заново сформировались политические и общественные связи, допускалось использование так называемого иллирского языка (хорватского штокавского), однако документооборот велся исключительно на латыни⁵³. Так и среди чиновников дворянского происхождения можно обнаружить тех, кто знал лишь несколько фраз на латыни: например, некоторые отчеты комитатских чиновников имеют соответствующую «латинскую» форму, на латыни написаны общие положения, а суть донесена по-хорватски⁵⁴.

Примечателен вывод, который можно сделать на основании источников: женщины из дворянских семейств в переписке с официальными лицами чаще использовали хорватский язык. Образование женщин повсеместно носило поверхностный характер. «Женщины знают мало, только то, что выучили из молитвенных книг»⁵⁵, — отметил граф Адам Оршич. Тем не менее грамотные женщины происходили из семейств (Кеглевичи, Патачичи, Раухи, Шкрлецы и др.), уделявших немалое внимание образованию, многочисленные их письма сохранились в эпистолярном наследии Б. Крчелича⁵⁶. Они прибегали к хорватскому, даже если родным для них языком был немецкий. Пример тому — графиня Мария Катарина Драшкович (урожденная Брандис). Не владея хорватским языком в достаточной мере, она поручила перевести свое письмо Крчеличу на хорватский:

Я бы написала это письмо сама, но плохо знаю хорватский. Однажды я попробую показать, как пишу по-хорватски. Во всяком случае, сын не должен смеяться над матерью⁵⁷.

Можно предположить, что за изучением хорватского языка стояло желание продемонстрировать социальную роль женщины-аристо-

⁵³ Kempf J. Požega. Zemljopisne bilješke iz okoline i prilozi za povijest slob. i kr. grada Požege i Požeške županije. Požega: Štamparija «Hrvatske tiskare i knjižare», 1910. S. 207.

⁵⁴ Например, отчеты судей Йосипа Завршского и Ивана Грденича за 1770 г. см.: HDA-34. Kut. 6, 7/1770. Nr. 240; Kut. 6., ex gen. congr. 8. 8. 1770. Для сравнения: венгерский историк Иштван Дёрдь Тот утверждал, что в середине XVIII в. и позднее половина дворян Верхней Венгрии была безграмотна, см.: Tóth 2000: 118–123.

⁵⁵ Memoiren des Grafen Adam Orsich de Szlavetich. S. 276.

⁵⁶ Matasović 2008: 123–125.

⁵⁷ Matasović. Die Briefe. S. 164–165.

кратки. Так, например, упомянутый Н. Шкрлец-Ломницкий в одном из латинских трактатов писал:

Нет ни одного человека, которому не было бы ясно, что супруга должна изучить язык отечества, чем раньше — тем лучше, так она быстрее привыкнет ко всем национальным обычаям⁵⁸.

В конце концов, нужно отметить, что хорватский язык во второй половине XVIII в. в связи с упоминавшимися распоряжениями венского двора и вопреки уменьшению его популярности среди высших слоев общества, играл важную роль в образовании хорватов и распространении идей Просвещения. Грамотность низших слоев в XVIII в., которая базировалась на прикладной литературе на национальных языках, была важнейшей государственной задачей и накладывала определенные обязательства на казенные структуры в экономической, социальной и культурной сферах. Поэтому в этот период власти особенно поддерживали издание на национальных языках просветительской литературы по земледелию, скотоводству, торговле и т. п. Тогда в Хорватии стали печататься труды образовательного характера граничара Матии Антуна Рельковича или священников Вида Дошена и Юрия Мулиха, работы экономиста Йосипа Шипуша или научно-популярный медицинский трактат Жана-Батиста Лаланга, врача из Вараждинского комитата. Действуя в сфере народного просвещения можно было получить статус в обществе, хотя основной целью грамотных людей, которые проявляли себя в многоязычной среде, и чья образованность выражалась в использовании иностранных языков в сочинениях или переписке, во второй половине XVIII в. в духе эпохи Просвещения было сохранение национальных языков и наречий⁵⁹.

⁵⁸ Nikola Škrlec Lomnički. Zagreb, 1999. Sv. 1. S. 29.

⁵⁹ Например, графиня Катарина Патачич переводила с итальянского на хорватский поэзию. См.: *Pesme horvatske Katarine Patačić (1781) / [za tisak priredio i pogovor napisao A. Jembrih]*. Donja Stubica: Kajkaviana; Zagreb: Nacionalna i sveučilišna biblioteka, 1991. 78, 34 s. Венгерская аристократка графиня Иозефа (Йосипа) Оршич опубликовала на хорватском книгу по ветеринарии. См.: *Oršić J. Betegujuche sivine vrachitel to jeszt szuprot vszakojachkomu sivinszkomu betegu hasznovita, vного puti probuvana ter isztinszka znaidena vrachtva / iz vszakojachkeh knig zvelikum marlivosztiom zebrana, na horvaczki jezik obneryena ter od jednoga obchinszke vszega orszaga, navlasztito pako szziromahov haszni Lyubitela na szvetlo dana*. Zagreb: Stampana po Antonu Jandera, 1772. 116 s.; *Vrachitel betegujuche sivine tho jeszt Vrachtva za rogatu marhu, kermke y mladinu*. Zagreb: Stampana vo Novoszcelzkoj stampari, 1799. 130 s.

Язык в политическом измерении

В речи И. Кукулевича-Сакцинского, впервые произнесенной на хорватском языке на заседании сабора в 1843 г., говорилось:

Мы все еще храним наш язык для общества и наших кметов. Давным-давно, в те варварские времена, мы внедрились латынь в нашу общественную жизнь и деятельность, когда весь мир считал ее языком образованных и искушенных. Со временем немецкий язык проник в нашу общественную жизнь и в наши семьи, изменив нашу врожденную природу и образ мыслей наших отцов. <...> Мы частично латиняне, отчасти немцы, отчасти итальянцы, отчасти венгры и отчасти славяне, в то время как в целом, честно говоря, мы почти ничего! Мертвый язык Рима и живые венгерский, немецкий и итальянский — вот наши наставники. Живые нам угрожают, мертвый сжимает за горло, душит и толкает нас, беспомощных, в объятия живых⁶⁰.

Эти слова демонстрируют, как тенденции в развитии языка во второй половине XVIII в. в монархии Габсбургов влияли на политическую мысль в хорватских землях. С другой стороны, именно в 1843 г. большинство народов империи перешли на национальные языки в публичной сфере, поэтому обращение к теме хорватского языка в качестве официального не было тогда случайным.

Начало применения национальных языков в политике и в Хорватии и Славонии, и в Венгерском королевстве в целом приходится на конец XVIII в. В правление Иосифа II языковая политика венского двора обрела четкие формы. В 1784 г. государь утвердил немецкий в качестве официального в Венгрии, назвав латынь «мертвым языком». Это решение, как и большинство распоряжений Иосифа II, было отменено под давлением общественности еще до кончины императора в январе 1790 г.⁶¹ С точки зрения двора, внедрение немецкого языка в государственные структуры способствовало стабильной интеграции частей монархии и рационализации управления. В резолюции 1784 г. Иосиф II особо подчеркнул этот момент, указав, что введение немецкого языка — это преимущество, которым могут воспользоваться венгерские и хорватско-славонские дворяне,

⁶⁰ Šidak 1952: 188.

⁶¹ Soós 2005.

чтобы иметь возможность продвигаться по службе в любом уголке монархии⁶².

Вероятно, Иосиф II не подозревал, что в связи с новым статусом немецкого языка, его употребление получит политическое измерение. Венгерские и хорватско-славонские комитаты резко отреагировали на это распоряжение, в протестных заявлениях ссылаясь на давнюю традицию использования венгерским дворянством латыни для служебных целей, называя ее «языком отечества» («*patria lingua*»), в отличие от «родного языка» («*materna lingua*») или «универсальным языком» («*lingua universalis*»), «языком национальностей» («*lingua nationalis*»), «языком дружбы» («*lingua familiaris*»), «языком голосования» («*lingua adoptata*»), провозглашая латинский одновременно языком права, науки, философии и культуры. В качестве важнейшего контраргумента введению немецкого они приводили факт, вероятно, очень точный с точки зрения истории, что сосуществование многочисленных народов в империи обеспечивалось многоязычием, а не языковой унификацией, поскольку это соседство основано на уважении различных правовых норм, обычаев и культур⁶³. Схожие доводы приводило и дворянство в Загребском комитате, отмечая что «язык монархии» («*lingua monarchica*») незнаком большей части населения, включая чиновников, поэтому во имя прогресса нельзя упразднить латынь — язык культуры и образования⁶⁴.

Когда в 1790 г. решение Иосифа II было отменено, в Загребе, где согласно источникам, немецкий широко использовался, вышел из печати памфлет, название которого отражало общественное мнение о внедрении немецкого в управление: «Письмо, в котором сенат и народ Лация поздравляет себя с тем, что героические королевства Венгрия и Хорватия опять говорят на своем языке и радуются, что объявленная мертвой латынь ожила и вернулась из изгнания»⁶⁵. В том же году представители хорватско-славонских сословий предложили на заседании Государственного собрания Венгерского

⁶² Soós 2005: 266.

⁶³ Šubarić 2015.

⁶⁴ Šubarić 2015: 194.

⁶⁵ [Wentle A.] Epistola, qua S.P. Q. Latii sibi gratulatur inclyta heroum regna Hungariae et Croatiae suo rursus ore loqui eis vero congaudet linguam Latinam revertisse ab exilio et pro mortua declaratam rediisse in vitam. Zagabria, 1790 // Nacionalna i sveučilišna knjižnica u Zagrebu. RIIF-20-31.

королевства запретить использование немецкого языка в политической и хозяйственной деятельности, а также в судопроизводстве на территории королевства, для Хорватии они требовали упразднения немецкого в пользу хорватского в армии, с сохранением латыни как официального языка администрации⁶⁶. Примечательно, что инициатором этого предложения был не кто иной, как Н. Шкрлец-Ломницкий.

Сопротивление хорватско-славонского дворянства внедрению немецкого языка быстро, уже в 1790 г., сменилось борьбой против мадьяризации государственного управления и образования. В отличие от хорватско-славонских дворян, венгры на политику Иосифа II ответили утверждением в качестве языка администрации венгерского. Это в свою очередь вызывало бурную реакцию среди хорватов, воспринимавших латинский как язык протеста. При этом они считали немецкий символом абсолютистских устремлений Вены⁶⁷, а венгерский символом притязаний венгерской аристократии. В этом контексте знаковыми выглядят слова хорватского поэта Титуша Брезовацкого, который своими гимнами («бунцами») воодушевлял хорватско-славонское дворянство на борьбу за латинский язык: «Тевтон был так страшен, что заставил вас использовать чужеземные слова. Страшнее ли гунн?»⁶⁸. Хорватско-славонские депутаты венгерского Государственного собрания на сессии 1790–1791 гг. выступили за сохранение латыни в сфере управления:

Законным можно назвать только то, что сохранялось в неизменном виде на протяжении истории королевства, уже восемь веков, не время от времени, а постоянно.

⁶⁶ Zaključci Hrvatskog sabora. Zagreb. 1974. Sv. IX. Str. 68.

⁶⁷ Barić 2015.

⁶⁸ «Theuto fuit durus, quod vos peregrina jubebat / Verba loqui: Quanto durior Hunnus erit?» / Novi rukopis prigodnice Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae trium sororum recursus iz Hrvatskog državnog arhiva u Zagrebu // Nikola Škrlec Lomnički. Zagreb. 2001. Sv. III. S. 134. В то же время на требования венгерских сословий о введении венгерского как официального языка, ответом стало право употребления латыни, что было зафиксировано в 1830 г. как одно из основополагающих («муниципальных») прав Королевства Хорватии и Славонии. См.: Kušević J. «De municipalibus juris et statutis Regnorum Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae» (цит. по: Dokumenti za naše podrijetlo Hrvatskoga preporoda (1790–1832) / ur. F. Fancev. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1933. S. 236–253 (Građa za povijest književnosti Hrvatske, Sv. XII)).

Далее утверждалось, что в Хорватии не знают венгерского языка и даже привилегированным слоям его будет сложно навязать, в отличие от французского или итальянского, которые «знает большая часть дворянства и духовенства», поскольку считают их «языками образованности»⁶⁹. Любопытна ситуация, в которой оказался граф Янко (Янош) Драшкович (1770–1856): представители этого аристократического рода выделялись прекрасным знанием латыни, владением иностранными языками, но и они предпочитали немецкий в общественной и политической сфере. Небольшое политическое сочинение 1832 г. «Диссертация, или беседа» Драшкович написал по-хорватски, что стало своеобразным утверждением хорватского как языка политики и государственного управления⁷⁰.

Требование учить иностранные языки сохраняло устойчивые негативные коннотации и в XIX в. В этой связи неудивительно, что венский студент и политик из Хорватии Андрия Торкват Брлич (1826–1868) в брошюре 1848–1849 гг. рекомендовал читателям, особенно молодежи, сосредоточиться на латыни и родным языке, а не учить немецкий, который не прибавит грамотности:

Если кому-то не посчастливилось выучить немецкий, пусть позаботится о том, чтобы никогда больше не говорить на этом языке, и попытается доказать людям его бесполезность.⁷¹

В течение XIX в. схожее отношение было и к венгерскому языку. В качестве примера можно привести заметку из газеты «*Novi pozor*» («Новое обозрение»), издававшейся в Загребе, после предложения ввести в программу гимназий вместо греческого венгерский:

Стоит задуматься, как расхохоталась бы вся Европа над народом, который вместо греческого принял бы венгерский. На такую гибель

⁶⁹ Памфлет «*Declaratio ex parte nunciorum Regni Croatiae quoad introducendam Hungaricam linguam*» цит. по: *Šidak J.* Izjava nuncija Kralj. Hrvatske o uvođenju mađarskog jezika g. 1790 // *Historijska čitanka za hrvatsku povijest*, Zagreb. 1952. Sv. I. S. 171; 173–174.

⁷⁰ [*Drašković J.*] Disertacija iliti razgovor, darovan gospodi poklisarom zakonskim i budućem zakonotvorcem kraljevinahnaših, za buduću Dietu ungarsku odaslanem, držan po jednom starom domorođcu Kraljevinah ovih. Karlovac. 1832; оныбл. в: *Dokumenti za naše podrijetlo*. S. 297–314.

⁷¹ *Kazimir B. [Brlić A. T.]*. Nijemština i Slavjanstvo // *Grada za povijest književnosti Hrvatske* / ur. A. Barac. Zagreb, 1948. Sv. 16. S. 243.

согласятся несколько адвокатов, может быть заштатные градоначальники, но только не сабор. Пусть венгры проживут хоть вечность, для Европы их язык всегда будет мертвым, в отличие от греческого. Можно быть большим другом венгерского языка, но совершать глупости всегда неприлично. Хотя если венгры вместо греческого введут в своих учебных заведениях наш язык, с ними можно было бы договориться⁷².

Заключение

Тенденции в образовании и изучении языков в XVIII в. как в Европе в целом, так и в Австрийской монархии значительно влияли на использование языков в хорватских землях. Несмотря на то, что латынь была образовательной базой и языком администрации в Хорватии и Славонии, в силу изменений социально-политической обстановки ее употребление в элитарной среде, в особенности к концу столетия, уже считалось анахронизмом. Такая оценка исходила в первую очередь из Вены — лингвист Йосип Вольтич, критикуя новый метод преподавания естественнонаучных дисциплин, отметил, что в Вене латинский язык воспринимается «как осмеянный мальчишками унылый старикан»⁷³. Отголоски подобного отношения наиболее заметно проявлялись среди хорватско-славонских магнатов, которые политически и социально были ближе ко двору, нежели к среднему, консервативному дворянству, а потому более подвержены влиянию новых тенденций в образовании. Так, граф Адам Оршич в мемуарах написал, что «только цивилизованные хорваты говорят по-немецки» и скептически отозвался о засилии латинского и хорватского языков на местном уровне⁷⁴.

Знание современных языков, безусловно, было присуще хорватской элите, но в течение XVIII в. оно стало показателем профессиональных качеств и вообще грамотности человека и залогом успешной карьеры на государственной службе. Именно поэтому многие источники — переписка, литературные произведения, политические трактаты, документооборот и др. — представлены на современных

⁷² U Osieku, 14. siečnja // Novi pozor. (Zagreb), 1869. 17 I. № 402. S. 3.

⁷³ Voltić J. Bečka pisma: Ričoslovník / prir. Josip Bratulić. Pula; Rijeka: Otokar Keršovani, 1981. S. 77.

⁷⁴ Memoiren des Grafen Adam Orssich de Szlavetich. S. 276.

иностранных языках, в первую очередь, немецком, реже французском. По этой причине элита в хорватских землях, в особенности дворянство, во второй половине XVIII в. подчеркивала важность знания современных языков и прежде всего немецкого. Образованные слои населения, будучи многоязычными, демонстрировали таким образом не столько качество своего образования, сколько амбиции в большой политике и в конечном счете принадлежность к европейской культуре. Заданные в XVIII в. стандарты определяли образовательные стратегии и в последующем столетии: высшие слои общества сохраняли многоязычность даже тогда, когда экономическое и политическое положение хорватско-славонского дворянства значительно ухудшились.

Однако из-за введения немецкого языка сначала в учебные планы, а затем в административную сферу в старой хорватской историографии правление Марии Терезии и Иосифа II тесно связывалось с германизацией⁷⁵. Несмотря на то, что хорватско-славонское дворянство сопротивлялось внедрению немецкого, а с 1790 г. и венгерского, предпочитая употребление латыни, события 1790 г. в историографии оцениваются как начало эпохи утверждения национального языка. Тем не менее окончательное его принятие напрямую связано с кризисом сословной системы. Больше, чем активность элит, стандартизации хорватского языка, как предпосылке его использования в публичной сфере, способствовал климат в усваивавшем идеи Просвещения обществе, во многом стимулируемый установлениями венского двора («Общий школьный устав», «*Ratio educationis*»). Именно благодаря им к концу XVIII в. наступил расцвет дидактических сочинений, языкознания (появление многоязычных словарей, изучение грамматики), естественнонаучных и медицинских трактатов, а также художественной литературы на хорватском языке.

Перевод с хорватского Л. К. Новосельцевой

⁷⁵ Франьо Фанцев называл Иосифа II. «императором-германизатором». См.: Dokumenti za naše podrijetlo. S. XXIV. В Хорватском биографическом словаре, в статье «Габсбурги» правление Иосифа II названо периодом «прямой германизации» общественной жизни. См. URL: <http://hbl.lzmk.hr/clanak.aspx?id=42> (дата обращения: 14.10.2019).

Список архивных фондов

- HDA-12 — Hrvatsko kraljevsko vijeće
 HDA-34 — Zagrebačka županija
 HDA-706 — ob. Čikulini-Sermage
 HDA-711 — ob. Drašković
 MNL OL. A 1 — Magyar Királyi Levéltár. Magyar Királyi Kancellária regisztratrúrája. Originales referadae
 MNL OL. A 39 — Magyar Királyi Levéltár. Magyar Királyi Kancellária regisztratrúrája. Acta generalia
 MNL OL. P 201 — Családok, személyek, testületek és egyesületek iratai. Családi fondok, levéltárak. Esterházy család. József Esterházy
 MNL OL. P 507 — Családok, személyek, testületek és egyesületek iratai. Családi fondok, levéltárak. Nádasdy család
 MNL OL. P 1316 — Családok, személyek, testületek és egyesületek iratai. Családi fondok, levéltárak. Batthyány család. III. Batthyány Adám
 MNL OL. P 1675 — Családok, személyek, testületek és egyesületek iratai. Családi fondok, levéltárak. Balassa család. Balassa Ferenc

Список сокращений

- FHKA — Finanz- und Hofkammerarchiv
 HDA — Hrvatski državni arhiv
 HHStA — Haus-, Hof- und Staatsarchiv
 MNL OL — Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest
 ÖStA — Österreichisches Staatsarchiv, Wien

Литература

- Adamček 1981 — *Adamček J.* Ekonomsko-društveni razvoj u Hrvatskoj i Slavoniji u 18. st. // Društveni razvoj u Hrvatskoj (od 16. stoljeća do početka 20. stoljeća) / ur. M. Gross. Zagreb: Sveučilišna naklada Liber, 1981. S. 59–82.
 Barić 2015 — *Barić D.* Proziran i prezren. Njemački jezik u hrvatskom društvu u prvoj polovini 19. stoljeća. Zagreb: Sveučilišna naklada Liber, 2015. 383 s.
 Biočić 2018 — *Biočić A.* Prosvjetitelj Slavonaca Matija Antun Relković (1732.–1798.) // Ljudi 18. stoljeća na hrvatskom prostoru. Od plemića i crkvenih dostojanstvenika do težaka i ribara / ur. L. Čoralić, I. Horbec, M. Katušić et al. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2018. S. 541–546.
 Bogišić 1995 — *Bogišić R.* Hrvatski latinisti u XVIII stoljeću // Forum. 1995. God. 34. № 5–6. S. 479–498.
 Cuvaj 1907 — *Cuvaj A.* Građa za povijest školstva Kraljevina Hrvatske i Slavonije od najstarijih vremena do danas. Zagreb: Trošak i naklada Kr. hrv.-slav.-dalm. zem. vlade, Odjela za bogošt. i nastavu, 1907. Knj. I. XXIV. 616 s.

- Evans 2004 — *Evans R.J. W.* Language and state building: The case of the Habsburg Monarchy // *Austrian History Yearbook*. 2004. Vol. 35. P. 1–14.
- Fischer 2001 — *Fischer W.* Sprache und soziale Identität im frühneuzeitlichen Binnenkroatien // *Frühneuzeit-Info*. 2001. № 12. S. 53–68.
- Glück, Häberlein, Flurschütz da Cruz (Hrsg.) 2019 — *Adel und Mehrsprachigkeit in der Frühen Neuzeit. Ziele, Formen und Praktiken des Erwerbs und Gebrauchs von Fremdsprachen* / hrsg. von H. Glück, M. Häberlein, A. Flurschütz da Cruz. Wiesbaden: Harrassowitz, 2019. 260 S.
- Gortan 1995 — *Gortan V.* Hrvatski latinisti u 18. stoljeću // *Mogućnosti*. 1978. God 25. Str. 121–127.
- Gortan, Vratović (prired.) 1969–1970 — *Hrvatski latinisti / Croatici auctores qui latine scripserunt* / prired. V. Gortan, V. Vratović. Zagreb: Matica Hrvatska; Zora, 1969–1970. Sv. I–II. 1024+741 s.
- Horbec 2015 — *Horbec I.* Zdravlje naroda — bogatstvo države. Prosvijećeni apsolutizam i počeci sustava javnoga zdravstva u Hrvatskoj. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2015. 377 s.
- Horbec 2018 — *Horbec I.* Lingua monarchica an der Peripherie. Die Rolle der deutschen Sprache im politischen und sozialen Leben Kroatiens im 18. Jahrhundert // *Jahrbuch des Bundesinstituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa*. 2018. Jg. 26. S. 35–50.
- Horbec, Matasović 2018 — *Horbec I., Matasović M.* Voices in a country divided: Linguistic choices in early modern Croatia // *Language choice in Enlightenment Europe. Education, sociability, and governance* / ed. by V. Rjéoutski, W. Frijhoff. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. P. 111–142.
- Horbec, Matasović 2019 — *Horbec I., Matasović M.* Latein als “national“, Deutsch als kosmopolitisch? Die Mehrsprachigkeit des kroatischen Adels als Voraussetzung seiner politischen und sozialen Tätigkeit // *Adel und Mehrsprachigkeit in der Frühen Neuzeit. Ziele, Formen und Praktiken des Erwerbs und Gebrauchs von Fremdsprachen* / hrsg. von H. Glück, M. Häberlein, A. Flurschütz da Cruz. Wiesbaden: Harrassowitz, 2019. S. 145–162.
- Matasović 2008 — *Matasović J.* Iz galantnog stoljeća (kulturnohistorijski fragmenti). Zagreb: Dora Krupićeva, 2008. Kn. 1. 252 s.
- Pálffy 2001 — *Pálffy G.* Magyar arisztokraták — horvát nemesek // *Historia*. 2001. XXXIII. évf. 5–6. sz. 24–28. old.
- Rjéoutski, Frijhoff (eds.) 2018 — *Language choice in Enlightenment Europe. Education, sociability, and governance* / ed. by V. Rjéoutski, W. Frijhoff. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. 234 p.
- Shek Brnardić 2009 — *Shek Brnardić T.* Svijet Baltazara Adama Krčelića. Obrazovanje na razmeđu tridentskoga katolicizma i katoličkoga prosvjetiteljstva. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2009. 263 s.

- Sikirić Assouline 2009 — *Sikirić Assouline Z.* Latinitet u hrvatskom društvu prve polovice 19. stoljeća // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. 2009. Vol. 41. S. 257–265.
- Soós 2005 — *Soós I.* II. József német nyelvredelete és a “hivatalos” Magyarországnak // Tanulmányok a magyar nyelv ügyének 18. századi történetéből / szerk. F. Bíró. Budapest: Argumentum, 2005. 261–301. old.
- Šidak 1952 — *Šidak J.* Historijska čitanka za hrvatsku povijest. Zagreb: Školska knjiga, 1952. Sv. I. 232 s.
- Štefanec 2013 — *Štefanec N.* Plemstvo // U potrazi za mirom i blagostanjem. Hrvatske zemlje u 18. stoljeću / ur. L. Čoralić. Zagreb: Matica Hrvatska, 2013. S. 91–110.
- Štefanec 2018 — *Štefanec N.* Velikaš hrvatskoga sjevera Petar Troilo Sermage (1722.–1771.) // Ljudi 18. stoljeća na hrvatskom prostoru. Od plemića i crkvenih dostojanstvenika do težaka i ribara / ur. L. Čoralić, I. Horbec, M. Katušić et al. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2018. S. 37–49.
- Šubarić 2015 — *Šubarić L.* From the aftermath of 1784 to the Illyrian turn: the slow demise of the official Latin in Croatia // Latin at the crossroads of identity: the evolution of linguistic nationalism in the Kingdom of Hungary / ed. by G. Almási, L. Šubarić. Leiden; Boston: Brill, 2015. P. 91–217.
- Tóth 2000 — *Tóth I.Gy.* Literacy and written culture in early modern central Europe. Budapest: CEU Press, 2000. 266 p.
- Vitek 2018 — *Vitek D.* Građanstvo Osijeka // Ljudi 18. stoljeća na hrvatskom prostoru. Od plemića i crkvenih dostojanstvenika do težaka i ribara / ur. L. Čoralić, I. Horbec, M. Katušić et al. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2018. S. 97–105.

References

- Adamček, J., 1981. Ekonomsko-društveni razvoj u Hrvatskoj i Slavoniji u 18. st. In: Gross, M., ed. *Društveni razvoj u Hrvatskoj (od 16. stoljeća do početka 20. stoljeća)*. Zagreb: Sveučilišna naklada Liber, pp. 59–82.
- Barić, D., 2015. *Proziran i prezren. Njemački jezik u hrvatskom društvu u prvoj polovini 19. stoljeća*. Zagreb: Sveučilišna naklada Liber, 383 p.
- Biočić, A., 2018. Prosvjetitelj Slavonaca Matija Antun Relković (1732.–1798.). In: Čoralić, L., Horbec, I., Katušić, M. et al. *Ljudi 18. stoljeća na hrvatskom prostoru. Od plemića i crkvenih dostojanstvenika do težaka i ribara*. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, pp. 541–546.
- Bogišić, R., 1995. Hrvatski latinisti u XVIII stoljeću. *Forum*, 34, 5–6, pp. 479–498.
- Cuvaj, A., 1907. *Grada za povijest školstva Kraljevina Hrvatske i Slavonije od najstarijih vremena do danas*. Zagreb: Trošak i naklada Kr. hrv.-slav.-dalm. zem. vlade, Odjela za bogošt. i nastavu, 1, XXIV, 616 p.

- Evans, E.J.W., 2004. Language and state building: The case of the Habsburg Monarchy. *Austrian History Yearbook*, 35, pp. 1–14.
- Fischer, W., 2001. Sprache und soziale Identität im frühneuzeitlichen Binnenkroatien. *Frühneuzeit-Info*, 12, pp. 53–68.
- Glück, H., Häberlein, M., Flurschütz da Cruz, A., eds., 2019. *Adel und Mehrsprachigkeit in der Frühen Neuzeit. Ziele, Formen und Praktiken des Erwerbs und Gebrauchs von Fremdsprachen*. Wiesbaden: Harrassowitz, 260 p.
- Gortan, V., 1978. Hrvatski latinisti u 18. stoljeću. *Mogućnosti*, 25, pp. 121–127.
- Gortan, V., Vratović, V., (eds.), 1969–1970. *Hrvatski latinisti / Croatici auctores qui latine scripserunt*, 1–2. Zagreb: Matica Hrvatska; Zora, 1024+741 p.
- Horbec, I., 2015. *Zdravlje naroda — bogatstvo države. Prosvijećeni apsolutizam i počeci sustava javnoga zdravstva u Hrvatskoj*. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 377 p.
- Horbec, I., 2018. Lingua monarchica an der Peripherie. Die Rolle der deutschen Sprache im politischen und sozialen Leben Kroatiens im 18. Jahrhundert. *Jahrbuch des Bundesinstituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa*, 26, pp. 35–50.
- Horbec, I., Matasović, M., 2018. Voices in a country divided: Linguistic choices in early modern Croatia. In: Rjeoutski, V., Frijhoff, W., eds. *Language choice in Enlightenment Europe. Education, sociability, and governance*. Amsterdam: Amsterdam University Press, pp. 111–142.
- Horbec, I., Matasović, M., 2019. Latein als “national”, Deutsch als kosmopolitisch? Die Mehrsprachigkeit des kroatischen Adels als Voraussetzung seiner politischen und sozialen Tätigkeit. In: Glück, H., Häberlein, M., Flurschütz da Cruz, A., eds. *Adel und Mehrsprachigkeit in der Frühen Neuzeit. Ziele, Formen und Praktiken des Erwerbs und Gebrauchs von Fremdsprachen*. Wiesbaden: Harrassowitz, pp. 145–162.
- Matasović, J., 2008. *Iz galantnog stoljeća (kulturnohistorijski fragmenti)*, 1. Zagreb: Dora Krupićeva, 252 p.
- Pálffy, G., 2001. Magyar arisztokraták — horvát nemesek. *Historia*, XXXIII, 5–6, pp. 24–28.
- Rjeoutski, V., Frijhoff, W., eds., 2018. *Language choice in Enlightenment Europe. Education, sociability, and governance*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 234 p.
- Shek Brnardić, T., 2009. *Svijet Baltazara Adama Krčelića. Obrazovanje na razmeđu tridentskoga katolicizma i katoličkoga prosvjetiteljstva*. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 263 p.
- Sikirić Assouline, Z., 2009. Latinitet u hrvatskom društvu prve polovice 19. stoljeća. *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest*, 41, pp. 257–265.
- Soós, I., 2005. I. József német nyelvrendelete és a «hivatalos» Magyarországnak. In: Bíró, F., ed. *Tanulmányok a magyar nyelv ügyének 18. századi történetéből*. Budapest: Argumentum, pp. 261–301.

- Šidak, J., 1952. *Historijska čitanka za hrvatsku povijest*, 1. Zagreb: Školska knjiga, 232 p.
- Štefanec, N., 2013. Plemstvo. In: Čoračić, L., ed. *Upotrazi za mirom i blagostanjem. Hrvatske zemlje u 18. stoljeću*. Zagreb: Matica Hrvatska, pp. 91–110.
- Štefanec, N., 2018. Velikaš hrvatskoga sjevera Petar Troilo Sermage (1722. –1771.) In: Čoralić, L., Horbec, I., Katušić, M. et al. *Ljudi 18. stoljeća na hrvatskom prostoru. Od plemića i crkvenih dostojanstvenika do težaka i ribara*. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, pp. 37–49.
- Šubarić, L., 2015. From the aftermath of 1784 to the Illyrian turn: the slow demise of the official Latin in Croatia. In: Almási, G., Šubarić, L., eds. *Latin at the crossroads of identity: the evolution of linguistic nationalism in the Kingdom of Hungary*. Leiden; Boston: Brill, pp. 91–217.
- Tóth, I.Gy., 2000. *Literacy and written culture in early modern Central Europe*. Budapest: CEU Press, 266 p.
- Vitek, D., 2018. Građanstvo Osijeka. In: Čoralić, L., Horbec, I., Katušić, M. et al. *Ljudi 18. stoljeća na hrvatskom prostoru. Od plemića i crkvenih dostojanstvenika do težaka i ribara*. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, pp. 97–105.

Ivana Horbec

PhD, Research Fellow, Institute of Croatian History, Zagreb, Croatia, 10000, Zagreb, Opatička 10. E-mail: ihorbec@isp.hr

Multilingualism in the Croatian lands under the sceptre of the Habsburgs in the eighteenth century

The paper examines the role of multilingualism in Croatian lands under the Habsburg rule during the 18th century. The focus of the research is set on Croatian-Slavonian nobility and other local elites (clergy, officers, physicians, engineers, etc.) as part of the society susceptible to the influence of the educational norms and linguistic policies set by the Habsburg authorities. It provides an insight into the language skills of the 18th-century Croatian society, the impact of educational policy on the language learning and the importance of language choices for social or political representation. It is argued that the culture of the educated, mostly politically active part of the Croatian society remained intensely multilingual until deep into the 19th century due to the specificity of language practices, and that the educational policy of the Court in Vienna contributed more to the affirmation of the national language than did the activity of the Croatian elites. The research is based on archival sources kept in Croatian, Hungarian and Austrian state archives and selected contemporary records (correspondence, memoirs, and publications).

Keywords: multilingualism, Croatian history, Habsburg Monarchy, Vienna court, history of education, history of elites

Ольга Владимировна Хаванова

Доктор исторических наук, заместитель директора, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32А. E-mail: austrian.centre.inslav@gmail.com

Опыт создания первых грамматик в монархии Габсбургов: частная инициатива и регулирующее вмешательство государства (1760–1770-е годы)

Вторая половина XVIII в. стала для венского двора временем выработки языковой политики по отношению к этнолингвистическому многообразию населения подвластных Габсбургам земель. С одной стороны, сфера применения немецкого языка расширялась, охватывая все новые сегменты администрации, образования и культуры. С другой стороны, во властных институтах утвердилось понимание того, что языки и наречия народов, населяющих Австрийскую монархию, являются одним из основных коммуникативных инструментов, через который распоряжения властей разных уровней доводятся (в том числе) до малообразованных слоев населения. Следствием этого стала подготовка реформы начального образования, одной из провозглашенных целей которой было получение навыков чтения, счета и письма для всего населения независимо от социального положения, национальности (родного языка) или вероисповедания. Параллельно с направляемой из центра государственной политикой в сфере образования и языка сами подданные, как имевшие специальные познания в языках, так и полиглоты-любители, активно включились в процесс написания грамматик, призванных облегчить межкультурное общение немцев и венгров, сербов и немцев и т.д. В статье рассматриваются примеры подобных изданий, особое внимание уделяется соотношению частной инициативы и государственной политики, механизмам верификации предлагаемых к публикации учебников, их содержанию и потенциальной читательской аудитории. Делается вывод о важности интеграции автора в патрон-клиентские отношения при дворе и во властных институтах и все более целенаправленном регулирующем вмешательстве властей в процесс отбора и финансирования учебников в зависимости от их соответствия насущным целям и задачам государственной политики.

Ключевые слова: Михай Адами, Иоганн Венцель Поль, Захарий Орфелин, императрица-королева Мария Терезия, венский двор, языковая ситуация, патронат.

Владения Австрийского дома (Австрийскую монархию) в середине XVIII в. населяли народы, говорившие на немецком, чешском, венгерском, итальянском языках; усилиями просветителей-патриотов, не в последнюю очередь из числа учителей и младшего духовенства, западно-, восточно- и юго-славянские наречия вступали на путь превращения в литературные языки — словацкий, русинский, словенский, сербохорватский; румынский язык стараниями блюстителей его античной чистоты избавлялся от церковно-славянских заимствований, обретая все большую схожесть с латынью. Космополитичный венский двор говорил не только на немецком, но и на французском, итальянском, в дипломатической сфере — на латинском, а в память о покойном императоре Карле VI (1711–1740 гг.) — также на испанском. Понимание того, что родной язык подданных — надежный канал, по которому можно доводить до их сведения монаршую волю и формулировать программные требования власти¹, лежало в основе школьной реформы как в этнически и лингвистически достаточно гомогенных Чешско-Австрийских наследственных землях (1774), так и Венгерском королевстве (1777), где начальное образование в идеале стало возможным получить на одном из семи языков и наречий.

Запрос на межкультурную коммуникацию рождал предложение учебников и разговорников, по которым можно было бы постичь основы одного из языков народов, населявших владения Австрийского дома, приобрести навыки общения, научиться понимать небольшие рассказы поучительно-развлекательного характера. В статье рассматриваются примеры взаимодействия авторов учебников и их патронов или заказчиков в лице центральных органов власти и опосредованно — самого монарха. Предстоит выявить черты, из которых складывается коллективный портрет просветителя-подвижника², понять закономерности, предопределявшие успех или неудачу издательского проекта, очертить целевую аудиторию, ее социальный профиль и языковые запросы.

¹ Melton 1988.

² Khavanova 2011.

Венский двор и языки

Языковая политика венского двора во второй половине XVIII в., ее дух и конечная цель не сводимы к декретам Иосифа II (1765/1780–1790 гг.), попытавшегося в 1784 г. ввести немецкий в качестве единственного языка в публичной и правовой сфере всех подвластных ему земель. В предшествующие десятилетия при Марии Терезии (1740–1780 гг.) было сделано немало для свободного развития языков и наречий, на которых говорили ее подданные. Само собой подразумевавшееся социальное и культурное превосходство немецкого, на котором говорили и которым владели привилегированные сословия, не подменяло необходимость изучения языков местных элит и развития наречий, на которых говорили низшие или социально неполноправные слои населения, до уровня, позволявшего понять требования декретов центральной власти или обучаться полезным профессиям. Если во Франции придворные, по точному наблюдению М. Э. Мотли, сделали для развития французского языка не меньше писателей, превратив его в инструмент галантного, ученого, риторически остроумного общения³, то венский двор внес в развитие языков во владениях Австрийского дома вклад не меньший, чем писатели, выступая заказчиком и спонсором первых грамматик и разговорников, поощряя в образованной в силу рода деятельности чиновничьей среде стремление к просветительству, написанию учебников и пособий на известных им языках.

Австрийские филологи давно ставят вопрос о познаниях членов Австрийского дома в языках. Источниками им служат как учебные планы, составлявшиеся для эрцгерцогов, так и собственноручно написанные Габсбургами тексты на разных языках или метаязыковые комментарии о степени владения языком и языковых компетенциях, будь то самооценки или отзывы сторонних наблюдателей⁴. В силу более тесной интеграции Австрийских и Чешских земель и внушительного представительства чешской аристократии при дворе и во властных институтах, Габсбурги, если и учили языки подвластных им центральноевропейских народов, то выбирали чешский, гораздо реже — венгерский, и практически никогда — югославянские

³ Motley 1990: 70.

⁴ Tanzmeister, Uttenhalter 1993: 52.

наречия (только Максимилиан I (1493–1519 гг.) немного говорил по-словенски). Изучение основ венгерского языка дядей и отцом Марии Терезии — императорами Иосифом I (1705–1711 гг.) и Карлом VI — было, по всей вероятности, символическим жестом в адрес мятежной венгерской аристократии, и этот факт следует рассматривать в контексте антигабсбургских восстаний XVII в. и масштабной Освободительной войны под предводительством Ференца II Ракоци 1703–1711 гг. Мария Терезия не говорила ни на чешском, ни на венгерском, однако включила эти языки в учебные планы своих сыновей⁵. Тем самым она изменила образовательную парадигму правящего дома, заложив традицию, которая просуществовала до последних дней Австро-Венгерской монархии (будущего императора Франца Иосифа (1848–1916 гг.) в детстве обучали венгерскому языку, о чем свидетельствуют ученические тетради с выполненными домашними заданиями⁶).

Считается, что основы венгерского языка наследнику престола Иосифу преподавал будущий член Государственного совета Йозеф Изденци (1733–1811), хотя в источниках нет упоминаний о том, чтобы император когда-либо говорил по-венгерски. Чешским языком с ним занимался преподаватель дворянской военной академии Иоганн Венцель (Ян Вацлав) Поль⁷. Барбара Штольцберг-Рилингер в новейшей биографии Марии Терезии справедливо заметила, что речь шла не о свободном владении языком, но о символическом жесте, церемониальной инсценировке, адресованной сословиям⁸. Это обстоятельство вдохновило практикующих преподавателей языков, имевших хождение в Габсбургской монархии, на создание учебников, прежде всего для юных придворных, и шире — всех желающих.

⁵ Tanzmeister, Uttenhalter 1993: 65.

⁶ Szili 2019: 43–44.

⁷ Berger 2000: 61. Австрийские филологи Р. Танцмайстер и Г. Уттенхальтер в качестве возможного объяснения, почему 13-летнего эрцгерцога начали учить чешскому языку, назвали сближение между венским и Санкт-Петербургским дворами (попутно ученые спутали российских императриц Елизавету I и Екатерину II), но это объяснение кажется наименее правдоподобным. См.: Tanzmeister, Uttenhalter 1993: 60.

⁸ Stollberg-Rilinger 2018: 466.

«Венгерская грамматика» Михая Адами

Историки и филологи по-разному подходят к оценке ранних попыток кодификации национальных языков. Языковеды подчеркивают несовершенство первых грамматик, авторы которых — порой далекие от литературного труда патриоты — стремились таким образом выразить любовь к родной стране, нации, ее языку. Венгерский лингвист Лоранд Бенкё подсчитал, что во второй половине XVIII в. в свет вышли 34 венгерские грамматик, причем в первые двадцать лет — всего три⁹. В отсутствие общепринятой литературной нормы все они несли печать диалекта, на котором автору привычно было говорить. В них еще трудно угадать языковой стандарт, выработанный лишь во второй четверти XIX в.¹⁰ Не оспаривая справедливости выводов филологов, историки обращают внимание на социокультурную среду, к которой принадлежали авторы грамматик, мотивы, побудившие их взяться за перо, и обстоятельства: как, с чьей помощью рукопись попадала в типографию, в книжную лавку, к читателю.

Первым в ряду изданных в XVIII в. учебников венгерского языка стоит труд Михая Адами (?–1781) «Подробная и снабженная новыми комментариями венгерская грамматика для славной немецкой нации, в особенности для пользы и на службу тем, кто в силу родства, по долгу службы или иным причинам вынужден вести разговор с венгерской нацией» (1760)¹¹. Автор — уроженец комитата Тренчен, в юности вступил в Общество Иисуса, однако в 1740 г. покинул орден, обучал венгерскому языку эрцгерцога Карла (1745–1761), преподавал в действовавшей в Вене под патронатом ниже-австрийских сословий дворянской военной академии, служил придворным агентом (ходатаем), посредничая между частными лицами и административными учреждениями в имперской столице.

В 1751 г. предоставился особый случай, чтобы успехи юного Карла в венгерском языке были явлены на главном сословно-представительном форуме королевства — Государственном собрании. Мария

⁹ Benkő 1960: 322–329; 427–428.

¹⁰ Pelcz 2006; Pelcz 2009.

¹¹ *Adami M. Ausführliche Und neu erläuterte Ungarische Sprachkunst, Der Hochlöblichen Deutschen Nation zum Besten, Besonders aber zum Nutzen und Dienst derjenigen, so Verwandtschaft, Amts- oder anderer Umstände halber mit den National=Ungarn Umganges pflegen müssen. Verfaßt von Michaël Adámi Wien: gedr. bey den Schilgischen Erben, 1760.*

Терезия разыграла настоящее «семейное представление», прибыв в Пресбург (совр. Братислава, Словакия) с тремя сыновьями: десятилетним Иосифом, шестилетним Карлом и четырехлетним Леопольдом (будущим императором Леопольдом II (1790–1792 гг.)). Старший брат обратился к сословиям на латыни, средний — на венгерском языке¹². Впоследствии в «Посвящении» к грамматике М. Адами вознес хвалу языковым талантам маленького ученика, который с честью выдержал публичный «экзамен». В ответ на обращенную к нему речь сословий на венгерском языке мальчик сказал (записано веспремским епископом Мартоном Падани Биро (1693–1762)):

Я премного благодарен достославным сословиям, что вспомнили обо мне и почтили тем, что направили ко мне своего представителя. Буду рад, если смогу отправиться в Пресбург и встретиться с благородными сословиями. <...> Буду и в дальнейшем на сем языке говорить, чтобы стать полезным моему благородному Отечеству, и буду счастлив, коли смогу ему служить¹³.

Идея написания венгерской грамматики принадлежала, по словам Адами, самой Марии Терезии. В одном из писем он цитировал слова императрицы, произнесенные во время посещения военной академии: «У вас, венгров, никогда не было своей полноценной грамматики»¹⁴. В сентябре 1757 г. из кассы Венгерской казенной палаты автору было выплачено 412 гульденов и 50 крейцеров¹⁵, а в 1760 г. в свет вышла первая венгерская грамматика, в которой он, по собственному признанию, стремился побороть широко распространенные «предубеждения» о сложности этого языка:

Еще в годы преподавания в здешней императорско-королевской военной академии я не раз слышал от воспитанников, что из тех пяти иностранных языков, которым их там обучали, венгерский давался особенно легко, поскольку в нем не так много правил, и они весьма ясны, понятны и просты¹⁶.

¹² Szijártó 2005: 135.

¹³ *Padányi Bíró M. Veszprémi püspök naplója / közli báró K. Hornig. Veszprém, 1903. 35. old.*

¹⁴ OSZK K. Quart. Lat. 2578. Epistolarium Societatis Jesu. Fol. 6r.

¹⁵ ÖStA. FHK. HFU. Fasz. r. Nr. 871. Kt. 1963. 26. Aug. 1757. Fol. 450r–v.

¹⁶ *Adami M. Vorrede // Idem. Ausführliche und neu erläuterte ungarische Sprachkunst* (пагинация отсутствует).

Изложенная в максимально доступной форме грамматика была ориентирована на молодых дворян, придворных. В примерах склонений, спряжений, глагольных управлений и иных грамматических правил прослеживаются дидактические установки автора: идеалы Просвещения и учености транслировала парадигма глагола «читать» (*olvasni / lesen*), словосочетание «ученый человек» («*sok tudományú ember*» / «*ein Mesch von vieler Wissenschaft*»), о христианском смирении — конструкции «сын Божий» (*Isten fia / Sohn Gottes*), «ходить в церковь» (*templomba való járás / das Gehen im Kirchen*), о добродетелях — конструкции типа «трудом» (*munkával / mit einer Mühe*) или «умом» (*elmével / mit dem Witz*). О социальном положении читателей говорили примеры на «я имею» (нем.) / «у меня есть» (венг.): «У меня есть слуги» (*Nekem vannak szolgálaim / Ich habe meine Bediente*) и не в последнюю очередь примеры управления предлогами/послелогами: «закончились деньги, закончилось вино» (*fogy a pénze, bora / das Geld, der Wein geht ihm aus*). Особое внимание уделялось формулам вежливости, таким как «Благослови Господь вашу милость» (*Aldja Isten kegyelmedet / Gott segne Sie*) или «Не гневайтесь на мои слова!» (*Meg-ne ütközzék szavamom! / Stossen Sie sich nicht an meiner Rede mein Herr!*), и выражениям вежливого неудовольствия: «Не дурачьтесь!» (*Ne bolondozz! / Seye kein Naar!*). В параграфе, посвященном порядку слов в именах собственных (по-венгерски сначала фамилия потом имя, по-немецки — имя и затем фамилия) символично выглядит соседство вождя антигабсбургских походов периода Тридцатилетней войны (1618–1648) трансильванского князя Габора Бетлена (*Bethlen Gábor*) и габсбургского генерала, сражавшегося против повстанцев Ференца II Ракоци — графа Яноша Палфи (*Pálfi János*)¹⁷.

Значение того, что грамматика была посвящена эрцгерцогу Карлу, трудно переоценить. По мнению Роже Шартье, посвящение книги монарху служило прекрасным способом снискать его благосклонность. Приняв посвященную или преподнесенную ему книгу, адресат взамен обязан был обеспечить дарителю свое покровительство, должность или вознаграждение¹⁸. Вскоре Адами получил новый заказ — составить венгерско-немецкий словарь. Работа

¹⁷ Adami M. Ausführliche und neu erläuterte ungarische Sprachkunst. Правописание и синтаксис сохранены.

¹⁸ Шартье 2006: 87, 96.

растянулась на несколько лет, потому автор не раз просил начислить ему дополнительное вспомоществование сначала за прошедший 1763 г., затем за текущий 1764 г. из расчета 30 гульденов в месяц. В Казенной палате вспомнили, что еще в 1757 г. императрица выделила Адами на покрытие издательских расходов сумму в 100 дукатов, которая так и не была выплачена автору. Посему постановили: пусть эти деньги послужат оплатой труда в 1763 и 1764 г., испрашиваемое же Адами ежемесячное вспомоществование выплачивать с 1 января по 31 июля 1765 г., с тем чтобы уже 1 августа он предъявил бы словарь¹⁹.

Удачный эксперимент 1760 г. с посвящением грамматики одному из членов Габсбургского дома навело на мысль и на этот раз начертать на первых страницах имя сына Марии Терезии — шестилетнего эрцгерцога Фердинанда Карла Антона (1754–1806). Возможно, венгерские власти надеялись, что тот займет место своего умершего в 1761 г. брата Карла. (В 1771 г. лингвист-любитель Янош Фаркаш (1719–1789?), о котором известно крайне мало, написал грамматику венгерского языка и посвятил ее (своему ученику?) эрцгерцогу Фердинанду²⁰.) Книгу Адами предполагалось срочно отпечатать в Пресбурге и, не исключено, приурочить к проходившему там уже не один месяц Государственному собранию. Резолюция государыни гласила: «Одобряю, и пусть цена книге будет по возможности низкой, чтобы она быстрее разошлась». Несмотря на все приготовления и ожидания, словарь, по всей очевидности, так и не был издан. В лексиконе венгерских писателей Йозефа Синнеи упоминается рукопись «венгерско-латинско-немецкого словаря», но ее местонахождение не указано²¹.

Михай Адами остался в истории не столько как автор первой венгерской грамматики, сколько как страстный собиратель сведений по венгерской генеалогии и геральдике. Его объемистые рукописи,

¹⁹ ÖStA. FHKA. HFU. Fasz. r. Nr. 916. Kt. 2036. 16. Dec. 1761. Fol. 359v.

²⁰ *Farkas J., von Farkasfalva et Ujfalu*. Ungarische Grammatick, oder ausführliche Unterweisung, wodurch man die ungarische Sprache in ihrer Vollkommenheit zu lesen, schreiben, und reden, in Kürze begreifen kann. Aus Liebe derjenigen, die zu dieser edlen Sprache eine Neigung zeigen, herausgegeben von Johann Farkas, von Ujfal, welcher in Kaiserl. Kénigl. Diensten stehet- Mit allerhöchster Erlaubniß. Wien: Gedruckt und zu finden bey Leopold Johann Kaliwoda auf dem Dominikaner-Platz, 1771. 568 S.

²¹ *Szinnyei J.* Magyar írok élete és munkái. Budapest: Kvk. és Kvtérj. Egyes., 1897. 1. köt. 62–63. old.

хранящиеся в фондах рукописного отдела Венгерской национальной библиотеки, послужили Ивану Надю (1824–1898) основой для ставшего классическим многотомного труда «Семьи Венгрии»²².

«Грамматика чешского языка» Иоганна Венцеля Поля

Иной характер имело взаимодействие с венским двором другого подвижника, Иоганна Венцеля Поля (1720–1790) — автора сочинения «*Grammatica linguae bohemicae*, или чешская грамматика». Этапы его жизненного пути перекликаются с биографией Михая Адами. В 1750-е годы Польше тоже преподавал чешский язык в венской дворянской военной академии и Терезианском коллегииуме Общества Иисуса, выполнял переводы латинских учебников на чешский. Он сумел найти путь ко двору, где ему доверили обучать чешскому языку сыновей Марии Терезии — эрцгерцогов Иосифа и Леопольда²³. Чтобы официально включить Поля в придворный штат и гарантировать ему скромное жалование, его назначили привратником при императорских покоях²⁴. Кстати, на такой же должности в 1770-е годы числился Я. Фаркаш.

Автор «Биографического лексикона Австрийской империи» Константин Вурцбах (1818–1893) называл четыре издания грамматики: в 1756 г. в Праге в свет вышло первое, в 1764, 1773 и 1783 гг. в Вене — последующие три. Издание 1764 г. посвящено св. Вацлаву — канонизированному чешскому королю из династии Пршемысловцев (и тезке автора). Издания 1773 г. и 1783 годов посвящены императору Иосифу II, к которому Польше обратился в предисловии с такими словами:

Я тем более счастлив, что стал инструментом, который донес до Вашего Величества первые сведения о сем древнем иллирском, иначе называемом чешским, языке, и радость моя не знает границ, оттого что ваше величество дозволило мне посвятить вам мою чешскую грамматику и выпустить в свет под вашим высоким покровительством²⁵.

²² Nagy I. Magyarország családai. Czimerekkel és nemzékrendi táblákkal. Pest, 1857–1868. 1.–13. köt.

²³ Newerkla 1999; Berger 2000: 63.

²⁴ См., например, список штата придворных за 1763, 1778 1784 гг.: Kayserlich- und Königlich- wie auch Erz-Herzoglicher, dann dero Haupt- und Residenz-Stadt Wien Staats- und Standes-Kalender- Wien: Leopold Johann Kaliwoda, 1763. S. 423; 1778. S. 374; 1784. S. 413.

²⁵ Цит. по: Pohl J. W. An den Leser // *Idem*. Grammatica Linguae Bohemicae, Oder Die Böhmische Sprach-Kunst, Bestehend in vier Theilen, Benanntlich: I. Der

Поль считал достоинством своего учебника то, что никакой другой язык не мог сравниться с чешским «по своей внутренней полноте, чистоте произношения, словарному богатству, выразительности значений». С его помощью, утверждал автор, можно общаться с народами Европы и Азии, всюду, где понимают славянскую речь, из чего следует несравненная польза и для продвижения торговли, и для ведения войны²⁶. Многостраничное пособие включало правила правописания, сведения о частях речи, синтаксисе, произношении с многочисленными примерами. Далее следовали тематические словники. В начале — «О Боге и религиозных вопросах»: «Спаситель» (*Wykupitel / Erlöser*), «небо» (*Nebe / der Himmel*), «язычество» (*Pohanstwi / das Heidentum*) и пр. Затем «Небесный свод, элементы и время»: «вода» (*Woda / das Wasser*), «земля» (*Zem / die Erde*), «ветер» (*Wětr, wjtr / der Wind*) и т. п.; «О строениях и местах»: монастырь, дворец, цейхгауз, библиотека, типография, корчма, мельница и длинные ассоциативные ряды важнейших существительных к каждому такому понятию. После раздела «О церковных вопросах» со словами «часовня», «молельный дом», «алтарь», «хор» и пр., имеющими прямое отношение к дому Бога на земле, следовал раздел «О доме и его частях»: «стена», «фундамент», «крыша». Зная основные части дома, можно было переходить к разделу «Вещи в комнате», потом — «Вещи в кабинете»: бумага, перо, чернила и т. п., «Вещи на кухне» с перечислением котлов, сковородок, блюд и, наконец, «Вещи в сарае» и «Вещи на конюшне». Здесь воспроизводилась космогоническая картина мира, от божественного к мирскому, от планет на небе и государств на земле к правителям, дворянам, бюргерам и простым людям.

Далее следовали разделы, касавшиеся всех и каждого: еда, одежда, вещи в саду, в пивоварне, пекарне, прачечной. Затем автор возвратился к теме социальной иерархии и выделил в особый раздел придворный штат, крестьянский двор, город, крепости и военное

Orthografi, oder Schreib-Kunst. II. Der Ethymologi, oder Wortforschung. III. Der Syntaxi, oder Wörterfügung. IV. Der Prosodi, oder Aussprach-Kunst. Allen Liebhabern, zu einem erforderlichen Werkzeug gefertiget Von Johann Wenzl Pohl, Jur. Pr. und in der Kayserl. Kénigl. Kriegs-Akademie p.t. dieser Spracher Lehrern. Wien, Prague und Triest: Gedruckt und verlegt bey Johann Thomas Trattnern, kayserl. königl. Hofbuchdr. und Buchhändlern, 1764 (пагинация отсутствует).

²⁶ Ibidem.

дело, сословия в целом, господское сословие, военное сословие, чиновничество, ученых, городское хозяйство, ремесла. Потом шли ассоциативные ряды к понятиям «дружба», «титулатура», «литература». После этого — «Человек и части тела», затем автор от венца творения — человека — переходил к «Животным, птицам и вредным насекомым», с земной тверди — на воду: «О водах, кораблях и рыбах». Животные не как твари божии, но как объект человеческой забавы вновь появлялись в разделе «Охота», от фауны обратно к флоре читателя возвращали разделы «О деревьях, цветах, злаках и кореньях» и «О злаках, овощах и зелени»; с живой природы внимание переключалось на неживую: «О рудах, металлах и прочих минералах». Практически значимые разделы «О счете и монетах», «О цветах», «О весах и мерах», «О коммерции» продолжались темами «Об игре и музыке», «О здоровье, болезнях и недугах», «О преступлении, наказании и раскаянии». Последний и крайне важный раздел назывался «Слова для описания рода, свойств и недостатков». За ним на 428 стр. следовал словник полезных немецких слов в алфавитном порядке с переводом на чешский. Завершался том приложением с короткими несложными диалогами на лексику, изученную ранее²⁷.

С одной стороны, Поль опирался на более ранние опыты предшественников, прежде всего Вацлава Яна Росы (1620–1689). Однако избыточное количество неологизмов и непоследовательность в правописании не понравилось младшим современникам автора — филологам Йозефу Добровскому (1753–1829) и Яну Франтишеку Томсе (1753–1814), которые подвергли неуклюжий учебник Поля резкой критике²⁸. Сто лет спустя К. Вурцбах так отзывался о книге:

Это был формально-грамматический монстр, <...> в котором Поль насоздавал бесчисленное множество ненужных, дутых, смешных неологизмов. Он принадлежал к тем представителям прошлого века, которые хотели придать чешскому языку новый блеск и вообще реформировать его, обогатив иностранными словами, но при этом у них не было ни чувства языка, ни чувства меры²⁹.

²⁷ Pohl J. W. Grammatica Linguae Bohemicae.

²⁸ Newerkla 1999; Newerkla 2000.

²⁹ Wurzbach C., von. Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich, enthaltend die Lebensskizzen der denkwürdigen Personen, welche 1750 bis 1850 im Kaiserstaate und in seinen Kronländern gelebt haben. Wien, 1872. Bd. 23. S. 33.

Есть основания полагать, что грамматика увидела свет не без содействия Иосифа II. Отсутствие источников, документирующих вмешательство августейшего ученика в публикации труда своего учителя, не позволяет реконструировать ход событий во всей полноте и оценить размеры материальной помощи, если таковая была оказана. Известно лишь, что в 1774 г., когда второе венское издание уже вышло в свет, Польш по крайней мере дважды обращался к Марии Терезии с прошениями о возмещении ему издательских расходов в связи с выходом в свет нового, улучшенного издания грамматики, и пытался выхлопотать себе более денежную и престижную должность.

Чиновники финансового ведомства, прежде чем принять решение, отправили учебник на экспертизу владевшему чешским языком «синдику из Нойштадта»³⁰. Отзыв оказался отрицательным. В 1776 г., когда Польш снова решил попытать счастья, президент Придворной казенной палаты граф Леопольд Коловрат написал:

Проситель, будучи камердинером, проходит по ведомству обер-гофмейстера, и каковы его познания в языкознании, лично мне не известно, я знаю лишь, что те, кому его грамматика была направлена на проверку, нашли в ней множество ошибок, отчего Польш в искомом денежном вспомоществовании было отказано³¹.

Императрица наложила обычную для таких случаев резолюцию: «Ничего не предпринимать»³².

Представляется, что, с одной стороны, скромный учитель на должности камердинера не смог бы каждые десять лет переиздавать грамматику за свой счет. Наверняка, так или иначе, ему оказывалось содействие. Тем более что посвящение полиграфической продукции государю не могло остаться без той или иной формы благодарности. Польш же для своего труда сумел выхлопотать императорско-королевскую привилегию (документ, призванный защитить авторские права в ту эпоху). С другой стороны, филолог-любитель, похоже, переоценил значение своей скромной работы, а власти — убедившись

³⁰ Предположительно речь идет о Винер-Нойштадте, где с 1752 г. действовала Терезианская военная академия. Ее директор, педагог-реформатор граф Франц Йозеф Кинский (1739–1805) включил в учебные планы чешский язык.

³¹ ÖStA. FHKA. Österreichisches Kameral. Fasz. 24. Fasz. r. Nr. 1629. № 103 ex Febr. 1774.

³² Ibid. Fasz. 61. Fasz. r. Nr. 2144. № 42 ex Apr. 1776. Fol. 54r.

в сомнительном качестве грамматики — не сочли себя чем-либо ему обязанными. Это не означало, однако, что автор впал в немилость: судя по придворным календарям, он и в 80-е годы XVIII в. служил привратником, а если данные, приводимые Т. Бергером, верны³³, то и обучал чешскому языку сына эрцгерцога Леопольда, будущего императора Франца II (I) (1792–1835).

Азбуки и грамматики для австрийских сербов

1770-е годы вошли в историю как время введения всеобщего начального образования во владениях Австрийского дома. Государство брало на себя ответственность за бесплатное обучение подданных началам чтения, письма и счета³⁴. Не последнюю роль в реализации этого намерения играло развитие языковых знаний и практических навыков у учеников. Утвержденный для полиэтничного Венгерского королевства учебный план «*Ratio educationis*» («Порядок воспитания») предполагал преподавание в начальной школе на семи языках и наречиях населявших его народов: венгерском, немецком, хорватском, словацком, русинском, сербском («расцианском»³⁵) и румынском (валахском) и требовал от гимназистов (в идеале) владения двумя языками, имеющими хождение в стране. В документе говорилось:

Чтобы дети в школе учились так, как того ожидает государство, и проникли в самую суть наук, объяснения должны быть настолько ясными и исчерпывающими, что детям не составляло бы труда их полностью, до мельчайших деталей понять. И тут все едины в том, что это невозможно, если учитель не говорит на языке местного населения³⁶.

Особое место в планах властей занимали грамматики для сербов Австрийской монархии. В Вене и Пресбурге считали, что светское образование на родном языке, но по единым для всего королевства нормативам, станет важным инструментом интеграции этого

³³ Berger 2000: 63.

³⁴ Engelbrecht 1984.

³⁵ *Расцы* (венг. *rácok*, нем. *Raizen*) — эндоэтноним сербов, происходящий от названия средневекового государства и одноименной исторической области Рашка.

³⁶ Az 1777-iki Ratio Educationis / fordította, bevezetéssel és jegyzetekkel ellátta Firml Aladár. Budapest: Katolikus Közepiskolai Tanáregyesület, 1913. 100 old.

неграмотного в большинстве своем крестьянского народа, находящегося под сильным влиянием православного духовенства, в единые структуры королевства и монархии в целом³⁷. Австрийский дипломат и государственный деятель барон Иоганн Кристоф Бартенштайн (1689–1767), в 1750-е годы возглавлявший Иллирскую придворную депутацию, посвятил сербскому вопросу сочинение «Краткий отчет о состоянии раздробленной, многочисленной иллирской нации в императорско-королевских наследственных землях» (1761). В нем он признавал, что сербов «мало интересует высшее образование, их единственная путеводная звезда — свет природы»³⁸.

Власти видели свою задачу в распространении среди массы православных сербов элементарных знаний в объеме начальной школы. Как говорилось в вотуме Придворной казенной палаты на учебник, составленный в 1770 г. по поручению императрицы молодым чиновником Даниэлем Лазарини:

В случае этой, как в вопросах веры, так и по образу жизни в целом довольно первозданной нации, было бы особенно хорошо, чтобы они с самых ранних лет усваивали нужнейшие молитвы, которые суммируют обязанности доброго гражданина, и получали представление о ведении хозяйства и гражданской жизни³⁹.

Книга Лазарини осталась в рукописи, поскольку требовала серьезной доработки. К тому же автор оказался слишком настойчив в требованиях назначить его (в благодарность) на более высокую должность. Зато высказанное в вотуме пожелание — сделать все возможное, чтобы приобщить южных славян к современным формам хозяйствования, скоро было выполнено. Советник Казенной палаты Игнац Ябланицы перевел с немецкого языка на «славонский» пособие для юношества по агрокультуре Иоганна Виганда⁴⁰. Эта работа

³⁷ Подробнее см.: Костяшов 1997.

³⁸ Цит. по изданию 1802 г.: *Bartenstein J. Ch.* Kurzer Bericht von der Beschaffenheit der zerstreuten zahlreichen Illyrischen Nation in kaiserlichen königlichen Erbländern. Leipzig, 1802. S. 105.

³⁹ ÖStA. FHKA. Jüngere Banater Akten. Fasz. 32. Fasz. r. Nr. 140. 50/1770. Fol. 29r.

⁴⁰ Ср.: *Wiegand J.* Handbuch für die österreichische Landjugend zum Unterricht einer wohlgeordneten Feldwirthschaft. Wien, 1771; *Wiegand I.* Prírucsna knjiga za Slavónsku seljansku mladex úcsitti u dobro naredjenom poljskomu radjenju / Priobratio Ignatia Jablanczy. Wien: Kurzböck, 1772.

была оценена властями в 50 дукатов, с которых автору разрешалось не уплачивать налога⁴¹.

В числе малоизвестных проектов следует упомянуть труд переводчика из Иллирской придворной депутации Саввы Лазаревича, по собственной инициативе написавшего немецкую грамматику для сербов⁴². Похоже, что качество работы тоже не вполне удовлетворило власти. В ноте главы ведомства барона Франца Ксавьера Коллера говорилось:

Поскольку государи заботятся о том, чтобы их милость не оставила без внимания ни одного, даже самого малого начинания, полезного для общего блага, а властям напрямую предписывается сообразным результату вознаграждением поощрять подданных к участию в общественно полезной деятельности, Ваше Величество соблаговолило выписать автору этой книжечки небольшое вознаграждение (25 дукатов. — О.Х.), необременительное для казны, но доказывающее, что государство подмечает все, даже самые скромные заслуги⁴³.

Наконец, подлинный полиграфический шедевр XVIII в. — «Каллиграфия»⁴⁴ с гравюрами выдающегося сербского писателя и графика Захария (Захарие) Орфелина (1726–1785)⁴⁵ вышел в свет в 1778 г. на средства венского двора. Сербская историография, возможно, не без оснований ставила австрийским властям в упрек, что из 47 листов в учебник было решено включить только 17⁴⁶. Однако трудно не согласиться и с мнением барона Коллера, писавшего:

Каллиграфия предназначается всего лишь для школ грамотности, то есть хотя и для достойнейших людей, но выходцев из низших условий, которых предстоит обучить очень простому, ясному и совершенно примитивному письму. <...> Она не должна отрывать их

⁴¹ ÖStA. FHKA. Ungarisches Kameratele. Fasz. 29. Fasz. r. Nr. 609. Subd. 2. № 106 ex Aug. 1772. Fol. 112r.

⁴² Лазаревич С. Начало учения хотящимъ учиться Книгъ писмены нѣмецкими. Беч, 1774.

⁴³ ÖStA. FHKA. Österreichisches Kameratele. Fasz. 10. Fasz. r. Nr. 664. "L". № 352 ex Sept. 1774. Fol. 201v.

⁴⁴ Орфелин З. Славенская и валахийская каллиграфия, или Наставление къ правилному писанию, во употребленіе учащяся въ малыхъ школахъ славено-сербскія и Валахійскія Юности. Сремски Карловци, 1778; Simić 2009.

⁴⁵ Из новейших работ, наиболее полно освещающих разные стороны деятельности З. Орфелина, см.: Симић 2013.

⁴⁶ Давидов 2001: 30, 31.

от обучения гораздо более важным и их состоянию куда более полезным предметам⁴⁷.

Премия в 100 дукатов послужила автору материальным эквивалентом высочайшего удовлетворения качеством его работы.

* * *

Приведенные выше примеры позволяют заключить, что появление в 60–70-е годы XVIII в. большого количества грамматик на разных языках монархии Габсбургов было результатом как подвижнической инициативы «снизу», так и целенаправленной политики «сверху». Простым подданным внушалась уверенность, что, берясь за перо, они могут сослужить похвальную службу своим народу, стране, государю. Надежда на возможную материальную выгоду (будь то гонорар или должность), не должна умалять искренности их порыва. Венский двор, в свою очередь, создавал справедливые условия для конкуренции. Высоко оцененная экспертами грамматика Адами принесла автору почет и растянувшееся на несколько лет денежное содержание. За перевод полезного трактата советнику Ябланци заплатили щедрые 50 дукатов, за менее удачный учебник немецкого языка переводчик Лазаревич был премирован 25 дукатами.

Имена авторов учебников заняли почетное место в справочных изданиях по истории языка⁴⁸; вторую жизнь им подарил интернет: многие сочинения оцифрованы и доступны для исследователей⁴⁹. Первые учебники остаются не только лингвистическими памятниками, отражающими этап эволюции национальных языков, но и срезами социокультурной ситуации, где сочетались идеи христианского смирения, идеалы Просвещения и императив служения «общему благу». Современные ученые обращаются к ним, чтобы отдать должное подвижничеству первопроходцев, их стремлению облегчить общение между народами империи и в конечном итоге внести вклад

⁴⁷ ÖStA. FHKA. Ungarisches Kameral. Fasz. 29. Fasz. r. Nr. 613. Subd. 2. № 114. ex Aug. 1777. Fol. 296r. Текст вотума Иллирской придворной депутации о «Каллиграфии» З. Опфелина см.: Kostić 1925: 155–165.

⁴⁸ Stankiewicz 1984.

⁴⁹ С учебниками М. Адами и В. Поля можно ознакомиться на сайте Австрийской национальной библиотеки, см.: <https://www.onb.ac.at/digitaler-lesesaal> (дата обращения: 12.01.2020).

в формирование общеимперского культурного пространства. Следует помнить, что активным участником, более того — строгим и справедливым арбитром в этом процессе выступил венский двор, иными словами — государство.

Список сокращений

FHKA — Finanz- und Hofkammerarchiv

HFU — Hoffinanz Ungarn

HHStA — Haus-, Hof- und Staatsarchiv

OSZK K — Országos Széchényi Könyvtár Kézirattára

ÖStA — Österreichisches Staatsarchiv, Wien

THL2 — A Magyar Nyelv és Kultúra Tanításának Szakfolyóiraza. Journal of Teaching Hungarian as a 2nd Language and Hungarian Culture

Литература

Давидов 2001 — *Давидов Д.* Захарија Орфелинъ, 1726–1785. Београд: Народна библиотека Србије, 2001. 89 с.

Костяшов 1997 — *Костяшов Ю. В.* Сербы в Австрийской монархии в XVIII в. Калининград: Калининградский государственный университет, 1997. 220 с.

Симић 2013 — *Симић В. М.* Захарија Орфелин (1726–1785). Докт. дис. Београд, 2013. 316 с. URL: <http://doiserbia.nb.rs/phd/fulltext/BG20130515SIMIC.pdf> (дата обращения: 16.10.2019) (рукопись).

Шартъе 2006 — *Шартъе Р.* Письменная культура и общество. М.: Новое издательство, 2006. 272 с.

Adler 1974 — *Adler Ph.* Habsburg school reform among the Orthodox minorities, 1770–1780 // *Slavic Review*. 1974. Vol. 33. № 1. P. 23–45.

Benkő 1960 — *Benkő L.* A magyar irodalmi írásbeliség a felvilágosodás korának első szakaszában. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1960. 548 old.

Berger 2000 — *Berger T.* Tschechischunterricht in der Habsburgerfamilie ab 1526 // *Wiener Slawistisches Jahrbuch*. 2000. Vol. 46. P. 61–71.

Engelbrecht 1984 — *Engelbrecht H.* Geschichte des österreichischen Bildungswesens. Erziehung und Unterricht auf dem Boden Österreichs. Wien: Österreichischer Bundesverlag, 1984. Bd. 3. Von der frühen Aufklärung bis zum Vormärz. 551 S.

Khavanova 2011 — *Khavanova O.* Men of letters between profession and vocation in the eighteenth-century Habsburg Monarchy // *Social Change in the Habsburg Monarchy: The Era of Enlightenment* / ed. by H. Heppner, P. Urbanitsch, R. Zedinger. Bochum: Winkler Verlag, 2011. P. 251–266.

- Kostić 1925 — *Kostić M.* Zacharias Orfelin's Kalligraphie // Archiv fur Slavische Philologie. Berlin, 1925. Jg. 36. S. 155–165.
- Margócsy 2006 — *Margócsy I.* A magyar nyelv jelenléte a 18. századi iskoláztatásban. Adattár az iskolai nyelvvoktatás történetéhez // Tanulmányok a Magyar nyelv ügyének 18. századi történetéből / szerk. F. Bíró. Budapest: Argumentum, 2006. 71–151. old.
- Melton 1988 — *Melton J. V. H.* Absolutism and the eighteenth-century origins of compulsory schooling in Prussia and Austria. Cambridge: University Press, 1988. xxiii, 260 p.
- Motley 1990 — *Motley M. E.* Becoming a French Aristocrat. The Education of the Court Nobility 1580–1715. Princeton (NJ): Univ. Press, 1990. xx, 241 p.
- Newerkla 1999 — *Newerkla S. M.* Johann Wenzel Pohl — Sprachpurismus zwischen Spätbarock und tschechischer Erneuerung // Tschechisches Barock: Sprache, Literatur, Kultur / hrsg. von G. Zand, J. Holý. Frankfurt am Main; Wien: Lang, 1999. S. 49–68.
- Newerkla 2000 — *Newerkla S. M.* Tschechischunterricht in Wien und Wiener Neustadt bis 1775 // Wiener Slawistisches Jahrbuch. 2000. Vol. 46. P. 73–84.
- Pelcz 2006 — *Pelcz K.* A nyelvi minták megjelenési formái a 19. század magyar nyelvkönyvekben // THL2. 2006. 1–2. sz. 93–101. old.
- Pelcz 2009 — *Pelcz K.* A 18–19. századi nyelvismeretek betőtanáról és helyesírásról // THL2. 2009. 1–2. sz. 37–48.
- Simić 2009 — *Simić V.* Orphelins Kalligraphie. Reformen des Schulwesens und serbische Gesellschaft in der Habsburgermonarchie des 18. Jahrhunderts // Aufklärung und Kulturtransfer in Mittel- und Osteuropa / hrsg. von A. Pušelska, I. M. D'Aprile. Hannover: Wehrhahn, 2009. S. 133–164.
- Stankiewicz 1984 — *Stankiewicz E.* Grammars and dictionaries of the Slavic languages from the Middle Ages up to 1850. An annotated bibliography. Berlin: Mouton, 1984. XIII, 190 p.
- Stollberg-Rilinger 2018 — *Stollberg-Rilinger B.* Maria Theresia. Die Kaiserin in ihrer Zeit. Eine Biographie. München: C. H. Beck, 2018. 1083 S.
- Szijártó 2005 — *Szijártó I.* A Diéta. A magyar rendek és az országgyűlés 1708–1792. Budapest: Osiris, 2005. 614. old.
- Szili 2019 — *Szili K.* Tudtak-e a magyar királyok magyarul? Adalékok a magyar nyelv státuszának kérdéséhez a királyi udvarokban // Magyar Nyelv. 2019. 115. sz. 36–46. old. DOI: 10.18349/MagyarNyelv.2019.1.36
- Tanzmeister, Uttenhalter 1993 — *Tanzmeister R., Uttenhalter G.* Die Habsburger und ihre Sprachen. Quo vadis Romania? Zeitschrift für eine aktuelle Romanistik. 1993. Hf. 2. S. 52–67.

References

- Adler, Ph., 1974. Habsburg school reform among the Orthodox minorities, 1770–1780. *Slavic Review*, 33, 1, pp. 23–45.
- Benkő, L., 1960. *A magyar irodalmi írásbeliség a felvilágosodás korának első szakaszában*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 548 p.
- Berger, T., 2000. Tschechischunterricht in der Habsburgerfamilie ab 1526. *Wiener Slawistisches Jahrbuch*, 46, pp. 61–71.
- Chartier, R., 2006. *Pis'mennaia kul'tura i obshchestvo* [Written culture and society]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 272 p.
- Davidov, D., 2001. *Zaharije Orfelin, 1726–1785*. Beograd: Narodna biblioteka Srbije, 89 p.
- Engelbrecht, H., 1984. *Geschichte des österreichischen Bildungswesens. Erziehung und Unterricht auf dem Boden Österreichs, 3. Von der frühen Aufklärung bis zum Vormärz*. Wien: Österreichischer Bundesverlag, 551 p.
- Khavanova, O., 2011. Men of letters between profession and vocation in the eighteenth-century Habsburg Monarchy. In: Heppner, H., Urbanitsch, P., Zedinger, R. *Social change in the Habsburg Monarchy: The era of Enlightenment*. Bohum: Winkler Verlag, pp. 251–266.
- Kostiashov, Iu.V., 1997. *Serby v Avstriiskoi monarkhii v 18 veke* [Serbs in the Austrian monarchy in the eighteenth century.]. Kaliningrad: Kaliningradskii gosudarstvennyi universitet, 220 p.
- Kostić, M., 1925. Zacharias Orfelin's Kalligraphie. *Archiv fur Slavische Philologie*. Berlin, 36. pp. 155–165.
- Margócsy, I., 2006. A magyar nyelv jelenléte a 18. századi iskoláztatásban. Adattár az iskolai nyelvvoktatás történetéhez. In: Bíró, F., ed. *Tanulmányok a magyar nyelv ügyének 18. századi történetéből*. Budapest: Argumentum, pp. 71–151.
- Melton, J. V.H., 1988. *Absolutism and the eighteenth-century origins of Compulsory schooling in Prussia and Austria*. Cambridge: University Press, xxiii, 260 p.
- Motley, M.E., 1990. *Becoming a French aristocrat. The education of the court nobility 1580–1715*. Pinceton (NJ): Univ. Press, xx, 241 p.
- Newerkla, S.M., 1999. Johann Wenzel Pohl – Sprachpurismus zwischen Spätbarock und tschechischer Erneuerung. In: Zand, G., Holý, J., eds. *Tschechisches Barock: Sprache, Literatur, Kultur*. Frankfurt am Main; Wien: Lang, pp. 49–68.
- Newerkla, S.M., 2000. Tschechischunterricht in Wien und Wiener Neustadt bis 1775. *Wiener Slawistisches Jahrbuch*, 46, pp. 73–84.
- Pelcz, K., 2006. A nyelvi minták megjelenési formái a 19. század magyar nyelvkönyvekben. *THL2*, 1–2, pp. 93–101.
- Pelcz, K., 2009. A 18–19. századi nyelvismeretek betőtanáról és helyesírásról. *THL2*, 1–2, pp. 37–48.
- Simić, V., 2009. Orphelins Kalligraphie. Reformen des Schulwesens und serbische Gesellschaft in der Habsburgermonarchie des 18. Jahrhunderts. In:

- Pufelska, A., D'Aprile, I. M., eds. *Aufklärung und Kulturtransfer in Mittel- und Osteuropa*. Hannover: Wehrhahn, pp. 133–164.
- Simić, V. M., *Zaharija Orfelin (1726–1785). Dokt. dis.* Beograd, 2013. 316 p.
URL: <http://doiserbia.nb.rs/phd/fulltext/BG20130515SIMIC.pdf> (accessed: 16.10.2019). (manuscript).
- Stankiewicz, E., 1984. *Grammars and dictionaries of the Slavic languages from the Middle Ages up to 1850. An annotated bibliography*. Berlin: Mouton, XIII, 190 p.
- Stollberg-Rilinger, B., 2018. *Maria Theresia. Die Kaiserin in ihrer Zeit. Eine Biographie*. München: C. H. Beck, 1083 p.
- Szijártó, I., 2005. *A Diéta. A magyar rendek és az országgyűlés 1708–1792*. Budapest: Osiris, 614 p.
- Szili, K., 2019. Tudtak-e a magyar királyok magyarul? Adalékok a magyar nyelv státuszának kérdéséhez a királyi udvarokban. *Magyar Nyelv*, 115, pp. 36–46.
DOI: 10.18349/MagyarNyelv.2019.1.36
- Tanzmeister, R., Uttenhalter, G., 1993. Die Habsburger und ihre Sprachen. *Quo vadis Romania?* Zeitschrift für eine aktuelle Romanistik, 2, pp. 52–67.

Olga V. Khavanova

Dr. Sc., Deputy Director, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninsky Prospekt, 32A. E-mail: austrian.centre.inslav@gmail.com

First grammar books in the Habsburg Monarchy: individual initiative and regulatory interference by the state (1760s–1770s)

The second half of the eighteenth century in the lands under the sceptre of the House of Austria was a period of development of a language policy addressing the ethno-linguistic diversity of the monarchy's subjects. On the one hand, the sphere of use of the German language was becoming wider, embracing more and more segments of administration, education, and culture. On the other hand, the authorities were perfectly aware of the fact that communication in the languages and vernaculars of the nationalities living in the Austrian Monarchy was one of the principal instruments of spreading decrees and announcements from the central and local authorities to the less-educated strata of the population. Consequently, a large-scale reform of primary education was launched, aimed at making the whole population literate, regardless of social status, nationality (mother tongue), or confession. In parallel with the centrally coordinated state policy of education and language-use, subjects—both language experts and amateur polyglots—joined the process of writing grammar books, which were intended to ease communication between the different nationalities of the Habsburg lands. This article considers some examples of such editions with primary attention given to the correlation between private initiative and governmental policies, mechanisms of verifying the textbooks to be published, their content, and their potential readers. This paper demonstrates that for grammar-book authors, it was very important to be integrated into the patronage networks at the court and in administrative bodies and stresses that the Vienna court controlled the process of selection and financing of grammar books to be published depending on their quality and ability to satisfy the aims and goals of state policy.

Keywords: Mihály Adami, Johann Wenzel Pohl, Zaharije Orfelin, Empress-Queen Maria Theresa, Vienna court, language situation in the Habsburg lands, patronage networks

Искра Шварц

PhD, профессор, Институт восточноевропейской истории Венского университета, Вена, Австрия. 1090, Wien, Spitalgasse 2, Hof 3, Eingang 3.2 (Campus). E-mail: iskra.schwarzcz@univie.ac.at

Атрибуция рукописи «История России до Петра Великого» и специфика славяно-сербского языка в творчестве Захария Орфелина

В статье анализируется проблема авторства анонимной рукописи по истории России времени Петра I, которая хранится в библиотеке Института восточноевропейской истории Венского университета. Дается обоснование гипотезы, что это первая часть труда известного сербского просветителя Захария Орфелина «Житие и славные дела Петра Великого» и высказывается предположение, где может храниться вторая часть рукописи. Далее в статье характеризуется специфика литературного языка творчества Орфелина как яркое проявление так называемого славяно-сербского языка. Обращается внимание на использование Орфелином разных языковых систем в тех или иных литературных жанрах: например, «Житие Петра» было написано на славяно-сербском языке, стихи преимущественно на народном сербском, политические трактаты, такие как «Представление», на немецком. Орфелин проявлял особый интерес к развитию школьного образования и в короткий срок опубликовал ряд учебных пособий для сербских детей — в 1766 г. «Латинский букварь» с кратким словарем в переводе на «словено-сербский язык», год спустя — пособие «Первые начатки латинского языка», содержавшие латинскую грамматику и учебные диалоги, а в 1767 г. букварь «славяно-сербского языка» — первый сербский букварь, по которому учились до конца XIX в. Интерес представляют до сих пор мало изученные связи Орфелина с другими представителями национального возрождения южных славян, например с Паисием Хилендарским. В заключение показано отношение Орфелина к реформам Марии Терезии в области религии и школьного образования.

Ключевые слова: Петр I, Сербия, сербский литературный язык XVIII в., сербские школы с преподаванием на русском языке, типография Дмитрия Феодосия, Карловацкая митрополия, реформы Марии Терезии

Проблема авторства рукописи «История России до Петра Великого»

Много лет назад в поиске материалов для выставки «Петр Великий в Вене»¹ я обнаружила в собрании библиотеки Института восточноевропейской истории Венского университета анонимную рукопись с необычным названием «*Istorija Rossii do Petra Velikogo (do 1710 g.)*»². Ниже был указан год: 1764. Первые и последние страницы отсутствовали. Рукопись выглядела как макет книги, с корректорскими правками. Текст был помещен в специальную рамку, на полях — много помет и вставок. Поверх рамки вместо колонтитулов читались названия и номера глав. Страницы не имели нумерации. Никто из коллег не смог сказать, что это за манускрипт и как он оказался в библиотеке института. Я спрашивала, кто мог быть автором, у всех историков, с кем мне приходилось тогда общаться: С. О. Шмидта, Б. Н. Флори, А. Б. Каменского, Д.-Ф. Лиштенан и др. Идеи высказывались всевозможные, мои изыскания шли по разным следам, но ответа не было. Рукопись меня удивила частыми упоминаниями сербов, описанием Новой Сербии в Российской империи и тем, что автор проводил четкое различие между сербами и болгарами. Приведу несколько цитат из первой главы рукописи:

Новая Сербия, или како нынѣ называется, Новая Россійская губерния, земля при реках Тясминѣ Ингулце и Ингулѣ <...> простирающаяся от земли Запорожских казаков до польской границы от сербов заложены тамо 40 шанцев³.

При описании защитных земляных валов в Запорожской сечи на полях читалась вставка «или како Сербы кажутъ Эндеком»⁴.

¹ Выставка «Peter der Große in Wien» проходила в Австрийском государственном архиве (Вена) с 3 декабря 1999 г. по 21 января 2000 г.

² Рукопись каталогизирована в библиотеке Института восточноевропейской истории Венского университета: *Istorija Rossii do Petra Velikogo (do 1710 g.)*. s. Geschichte Russlands bis zur Zeit Peters d. Grossen. Handschrift ohne Titelblatt; Autor ist nicht genannt; die ersten und letzten Seiten fehlen). Keine Folierung oder Paginierung. 1764. (Sign. 34232 b R, Ra).

³ В цитатах сохранены оригинальные орфография и синтаксис.

⁴ Слово «ендек» в сербском языке означает ров, шанец. См.: Речник српскохрватског книжевног и народног језик. Београд: 1968. Кн. V. С. 211.

В той же главе упоминалось, что «с времени еще Императора Петра Великого многие сербы на позвание Его Величества в Россию приходили», но при управлении Елизаветы Петровны «наипаче с 1750: по <...>⁵ годъ пришло в Россию великое число тогожь сербского народу из разных Европейских югозападныхъ предѣловъ»⁶.

Описывая нравы «россійскаго народа», автор сделал оговорку, что было бы неплохо для сравнения добавить «и описание нравов народа сербскаго тоя», но на боковом поле был написан комментарий «Кажется излишно»⁷. Вопрос, кто мог быть автором текста, не давал мне покоя. Совершенно случайно, при чтении знаменитого «Хазарского словаря» Милорада Павича (1929–2009)⁸, который кроме многих романов и научных исследований опубликовал в переводе на сербский язык сочинение Захария (Захарие) Орфелина (1726–1795) «Петр Великий»⁹, мне пришла в голову мысль, что рукопись могла быть трудом Орфелина «*Житие и славные дела государя императора Петра Великого*». Сравнительный анализ показал, что у меня в руках не что иное, как рукопись первого тома «Жития Петра».

Где находится второй том рукописи, пока остается загадкой. В 1962 г. Ю. К. Бегунов опубликовал обзор собраний древнерусских рукописных книг города Риги, и в перечне, в собрании фундаментальной библиотеки Академии наук Латвии под № 15482, упомянуто:

“Житие Петра Великого” (часть 2), середины XVIII в., в четверку, 319 лл., скоропись, переплет картонный. Копия с печатного венецианского издания Дмитрия Феодосия. Приобретено в 1957 г. через “Антиквариат”¹⁰.

С помощью коллег удалось выяснить, что рукопись до сих пор хранится в библиотеке, но является ли она второй частью рукописного

⁵ Текст поврежден, слово не читается.

⁶ О южнославянской колонизации и заселении сербов в Российской империи см.: Белова 2008: 39–49. Ср.: Дмитриев 2006; Костяшов 2012: 34–41; Хаванова 2017.

⁷ *Istorija Rossii do Petra Velikogo*.

⁸ *Павич М. Хазарский словарь. Роман-лексикон в 100000 слов. Мужская версия.* СПб.: Азбука, 1999.

⁹ Орфелин 1970.

¹⁰ Бегунов 1962: 178.

«Жития Петра» или только копией с печатного венецианского издания¹¹, потребует дополнительных разысканий¹².

О результатах поисков я рассказала в научном докладе на II Петровском конгрессе в Санкт-Петербурге в 2010 г. и опубликовала небольшую статью¹³. Три года назад М. А. Петрова сообщила об обнаружении в РГАДА в фонде «Голицыны» письма российско-го посла Д. М. Голицына (1721–1793) вице-канцлеру А. М. Голицыну (1718–1783), касающегося искомой рукописи Орфелина, и переслала мне текст документа. Дипломат уведомлял о получении из Венеции, из типографии грека Дмитрия Феодосия двух экземпляров книги по истории Петра Великого на «славено-сербском языке» и отправке их в Петербург «с бывшим при флоте господином полковником Зиновьевым»¹⁴. Далее Голицын сообщил, что автором является известный ему житель Венгрии — Захарий Орфелин:

[Он] старался составить слог своей книги из славено-сербского и российского языков в том намерении, дабы не токмо землякам его сербам, но и россиянам разуместь ея можно было: в чем ему, кажется, и удалось¹⁵.

Благодаря находке М. А. Петровой появилась возможность реконструировать, каким путем опубликованный в Венеции труд Орфелина оказался в Петербурге¹⁶. Также удалось выяснить, что в типографии Дмитрия Феодосия в 1772 г. вышли в свет два анонимных издания. Оба начинаются с посвящения Феодосия императрице Екатерине II и анонимного предисловия, но П. А. Дружинин ошибся,

¹¹ Фин 2012.

¹² Выражаю благодарность Светлане Богоявленской из Университета им. Иоганна Гуттенберга в Майнце.

¹³ Шварц 2011: 107–115.

¹⁴ Д. М. Голицын — А. М. Голицыну, Вена, 1 (12) сентября 1772 г. // РГАДА, Ф. 1263, Голицыны, Оп. 1. Ч. 1. Д. 1141. 1772. Л. 104–104 об. (Письмо М. А. Петровой находится в моем личном архиве).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Хранящиеся в РГАДА письма опубликованы в 2000 г. П. А. Дружининым, но об этом я узнала уже при написании статьи. Автор подробно рассмотрел причины разногласий Орфелина с издателем труда и мотивы, побудившие Феодосия опубликовать «Житие Петра Великого», не указывая авторства Орфелина. См.: Дружинин 2000: 55–65.

считая, что они идентичны и второй вариант отличается от первого только оформлением титульного листа¹⁷.

В анонимное предисловие ко второму изданию добавлен рассказ о том, как готовились к печати гравюры книги¹⁸. Поскольку издатель по финансовым соображениям не желал нести дополнительные расходы на иллюстративный материал, автор по рекомендации «некоторых знатных особ» сам изготовил ландшафтные карты и зарисовки медалей из собрания «венского минцкабинета» (*Münzkabinett*):

И понеже Типограф не хотѣл вступашься в том великія издержки, какія необходимо имѣли быть в грьдорованія толь многих фигур, а напротив того имел я нарочно препоруку от некоторых знатных особ, чтоб поставишь в сию Историю предъупомянутыя чертежи и медали: то для сея необходимости имел я употребить не множокъ времени в Венеции на обучение себя в грьдорованльном художествѣ. И так грьдоровал я всѣ тѣ фигуры сам, и вмѣстѣ с рукописным сея моя История подлинником отдал Типографу безмездно, дабы тѣм дешевѣ книга рачителям доставашься могла. Я надеюсь, что тремѣсячное время моего обучения извинит не хорошую мою грьдоровальную работу у искусных в том художествѣ¹⁹.

Третье издание вышло в свет в Венеции под названием «Исторія о житіи и славных дѣлах великаго государя императора Петра Перваго»; на титульной странице впервые было указано имя автора. Кроме иллюстраций и карт в качестве фронтисписа к первой части книги прилагался портрет Петра Первого, гравированный самим Орфелином²⁰. Это издание крайне редкое. Один экземпляр первого тома сегодня находится в собрании ГПИБ, Инв. ОИК № 15069, а два комплекта в собрании Института истории Сербской академии наук и искусств и в Библиотеке Г. Михайловича (Сербия)²¹. На титульной странице третьего издания указан 1772 г., но датировка спорная, так как на прилагаемой к первой части книги Генеральной карте читается подпись Захария Орфелина и надпись «резал в Карловце в 1774 г.»²².

¹⁷ Там же.

¹⁸ Об изобразительной части «Жития Петра» см.: Давидов 1974.

¹⁹ [Орфелин] 1772b. Один экземпляр книги хранится в: БАН. ФРК. Дублет, инв. № 2736–2737. См.: Дружинин 2000: 56 (сн. 14).

²⁰ [Орфелин] 1772 с.

²¹ Дружинин 2000: 56 (ср. сн. 19 и 20).

²² Медаковић 1954: 254.

Скорее всего, новое издание книги с иллюстрациями было отпечатано в 1774 г.²³ или позднее, но на титульной странице сохранилась датировка первых двух изданий — 1772 г.

Пока в Венеции готовилось третье издание книги, в Петербурге труд Орфелина был отредактирован князем М. М. Щербатовым (1733–1790) и В. А. Троепольским, слог исправлен, сербские слова переведены, и в 1774 г. в типографии Академии наук вышло роскошное иллюстрированное новое издание, посвященное Екатерине II²⁴.

Итак, кто такой Орфелин и что характерно для языка его сочинений? Цель настоящей статьи — рассказать коротко о заслугах автора «Жития Петра Великого» в области сербской словесности и о его отношении к реформам Марии Терезии в области религии и образования.

Жизненный путь Захария Орфелина

При том что научная литература, посвященная Захарии Орфелину, обширна²⁵, он все еще является для исследователей загадочной личностью. Сравнительно мало известно о его молодости: родился в Вуковаре, на берегу Дуная, в 1726 г., настоящее имя — Захарий Стефанович, а «Орфелин» является псевдонимом. По всей вероятности, он составил его из имен мифических певцов братьев Орфея и Лина, что свидетельствовало о хорошем знании античной мифологии. Возможно, псевдоним «Орфелин» имел и другое значение. В библиотеке Орфелина хранился труд Вольтера «*Orphelin de la Chine*» («Китайский сирота»). Был ли Орфелин сиротой — неизвестно, но его интерес к строительству Воспитательного дома в Москве, пожертвование денег на его строительство, гравюра памятной медали Екатерины II в честь Воспитательного дома — все эти детали косвенно подтверждают, что судьба беззащитных сирот волновала Орфелина и, возможно, перекликалась с его собственной судьбой²⁶.

²³ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1964. Т. 2. К–П. № 5028.

²⁴ Унбегаун 1938: 209–222. Ср.: Дружинин 2000: 55–65.

²⁵ В рамках статьи сошлюсь только на диссертацию В. Симица и отошлю читателя к приведенной в ней библиографии, см.: Симић 2013: 287–311.

²⁶ Шварц 2011: 112.

Считается, что Орфелин был самоучкой, автодидактом в лучших традициях Просвещения, но в отличие от простых, или, как называл их историк Никола Радойчич, «*нешколованных*» людей, он отличался разносторонностью дарования, необыкновенными способностями и успел добиться признания во многих областях²⁷. Библиолог Лаза Чурчић ставил под сомнение это распространенное в исторической литературе мнение²⁸, а Орфелин в предисловии ко второму изданию «Петра Великого» утверждал, что сам он плоть от плоти воспитанник школьной системы в сербских землях:

Какія училища в Сербских землях есть, всякому извѣстно, слѣдовательно, и я не лучшей. Одно только чтеніе книг было мне Академією и самою главною наукою²⁹.

Возникает вопрос, если Орфелин не был автодидактом, где он мог учиться и откуда знал русский язык? С 1717 по 1739 г. Белград находился под властью Габсбургов, и сербское население испытывало сильное давление со стороны иезуитов и властей, склонявших их к унии. Чтобы ослабить влияние униатской церкви, сербские митрополиты и в особенности Карловацкая митрополия (церковная организация православных сербов под властью Габсбургов), обратились с просьбой о помощи в Россию, стали выписывать множество богослужебных и школьных книг. С ними появились и литература на русском языке, и заметный приток русских и малороссов³⁰. Так, в 1724 г. по просьбе белградского митрополита Моисея Петровича из России было направлено 400 букварей и 100 учебников грамматики, а в 1726 году в Сремских Карловцах была создана первая славяно-сербская школа с преподаванием на русском языке, в которой учителями были братья Максим и Петр Суворовы³¹. В 1731 или 1732 г. епископом Виссарионом Павловичем (?–1756) в Нови Саде было основано первое сербское среднее учебное заведение — так называемая латино-словенская школа, а в 1733 г. еще одна подобная школа открылась в Сремских Карловцах. Ее первым ректором стал выходец из Российской империи Эммануил

²⁷ Радойчич 1933: 253.

²⁸ Чурчић 2002: 202–203.

²⁹ Предисловие // [Орфелин] 1772b.

³⁰ Джурич 2009: 21.

³¹ Чурчић 2002: 23; ср.: Лециловская 2006: 133–134, 137.

Козачинский³². В том же году латино-словенская школа была также основана в Вуковаре. Во всех трех латино-словенских школах изучалась латынь, а преподавание велось на русском языке. По мнению М. Павича:

Именно тогда возник так называемый русско-славянский язык, который господствовал в сербской литературе и богослужении вплоть до появления первых представителей классицизма, предромантизма и романтизма с Вуком Караджичем во главе, который в середине XIX века ввел народный сербский язык в повседневное публичное употребление³³.

Учился ли Орфелин в одной из этих школ, трудно сказать, но то, что с 1749 по 1757 г. он числился учителем в славянской школе в Нови Саде — факт который является косвенным доказательством наличия у него школьного образования.

Известность Орфелин получил в 1757 г., когда по случаю интронизации бачского епископа Моисея Путника он вручил ему великолепное художественно-оформленное рукописное издание сборника песен собственного сочинения «*Поздрав Мойсею Путнику*». Здесь, в оформлении этого произведения, он в первый раз проявил себя как искусный гравёр³⁴. С 1757 г. Орфелин работал секретарем в канцелярии архиепископа Павла Ненадовича (1701–1768) в Сремских Карловцах, но внутренние конфликты заставили его в 1762 г. уехать в Темешвар (совр. Тимишоара, Румыния), где он поступил в типографию епископа Викентия Йовановича Видака (1730–1780). В 1764 г. Орфелин получил должность корректора в типографии Дмитрия Федосия в Венеции. 1770-е годы связаны с активной творческой деятельностью как в Венеции, так и в Вене, и в Нови Саде. Последние годы жизни, после того как в Вене снова было разрешено печатать славянские книги, Орфелин работал корректором в издательстве Йозефа Курцбёка. Умер Орфелин 12 января 1785 г. и похоронен на Иоанновском кладбище в Нови Саде³⁵.

³² Лециловская 2006: 133.

³³ Павич М. Биография Белграда. СПб.: Амфора, 2009. С. 43.

³⁴ Чурчић 2002: 27–28, 35–36.

³⁵ Medaković 1965: 389.

О специфике сербского литературного языка в творчестве Орфелина

Орфелин оставил след в самых разных сферах, но его новаторство проявилось прежде всего в области словесности³⁶. В сербской литературе в XVIII в. функционировали три типа языка: церковнославянский язык, язык русской светской литературы и народный сербский. Из сочетания этих трех языков формировался гибридный литературный язык, который получил название «славено-сербский» (славяно-сербский)³⁷. Авторы свободно выбирали, смешивали и использовали в произведениях церковнославянскую, сербскую и русскую лексику. Ярким представителем этой формы литературного языка являлся Захарий Орфелин. На нем он писал грамматические пособия, календари, журналы, жизнеописание Петра и другие произведения. Осознавая, что литература должна быть приближена к читателю, Орфелин пытался решить эту задачу не только путем применения словено-сербского литературного языка, но и использованием в разных жанрах различных языковых систем. Его зрелые произведения, такие как «Житие и славные дела государя императора Петра Великого» были написаны на славяно-сербском языке, в поэтическом творчестве он прибегал к народному сербскому языку, а для деловой корреспонденции и политических трактатов использовал немецкий язык и латынь. Такой подход был не новым. Его можно встретить еще в творчестве Данте Алигьери — одного из основоположников литературного итальянского языка. Как известно, «Божественная комедия» была написана на итальянском языке, а философские и политические трактаты, такие как «Монархия» («*De Monarchia*») или «О красноречии народного языка» («*De vulgari eloquentia*») — на латыни.

Для понимания языковой ситуации у южных славян в Австрийской империи необходимо учитывать, что касавшиеся их официальные венские гражданские и юридические постановления — законы, рескрипты, уставы и т. д. — издавались в 70–80-х годах XVIII в. на славяно-сербском языке русско-славянского образца с параллельным текстом на латыни или на немецком языке. До наших дней дошло несколько печатных текстов разного содержания и предназначения: законы

³⁶ Гудков 1981: 140; Лециловская 1999.

³⁷ Лециловская 1994: 89.

(«Предания» или «Регламенты»), «Школьный устав», «Установление о таксах на церковные требы», по которым прослеживаются языковые различия. Если, например, в «Начале закона» Марии Терезии «для иллирийского народа», который был издан в Вене в 1771 г., текст параллельно латинский и славяно-сербский, или в «Школьном уставе» для Темешского Баната, отпечатанном в Вене в 1776 г., текст тоже параллельный — славяно-сербский и немецкий, то в «Установлении о расценках на церковные требы» (Вена, 1777–1778) язык является смешением славяно-сербского языка русского книжно-славянского образца с сербским, и целые фразы написаны на сербском народном языке, а тексты на немецком или латинском языке не были опубликованы³⁸. Первый и второй пример являются, однако, свидетельством, что славяно-сербский язык русского образца был признан и принят не только православным митрополичьим двором в Сремских Карловцах, но и венским двором, что придавало языку несомненный авторитет³⁹.

В творчестве Орфелина, как уже говорилось, можно наблюдать дифференцированный подход в использовании разных языковых систем: в зависимости от адресата выбирался либо немецкий, либо сербский или славяно-сербский русского-славянского образца. Так в 1761–1762 гг. Орфелин создал стихи в стиле барокко. Самые известные из них «Горестный плач славной прежде Сербии» были написаны и опубликованы на славяно-сербском русского книжно-славянского образца, но год спустя (в 1762 г.) вышла в свет новая редакция «*Плач Сербіји*» уже ближе к народному сербскому языку. В этом произведении Орфелин восхвалял славное прошлое храброго сербского народа и обвинял соотечественников, что, находясь под игом, они бездействуют и только горько плачут:

Восток, запад, полуноћ бојали се мене,
славне, храбре Сербіје, бивше тогда једне;
а сад сједим жалосна, у ропству тужећи,
и за моју храбростју, прегорко плачући⁴⁰.

Никогда до Орфелина с такой болью не противопоставлялось блистательное прошлое и бесславное настоящее Сербии, и никогда

³⁸ Отдельные примеры см.: Толстой 1998: 271–272.

³⁹ Толстой 1998: 271–272.

⁴⁰ Орфелин 1762.

в литературе XVIII в. с такой силой не поднимался вопрос, как жить дальше⁴¹. Напомню, что в этом же году Паисий Хилендарский (1722–1773) закончил работу над рукописью «Истории славяноболгарской», и в ней также звучат призывные слова к болгарам гордиться своим прошлым и не забывать родной язык и болгарскую идентичность: «О, неразумне и юроде, поради что се срамиш да се наречеш болгарин и не четиш по свои язык и не думаш»⁴². И. И. Лещиловская обратила внимание не только на общие взгляды, но и на личные связи между Захарием Орфелином и Паисием Хилендарским в 1761 г., когда последний длительное время находился в Сремских Карловцах⁴³. К сожалению, этот вопрос, касающийся южнославянских культурных связей во второй половине XVIII в., до сих пор мало изучен⁴⁴.

Развитие школьного образования в Сербии требовало издания учебных пособий. И в этой области Орфелин был первым, кто занялся вопросами практической педагогики. В 1766 г. он опубликовал в Венеции «Латинский букварь» с кратким словарем в переводе на «словено-сербский язык» «ради сербских детей»⁴⁵, а год спустя пособие «Первые начатки латинского языка», содержащее латинскую грамматику и учебные диалоги⁴⁶. В том же 1767 г. он издал в Венеции и букварь «славянского языка», который стал первым сербским букварем, и по нему учились до конца XIX в.⁴⁷ Несмотря на компилятивность, выражающуюся в следовании немецким образцам, по замыслу и по нормированию языка букварь является оригинальным и очень интересным источником. Кроме того, он содержит элементы точных наук — арифметики, астрономии, а в конце учебника есть разделы о географии и истории.

Орфелин был новатором и в издании первого сербского и южнославянского журнала. В 1768 г. в Венеции в свет вышел «Славено-сербский магазин» на славяно-сербском языке, предназначенный для широкого круга читателей, освещавший вопросы географии, педагогики, истории, искусства. В нем публиковались полезные

⁴¹ Лещиловская 1994: 86.

⁴² Райков 1989: 50. Цитаты приведены в современной орфографии.

⁴³ Лещиловская 1994: 84.

⁴⁴ Конев 1983: 148, 223–224.

⁴⁵ [Орфелин З.] 1766; Лещиловская 1999.

⁴⁶ [Орфелин З.] 1767b.

⁴⁷ [Орфелин З.] 1767a; ср. Орфелин 1792.

хозяйственные советы и развлекательные материалы. Образцом послужил русский журнал «Ежемесячные сочинения» издававшийся Академией наук в Петербурге в 1755–1764 гг. под редакцией Г. Ф. Миллера (1705–1783)⁴⁸. К сожалению, вышел только один номер орфелинского журнала, и после этого работа была приостановлена.

В 1772 г. Орфелин издал труд «Петр Великий», над которым, по собственному признанию, работал пять лет. Поводом к созданию произведения было отсутствие истории российского императора на «славенском» языке:

Славные дела <...> описаны почти на всех европейских языках, един только славенской был по сіе время такового утѣшенія лишенъ⁴⁹.

Книга «Житие Петра» для того времени уникальна. Она снабжена документами, а также списком источников и использованной литературы. В восемнадцати главах на более чем восьмистах страницах дано географическое и политическое описание России с историей древней Руси до болезни и смерти царя. Сравнивая венецианское издание с исправленным петербургским, Н. И. Толстой пришел к выводу, что Орфелин сознательно стремился писать «Житие Петра» на русском языке XVIII в. с очень незначительным числом сербизмов, которые он изредка вводил, преимущественно для толкования русских слов, чтобы облегчить сербскому читателю понимания текста⁵⁰.

Список произведений Орфелина очень длинный. Назову его последний труд о виноделии — «*Искусный подрумарь*» («Опытный погребщик»), опубликованный в Вене в 1783 г.⁵¹ Он содержал практические советы, как приготовить вино, ракию, шербет и уксус, давал перечень и характеристику отдельных сортов винограда, но ставил и вопросы: что такое пьянство и кому не рекомендуется пить вино. Для этого автор приводил цитаты из произведений античных и византийских авторов: Цицерона, Плиния, Аристотеля, Платона и др. Здесь язык произведения является ярким примером смешивания русско-славянского языка с народным сербским, а исторический экскурс свидетельствует об эрудиции автора.

⁴⁸ Яцимирский 1916: 731.

⁴⁹ [Орфелин З.] 1772b.

⁵⁰ Толстой 1998: 284.

⁵¹ Орфелин 1783.

Отношение Орфелина к реформам Марии Терезии

Реформы Марии Терезии (1740–1780) 70-х годов XVIII в. затронули все сферы государственных интересов и внесли значительные изменения в общественную жизнь Австрийской монархии⁵². Модернизация общества требовала существенных изменений прежде всего в области образования. Мария Терезия начала с реформирования школьной системы, объявив ее делом не церкви, но государства. 6 декабря 1774 г. ею был подписан «Общий устав для немецких нормальных, основных и тривиальных школ во всех имперских и королевских странах» («*Allgemeine Schulordnung für die deutschen Normal-, Haupt und Trivialschulen in sämtlichen Kayserlichen Königlichen Erbländern*»). На основании документа было провозглашено общее среднее образование для обоих полов и создана сеть учебных заведений — «приходские», двухклассные «тривиальные», четырехклассные «нормальные» школы с обучением на немецком языке. Низшим школьным звеном в селах стали народные школы (*Volksschulen*), в городах нормальные (*Normalschulen*) и основные (*Hauptschulen*) школы. Образовательные программы, пособия и сроки обучения были унифицированы и поставлены под контроль государства. Еще в 1770 г. в «народных школах» был введен немецкий язык преподавания, в 1776 г. норма распространилась на средние школы⁵³. В отношении сербов на территории империи эта школьная реформа имела целью не только унифицировать образование, но и ограничить приезд русских учителей и использование российских учебников.

В 1773 г. был ликвидирован орден иезуитов, который до этого оказывал существенное влияние на общественную жизнь в Австрии⁵⁴. Произошли изменения и в статусе православной церкви, которые имели целью реорганизовать церковное судопроизводство, реформировать структуры Карловацкой митрополии и способствовать унификации и интеграции сербских общин. В 1770 г. вышел в свет рескрипт, известный как «*Regulamentum privilegiorum*» («Регламент привилегий»), которым предполагалось урегулировать церковные и гражданские вопросы. По причине недовольства год спустя (в

⁵² Vocolka 2004: 353–366.

⁵³ Vocolka 2004: 240–241, 364–366.

⁵⁴ Vocolka 2004: 240.

1771 г.) был опубликован новый регламент, который еще менее устраивал мирян, и брожения в Карловацкой митрополии продолжились⁵⁵.

Как отнесся Орфелин к реформам? В связи с реорганизацией образования ему было поручено разработать образцы каллиграфии для сербских и валашских школ. В июле 1777 г. созданные им образцы были отосланы Марии Терезии. Императрица пожаловала Орфелину 100 дукатов и приказала печатать прописи на сербском, валашском и немецком языках, сократив, правда, их объем, из-за чего лучшие страницы каллиграфии Орфелина так и остались в рукописях⁵⁶.

Реформы церкви и системы образования вызвали неоднозначную реакцию у сербов Австрийской монархии. В 1777 и 1778 г. недовольство политикой властей в отношении православной церкви вылилось в бунты, своим размахом взволновавшие Орфелина. Он направил Марии Терезии трактат, озаглавленный «Представление». Документ был написан на немецком языке, в нем не только подчеркивался патриотизм и принадлежность автора к сербской нации, но и критическое отношение к образу жизни и деятельности православных иерархов:

То, что возмущение Церковным регламентом является беспочвенным и тщетным, будет беспристрастно показано истинным сыном восточной церкви и преданным патриотом сербской нации⁵⁷.

Трактат содержал 16 глав, в которых рассматривались вопросы сана епископов и священников, симония, жизнь монахов, строительство церквей, церковные праздники, причины бунтов населения, школы и школьное образование. Орфелин подверг резкой критике положение православной церкви, образ жизни высшего духовенства, невежество приходских священников, ненасытность, распущенность монахов и призвал Марию Терезию к дальнейшему развитию реформ, установлению в церкви строгих правил и дальнейшей демократизации церковных институций. По всей вероятности, этот трактат стал одним из поводов для составления нового регламента, «*Rescriptum declaratorium*» («Декларатория»), одобренного Марией

⁵⁵ Лебер 2016: 115.

⁵⁶ Орфелин 1778.

⁵⁷ Орфелин 1972: 12. «*Daß das Murren wider das geistliche Regulament ungründlich und eitel sey, wird von einem wahren Sohn der Morgenländischen Kirche, und getreuen Patrioten der Serbischen Nation, ganz unparteiisch gezeigt*».

Терезией 16 июля 1779 г. Он должен был способствовать интеграции сербских религиозных общин в структуру монархии, но на практике его реализация означала сокращение прав епископов и митрополита, которые отныне распространялись только на церковную, но не на гражданскую сферу, что в целом вело к сокращению коллективных привилегий сербов⁵⁸.

Свободолюбивый дух трактата «Представление», как и следовало ожидать, вызвал негативную реакцию венского двора, и Орфелин оказался больше не востребован. Он продолжал работать над новыми сочинениями, готовил к печати «Словянский словарь», содержащий около 4,5 тыс. слов, издал «Вечный календарь» и «*Искусный подруга*», но здоровье его было подорвано, и 12 января 1785 г. он умер на епископском хуторе в Нови Саде в полной нищете⁵⁹.

Подводя итоги, можно сказать, что творчество Орфелина сыграло значительную роль в формировании сербского литературного языка, оставило яркий след в области словесности и явилось духовной кульминацией в истории сербской культуры второй половины XVIII в. Беззаветно преданный идеям Просвещения, Орфелин приветствовал образовательные реформы и необходимые преобразования в православной церкви, но как «истинный патриот» он не мог не видеть в них сокращение прав и привилегий сербского населения Австрийской монархии и опасность для сохранения сербской идентичности. В сложной и противоречивой личности Орфелина, в его творчестве и словесности отразился дух эпохи славянского возрождения.

Список сокращений

БАН — Библиотека Академии наук, Санкт-Петербург

ГПИБ — Государственная публичная историческая библиотека, Москва

РГАДА — Российский государственный архив древних актов, Москва

ФРК — Фонд редких книг

⁵⁸ Лебер 2016: 115, 126.

⁵⁹ Павич 2009: 217.

Упомянутые в статье издания Захария Орфелина⁶⁰

Орфелин 1762 — *Орфелин З.* Плач Сербии. URL: https://sr.wikisource.org/wiki/Плач_Сербији (дата обращения: 20.02.2020).

[Орфелин] 1766 — [Орфелин З.] Латинский букварь содержащий начало учения в един краткий словник латинского языка с переводом Словено-Сербским, ради сербских дѣтей и всех, которые Латинскому языку учиться желают издан. [В Венеции] 1766. 47 с. URL: <http://digital.bms.rs/ebiblioteka/publications/view/150> (дата обращения: 20.02.2020).

[Орфелин] 1767a — [Орфелин З.] Первоје ученје <...> называемое Буквар. [в Венеции], 1767. 96 с.

[Орфелин] 1767b — [Орфелин З.] Первые начатки латинского языка. В Млетках, 1767. 448 с.

Орфелин 1778 — *Орфелин З.* Славенская и валахійская калліграфия. В Карловце Сремском, 1778. 17 л. URL: <http://digital.bms.rs/ebiblioteka/publications/view/804>

[Орфелин] 1772a — [Орфелин З.] Житіе и славныя дѣла государя императора Петра Великаго самодержца всероссійскаго с предположеніем краткой Географической и политической Истории о Россійском царствѣ, ныне первѣе на Славенском языкѣ описана и издана. Часть первая. В Венеции. В Типографіи Димитрія Феодозія 1772. Con licenza de' superiori. URL: <http://digital.bms.rs/ebiblioteka/pageFlip/reader/index.php?type=publications&id=953&m=2#page/22/mode/2up> (дата обращения: 20.02.2020).

[Орфелин] 1772b — [Орфелин З.] Житіе и славныя дѣла государя императора Петра Великаго самодержца всероссійскаго с предположеніем краткой Географической и политической Истории о Россійском царствѣ, ныне первѣе на Славенском языкѣ описана и издана. Часть первая. В Венеции. В Типографіи Димитрія Феодозія 1772. Con licenza de' superiori. URL: https://digitalna.nb.rs/wb/NBS/Stara_i_retka_knjiga/Zbirka_knjiga_Zaharije_Orfelina/S-II-0888a#page/0/mode/1up (дата обращения: 20.02.2020).

[Орфелин] 1772c — История о житии и славных дѣлах великаго государя императора Петра Перваго самодержца всероссійскаго которую с предположеніем краткой географической и политической историй о Россійском царствѣ и с многими медалями чертежами и другими разными принадлежностями, собственною рукою гравированными фигурами, и генеральною сея великія имперіи картою, нынѣ первыѣна славенском языкѣ сочинил Захарія Орфелин, Цесаро-Королевской Вѣнскаго Академіи Художеств

⁶⁰ Более подробную информацию об изданиях «Жития Петра Великого» см. *Брковић М.* Српске књиге и периодика 18. века. Нови Сад: Библиотеке Матице српске, 1996. № 267–274. С. 160–164; Бошков 1986.

- Член. Часть первая. В Венеции, в Типографии Димитрия Феодосия 1772. URL: http://www.srbinside.rs/wp-content/uploads/2013/12/orfelin-spc.rs_.jpg (дата обращения 20.02.2020).
- Орфелин 1783 — *Орфелин З.* Искусный подрумарь. В Виеннѣ: Иосиф Курцбек, 1783. 494 с. URL: <http://digital.bms.rs/ebiblioteka/publications/view/747> (дата обращения 20.02.2020).
- Орфелин 1972 — *Орфелин З.* Первоје ученије <...> називајемоје Буквар. В Виеннѣ: Стефан Новаковић, 1792. 101 [29] с. URL: <http://digital.bms.rs/ebiblioteka/publications/view/354> (дата обращения 20.02.2020).
- Орфелин 1970 — *Орфелин З.* Петар Велики / савремена језичка верзија З. Божовић; поговори Р. Михаиловић, М. Павић. Београд: Просвета 1970. Кн. 1–2. 455+425 с. (Бразде. 7–8).
- Орфелин 1972 — *Орфелин З.* Представка Марији Терезији. [Нови Сад]: Матица Српска, 1972. 170 с.

Литература

- Бегунов 1962 — *Бегунов Ю.К.* Обзор собраний древнерусских рукописных книг города Риги // Археографический ежегодник за 1961 год. М.: Наука, 1962. С. 174–179.
- Белова 2008 — *Белова Е.В.* Из прошлого Новороссии: Сербь на охране российских границ (1750–1760-е гг.) // Новый исторический вестник 2008. № 17. С. 39–49.
- Бошков 1986 — *Бошков М.* Орфелинова «Историја Петра Великог» и одједи идеје о Москви као трећем Риму // Зборник Матице Српске за књижевност и језик. 1986. Кн. 34. Св. 2. С. 173–225.
- Гудков 1981 — *Гудков В.П.* Книжно-письменный язык у сербов в XVIII — начале XIX в. // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе / отв. ред. И.С. Миллер, В.И. Фрейдзон. М.: Наука, 1981. С. 135–150.
- Давидов 1974 — *Давидов Д.* Бакорезне илустрације Захарије Орфелина у Историји Петра Великог // Зборник Матице Српске за ликовне уметности. 1974. Бр. 10. С. 187–206.
- Джурич 2009 — *Джурич Д.* Влияние русской культуры на творчество Йована Раича, основателя сербской научной историографии // Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX — первая половина XX в. / отв. ред. Э.И. Колчинский, А. Петрович. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 22–25.
- Дмитрієв 2006 — *Дмитрієв В.С.* Сербі в Україні (XVIII — початок XIX ст.): дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2006. 197 с. (рукопись).
- Дружнин 2000 — *Дружнин П.А.* История издания книги Захарии Орфелина о Петре Великом // Памятники культуры: новые открытия.

- Письменность, искусство, археология. Ежегодник, 1999. М.: Наука 2000. С. 55–65.
- Конев 1983 — *Конев И.* Българското възраждане и просвещението: История, историческо съзнание, взаимодействие. София: БАН, 1983. 328 с.
- Костяшов 2012 — *Костяшов Ю.В.* Генерал Иван Хорват — сербский авантюрист на русской службе (вторая половина XVIII в.) // Славяноведение. 2012. № 2. С. 34–41.
- Лебер 2016 — *Лебер Т.А.* Правовой статус сербов как коллективного субъекта монархии Габсбургов, 1690–1792 // Взаимодействия и конфликты на конфессионально этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы, 1517–1918 гг. / редкол.: К. А. Кочегаров, Л. К. Новосельцева, А. Форго, О. В. Хаванова (отв. ред.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 115–133.
- Лециловская 1994 — *Лециловская И.И.* Сербская культура XVIII века. М.: АО «ИСМ», 1994. 286 с.
- Лециловская 1999 — *Лециловская И.И.* Захария Орфелин — сербский энциклопедист XVIII в. // Человек эпохи Просвещения / отв. ред. Г. С. Кучеренко. М.: Наука, 1999. С. 61–76.
- Лециловская 2006 — *Лециловская И.И.* Сербский народ и Россия в XVIII веке. СПб.: Алетейя, 2006. 297 с.
- Медаковић 1954 — *Медаковић Д.* Илустровано издана орфелинове историје Петра Великог // Историски часопис. Београд: Научна книга, 1954. Кн. IV (1952–1953). С. 253–258.
- Радојчић 1933 — *Радојчић Н.* Захарија Орфелин као историчар // Гласник историског друштва у Новом Саду. Сремски Карловци: Српска манастирска штампарија, 1933. Св. 16 (Кн. VI. Св. 3). С. 253–280.
- Райков 1989 — *Райков Б.Н.* Паисиевият ръкопис на «История славяноболгарская» 1762. София: Наука и изкуство, 1989. 124 с.
- Симић 2013 — *Симић В.М.* Захарија Орфелин (1726–1785). Докт. дис. Београд, 2013. 316 с. URL: <http://doiserbia.nb.rs/phd/fulltext/BG20130515SIMIC.pdf> (дата обращения: 29.03.2020). (рукопись).
- Толстой 1998 — *Толстой Н. И.* Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. II. Славянская литературно-языковая ситуация. 544 с.
- Унбегаун 1938 — *Унбегаун Б.* Труд Захарии Орфелин о Петре Великом и его петербургское издание // Временник общества друзей русской книги. Париж, 1938. Т. 4. С. 209–222.
- Фин 2012 — *Фин М.* Венецији и српска књига // Глас библиотеке. Чачак, 2012. Бр. 19. С. 79–100.
- Хаванова 2017 — *Хаванова О.В.* Письма о счастье: из истории переселения сербов на юг России в середине XVIII в. // Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе

- XVIII–XXI вв. / редкол.: М. Ю. Дронов, А. А. Леонтьева, О. В. Хаванова (отв. ред.). М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 179–193.
- Чурчић 2002 — *Чурчић Л.* Книга о Захарији Орфелину. Загреб: Просвета, 2002. 439 с.
- Шварц 2011 — *Шварц И.* Кто является автором рукописи «Житие и дела Петра Великого» из собрания библиотеки Института истории Восточной Европы Венского университета? // Культурные инициативы Петра Великого. Материалы II Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург 9–11 июня 2010 г. СПб.: Европейский Дом, 2011. С. 107–115.
- Яцимирский 1916 — *Яцимирский А.* Орфелин Захарий Стефанович // Новый энциклопедический словарь. Пг.: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1916. Т. 29. Стлб. 731–732.
- Medaković 1965 — *Medaković D.* Zaharija (Stefanović) // Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb: Jugoslovenskij leksikografskij zavod, MCMLXV. Т. 6 (Maklj–Put). С. 389–390.
- Vocelka 2004 — *Vocelka K.* Glanz und Untergang der höfischen Welt: Repräsentation, Reform und Reaktion im habsburgischen Vielvölkerstaat. Wien: Ueberreuter, 2004. 542 S. (Österreichische Geschichte: 10 Bde. / hrsg. von H. Wolfgram. 1699–1815).

References

- Begunov, Iu. K., 1962. Obzor sobranii drevnerusskikh rukopisnykh knig goroda Rigi [Review of the collections of Old Russian manuscript books in Riga]. *Archeograficheskii ezhegodnik za 1961 god* [Archeographic yearbook for the year 1961]. Moscow: Nauka, pp. 174–179.
- Belova, E. V., 2008. Iz proshlogo Novorossii: Serby na okhrane rossiiskikh granits (1750–1760-e gg.) [From the past of Novorossia: Serbs on the protection of the Russian borders]. *Novyi istoricheskii vestnik*, 17, pp. 39–49.
- Boškov, M., 1986. Orfelinova “Istorija Petra Velikog” i odjeci ideje o Moskvi kao trećem Rimu. *Zbornik Matice Srpske za književnost i jezik*, 34, 2, pp. 173–225.
- Čurčić, L., 2002. *Kniga o Zahariji Orfelinu* [The book on Zaharija Orfelin]. Zagreb: Prosveta, 439 p.
- Davidov, D., 1974. Bakrorezne ilustracije Zaharije Orfelina u Istoriji Petra Velikog [Zaharij Orfelin's cross-cut illustrations in the *History of Peter the Great*]. *Zbornik Matice Srpske za likovne umetnosti*. 10, pp. 187–206.
- Dzhurich, D., 2009. Vliianie russkoi kul'tury na tvorchestvo Iovana Raicha, osnovatelja serbskoi nauchnoi istoriografii [The influence of Russian culture on the work of Jovan Raich, the founder of Serbian scholarly historiography]. In: Kolchinskii, E. I., Petrovich, A., eds. *Rossiisko-serbskie sviazi v oblasti nauki i obrazovaniia: 18 — pervaja polovina 20 v.* [Russian-Serbian ties in the sphere

- of science and education: from the eighteenth to the first half of the twentieth centuries] Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 22–25.
- Dmitriev, V. S., 2006. *Serbi v Ukraïni (18 — počatok 19 st.): dis. ... kand. ist. nauk* [Serbs in Ukraine (from the eighteenth to the early nineteenth centuries. PhD thesis]. Kiïv, 197 p. (manuscript).
- Druzhinin, P. A., 2000. *Istoriia izdaniia knigi Zaharii Orfelina o Petre Velikom* [The history of creation of Zaharija Orfelin's book about Peter the Great]. *Pamiatniki kul'tury: novye otkrytiia. Pis'mennost', iskusstvo, arkheologiiia. Ezhegodnik. 1999* [Literary monuments: new discoveries. Writing, arts, archeology. Yearbook. 1999]. Moscow: Nauka, pp. 55–65.
- Fin, M., 2012. *Veneciji i srpska knjiga* [Venice and Serbian book]. *Glas biblioteke*. Čačak, 19, pp. 79–100.
- Gudkov, V. P., 1981. *Knizhno-pis'mennyi iazyk u serbov v 18 — nachale 19 v.* [The written book-language among the Serbs in the eighteenth and early nineteenth century] In: Miller, I. S., Freidzon, V. I., eds. *Formirovanie natsii v Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evrope* [Nation-building in Central and South-Eastern Europe]. Moscow: Nauka, pp. 135–150.
- Iatsimirskii, A., 1916. *Orfelin Zaharij Stefanovich* [Orfelin Zaharij Stefanovich]. In: *Novyi enciklopedicheskii slovar'* [New encyclopedic dictionary]. Petrograd: F. A. Brokgauz i I. A. Efron, 29, Column 731–732.
- Khavanova, O. V., 2017. *Pis'ma o schast'e: iz istorii pereseleniia serbov na iug Ros-sii v seredine 18 v.* [Letters about happiness: From the history of the resettlement of Serbs to the South of Russia in the middle of the eighteenth century]. In: Dronov, M. Iu., Leontieva, A. A., Khavanova, O. V. (Editor-in-Chief), eds. *Vynuzhdennoe sosedsstvo — dobrovol'noe prispособlenie v diplomaticheskikh i mezhnatsional'nykh otnosheniiakh v Tsentral'noi, Vostochnoi i Iugo-Vostochnoi Evrope 18–21 vv.* [Forced neighbourhood — a voluntary adaptation in diplomatic and interethnic relations in Central, Eastern and South-Eastern Europe from the eighteenth to the twenty first century]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 179–193.
- Konev, I., 1983. *B"lgarskoto v"zrazhdane i prosveshchenieto: Istoriia, istoricheskoe s"znanie, vzaimodeistvie* [Bulgarian revival and Enlightenment: History, historical consciousness, interaction]. Sofiia: BAN, 328 p.
- Kostiashov, Iu. V., 2012. *General Ivan Horvat — serbskii avantiurist na russkoi sluzhbe (vtoraia polovina 18 v.)* [General Ivan Horvat — a Serbian adventurer in the Russian service (the second half of the eighteenth century)]. *Slaviano-vedenie*, 2, pp. 34–41.
- Leber, T. A., 2016. *Pravovoi status serbov kak kollektivnogo sub'ekta monarkhii Gabsburgov, 1690–1792* [The legal status of the Serbs as a collective subject of the Habsburg Monarchy]. In: Kochegarov, K. A., Novosel'tseva, L. K., Forgo, A., Khavanova, O. V. (Editor in Chief), eds. *Vzaimodeistviia i konflikt'y na konfessional'no etnicheski smeshannykh territoriakh Tsentral'noi i Vostochnoi*

- Evropy, 1517–1918 gg.* [Interactions and conflicts on confessionally and ethnically mixed territories of Central and Eastern Europe]. Moscow; Saint-Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 115–133.
- Leshchilovskaia, I. I., 1994. *Serbskaia kul'tura 18 veka* [Serbian culture of the eighteenth century]. Moscow: AO "ISM", 286 p.
- Leshchilovskaia, I. I., 1999. Zakhariia Orfelin — serbskii entsiklopedist 18 v. [Zacharia Orfelin — a Serbian encyclopedist of the eighteenth century] In: Kucherenko, G. S., ed. *Chelovek epokhi Prosveshcheniia* [Man of the Enlightenment]. Moscow: Nauka, pp. 61–76.
- Leshchilovskaia, I. I., 2006. *Serbskii narod i Rossiia v 18 veke* [The Serbian people and Russia in the eighteenth century]. Saint Petersburg: Aleteia, 297 p.
- Medaković, D., 1954. Ilustrovano izdane orfelinove istorije Petra Velikog [Illustrated edition of Orfelin's *History of Peter the Great*]. *Istoriski časopis*. Beograd: Naučna kniga, IV (1952–1953), pp. 253–258.
- Medaković, D., 1965. Zaharija (Stefanović) [Zakhariia (Stefanovich)]. In: *Enciklopedija Jugoslavije* [Encyclopedia of Yugoslavia]. Zagreb: Jugoslavenski leksikografski zavod, 6 (Maklj—Put), pp. 389–390.
- Radojčić, N., 1933. Zaharija Orfelin kao istoričar [Zaharija Orfelin as a historian]. *Glasnik istoriskog društva u Novom Sadu*. Sremski Karlovci: Srpska manastirska štamparja, 16 (Kn. VI. S. 3), pp. 253–280.
- Rajkov, B. N., 1989. *Paisieviat r'kopis na "Istoriia slavyanobolgarskaya" 1762* [Paisius' manuscript of the *Slavo-Bulgarian History of 1762*]. Sofia: Nauka i izkustvo, 124 s.
- Simić, V. M., *Zaharija Orfelin (1726–1785). Dokt. dis.* [Zaharija Orfelin (1726–1785) PhD. thesis]. Beograd, 2013. 316 p. URL: <http://doiserbia.nb.rs/phd/fulltext/BG20130515SIMIC.pdf> (accessed: 29.03.2020). (manuscript).
- Tolstoj, N. I., 1998. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: Iazyki russkoj kul'tury, II, Slavianskaia literaturno-iazykovaia situaciia [Slavic literary and linguistic situation], 544 p.
- Unbegaun, B., 1938. Trud Zaharii Orfelin o Petre Velikom i ego peterburgskom izdanie [The work of Zaharija Orfelin about Peter the Great and its St. Petersburg edition]. *Vremennik obshchestva družej russkoj knigi*, 4, Paris: Ia. Polvolotskii, pp. 209–222.
- Schwarcz, I., 2011. Kto iavliaetsia avtorom rukopisi *Zhitie i dela Petra Velikogo* iz sobraniia biblioteki Instituta istorii Vostochnoi Evropy Venskogo universiteta [Who was the author of the manuscript *Life and work of Peter the Great* from the library of the Institute of Eastern-European History of Vienna University]. In: *Kul'turnye iniciativy Petra Velikogo. Materialy II Mezhdunarodnogo kongressa petrovskikh gorodov. Sankt-Peterburg, 9–11 iyunia 2010 g.* [Cultural initiatives of Peter the Great. Proceedings of the II International Congress of Petrine cities. St Petersburg, 9–11 June 2010]. Saint Petersburg: Evropeiskii Dom, pp. 107–115.

Vocelka, K., 2004. *Glanz und Untergang der höfischen Welt: Repräsentation, Reform und Reaktion im habsburgischen Vielvölkerstaat*. Wien: Ueberreuter, 2004. 542 S. (Wolfram, H., ed., Österreichische Geschichte: 10 Bde. 1699–1815).

Iskra Schwarcz

PhD, Professor, Institute of East-European History, Vienna University, Vienna, Austria. 1090, Spitalgasse 2, Hof 3, Eingang 3.2 (Campus). E-mail: iskra.schwarcz@univie.ac.at

Attribution of the manuscript of *The Life of Peter the Great* and specifics of the Slavonic-Serbian language in the works of Zaharij Orfelin

The article analyses the problem of the authorship of an anonymous manuscript on the history of Russia in the time of Peter the Great, which today is part of the library of the Institute of East European History at the University of Vienna. The hypothesis proposed is that this is the first part of the work of the famous Serbian enlightener Zaharija Orfelin, *The Life and Glorious Deeds of Peter the Great*, and a further assumption is given on where the second part of the manuscript may be located. The literary language in Orfelin's work is a vivid manifestation of the so-called "Slavonic-Serbian" language. Attention is drawn to the use by Orfelin of different language systems in different literary genres – for example, *The Life of Peter* was written in the "Slavonic-Serbian" language, poetry was mainly in Serbian, and political treatises, such as *Representation*, were written in German. Orfelin paid particular attention to the development of school education and within a short time published a number of textbooks for Serbian children: in 1766, the *Latin ABC Book* with a short dictionary translated into the Slavonic-Serbian language was published, followed a year later by *First elements of the Latin language* containing Latin grammar and didactic dialogues, and in 1767 by the ABC of the "Slavonic [slavenskij] language", which was the first Serbian alphabet and used in primary schools in Serbia until the end of the nineteenth century. Of interest are Orfelin's less studied contacts with other representatives of the Revival among southern Slavs. The conclusion illustrates Orphelin's attitude to the reforms of Maria Theresa in the field of religion and education.

Keywords: Peter the Great, Serbia, Serbian literary language of the 18th century, Serbian schools taught in Russian, printing house of Dmitry Theodosius, Karlovac Metropolitanate, reforms of Maria Theresa

Ольга Сергеевна Каштанова

Кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32А. E-mail: kashtanova-o@mail.ru

Языковая политика в сфере образования в западных губерниях России и Царстве Польском в XIX в.

После разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. к России были присоединены территории Белоруссии, Правобережной Украины и Литвы, а в 1815 г. в состав империи вошло автономное Царство Польское. Как и в Царстве Польском, обучение в учебных заведениях западных губерний, где культурную элиту составляли поляки, в первой трети XIX в. велось на польском языке. Толерантное отношение российских властей к такому положению объяснялось как богатыми традициями польского образования, так и проводимым до начала 1820-х годов либеральным курсом. Политические меры русского правительства в области деполонизации образования в западных губерниях, а затем и в Царстве Польском во многом ускорили восстания 1830 и 1863 г. за независимость, в которых активно участвовала польская молодежь. В 1830-е годы в средних и начальных школах западных губерний было введено обучение на русском языке. Постепенно происходило вытеснение польского языка из учебных программ, вплоть до полного запрета его преподавания. В Царстве Польском уставом 1833 г. русский язык вводился в качестве обязательного предмета в программы средних учебных заведений, его знание также стало условием приема на государственную службу. На основании указа 1839 г. был создан Варшавский учебный округ, унифицированы в соответствии с российскими образцами учебные программы. Период после подавления восстания 1863 г. стал завершающим этапом русификации образования в западных губерниях и Царстве Польском. После 1863 г. в учебных заведениях западных губерний поляки были почти полностью заменены русскими учителями. В Царстве Польском, постепенно утратившем свою автономию, русификация образования наступила в 1860–1870-е годы. Только после революции 1905 г. сложились предпосылки для развития там и в западных губерниях частного школьного образования на польском языке.

Ключевые слова: западные губернии, Россия, Царство Польское, просвещение, деполонизация, русификация, польские восстания

После разделов Речи Посполитой в 1772–1795 гг. в состав Российской империи вошли земли Белоруссии, Правобережной Украины и Литвы, где культурную элиту составляли поляки, а после образования в 1815 г. конституционного Царства Польского к России была присоединена и большая часть этнических польских земель. Наряду с Царством Польским обучение в высших, средних и начальных школах западных губерний в первой трети XIX в. также велось на польском языке, хотя русский язык присутствовал в программах. Польские школы имели богатую традицию, у истоков некоторых из них стояли иезуитские коллегии, появившиеся еще в XVI–XVII вв., часть школ находилась в ведении других монашеских орденов — базилианов, пиаров, францисканцев, бенедиктинцев и т.д. После упразднения в 1773 г. папой Климентом XIV (1769–1774 гг.) ордена иезуитов, игравшего значительную роль в области среднего и начального образования Речи Посполитой, и возникновения Эдукационной комиссии в стране была проведена реформа просвещения с целью создания единой системы образования. Эдукационная комиссия организовала ряд новых учебных заведений, иезуитские школы были преобразованы в светские или отданы под управление других монашеских орденов.

В результате I раздела Речи Посполитой к России отошли земли Восточной Белоруссии, составившие Полоцкую и Могилевскую губернии, а затем одноименные наместничества¹. Несмотря на ликвидацию ордена иезуитов, папское бреве не было оглашено в России, и иезуитские школы на территории Белоруссии продолжали существовать. С конца 1780-х годов в их программу стало вводиться преподавание русского языка, что связано с попыткой учреждения на белорусских землях русских школ в качестве альтернативы польскому влиянию. Согласно общероссийскому уставу 1786 г. о народных училищах, на территории этих наместничеств создавались двухклассные малые народные училища, а в главных городах губерний — четырехклассные главные народные училища².

Присоединенные к России по II и III разделам территории Речи Посполитой не затронули данные перемены. При Павле I в 1797 г.

¹ В 1802 г. эти территории были преобразованы в Витебскую и Могилевскую губернии.

² Wolczuk 1992: 49–50, 52–53; ПСЗ. Собр. I. СПб., 1830. Т. XXII. 1784–1788. № 16421. С. 646–669; № 16726. С. 1126.

была учреждена Литовская комиссия образования, которая создала ряд светских школ, отдав другие под управление монашеских орденов. Преподавание в школах вели в соответствии с предписаниями, по учебникам и программам, разработанным еще Эдукационной комиссией (за исключением некоторых пособий), новшеством стало введение в обучение русского языка. В правительственных проектах реорганизации образования в западных губерниях (1801) предлагалось: создание при каждой школе 1-го и 2-го классов для обучения «российскому чтению и письму», печатание русских учебников на двух языках — русском и польском, подчинение Комиссии народных училищ (затем — Главному управлению училищ) всех школ, находящихся в ведении монастырей и монашеских орденов, а также подготовка соответствующего числа студентов из западных губерний для работы учителями русского языка во всех польских школах³.

Эти проекты не были осуществлены в царствование Александра I. Сыграли свою роль такие факторы, как недостаток квалифицированных кадров, стремление привлечь на свою сторону поляков в преддверии войны с Наполеоном. Опыт деятельности Эдукационной комиссии был использован и при проведении реформы образования в России в 1803 г. В ходе реформы были созданы учебные округа, одним из которых стал Виленский учебный округ. Этот округ объединял Виленскую, Витебскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую, Волынскую, Подольскую и Киевскую губернии. Его учебным центром стала Главная Виленская школа, преобразованная указом от 4 апреля 1803 г. в Императорский Виленский университет. По количеству школ и числу учеников Виленский округ намного превосходил другие округа империи. К середине 1820-х годов 33 % всей учащейся молодежи в России (22 тыс. 720 человек) приходилось на данный округ⁴. В 1803–1824 гг. Виленский учебный округ возглавлял князь А. Е. Чарторыйский (1770–1861), близкий друг императора, член Негласного комитета и товарищ министра иностранных дел в 1802–1804 г., управлявший министерством в 1804–1806 гг. Чарторыйский способствовал поддержанию и развитию образования на польском языке в западных губерниях, несмотря на сложные

³ Studnicki 1906: 14–16; Truchim 1960: 36, 42; Zasztowt 1997: 40–41, 44; Wolczuk 1992: 60.

⁴ Beauvois 1977: 688–691; Beauvois 1991: 249–254.

иерархические отношения в системе управления округом: фактическую независимость от университета иезуитских коллегиумов и академии (существовавших до 1820 г.), а также элитарного Кременецкого лицея⁵. На время его попечительства пришелся расцвет Виленского университета, в котором преподавали такие выдающиеся ученые, как Иероним Стройновский (1752–1815), Ян (1756–1830) и Анджей (1768–1838) Снядецкие, И. Лелевель (1786–1861) и др. В 1805 г. была образована Кременецкая гимназия, впоследствии ставшая лицеем, в основании которой большую роль сыграл заместитель попечителя Виленского учебного округа Т. Чацкий (1765–1813). И. Чернявский, а затем И. Н. Лобойко (1786–1861) читали в Виленском университете лекции по русской истории и литературе, Лобойко подготовил русскую грамматику на польском языке. В Кременецком лицее, в котором изучение истории России на русском языке было введено раньше, чем в других школах, русский язык, литературу и историю преподавал И. Т. Александровский. Преподавался русский язык и в Полоцкой иезуитской академии, на нем также читались лекции по истории и географии России и гражданской архитектуре⁶.

В большинстве средних школ Виленского учебного округа русский язык не был обязательным предметом. Он изучался в меньшей степени, чем предусматривал устав Виленского университета 1803 г., и нередко преподавался с перерывами, что объяснялось небольшой популярностью языка и нехваткой преподавателей. 26 июля 1810 г. руководство Виленского университета приняло решение, что ученики средних школ не могут быть освобождены от изучения русского языка, и, если этот язык не будет преподаваться в школах, организованных монашескими орденами, то они могут быть закрыты. Вероятно, это решение было реализовано уже после наполеоновской кампании, но в школах орденов русский язык по-прежнему продолжал изучаться нерегулярно. С 1819 г. во всех гимназиях Виленского округа было введено обязательное обучение русскому языку с 3-го класса⁷.

⁵ О сложных взаимоотношениях и различных взглядах на образовательный процесс руководства Виленского университета и Кременецкой гимназии см.: Бовуа 2011: 267–278.

⁶ Zasztowt 1997: 55; Wołoszyński 1974: 194–195, 199–201, 218–219; Wolczuk 1992: 56, 103.

⁷ Wolczuk 1992: 61–65, 68–69, 83–92.

В конце 1810-х — 1820-е годы последовали ограничения в сфере деятельности и полномочий куратора Виленского округа. В 1818 г. учебные заведения Киевской губернии стали подчиняться Харьковскому учебному округу. В 1823–1824 гг. в Вильно прошло следствие в связи с обнаружением существовавших в университете тайных просветительских студенческих обществ — филоматов и филаретов. В результате члены обществ — студенты и выпускники Виленского университета, в их числе и А. Мицкевич (1798–1855), были сосланы во внутренние российские губернии, а Чарторынский получил отставку с должности куратора. На его место был назначен сенатор Н. Н. Новосильцев (1761–1838), занимавший пост императорского комиссара при правительстве Царства Польского. При Новосильцеве были предприняты меры по усилению преподавания русского языка: в 1825 г. утверждены Положения, согласно которым русский язык стал изучаться в качестве обязательного предмета во всех классах уездных четырехклассных и трехклассных училищ и первых четырех классах гимназий. На него отводилось столько же часов, сколько на французский и немецкий. Также на русском языке должны были преподаваться история и география. Однако учителей русского языка по-прежнему не хватало. Значительные неудобства усиленное изучение русского причиняло школам, руководимым монашескими орденами, так как это шло в ущерб преподаванию других предметов. В 1824 г. Виленский учебный округ подвергся реорганизации. Учебные заведения Витебской и Могилевской губерний были переданы Санкт-Петербургскому учебному округу, а в 1829 г. переведены во вновь образованный Белорусский учебный округ. После этого обучение в школах данных губерний, опирающееся на общеимперский устав 1828 г., стало вестись на русском языке, а польский язык преподавался в качестве одного из предметов. В 1830 г. преподавание на русском языке начали вводить также в учебных заведениях Киевской губернии⁸.

В Царстве Польском, обладавшем отдельным конституционным устройством и собственным правительством, вопросами образования занималась правительственная Комиссия вероисповеданий

⁸ ПСЗ, Собр. I. СПб., 1830. Т. XXXV. 1818. № 27542. С. 573; Т. XXXIX. 1824. № 30102. С. 577; ПСЗ, Собр. II. СПб., 1830. Т. IV. 1829. № 2599. С. 25–26; Рождественский 1902: 149, 183–184; Zasztowt 1997: 52, 57, 85; Wolczuk 1992: 97–100.

и общественного просвещения. В первоначальные планы наместника Царства князя Ю. Зайончека (1752–1826) входило введение в польских учебных заведениях преподавания русского языка, но они не были в полной мере осуществлены как из-за сопротивления министра просвещения С. Потоцкого (1755–1821), так и из-за нехватки учителей. Созданная в открывшемся в 1818 г. Варшавском университете кафедра славянских диалектов так никогда и не была занята — ни знаменитым славистом С. Б. Линде (1771–1847), ни позднее — А. Кухарским (1795–1862). Лектором русского языка и литературы в университете стал преподававший эти предметы в Варшавском лицее К. Вербуш. Русский язык изучался в качестве необязательного предмета и нерегулярно в некоторых публичных школах и школах, руководимых монашескими орденами. Преподавался он и в Калишском кадетском корпусе и Апликационной школе⁹.

Политические меры русского правительства в области деполонизации образования в западных губерниях, а затем и в Царстве Польском, приобрели широкий размах в связи с восстаниями 1830–1831 и 1863–1864 гг. за независимость, в которых активно участвовала польская молодежь.

В январе 1831 г. началась дальнейшая реорганизация Виленского учебного округа. Из сферы его управления были изъяты Подольская и Волынская губернии, которые были присоединены к Харьковскому учебному округу, и Минская губерния, отошедшая к Белорусскому округу. После подавления восстания 1830 г. Виленский учебный округ был расформирован, учебные заведения Виленской и Гродненской губерний переданы Белорусскому округу, а Волынской и Подольской — созданному в 1832 г. Киевскому учебному округу¹⁰. Виленский университет и Кременецкий лицей прекратили свое существование. Медицинский и теологический факультеты университета послужили основой образованных в Вильно академий — Медико-хирургической в 1832 г. и Духовной в 1833 г.¹¹ В Медико-хирургической академии польский язык был оставлен

⁹ Bieliński 1912: 493–498, 500–501; Kucharzewski 1914: 132–134; Wołoszyński 1974: 94, 203–205; Wolczuk 1992: 106, 108–112.

¹⁰ ПСЗ. Собр. II. СПб., 1832. Т. VI. Отд. 1. 1831. № 4251. С. 14; Рождественский 1902: 184.

¹¹ ПСЗ. Собр. II. СПб., 1833. Т. VII. Отд. 1. 1832. № 5317. С. 225; № 5825. С. 903–904.

лишь на лекциях для ветеринаров и акушеров; такие предметы, как химия и минералогия, читались на русском; большинство же предметов преподавалось на латыни¹². На базе Кременецкого лицея в 1834 г. открылся Киевский университет с русским языком обучения¹³. Наряду с русскими профессорами здесь преподавали польские профессора из бывшего Кременецкого лицея и Виленского университета. В средних и начальных публичных школах бывшего Виленского округа осенью 1832 г. русский был введен в качестве языка преподавания, утверждены были новые программы, но официально общероссийский устав 1828 г. был введен только в 1834/1835 учебном году (указ от 5 (17) июля 1834 г.)¹⁴. Католическим и духовным орденам запрещалось открывать собственные школы. В июле 1832 г. были закрыты греко- и римско-католические приходские школы в Волынской и Подольской губерниях, на их месте создавались новые школы при православных церквях. То же самое касалось средних учебных заведений в северо-западных губерниях: они должны были быть закрыты или преобразованы в российские публичные школы¹⁵. Квалифицированного преподавательского персонала, знающего русский язык, не хватало, поэтому власти Белорусского округа столкнулись с большими трудностями не только при замене школ, руководимых духовенством, но даже при введении двух русских учителей в каждую из сохранных школ. Процесс замены католических и униатских школ российскими происходил на протяжении 1830-х годов, а в некоторых районах Литвы — до второй половины 1840-х¹⁶.

С середины 1830-х годов польские программы были приведены в соответствие с программами, действовавшими в российских школах. До 1834 г. в гимназиях западных губерний было четыре урока русского языка в неделю; в соответствии с новой программой их стало шесть (в 1–7 классах). Параллельно уменьшалось число часов, предусмотренных на изучение польского языка. До конца 1830-х

¹² Suchodolski B. (red.) 1977: 174; Zasztowt 1997: 105.

¹³ ПСЗ. Собр. II. 1833. СПб., 1834. Т. VIII. Отд. 1. № 6558. С. 648; № 6670. С. 790–798.

¹⁴ Zasztowt 1997: 58, 155; ПСЗ. Собр. II. Т. IX. Отд. 1. 1834. СПб., 1835. № 7250. С. 688.

¹⁵ Zasztowt 1997: 155–156.

¹⁶ О состоянии учебных заведений, подведомственных Министерству внутренних дел (Из отчета министра внутренних дел за 1836 год) // ЖМНП. 1837. Ч. XVI. Декабрь. С. 397–400; Zasztowt 1997: 87, 229.

годов в 1–4 классах гимназий на него отводилось по три часа в неделю, в 5–7 классах — по полтора часа в неделю. При этом иностранным языкам уделялось гораздо больше внимания. Так, в гимназиях на латынь отводилось шесть уроков в неделю для всех классов, на немецкий язык — три урока в неделю для всех классов, на французский язык — три урока в неделю, начиная со второго класса. После 1840 г. в большинстве школ отменили уроки польского языка и литературы¹⁷. Приобщение к родной культуре в среде польской молодежи происходило посредством дошкольного домашнего воспитания и учебы в частных пансионах¹⁸. Как отмечал Д. Бовуа, «вопреки надеждам Петербурга <...> попытка привлечь поляков в российскую школьную систему лишь в незначительной степени способствовала их интеграции в российское общество и поступлению на гражданскую службу, столь важную для российских дворян. Численность польского дворянства была незначительной и среди получивших высшее техническое образование, а также в армии»¹⁹. Введение в западных губерниях общероссийской системы сопровождалось, с одной стороны, уменьшением числа средних и начальных школ и их более четким сословным делением (стремлением властей ограничить доступ к среднему образованию лицам недворянского происхождения), с другой — появлением дворянских привилегированных учебных заведений, развитием женского образования. Благородные пансионы, как и общие ученические квартиры, должны были обеспечить учебной администрации больший контроль над учащимися. Внимание к женскому образованию было обусловлено убеждением властей о преобладающем влиянии матерей на воспитание польской молодежи. Несмотря на сокращение числа учебных заведений, количество школ и учащихся в западных губерниях в 1830-е — начале 1840-х годов все равно было больше, чем в других округах империи²⁰.

С 1836 г., в результате инспекции товарища министра просвещения графа Н. А. Протасова (1798/1799–1855), исполнявшего в декабре 1835 — феврале 1836 г. обязанности куратора Белорусского округа, последовал запрет преподавания польского языка в школах Витебской и Могилевской губерний. В том же году прекратилось изучение

¹⁷ Zasztowt 1997: 259–260.

¹⁸ Iwański A. Pamiętniki 1832–1876. Warszawa, 1928. S. 20–25; Бовуа 2011: 480.

¹⁹ Бовуа 2011: 479.

²⁰ Рождественский 1902: 304–308; Zasztowt 1997: 94.

польского языка в Главном педагогическом институте в Петербурге, где с 1833 г. он преподавался для будущих учителей школ западных губерний²¹.

Дальнейшие ограничения в сфере преподавания польского языка, сопровождавшиеся сменой польского профессорского состава, произошли в связи с раскрытием заговора Ш. Конарского (1808–1839), действовавшего в качестве эmissара тайной патриотической организации Собрательства польского народа и завязавшего отношения со студенческими обществами в виленской Медико-хирургической академии и Киевском университете. В 1838 г. кафедра польской филологии в Киевском университете была окончательно упразднена, а в следующем году на несколько месяцев закрылся и сам университет. Преподававшие там польские профессора были переведены в другие российские высшие учебные заведения, либо получили отставку, оставшиеся немногочисленные поляки занимали лишь второстепенные должности. В 1842 г. была ликвидирована Медико-хирургическая академия (на базе которой возник медицинский факультет Киевского университета), а Духовная академия переведена из Вильно в Петербург. В 1830-е годы в западных губерниях был введен запрет принимать в средние школы в качестве учителей лиц католического вероисповедания, но он не всегда соблюдался из-за недостатка учителей. В период между восстаниями католическая молодежь доминировала в средних школах, в то время как в приходских — православная (за исключением Литвы)²².

Наряду с переустройством системы образования по российскому образцу, также в 1830-е годы велась работа по введению на территории западных губерний российского законодательства, поскольку там еще сохранялось действие Литовского статута. В 1831 г. российские гражданские законы вступили в силу в Могилевской и Витебской губерниях. В следующем году русский язык был введен в судопроизводство Киевской, Волынской и Подольской губерний. На территории всего Западного края статут действовал вплоть до 1840 г.²³ Процесс преобразования судебно-законодательной сис-

²¹ ПСЗ. Собр. II. СПб., 1836. Т. X. Отд. 2. 1835. № 8527. С. 1061; СПб., 1837. Т. XI. Отд. 1. 1836. № 8825. С. 90; Zasztowt 1997: 87–88.

²² Zasztowt 1997: 135, 137, 235, 237.

²³ ПСЗ. Собр. II. СПб., 1832. Т. VI. Отд. 1. 1831. № 4233. С. 1; СПб., 1833. Т. VII. Отд. 1. 1832. № 5354. С. 264; № 5407. С. 316; СПб., 1841. Т. XV. Отд. 1. 1840. № 13591. С. 443–445.

темы западных губерний в соответствии с общероссийской сопровождался деклассацией безземельной шляхты, которая, согласно новым правилам, должна была представить в ревизионные комиссии и Герольдию документы, подтверждающие дворянское происхождение²⁴, и исключением ее из привилегированного сословия. По некоторым оценкам, около 40 % от общего числа дворян западных губерний лишились статуса²⁵. Это нельзя рассматривать только как карательную меру самодержавия, видевшего в обедневших шляхтичах потенциальных участников восстания. Идеи лишения безземельного дворянства политических прав выдвигались в польском обществе еще в период существования Речи Посполитой²⁶, а затем в российских кругах в конце XVIII — начале XIX в.²⁷ Одновременно с «разбором» шляхты во второй четверти XIX в. в высших сферах происходило обсуждение мер, направленных на ущемление в сословных правах или полное их лишение с переводом в категорию однодворцев, а затем государственных крестьян представителей малопоместного дворянства центральных губерний империи²⁸. Сочетание карательных и унификационных тенденций проявилось и в политике российских властей в отношении католической церкви. На основании указа 1841 г. в западных губерниях была проведена секуляризация земель и собственности католической церкви, ранее закрылись многие монастыри²⁹. Усиливались позиции православной церкви. Кульминацией этого процесса стало воссоединение униатской церкви с православной на Полоцком церковном соборе в 1839 г. После ликвидации унии большинство греко-католического населения, около 1,5 млн человек, российские власти признали православным.

Конец 1840-х годов был отмечен еще бóльшим ужесточением мер в отношении преподавания польского языка в западных губерниях. Распоряжением куратора Белорусского учебного округа Э. А. Грубера (1791/92–1859) от 5 (17) января 1850 г. преподавание польского языка как необязательного предмета было запрещено в школах

²⁴ Там же. СПб., 1832. Т. VI. Отд. 2. 1831. № 4869. С. 134–138; СПб., 1834. Т. VIII. Отд. 1. 1833. № 6644. С. 771–772.

²⁵ Долбилов, Миллер и др. 2006: 104.

²⁶ См.: Jedlicki 1968: 86, 89, 143, 146, 149–155.

²⁷ См.: Бовуа 2011: 366–369, 376–411.

²⁸ Горизонтов 1999: 40.

²⁹ Долбилов 2010: 68–80, 87–88; ср.: Бовуа 2011: 489–502.

данного округа. В 1850 г. Белорусский учебный округ был преобразован в Виленский. В него вошли те же губернии — Виленская, Ковенская (выделенная из части Виленской губернии в 1842 г.), Гродненская, и Минская, за исключением Витебской и Могилевской, присоединенных к Санкт-Петербургскому учебному округу и только в 1864 г. переданных Виленскому округу³⁰. Указом от 8 (20) февраля 1854 г. преподавание на польском языке было отменено во всех мужских и женских частных учебных заведениях в Виленском и Киевском округах (а полякам запрещалось открывать частные пансионы в указанных губерниях)³¹.

После восшествия Александра II на престол последовала относительная либерализация политической и общественной жизни. В 1857–1858 гг. польский язык был возвращен в качестве дополнительного предмета в школы Виленского округа: в гимназиях в 1–4 классах на его изучение предусматривалось по два урока в неделю, в 5–7 классах — по одному уроку, в уездных дворянских школах — по два урока в неделю во всех классах. В 1859–1860 гг. аналогичное решение было принято и в отношении школ Киевского учебного округа. В начале 1860-х годов в Волынской и Киевской губерниях были восстановлены некоторые из упраздненных в 1830-е годы католических приходских школ, но после восстания 1863–1864 гг. они снова были закрыты, а польский язык изъят из учебных программ средних учебных заведений. Предпринимались попытки воссоздания кафедры польской филологии в Киевском университете. Несмотря на поддержку Петербурга и куратора Киевского округа Н. И. Пирогова (1810–1881) это не удалось по причине противодействия некоторых русских профессоров университета³².

Теперь рассмотрим политику российских властей в области образования, проводившуюся в 1830–1850-е годы в Царстве Польском. После подавления восстания 1830 г. польская конституция была отменена и принят Органический статут. Варшавский университет и многие научные общества, в том числе Общество друзей наук, были закрыты. Управление образованием сосредоточилось

³⁰ Zasztowt 1997: 88.

³¹ Рождественский 1902: 383.

³² *Bobrowski T. Pamiętnik mojego życia / oprac. J. Kieniewicz. Warszawa, 1979. Т. II. S. 359–360; Zasztowt 1997: 90, 95, 200, 202–203, 221, 295–297. Ср.: Рождественский 1902: 383–384.*

в объединенной правительственной Комиссии внутренних и духовных дел и общественного просвещения Царства Польского и Совете общественного воспитания. В Царстве Польском уставом 1833 г. вводилось обязательное обучение русскому языку в окружных школах и гимназиях. На русский язык отводилось 12 уроков в неделю, т.е. 18 часов. Столько же времени предусматривалось на польский язык и латынь. В высших классах гимназий русский язык изучался девять часов в неделю. Для реализации этой программы из России были приглашены учителя, которым обеспечивалось высокое жалованье и персональные выплаты. По инициативе наместника Царства Польского князя И. Ф. Паскевича (1782–1856) в польских школах для учителей и учеников были введены мундиры, которые носили в российских учебных заведениях. Со временем область изучения русского языка была расширена: в 1838 г. в трех старших классах гимназий было введено преподавание российской истории на русском языке. С августа 1837 г. знание русского языка стало требоваться и при приеме на государственную службу, с этой целью в декабре того же года Административным советом Царства было принято решение об открытии в Варшаве, губернских и уездных центрах бесплатных курсов русского языка для чиновников и аппликантов³³.

В соответствии с указом Николая I от 20 ноября (2 декабря) 1839 г. Отделение общественного просвещения в объединенной Комиссии внутренних и духовных дел упразднялось. Для централизации управления образованием Царства Польского был учрежден Варшавский учебный округ, в ведении которого находились все польские учебные заведения, кроме специальных — медицинских и духовных. Его куратор подчинялся непосредственно Министерству народного просвещения в Петербурге, но обладал определенной автономией, поскольку распоряжения министра по округу должны были согласовываться с наместником И. Ф. Паскевичем. Официально создание Варшавского учебного округа имело целью связать польскую среднюю школу с высшими образовательными заведениями Российской империи и облегчить польской молодежи возможность поступления в российские университеты³⁴. Первым его

³³ Poznański 1980: 74–78, 80–86, 92–96; Kucharzewski 1914: 131–132, 134–138, 145–149, 151–152, 174–181; DPKP. Warszawa, 1836. T. 17. S. 408–411.

³⁴ DPKP. Warszawa, 1840. T. 24. S. 232–253.

куратором стал генерал-майор Н. А. Окунев (1788–1750). В 1835 г. были введены правительственные стипендии для обучения в российских университетах выпускников польских гимназий в области педагогики, а с 1840 г. и права. По окончании университета они должны были шесть лет отработать в системе государственного образования или десять лет в системе юриспруденции Царства Польского. Для юристов в Петербургском и Московском университетах образовывались по две кафедры польского права — одна гражданского, вторая — уголовного и административного. Занятия на кафедрах проводились на русском языке. Первоначально планировалось 60 стипендий для юристов и учителей, однако в последующие годы число стипендиатов было сокращено за счет выделения стипендий для обучения учителей русского языка из русских студентов. С целью подготовки учителей окружных школ и правительственных стипендиатов в Варшаве для будущих педагогов были организованы дополнительные курсы. На них в филологической секции на русском языке преподавались всеобщая история и география, в технической — начальная геометрия и арифметика. На аналогичных курсах для будущих юристов на русском языке изучались Свод законов Российской империи, история и статистика России и русская литература³⁵.

В 1841 г. в Царстве Польском была завершена работа по пересмотру учебных программ и существующих учебников. Тогда же (в 1840–1841 гг.) было введено обучение церковнославянскому языку в старших классах гимназий и окружных школ в качестве вспомогательного средства для увеличения со временем области применения русского языка. Церковнославянский язык преподавался и на дополнительных и юридических курсах в Варшаве. Поскольку учителей церковнославянского не хватало, на лекции этого предмета должны были ходить польские стипендиаты — педагоги и юристы — в Московском и Петербургском университетах. Однако из-за недоверия правительства к славянофильским доктринам программа преподавания церковнославянского языка постепенно урезалась. В 1846 г. в окружных школах уроки церковнославянского были отменены,

³⁵ Kucharczywski 1914: 390–392, 397, 405–407, 440, 464, 467, 513, 541; О приготвлении учителей для Варшавского учебного округа (8 марта 1851 года) // ЖМНП. 1851. Ч. LXX. Март. С. 174; Об употреблении стипендиального фонда, предназначенного на образование юношества Царства Польского (8 марта 1851 года) // Там же. С. 175–176.

а в гимназиях соединены с преподаванием русского. В 1851 г. студенты-юристы были освобождены от обязанности посещать лекции церковнославянского языка³⁶. Для поощрения учеников в овладении русским языком начиная с 1840/1841 учебного года в гимназиях проводился конкурс, заключавшийся в написании на русском работы на заданную тему. Победители получали серебряные медали. Указ от 3 сентября 1846 г. оговаривал условия принятия молодежи из Царства Польского в российские учебные заведения, а также ее служебные права по их окончании. Так же как и выпускники гимназий западных губерний, уроженцы Царства Польского получали чин 14 класса только за успехи в российской литературе. Те из них, кто избирал чиновничью службу, могли рассчитывать на пост в западных губерниях лишь после пятилетней службы в великорусских губерниях³⁷.

В середине 1840-х годов в правительственных кругах возникла мысль об использовании русского алфавита с целью издания книг на польском языке, предназначенных для начальных школ. Созданный в 1844 г. по распоряжению Николая I специальный комитет пришел к выводу, что русский алфавит не может передать всех звуков, свойственных польскому языку, и без соответствующей его реформы эта идея не осуществима. Новая комиссия в составе К. С. Сербиновича (1797–1874) и П. П. Дубровского (1812–1882), организованная в 1852 г., пошла навстречу желаниям императора и разработала специальную азбуку, самолично отредактированную Николаем I, приближенную к русским правилам орфографии и ориентированную не на польского, а на русского читателя. По поручению Министерства народного просвещения Дубровский издал на ее основе «Образцы польского языка в прозе и стихах для русских». Эта книга, представленная как частная инициатива Дубровского, была разослана в польские учебные заведения³⁸.

В начале 1860-х годов, в рамках компромиссного политического курса Александра II, в Царстве Польском были проведены реформы в сфере образования. В марте 1861 г. Варшавский учебный округ был

³⁶ Kucharczyński 1914: 264–265, 268, 274–281, 398, 467; Wołczuk 2005: 107–108; Ср.: Щербатов 1896: 252–253; О преподавании славянского языка уроженцам Царства Польского (8 марта 1851 года) // ЖМНП. 1851. Ч. LXX. Март. С. 177.

³⁷ Wołczuk 2005: 124–126; ПСЗ. Собр. II. СПб., 1847. Т. XXI. Отд. 2. 1846. № 20391. С. 262.

³⁸ Успенский 2004: 124–138, 156–173.

ликвидирован, а руководство системой образования приняла на себя возрожденная Комиссия вероисповеданий и общественного просвещения. Ее директором стал маркиз А. Велёпольский (1803–1877). В мае 1862 г. был утвержден Устав об общественном воспитании в Царстве Польском, в соответствии с которым возникли два высших учебных заведения: Варшавская главная школа (университет) и Политехнический институт в Пулавах³⁹.

Новый виток мероприятий, направленных на деполонизацию образования и административного аппарата, пришелся на период после подавления восстания 1863–1864 годов. По крайней мере, некоторые из них обдумывались в бюрократических кругах ранее, поскольку обсуждение вопроса об отмене крепостного права в России резко обострило национальные противоречия на западных окраинах между местной элитой и имперской властью⁴⁰.

Согласно циркуляру от 1 января 1864 г. главного начальника Северо-Западного края М. Н. Муравьева (1796–1866), без разрешения администрации не допускались к преподаванию католические священники и обучение на польском языке, а руководству уездов, полиции и мировым посредникам было поручено наблюдать за случаями «неразрешенного обучения». В том же году попечитель Виленского учебного округа И. П. Корнилов (1811–1901) уволил из школ почти всех учителей-поляков и вообще католиков. Аналогичные меры предпринимались и в Киевском учебном округе. Так, из Киевского университета были удалены почти все польские преподаватели, а количество студентов-поляков не могло превышать 20 % от общего числа студентов⁴¹. В Московском, Казанском и Харьковском университетах было учреждено 60 стипендий на историко-филологических и физико-математических факультетах для православных учителей гимназий и прогимназий западных губерний. С 1864 г. было ассигновано 50 тыс. рублей на выдачу служащим в сфере образования лицам русского происхождения и уроженцам прибалтийских губерний дополнительного жалованья в размере половины оклада. После 1863 г. в средних школах западных губерний католики преподавали лишь вероучение. Процент учеников-католиков также уменьшился

³⁹ Suchodolski 1977 (red.): 213–215, 221–222; Miąso 1966: 104–105.

⁴⁰ Долбилов, Миллер и др. 2006: 138–139, 168.

⁴¹ Zasztowt 1997: 137.

благодаря материальной поддержке и системе поощрений, оказываемых православным учащимся, с 80–90 % в 1830-е годы до менее 40 % в 1860-е годы⁴². Кроме того, были закрыты гимназии и прогимназии, где большинство учеников составляли католики. Оттоку учащихся из гимназий способствовали такие меры, как запрет преподавания польского языка и запрещение его использования не только в стенах школы, но и ученических квартирах; преподавание католического закона Божьего на русском языке⁴³; увеличение платы за обучение с освобождением от нее не более 10 % учеников, преимущественно православных; новые правила подтверждения дворянского происхождения, связанные с большими трудностями и издержками; требование подписки от родителей и опекунов-католиков для учащихся старше 14 лет, с обязательством уплаты штрафа в случае их участия в беспорядках⁴⁴. По мысли властей, нужно было сократить число мужских гимназий, вкладывая средства в развитие начальных школ и женского образования, что нашло отражение в утвержденных императором «мнениях» Государственного совета от 8 июля 1868 и 26 мая 1869 г.⁴⁵ После 1863 г. особое значение в среде польского дворянства приобрело домашнее обучение, так как только оно проводилось на польском языке⁴⁶.

В западных губерниях России стала осуществляться программа интенсивной деполонизации: было запрещено использование польского языка в администрации, коммерческой переписке и общественных местах, запрещались церковные книги на польском языке. Католикам не разрешалось занимать государственные должности (хотя

⁴² Рождественский 1902: 466; Zasztowt 1997: 236–237; Ведомость о распределении учеников, состоявших в гимназиях и прогимназиях к 1-му января 1869 года, по вероисповеданиям и сословиям // ЖМНП. 1870. Ч. CXLVII. Январь. С. 154–155.

⁴³ Хотя в силу Временных правил 1863 г. закон Божий должен был даваться «на местном наречии», его преподавание на русском было узаконено утвержденными Александром III мнением Государственного совета от 28 декабря 1882 г. и правилами от 7 февраля 1892 гг. См.: ПСЗ. Собр. III. СПб., 1886. Т. II. 1882. № 1282. С. 484; Рождественский 1902: 688–689.

⁴⁴ Сведения о числе учившихся в наших гимназиях с 1857 по 1866 год // ЖМНП. 1868. Ч. CXXXIX. Август. С. 225–226, 232, 272.

⁴⁵ ПСЗ. Собр. II. СПб., 1873. Т. XLIII. Отд. 2. 1868. № 46099. С. 47–48; СПб., 1873. Т. XLIV. Отд. 1. 1869. С. 513–518; Рождественский 1902: 583–585. О политике российских властей в сфере образования в западных губерниях см. также: Бабин 2004: 199–224; Сергеевкова, Ершова, Гулюк, Шареева 2008: 57–75.

⁴⁶ Epsztein 2008: 87.

в конце 1860-х — начале 1880-х годов. этот запрет не всегда выполнялся). Одновременно поощрялось распространение православия. За несколько лет после восстания 1863 г. в северо-западных губерниях православие приняли более 70 тыс. человек, большинство из которых составляли крестьяне. В результате конфискаций, контрибуций, вынужденной продажи земли и ограничений в торговле землей, введенных для поляков, к концу XIX в. резко сократилась доля земли, находившаяся в руках польских дворян⁴⁷.

Власти противопоставляли полякам проживавшее в западных губерниях этническое большинство — украинцев, литовцев, белорусов, чем в немалой степени способствовали развитию национального самосознания данных народов. Жесткая политика правительства осуществлялась не только в отношении польского языка, но также в отношении украинского, белорусского и литовского языков. Даже в начальных школах не допускалось преподавание на украинском и белорусском, которые рассматривались не как отдельные языки, а лишь как диалекты русского. Принятые в конце 1850-х годов правила издания украинских и белорусских книг только кириллицей, а не латиницей в 1865 г. были распространены и на литовские книги⁴⁸.

В Царстве Польском русификация образования наступила в 1860–1870-е годы. Особую роль играла политика приведения системы управления Царства Польского в соответствие с остальной территорией Российской империи, чем в том числе занимался созданный 2 марта 1864 г. Учредительный комитет. Переход к более жесткому курсу наметился в 1866 г., после покушения на Александра II Д. В. Каракозова (1840–1866) и отхода от руководства комитетом статс-секретаря по делам Царства Польского Н. А. Милютин (1818–1872). В 1866–1871 гг. были упразднены единые органы управления Польшей — Государственный совет, Административный совет, правительственные комиссии. Царство Польское как автономная государственная единица фактически перестало существовать, превратившись в Привислинский край, состоявший из унифицированных по российскому образцу губерний. Аналогичные мероприятия проводились и в сфере законодательства: в 1866 г. на Польшу было

⁴⁷ Долбилов, Миллер и др. 2006: 266; Epsztein 2008: 82. О конфессиональной политике правительства в северо-западных губерниях см. подробнее: Долбилов 2010: 227–529.

⁴⁸ Долбилов, Миллер и др. 2006: 156–157, 249.

распространено действие российского уголовного кодекса, в 1875 г. судопроизводство было переведено на русский язык. Деполонизация кадрового состава бюрократии после восстания 1863 г. зашла гораздо дальше, чем во времена И. Ф. Паскевича. Посты в учебном и судебном ведомствах были почти полностью заняты русскими чиновниками. Если в 1860-е годы общая доля поляков в администрации составляла 80 %, то к концу века она сократилась до 50 %⁴⁹.

В 1860-е годы русификация из административно-правовой сферы распространилась на сферу образования. Чтобы устранить монополию поляков в этой области, было принято решение об организации начальных и средних школ в Царстве по национальному признаку — для польского, литовского, греко-униатского и немецкого населения (указы Александра II от 30 августа (11 сентября) 1864 г. и 5 (17) января 1866 г.), причем польские начальные школы были изъяты из ведения католического духовенства. Преподавание в «национальных» школах должно было вестись на родном языке большинства воспитанников, для учеников униатских школ — на русском⁵⁰. Однако отход от данного принципа обнаружился уже при проведении реформы средней школы. На основании указа от 29 июля (10 августа) 1866 г. отдельных гимназий для греко-униатского и литовского населения не предусматривалось. Русины и литовцы должны были посещать русские школы, для последних по желанию мог преподаваться литовский язык. Кроме того, часть польских средних учебных заведений была преобразована в так называемые «смешанные гимназии и прогимназии» с русским языком преподавания, официально — «для потребностей еврейского населения», но туда принимались дети представителей и других этнических меньшинств. 15 мая 1867 г. правительственная Комиссия общественного просвещения была упразднена и воссоздан Варшавский учебный округ. С начала 1868/1869 учебного года во всех польских средних школах Варшавского округа было введено преподавание на русском для физико-математических и исторических дисциплин, в немецких училищах это коснулось всеобщей истории и географии. Указом от 1 мая 1869 г. Александр II распорядился о преподавании в средних польских и немецких школах

⁴⁹ Долбилов, Миллер и др. 2006: 193.

⁵⁰ DPKP. Warszawa, 1864. Т. 62. S. 334–359, 366–389; Warszawa, 1866. Т. 64. S. 24–301.

Варшавского округа вообще всех предметов на русском языке. В частных пансионах русский язык первоначально был сделан обязательным только для изучения физико-математических и исторических наук. В 1872 г. постановления общероссийского устава о гимназиях и прогимназиях 1871 г. были распространены на Варшавский учебный округ. В гимназиях, где большинство учеников составляли поляки, на польском мог преподаваться лишь католический закон Божий, но и это часто не соблюдалось. Уроки польского языка проводились на русском языке, кроме того, в 1872 г. он был отнесен к необязательным предметам. В стенах школы запрещалось говорить на польском, также не разрешалось чтение польских книг за пределами учебного заведения. Чтобы не допустить малейшего влияния польских общественных кругов на процесс обучения, из устава были исключены статьи о почетных попечителях и пансионах, содержащихся за счет местных обществ. В 1874 г. на Варшавский округ был распространен общий устав реальных училищ 1872 г.⁵¹ Вследствие указа Сената от 8 июня 1869 г. Варшавская главная школа была преобразована в университет с русским языком преподавания. В том же году был закрыт Пулавский политехнический институт, а вместо него создан Институт сельского хозяйства и лесоводства, в котором занятия велись на русском языке. Для привлечения в университет уроженцев Царства Польского православного и греко-униатского исповедания были учреждены казенные стипендии. В 1867 г. русским чиновникам в Царстве Польском установлены прибавки к жалованью через каждые пять лет в размере 15 % от оклада, а для служащих в сфере образования — в размере 25 %. В 1886 г. приняты новые положения о преимуществах службы в отдаленных местностях, западных губерниях и Царстве Польском⁵².

Введение русского как языка обучения в первые годы ухудшило качество преподавания предметов, поскольку русских учителей

⁵¹ Рождественский 1902: 489, 589–590; Ср.: Staszyński 1964: 145–146; Нигалатий 2009: 89–181; ДПКР. Warszawa, 1867. Т. 67. S. 64–79; ПСЗ. Собр. II. СПб., 1876. Т. XLIX. Отд. 1. 1874. № 53147. С. 187–189; Извлечения из всеподданнейшего отчета г. министра народного просвещения за 1868 год // ЖМНП. 1870. Ч. CXLVII. Январь. С. 56–58.

⁵² ПСЗ. Собр. II. СПб., 1871. Т. XLII. Отд. 1. 1867. № 44887. С. 1196; Там же. Собр. III. СПб., 1888. Т. VI. 1886. № 3817. С. 355–357; Рождественский 1902: 489, 586–588, 683.

не хватало, а далеко не все польские преподаватели владели государственным языком в достаточной степени. В помощь учащимся в освоении русского служили школьные библиотеки, в которых, помимо книг российских авторов, были переводы на русский язык известных зарубежных писателей, например, А. Дюма и Т. Майн Рида⁵³. Впрочем, представители власти и проводники правительственного курса отдавали себе отчет в том, что овладение поляками русским языком не является гарантией того, что они будут чувствовать себя русскими.

Русификация в системе начального школьного образования наступила позже реформы высшего и среднего звена. В славянофильской среде Учредительного комитета (Ю.Ф. Самарин (1819–1876), А.Ф. Гильфердинг (1831–1872)) вновь зародилась мысль о введении в начальных школах Царства Польского обучения по польским учебникам, напечатанным русским шрифтом. В 1860-е годы на основе азбуки, подготовленной Гильфердингом и польским филологом С. Микуцким (1814–1890), было издано несколько книг, представлявших полный комплект учебников для начальных школ⁵⁴. Однако эта идея не получила дальнейшей реализации, поскольку победила правительственная линия, направленная на непосредственную русификацию образования. В 1871 г. Комитет был распущен, в 1872/1873 учебном году всем начальным школам Царства Польского было предложено переходить на обязательное обучение чтению и письму на русском языке. Несмотря на указ от 30 апреля 1864 г., предоставлявший выбор учителей местным гминным и сельским обществам, по негласному распоряжению Александра II в 1871 г., назначение учителей должны были контролировать начальники учебных дирекций. Предписание 1879 г. на имя попечителя Варшавского округа А.Л. Апухтина резко ограничивало допуск ксендзов к преподаванию в начальных школах⁵⁵.

Как и в западных губерниях, в Царстве Польском сокращалось количество средних учебных заведений и слабо развивалась сеть начальных школ, в результате чего к концу XIX в. эти территории стали заметно уступать по числу школ другим округам Российской империи.

⁵³ Нигалатий 2009: 204–205, 207.

⁵⁴ Успенский 2004: 123, 138–142.

⁵⁵ ДРКР. Т. 62. С. 346–349; Рождественский 1902: 590–592.

В 1860-е годы в Царстве Польском был предпринят ряд мер, направленных против католической религии и одновременно носящих унификационный характер. Так, в качестве наказания за участие духовенства в восстании в 1864 г. было закрыто более половины монастырей. С 1865 г. проведена секуляризация всей церковной недвижимости и отменена опека шляхты над приходами. В 1867 г. после разрыва конкордата с Римом католическое духовенство было переведено под контроль Римско-католической духовной коллегии в Петербурге. Наконец, в 1875 г. была ликвидирована греко-католическая церковь, а униатов принуждали к переходу в православие⁵⁶.

1880-е годы были отмечены дальнейшей русификацией образования, осуществлявшейся попечителем Варшавского учебного округа А.Л. Апухтиным (1822–1903), находившем поддержку в лице министра просвещения И. Д. Делянова (1818–1897/1898) и министра внутренних дел графа Д. А. Толстого (1823–1889). С другой стороны, в это время делались попытки пересмотра некоторых ограничений в области преподавания польского языка и католического вероучения, выбора учителей начальных школ, причем инициатива исходила от варшавского генерал-губернатора П. П. Альбединского (1826–1883). В 1882 г. число уроков, предусматривавшихся для изучения польского языка в гимназиях и реальных училищах, было увеличено, на него стало отводиться столько же часов в неделю, сколько на французский и немецкий. В следующем году в университете в рамках кафедры славянской филологии начал читаться отдельный курс польской словесности, но на русском языке. Проект постановления Комитета по делам Царства Польского об участии гминных и сельских обществ в избрании учителей для начальных школ, о принятии в качестве учителей закона Божьего католических священников, о введении в обучение в школах, где большинство учеников составляли поляки, чтения и письма на польском языке не получил поддержки при обсуждении в Комитете министров. Согласно закону от 5 марта 1885 г., преподавание в начальных школах Царства Польского всех предметов, кроме родного языка учащихся и закона Божьего, должно было вестись на русском языке⁵⁷.

⁵⁶ ДПКР. Т. 62. S. 406–419; Долбилов, Миллер и др. 2006: 194–195.

⁵⁷ Рождественский 1902: 681–687; ср.: Staszyński 1964: 147–148; ПСЗ. Собр. III. СПб., 1887. Т. V. 1885. № 2792. С. 95. Об образовательной политике российских властей в Царстве Польском в 1880–1890-е гг. см. также: Лопатина 2011: 90–133.

Для борьбы против русификации, а также в связи с недостаточным количеством школ, в 1870–1880-е годы стали создаваться тайные учебные заведения, в которых велось преподавание польского языка, истории и культуры. Сеть тайных школ быстро покрыла всю территорию Польши, тайное обучение на польском, как и на других местных языках, было распространено также среди населения западных губерний⁵⁸. В соответствии с указом Сенату от 3 апреля 1892 г., вводившем «Временные правила о взысканиях за тайное обучение в северо- и юго-западных губерниях», устройство и содержание школы без разрешения правительства наказывалось штрафом до 300 рублей или арестом до трех месяцев. Такому же наказанию подвергались все лица, которые оказывали содействие устройству тайной школы⁵⁹. 26 мая 1900 г. эти правила были распространены на Царство Польское⁶⁰.

Послабления в сфере языковой политики наступили только после революции 1905 г. 17 (30) апреля того же года последовал указ «об укреплении начал веротерпимости»⁶¹, вследствие которого министр просвещения граф И. И. Толстой (1858–1916) распорядился разрешить преподавать в школах западных губерний закон Божий для поляков на польском языке. На основании указа от 1 (14) мая 1905 г. полякам в западных губерниях позволялась аренда и покупка земли, говорилось о возвращении дворянского самоуправления. Было разрешено преподавать польский и литовский язык в начальной и средней школе «в тех местностях, где большинство учащихся принадлежит к польской или литовской народности»⁶². В результате польский и литовский языки были введены в качестве необязательного предмета в учебные программы. Согласно положению Комитета министров, утвержденному 6 июня, во всех учебных заведениях Варшавского округа преподавание католического закона Божьего должно было вестись «на природном языке учащихся», подтверждалось, что «преподавание польского языка в начальных училищах, а также для желающих и в среднеучебных заведениях, должно производиться на польском языке»⁶³.

⁵⁸ См.: Miąso 1990: 47–85; Zasztowt 1996: 119–143.

⁵⁹ ПСЗ. Собр. III. СПб., 1895. Т. XII. 1892. № 8486. С. 223–224.

⁶⁰ Там же. СПб., 1902. Т. XX. 1900. Отд. 1. № 18649. С. 527–528.

⁶¹ Там же. СПб., 1908. Т. XXV. 1905. Отд. 1. № 26125. С. 257–258.

⁶² Там же. № 26162. С. 285.

⁶³ Там же. № 26368. С. 437–438.

Бойкотирование молодежью школ в Царстве Польском вынудило российские власти дать 1 (14) октября 1905 г. разрешение на открытие средних частных учебных заведений с польским языком преподавания, за исключением русского языка, истории и географии, которые изучались на русском языке. В период революции 1905–1907 годов в большинстве начальных школ Царства Польского под нажимом родителей учащихся обучение стало вестись на польском языке. Власти не могли согласиться с таким положением вещей, разрешив преподавание на польском отдельных предметов, в частности, арифметики. После революции 1905 г. тайное обучение на польском языке приобрело еще больший размах, поскольку в 1906 г. на короткое время было отменено следовавшее за него наказание⁶⁴.

Таким образом, в языковой политике российского правительства на территории западных губерний и в Царстве Польском в XIX в. можно выделить несколько этапов — от толерантного отношения к системе польского образования в первой трети XIX в. к деполонизации образования в западных губерниях в 1830-е годы и его последующей русификации также и в Царстве Польском после 1863 г. В этом процессе восстания 1830–1831 и 1863–1864 годов, безусловно, сыграли существенную роль. Однако мероприятия по деполонизации обучения в западных губерниях, вероятно, все равно бы имели место, но проходили бы постепенно и без излишних крайностей, поскольку начало этому процессу было положено еще в 1829 г. Унификация гражданских законов, судопроизводства и образования в западных губерниях с общероссийскими являлась для российского правительства насущной задачей, так как в интересах империи было важно уменьшить связь между территориями бывшей Речи Посполитой и отнять у поляков надежду на возможность объединения этих земель в будущем. Также представляет закономерным процесс постепенного введения русского языка в программы учебных заведений и делопроизводство государственных учреждений Царства Польского. Разумеется, область его применения зависела бы от степени самостоятельности Царства в рамках Российской империи.

⁶⁴ Там же. №26756. С. 710–711; Miąso 1990: 75–76; Epsztein 2008: 92–93.

Список сокращений

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи

ДПКР — Dziennik praw Królestwa Polskiego

Литература

- Бабин 2004 — *Бабин В.Г.* Государственная образовательная политика в Западных губерниях во второй половине XIX — начале XX в. // Власть, общество и реформы в России (XVI — начало XX в.): материалы научно-теоретической конференции, 8–10 декабря 2003 года / редколлегия: Л. А. Вербицкая, Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2004. С. 199–224.
- Бовуа 2011 — *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / авторизованный пер. с франц. М. Крисань. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 1008 с.
- Горизонтов 1999 — *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX в.). М.: Индрик, 1999. 272 с.
- Долбилов 2010 — *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 999 с.
- Долбилов, Миллер и др. 2006 — *Бережная Л.А., Будницкий О.В., Долбилов М.Д., Макушкин А.В., Миллер А.И.* Западные окраины Российской империи: коллективная монография / научн. ред. М.Д. Долбилов, А.И. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.
- Лопатина 2011 — *Лопатина Е.Б.* Политика Российской империи в польском вопросе в 1880–1890 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 209 с. (рукопись).
- Нигалатий 2009 — *Нигалатий М.Е.* Правительственная политика в области образования в Царстве Польском в 60-е — сер. 70-х гг. XIX в.: начальное и среднее образование: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 235 с. (рукопись).
- Рождественский 1902 — *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902. СПб.: Издание министерства народного просвещения, 1902. 787 с.
- Сергеенкова, Ершова, Гулюк, Шараева 2008 — *Сергеенкова В.В., Ершова О.И., Гулюк М.А., Шараева Е.И.* Виленский учебный округ: политика российского правительства в области образования (вторая половина XIX — начало XX в.) // Российские и славянские исследования: научный сборник / редкол.: А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск: Белорусский государственный университет, 2008. Вып. 3. С. 57–75.

- Успенский 2004 — *Успенский Б. А.* Николай I и польский язык (Языковая политика Российской империи в отношении Царства Польского (вопросы графики и орфографии) // *Успенский Б. А.* Историко-филологические очерки. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 123–155.
- Щербатов 1896 — *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. СПб.: Тип. Р. Голике, 1896. Т. 5. 1832–1847 гг. 414 с.
- Beauvois 1977 — *Beauvois D.* Lumières et Société en Europe de l'Est: l'Université de Vilna et les écoles polonaises de l'Empire russe 1803–1832. Lille: Atelier reproduction des thèses Université de Lille III; Paris: diffusion Librairie Honoré Champion, 1977. Т. II. 912 p.
- Beauvois 1991 — *Beauvois D.* Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1803–1832 / przeł. I. Kania. Rzym: Fundacja Jana Pawła II; Lublin: Redakcja Wydawnictw KUL, 1991. 459 s.
- Bieliński 1912 — *Bieliński J.* Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831). Warszawa; Kraków [s. n.], 1912. Т. III. 877 s.
- Epsztein 2008 — *Epsztein T.* Ziemianie polscy na Wołyniu w XIX i XX w. // Niepodległość i Pamięć. 2008. № 27. S. 79–106.
- Jedlicki 1968 — *Jedlicki J.* Klejnot i bariery społeczne. Przeobrażenia szlachectwa polskiego w schyłkowym okresie feudalizmu. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1968. 469 s.
- Kucharzewski 1914 — *Kucharzewski J.* Epoka paskiewiczowska w Królestwie Polskim: losy oświaty. Warszawa; Kraków [s. n.], 1914. 635 s.
- Miąso 1966 — *Miąso J.* Szkolnictwo zawodowe w Królestwie Polskim w latach 1815–1915. Wrocław; Warszawa; Kraków, etc.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1966. 324 s.
- Miąso 1990 — *Miąso J.* Tajne nauczanie w Królestwie Polskim w świetle dokumentów władz rosyjskich // Rozprawy z dziejów oświaty / pod redakcją J. Miąso. Wrocław; Warszawa; Kraków, etc.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1990. Т. XXXIII/90. S. 47–85.
- Poznański 1980 — *Poznański K.* Sprawa przebudowy oświaty i wychowania w Królestwie Polskim po upadku Powstania Listopadowego // Rozprawy z dziejów oświaty / pod red. J. Miąso. Wrocław; Warszawa; Kraków, etc.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1980. Т. XXIII/80. S. 65–99.
- Staszyński 1964 — *Staszyński E.* Problem języka polskiego w szkołach rządowych w Królestwie Polskim // Rozprawy z dziejów oświaty / pod red. L. Kurdybachy. Wrocław; Warszawa; Kraków, etc.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1964. Т. VII/64. S. 145–171.
- Studnicki 1906 — *Studnicki W.* Polityka Rosji względem szkolnictwa zaboru rosyjskiego. Studium polityczne-historyczne. Kraków: G. Gebethner i spółka, 1906. 260 s.

- Suchodolski (red.) 1977 — Historia nauki polskiej / pod red. B. Suchodolskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1977. T. III. 1795–1862. 869 s.
- Truchim 1960 — *Truchim S.* Współpraca polsko-rosyjska nad organizacją szkolnictwa rosyjskiego w początkach XIX wieku. Łódź: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1960. 144 s.
- Wolczuk 2005 — *Wolczuk J.* Rosja i Rosjanie w szkołach Królestwa Polskiego, 1833–1862: szkice do obrazu. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2005. 395 s.
- Wolczuk 1992 — *Wolczuk J.* Znajomość i nauczanie języka rosyjskiego w Polsce do roku 1832. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1992. 256 s.
- Wołoszyński 1974 — *Wołoszyński R. W.* Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych 1801–1830. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1974. 489 s.
- Zasztowt 1997 — *Zasztowt L.* Kresy 1832–1864. Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Historii Nauki PAN, 1997. 474 s.
- Zasztowt 1996 — *Zasztowt L.* Nielegalne szkoły w Wileńskim Okręgu Naukowym w latach siedemdziesiątych XIX w. // *Rozprawy z dziejów oświaty* / pod redakcją J. Miąso. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Historii Nauki PAN, 1996. T. XXXVII/96. S. 119–143.

References

- Babin, V.G., 2004. Gosudarstvennaia obrazovatel'naia politika v Zapadnykh guberniakh vo vtoroi polovine 19 — nachale 20 v. [State educational policy in the Western provinces in the second half of the nineteenth and the early twentieth centuries]. In: Verbitskaia, L.A., Anan'ich, B. V., Ganelin, R. Sh., red. *Vlast', obshchestvo i reformy v Rossii (16 — nachalo 20 v.): materialy nauchno-teoreticheskoi konferentsii, 8–10 dekabria 2003 goda* [Power, society and reforms in Russia (from the sixteenth to the beginning of the twentieth centuries): Proceedings of a scholarly and theoretical conference, 8–10 December 2003]. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, pp. 199–224.
- Beauvois, D., 2011. *Gordiev uzel Rossiiskoi imperii: vlast', shliakhta i narod na Pravoberezhnoi Ukraine (1793–1914)* [The Gordian knot of the Russian Empire: Power, gentry and people in the Right-Bank Ukraine (1793–1914)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1008 p.
- Beauvois, D., 1977. *Lumières et Société en Europe de l'Est: l'Université de Vilna et les écoles polonaises de l'Empire russe 1803–1832*, II. Lille: Atelier reproduction des thèses Université de Lille III; Paris: diffusion Librairie Honoré Champion, 912 p.

- Beauvois, D., 1991. *Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1803–1832*, 2. Rzym: Fundacja Jana Pawła II; Lublin: Redakcja Wydawnictw KUL, 459 p.
- Bieliński, J., 1912. *Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1831)*, III. Warszawa [s.n.], 877 p.
- Dolbilov M. D., 2010. *Russkii krai, chuzhaia vera: Etnokonfessional'naia politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II* [Russian land, alien faith: Ethno-confessional policy of the empire in Lithuania and Belarus under Alexander II]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 999 p.
- Berezhnaia, L. A., Budnitskii, O. V., Dolbilov, M. D., Makushkin A. V., Miller, A. I., 2006. *Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii* [Western outskirts of the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 608 p.
- Epsztein, T., 2008. Ziemiańscy polscy na Wołyniu w XIX i XX w. *Niepodległość i Pamięć*, 27, pp. 79–106.
- Gorizontov, L. E., 1999. *Paradoksy imperskoi politiki: Poliaki v Rossii i russkie v Po-l'she (19 — nachalo 20 v.)* [Paradoxes of imperial politics: Poles in Russia and Russians in Poland (from the nineteenth to the beginning of the twentieth centuries)]. Moscow: Indrik, 272 p.
- Jedlicki, J., 1968. *Klejnot i bariery społeczne. Przeobrażenia szlachectwa polskiego w schyłkowym okresie feudalizmu*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 469 p.
- Kucharzewski, J., 1914. *Epoka paskiewiczowska w Królestwie Polskim: losy oświaty*. Warszawa; Kraków [s.n.], 635 p.
- Miąso, J., 1966. *Szkolnictwo zawodowe w Królestwie Polskim w latach 1815–1915*. Wrocław; Warszawa; Kraków, etc.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 324 p.
- Miąso, J., 1990. Tajne nauczanie w Królestwie Polskim w świetle dokumentów władz rosyjskich. In: Miąso, J., ed. *Rozprawy z dziejów oświaty*, XXXIII/90. Wrocław; Warszawa; Kraków, etc.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, pp. 47–85.
- Lopatina, E. B., 2011. *Politika Rossiiskoi imperii v pol'skom voprose v 1880–1890 gg.: dis.... kand. ist. nauk* [The policy of the Russian Empire in the Polish question in 1880–1890. PhD thesis]. Moscow, 209 p. (manuscript).
- Nigalatii, M. E., 2009. *Pravitel'stvennaia politika v oblasti obrazovaniia v Tsarstve Pol'skom v 60-e — ser. 70-h gg. 19 v.: nachal'noe i srednee obrazovanie: dis.... kand. ist. nauk* [Governmental policy in the field of education in the Kingdom of Poland from the 1860s to the middle of the 1870s: primary and secondary education. PhD thesis]. Moscow, 235 p. (manuscript).
- Poznański, K., 1980. Sprawa przebudowy oświaty i wychowania w Królestwie Polskim po upadku Powstania Listopadowego. In: Miąso, J., ed. *Rozprawy z dziejów oświaty*, XXIII/80. Wrocław; Warszawa; Kraków, etc.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, pp. 65–99.
- Rozhdestvenskii, S. V., 1902. *Istoricheskii obzor deiatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshchenia 1802–1902* [Historical review of the activities of the

- Ministry of Education 1802–1902]. Saint Petersburg: Izdanie ministerstva narodnogo prosveshchenia, 787 p.
- Sergeenkova, V. V., Ershova, O. I., Guliuk, M. A., Sharaeva, E. I., 2008. Vilenskii uchebnyi okrug: politika rossiiskogo pravitel'stva v oblasti obrazovaniia (vtoraia polovina 19 — nachalo 20 v.) [Vilensky school district: the policy of the Russian government in the field of education (from the second half of the nineteenth to the early twentieth centuries)]. In: Sal'kov, A. P., Iano-vskii, O. A., ed. *Rossiiskie i slavianskie issledovaniia* [Russian and Slavic historical studies], 3. Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet, pp. 57–75.
- Shcherbatov, A. P., 1896. *General-fel'dmarshal kniaz' Paskevich, ego zhizn' i deiate-l'nost'* [Field Marshal Prince Paskevich, his life and work], 5: 1832–1847. Saint Petersburg: Tip. R. Golike, 414 p.
- Staszyński, E., 1964. Problem języka polskiego w szkołach rządowych w Królestwie Polskim. In: Kurdybacha L., ed. *Rozprawy z dziejów oświaty*, VII/64. Wrocław; Warszawa; Kraków, etc.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, pp. 145–171.
- Uspenskij, B. A., 2004. Nikolai I i pol'skii iazyk (Iazykovaia politika Rossiiskoi imperii v otnoshenii Tsarstva Pol'skogo (voprosy grafiki i orfografii) [Nicholas I and the Polish language (Language policy of the Russian Empire towards the Kingdom of Poland (the issues of graphics and spelling)]. In: Uspenskij, B. A. *Istoriko-filologicheskie ocherki* [Historical and philological essays]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, pp. 123–155.
- Studnicki, W., 1906. *Polityka Rosji względem szkolnictwa zaboru rosyjskiego. Studium polityczne-historyczne*. Kraków: G. Gebethner i spółka, 1906, 260 p.
- Suchodolski, B., ed., 1977. *Historia nauki polskiej*, III. 1795–1862. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1977. 869 p.
- Truchim, S., 1960. *Współpraca polsko-rosyjska nad organizacją szkolnictwa rosyjskiego w początkach XIX wieku*. Łódź: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 144 p.
- Wolczuk, J., 2005. *Rosja i Rosjanie w szkołach Królestwa Polskiego, 1833–1862: szkice do obrazu*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 395 p.
- Wolczuk, J., 1992. *Znajomość i nauczanie języka rosyjskiego w Polsce do roku 1832*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 256 p.
- Wołoszyński, R. W., 1974. *Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych 1801–1830*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 489 p.
- Zasztowt, L., 1997. *Kresy 1832–1864. Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawnej Rzeczypospolitej*. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Historii Nauki PAN, 474 p.
- Zasztowt, L., 1996. Nielegalne szkoły w Wileńskim Okręgu Naukowym w latach siedemdziesiątych XIX w. In: Miąso, J., ed. *Rozprawy z dziejów oświaty*, XXXVII/96. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Historii Nauki PAN, pp. 119–143.

Olga S. Kashtanova

PhD, Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninsky Prospekt, 32A. E-mail: kashtanova-o@mail.ru

Language policy in the field of education in the western provinces of Russia and the Kingdom of Poland in the nineteenth century

The article is devoted to the language policy of the Russian government in the field of education in the western provinces of Russia and the Kingdom of Poland in the nineteenth century. In territories with a predominantly Polish cultural element, teaching in the first third of the nineteenth century was conducted in Polish. The purpose of this work is to trace the change in attitude of the ruling spheres towards the system of Polish education. Language policy in the western outskirts of the Russian Empire went through several stages: from tolerance in the first third of the nineteenth century, to the Depolonisation of education in the western provinces in the 1830s, and the complete Russification of education after 1863, not only in the Russian territories, but also in the Kingdom of Poland. In this process, the uprisings of 1830–1831 and 1863–1864 certainly played an important, although not decisive, role. It seems that, to one degree or another, the Depolonisation of education in the western provinces would still have been carried out but would have taken place more gradually. The Russian government saw their task in integrating education in the western provinces into the all-Russian system; for this purpose, it was important to reduce contact between the territories of the former Polish-Lithuanian Commonwealth that were under Russian rule and strengthen their ties with the empire. For the same reason, there would probably have been a gradual introduction of the Russian language into the curriculum of educational institutions and the clerical work of state institutions in the Kingdom of Poland.

Keywords: western provinces, Russia, Kingdom of Poland, education, Depolonisation, Russification, Polish uprisings

ИЗ ПЕРВЫХ УСТ

Екатерина Викторовна Байдалова

Младший научный сотрудник, Институт славяноведения
РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32А.
E-mail: kuzmukk@mail.ru

Проблема языковой идентичности в романе В.Винниченко «Хочу!» в социокультурном контексте эпохи

Роман В. К. Винниченко «Хочу!» (1915) явился, с одной стороны, литературным ответом писателя на дискуссии в украинском обществе о национальном вопросе, с другой стороны, ответом на обвинения в ренегатстве и возможном «переходе» в русскую литературу. После появления в 1907–1908 гг. драм и романов, в которых украинский писатель выдвинул идею «честности с собой» (по ней, мысли, чувства и поступки человека не должны противоречить друг другу), крайне критично воспринятую украинским обществом, его произведение проще было опубликовать в русских изданиях, чем в украинских, что и стал делать автор. Данная ситуация была расценена многими современниками Винниченко как предательство по отношению к родному языку и национальной культуре. В романе «Хочу!» проблема языковой идентичности напрямую связана с проблемой национальной идентичности. Главный герой романа, поэт Андрей Халепя, будучи этническим украинцем, в начале романа говорит, думает и пишет стихи по-русски, его личность не целостна, действия не детерминированы. После неудачной попытки самоубийства под влиянием знакомства с «осознанными» украинцами Халепя, казалось бы, обретает национальную идентичность, а вместе с ней и цель в жизни («возрождение» украинского народа и строительство предприятий свободного труда). Однако национальная идентичность в романе оказывается «неполноценной» без идентичности языковой: Халепя говорит по-украински с ошибками, он с напряжением подбирает подходящие слова и с удивлением узнает о значении некоторых из них от своих бывших русскоязычных друзей. Открытый финал романа подчеркивает иронический дискурс текста по отношению к быстрой, без борьбы и усилий, только по одному «хотению», национальному возрождению.

Ключевые слова: национальный вопрос, «честность с собой», украинская литература, русская литература, язык метрополии

Владимир Кириллович Винниченко (1880–1951) — один из наиболее значимых украинских писателей начала XX в. Это имя было

хорошо известно широкому кругу читателей: его рассказы, пьесы, романы активно печатались и обсуждались в 1905–1916 гг. Недаром М. М. Коцюбинский, к тому времени сам уже известный украинский прозаик, в 1909 г. писал¹:

Кого у нас читают? Винниченко. О ком везде идут разговоры, как только дело касается литературы? О Винниченко. Кого покупают? Снова Винниченко².

Действительно, сейчас украинскую литературу первой трети XX в. невозможно представить без произведений этого автора, находящегося в авангарде «интенсивных поисков нового содержания и новой формы художественного творчества»³ данного периода развития национальной культуры⁴. Однако после появления в 1907–1908 гг. произведений, в которых Винниченко выдвинул принцип «честности с собой» и начал пропагандировать идеи «новой морали», взаимоотношения писателя с украинской критикой и украинским обществом обострились. Роман «Хочу!» был написан в атмосфере непростых взаимоотношений писателя и социума, неоднозначного восприятия украинской критикой новых идей писателя, вопроса «перехода» в русскую литературу. В статье исследуется взаимосвязь языковой и национальной идентичностей в тексте романа, рассматривается социокультурный контекст, в котором появилось произведение, изучается история его возникновения, анализируются проблемы языковой идентичности, являющиеся для писателя одними из центральных.

По Винниченко честен с собой человек, тогда, когда его мысли, чувства и поступки находятся не в противоречии друг с другом, а в гармонии. Часто эта теория трактуется «как индивидуалистический бунт против общественной морали, опирающийся на философские воззрения Ф. Ницше. <...> Однако при внимательном анализе драматургии, прозы, дневников и эпистолярного наследия писателя становится очевидно, что Винниченко восставал главным образом против лицемерия и фарисейства, не сомневаясь, что в основе закона жизни

¹ Здесь и далее перевод с украинского мой. — Е. Б.

² Листування М. Коцюбинського з В. Винниченком / вступ, тексти листів та прим. П. М. Федченка // Радянське літературознавство. 1988. № 2. С. 50.

³ Байдалова 2017: 188.

⁴ Подробнее о значении творчества Винниченко для развития украинской литературы см.: Байдалова 2017.

лежит нравственный императив»⁵. Новая «философия» модного литератора (и политика) оказалась непонятой и непринятой большей частью украинского общества. Многие работы Винниченко подверглись уничижительной критике, украинские издательства отказывались их печатать, в то время как русские переводы его произведений продолжали свободно выходить в свет и в целом неплохо принимались читателями и критиками. В письме к своему покровителю, известному украинскому общественному деятелю и меценату Евгению Харлампиевичу Чикаленко (1861–1929), Винниченко писал в 1908 г.:

Только из-за ругани и криков я, разумеется, не откажусь от своих взглядов. Пока что нет оснований их менять, я, наоборот, как и всякий человек, буду проводить их в жизнь. Хочу работать в той среде, которая меня воспитала, хочу высказывать свои мысли на том языке, который считаю своим родным, любимым. Этого Вы мне не хотите дать. Хорошо, если будет существовать «Дзвін»⁶ (но на это надежд мало): в нем я смогу пристроить свои «преступные» работы. Если же этого приюта не будет, то я должен идти в русскую литературу. Не подумайте, ради Бога, что я хочу напугать Вас. Нет, говорю это с печалью и болью, потому что больно, что судьба у нас такая: даже против своей воли должны работники покинуть свое родное поле. Знаю также, что меня назовут и ренегатом, и предателем, но я лучше сознательно выберу эти прозвища, чем поступлюсь моими мыслями⁷.

Как указал В.Е. Панченко, один из наиболее авторитетных исследователей жизни и творчества украинского писателя, Винниченко в письме к Максиму Горькому от 12 апреля 1909 г. сетовал: «Что печатается в русской литературе, то в украинской конфискуется и преследуется»⁸. С другой стороны, мысль «собой возвеличить украинское»⁹ была настолько важна для писателя, что, как указыва-

⁵ Байдалова 2019: 155.

⁶ «Дзвін» («Колокол») — украинский литературно-художественный и общественно-политический журнал, орган украинской социал-демократической партии. Стал выходить только с января 1913 г. В нем были напечатаны диалогия Винниченко «По местам!», «Божки» и другие произведения.

⁷ Чикаленко Є., Винниченко В. Листування. 1902–1929 роки / упор. та вс. ст. Н. Миронець. Київ: Темпора, 2010. С. 68.

⁸ Цит. по: Панченко 2002а: 11.

⁹ Винниченко В.К. Щоденник. Едмонт; Нью-Йорк: Видання Канадського Інституту Українських Студій і Комісії УВАН у США для вивчення і публікації спадщини Володимира Винниченка, 1980. Т. 1. 1911–1920. С. 214.

ют украинские литературоведы, в письме к Е. Чикаленко от 27 августа 1908 г. Винниченко обратился к своему наставнику с просьбой уничтожить те его произведения, которые редакторы не намереваются печатать в русскоязычных изданиях:

Я не хочу, чтобы в украинской литературе появилось что-то мое, что не захотели бы в русской литературе. Обидно. Украинская литература не должна быть помойкой, куда можно выбрасывать все негодное¹⁰.

Писатель, разочарованный «провинциальностью» украинской критики и общества, продолжал активно печататься на русском языке, его имя появлялось в российской печати рядом с именами Л. Н. Андреева, М. Горького, И. А. Бунина, А. И. Куприна, Б. К. Зайцева, М. П. Арцыбашева; в 1911 г. начало выходить в переводе на русский язык собрание сочинений Винниченко в девяти томах; украинский литератор даже написал по-русски романы «Честность с собой» (частично) (1911) и «На весах жизни» (1912)¹¹, положившие начало целому циклу экспериментальных произведений 1910-х годов. Романы Винниченко этого периода не все равноценны с художественной точки зрения. Они, как и многие ранние драматургические эксперименты писателя, получили неоднозначную оценку современников. По верному замечанию одного из первых диаспорных исследователей его творчества Г. А. Костюка, «у произведений Винниченко своеобразная история: ими или безоговорочно восхищались, или их также безоговорочно отрицали, ругали и даже поносили»¹². Однако в творчестве самого украинского писателя и политика данный период занимал особое место: в это время Винниченко все реже обращался к малой прозе, которая была отправной точкой его успешного вхождения в украинскую литературу в начале века, внимание писателя сосредоточилось на драматургии и крупной прозе. Жанр романа позволил автору более свободно воплотить в художественном виде его «еще находящуюся в стадии формирования идейно-философскую концепцию устройства мира и “переустройства” человека, в которой социальные, национальные и морально-этические начала неразрывно

¹⁰ Цит. по: Ковалик, Михида 2011: 220.

¹¹ Позже Винниченко перевел их на украинский язык.

¹² Костюк 1997: 79.

связаны»¹³. С 1911 по 1917 г. Винниченко написал семь романов; затем писатель полностью посвятил себя политике и до вынужденной эмиграции в 1920-х годах не занимался художественным творчеством.

По справедливому суждению В.Е. Панченко, появление романа «Хочу!» в 1915 г. связано с многочисленными дискуссиями 1913–1914 гг. о национальном вопросе в украинском обществе¹⁴. Точку зрения, с которой солидаризировался Винниченко, высказал Л.И. Юркевич¹⁵ в журнале «Дзвін» (одним из основателей которого был Винниченко). Юркевич отметил, что, хотя русские марксисты и признают «необходимость бороться против национальных притеснений, но вместе с тем сами являются участниками этих притеснений, когда выступают против национальных форм рабочего движения подневольных народов»¹⁶. Ряд исследователей считает¹⁷, что роман «Хочу!» написан как ответ на драму Леси Украинки «Оргия» (1913), в которой поэтесса в аллегорической форме выступила с критикой тех представителей творческой элиты, которые способствуют развитию не родной национальной культуры, а культуры господствующей. Аллюзии на украинско-российскую ситуацию начала века очевидны.

Как написал в воспоминаниях муж Леси Украинки К.В. Квитка, «происхождение этой вещи имело непосредственную связь с поведением Винниченко»¹⁸. По-видимому, речь шла о намерении Винниченко, огорченного нелестными рецензиями в украинской прессе и скромными гонорарами на родине, начать писать исключительно по-русски в России, где его уже ждали контракты на издание новых драм и романов. От этого шага его предостерегал Михаил Коцюбинский:

Вы, человек идейный, который крепко связал себя с нашим народом, переходите в чужую литературу, мотивируя свой поступок тем,

¹³ Байдалова 2014: 282.

¹⁴ Панченко 2002b: 309–311.

¹⁵ Юркевич Лев Иосифович (1883–1919) — украинский политический деятель, социал-демократ, публицист, теоретик марксизма, сторонник украинской автономии.

¹⁶ Юркевич Л. Російські марксисти і український робітничий рух // Дзвін. 1913. № 7–8. С. 85.

¹⁷ См., например: Бабишкін 1963: 322–323; Панченко 2002a: 5–19; Хархун 2003.

¹⁸ Квитка К. На роковини смерті Лесі Українки // Спогади про Лесю Українку. Київ, 1963. С. 234.

что Вас “выпихивают”, а Вы не хотите сопротивляться. Со стороны я просто диву даюсь. Разве Вы пишете для критики? Разве для Вас такое большое, такое решительное значение имеет, что скажет тот или иной? Разве, в конце концов, Вы думаете, что у нас есть серьезная критика, как у людей? <...> Я уверен, что если Вы перейдете на российскую почву, то только себе во вред. Писатель (поэт, беллетрист) не может безнаказанно сменить язык: он отомстит.

Не сердитесь на меня за откровенно сказанное слово; мне кажется, что я имею право на это как человек, который, может, больше всего ценит Ваш талант и любит его, как дорогим сокровищем нашего народа¹⁹.

Возможное «ренегатство» Винниченко активно обсуждалось на страницах украинских изданий в 1910–1913 гг. Проблема для украинского общества заключалась в том, что речь шла не просто о выборе другого языка, языка соседней страны, а о выборе языка метрополии. В настоящее время, когда мы уже знаем дальнейшую судьбу Винниченко, упорно стремившегося отстаивать в годы революции право Украины на независимость и самостоятельность, написавшего в эмиграции гневное открытое письмо Горькому (1928, «*Українські вісті*», Париж)²⁰ по поводу отказа последнего одобрить издание романа «Мать» в переводе на украинский язык, который Горький называл «наречием» и т. п., эти обвинения в измене, отступничестве, активной пророссийской позиции кажутся более чем неожиданными. Однако в 1913 г. в газете «Украинская хата» (№ 11) было опубликовано вызвавшее большой общественный резонанс открытое письмо украинских студентов. В нем Винниченко назывался «русско-малороссийским писателем» и «литератором-гермафродитом» (имелась в виду его раздвоенность между русской и украинской литературами).

¹⁹ Бардаш О. Листування Михайла Коцюбинського з відомими українськими діячами наприкінці XIX — на початку XX століть // Сіверянський літопис. 2010. № 2–3. С. 226–242.

²⁰ Трещина во взаимоотношениях Горького и Винниченко четко обозначилась еще в 1909 г., когда украинский писатель выступил в газете «Рада» (№ 119, 28 мая (10 июня)) с открытым письмом к русскому писателю, содержащим обвинения в недобросовестном отношении к присылаемым рукописям. Дело в том, что первоначально Горький собирался издавать произведения Винниченко в «Знании», однако после того, как получил от украинского автора пьесу «Базар» и подверг ее в письмах резкой критике, отказался от этого намерения, чем вызвал гнев Владимира Кирилловича, выплеснутый в публичное пространство в виде открытого письма.

В дневнике после появления этого открытого письма украинский писатель с горечью написал: «Меня зовут и предателем, и русским писателем, и рабом, и еще как-то. “Шей сапоги, а своим угнетателям ничего не давай”»²¹. В письме Е. Чикаленко от 28 марта 1913 г. Винниченко добавил:

Беда мне, Евг[ений] Харл[ампиевич], с “щирыми” нашими. Хочу даже по поводу этого открытого письма к обществу обратиться. Все упрекают в том, что я пишу по-русски. А я и не пишу уже ничего. Единственная вещь, которую написал, была “На весах жизни”. А с другой стороны — приходится воевать с русскими. <...> с журналами и издательствами русскими, которые во что бы то ни стало хотят оригиналы и уменьшают гонорары за переводы, даже если они авторизованные. <...> И в то же время укр[аинские] патриоты волнуются от благородного гнева на меня, что я “перехожу к русским”. Но, наверное, никто из них не спросит ни себя, ни меня, есть ли у меня что есть. <...> Да что там говорить про “рядовых”, если Леся Укр[аинка] и та, было, накинута на меня за это. Я ей объяснил, и она поняла. Может, объяснить и другим, пусть не портят себе кровь попусту?²²

Художественным ответом стал роман «Хочу!» (1915) — одно из лучших произведений писателя, сохранившего верность родному языку. Этот роман не раз оказывался в центре исследовательских интересов украинских литературоведов²³, однако проблема языковой идентичности рассматривалась лишь косвенно. Главный герой романа с говорящей фамилией Халепа²⁴ — русский поэт среднего уровня, украинец по происхождению, разочаровавшись в жизни и не видя больше в ней смысла, в начале романа неудачно стреляется, но остается жив. После ранения под влиянием ухаживающих за ним украинца-патриота и его дочери Андрей Халепа постепенно возвращается к осознанию своей национальной принадлежности, начинает учить украинский язык, переезжает жить на Украину и пытается сочинять стихи по-украински. Несмотря на то, что в романе многие события национального «возрождения» героя изображены проникновенно, с тонким лиризмом (особенно те моменты, когда поэт слушает

²¹ Винниченко В. К. Щоденник. С. 250.

²² Чикаленко С., Винниченко В. Листування. С. 242–243.

²³ См., например: Малиш 2000; Горбань 2004; Брайко 2007; Гладир 2013; Гладир 2014 и др.

²⁴ *Халепа* (укр.) — беда, напасть, неприятность, передряга.

украинские народные песни), он вполне иронично выведен типичным неофитом, планы которого, не исключено, могут быть обречены на неудачу. Финал романа открыт: начинается Первая мировая война, Халепа мобилизован в армию, вопрос о его дальнейшей судьбе остается неясен.

Украинский вопрос еще в 1910-е годы, до создания романов, нередко освещался Винниченко в ироническом ключе. Кредо писателя была оппозиционность по отношению к предыдущему, «старшему» поколению литераторов не только в художественной форме произведений, но и в их идейно-тематическом наполнении и, естественно, в национальном вопросе. Как писал современник Винниченко О. Гермайзе:

Старое украинофильство давно уже стало архаичным пережитком. На кон активного действия украинской общественной мыслью давно уже выступили новые радикальные элементы. Выдвигая туманный демократизм на народнической основе, эти элементы всю свою энергию направляют на возвышение идеи украинского национального возрождения. Однако вместе с этими радикальными элементами появляются и формируются молодые революционные элементы²⁵.

И далее:

Гринченко²⁶ и Самойленко²⁷ сатиричным бичем бичевали украинофилов, Винниченко идет дальше. Он внимательно вглядывается в окружающую украинскую жизнь и внимательным наблюдающим взглядом сатирика-художника отмечает в ней то, что до этого времени лениво воспринималось как определенное национальное достижение, как важное завоевание²⁸.

Одним из ярких примеров иронического образа «украинца-малоросса» у Винниченко был антрепренер Гаркун-Задунайский из одноименного рассказа²⁹. Имя этого персонажа стало нарицательным

²⁵ Гермайзе 1929: 7.

²⁶ Гринченко Борис Дмитриевич (1863–1910) — украинский писатель, лексикограф, один из организаторов общества «*Просвіта*», автор первого фундаментального «Словаря украинского языка» (Киев, 1907–1909).

²⁷ Самойленко Владимир Иванович (1864–1925) — украинский поэт, драматург, переводчик.

²⁸ Гермайзе 1929: 9.

²⁹ «Антерпреньор Гаркун-Задунайский» (1903).

и активно использовалось, например, Николаем Хвывелевым в ходе литературной дискуссии 1925–1926 гг. в качестве символа «малороссийства», понимаемого Хвывелевым как провинциальность, зависимость от господствующей (русской) культуры, невозможность создания полноценного национального интеллектуального и культурного продукта. Однако не менее иронично, даже сатирично изображен Недоторканный из рассказа «“Уміркований” та “щирий”» (1907), фанатично выступающий против «малороссов-приспособленцев» и «кацапов», мешающих Украине стать самостоятельным государством.

Проблема языковой идентичности — одна из центральных в романе «Хочу!». Главный герой в начале романа стреляется, потому что утрачивает смысл жизни, ощущает ее тщетность, ему «скучно жить», поскольку у него нет никаких стремлений и желаний. Правда, еще в предсмертном письме он вспоминает, что когда однажды в своей комнате лежал на диване как труп, то услышал, как его соседка запела украинскую народную песню:

[В]друг стало чудно-тепло в груди и грустно-грустно до слез. Со дна памяти встали забытые, заваленные мусором пережитой жизни картины отцовского хутора, солнечных, пахнущих вишневым листом дней, первой любви моей к сероокой, стыдливой Оксане и много всего другого³⁰.

Халепа пытается «пережить в памяти и чувствах “вечное возвращение” к юношеским годам, но утрата этногенетического кода — украинского языка — делает невозможным такой опыт»³¹.

До своего «национального возрождения» Андрей считает, что его соседи говорят «на каком-то чудном языке: не то хохляцком, не то польском»³², он постоянно путается в определении этого языка: например, просит старика Сосненко «разговаривать с ним по-хохляцки, то есть по-малороссийски»³³. Однако почти сразу Андрей, уже понимая, что может задеть национальные чувства Сосненко, поправляется

³⁰ Винниченко В.К. «Хочу!» // Дзеркало. Драматична поема Лесі Українки «Орія» і роман Володимира Винниченка «Хочу!» / упор. В. Панченко. Київ: Факт, 2002. С. 113.

³¹ Брайко 2007: 48.

³² Винниченко В.К. «Хочу!» С. 97.

³³ Там же. С. 120.

и говорит, что ему самому будет приятно «слышать малороссийский, то есть украинский язык»³⁴.

Нравственное перерождение Халепы происходит после национального возрождения, однако последнее, в свою очередь, невозможно без изменения языковой идентичности. К этому изменению герой идет трудным, мучительным путем, о котором, однако, он не хочет, чтобы знали другие. Всех, кто его спрашивает, трудно ли ему теперь все время говорить по-украински, он уверяет, что нисколько не трудно, что ему кажется, будто он даже начинает забывать русский, но при этом Андрей с трудом подбирает слова и выражения, понимает не все, что ему говорят, неправильно ставит ударения в словах. «Отвечал он по-украински, прикладывая все усилия, чтобы не запинаться и выражаться как можно натуральнее, с таким видом, будто он никогда ни на каком другом языке не говорил»³⁵. И дальше:

Он разговаривал сегодня по-украински, а сам весь вечер напряженно следил за собой, чтобы не ошибаться и не выражать по-русски свои мысли, которые он переводил на украинский. И он же врал, делая вид, что ему легко разговаривать на “родном” языке! И они врали, делая вид, что верят ему и даже не удивляются³⁶.

Новые украинские друзья Андрея испытывают неловкость, слушая его «напряженную украинскую речь и ошибки, которые он повторяет, не зная, что так по-украински не говорят»³⁷.

Интересно отметить, что этнические украинцы в романе практически все двуязычны: при необходимости они легко переходят на русский язык, но при этом очень ценят возможность находиться среди своих, с кем можно говорить на родном языке. Так Петр, старший сын Сосненко, выпущенный из тюрьмы умирать от туберкулеза, говорит: «А приятно все-таки, что язык во рту у тебя болтается по-своему, от одного этого уже выздороветь можно»³⁸. Этнические русские не двуязычны, для части из них (тех, кто приезжает в украинские села и города на летний отдых), нередко становится открытием то, что украинский — это самостоятельный язык и на нем могут говорить

³⁴ Винниченко В. К. «Хочу!». С. 120.

³⁵ Там же. С. 188.

³⁶ Там же. С. 200.

³⁷ Там же. С. 207.

³⁸ Там же. С. 154.

не только выходцы из народа. Один из приятелей Андрея из прошлой богемной жизни рассуждает следующим образом:

Вот вы теперь живете в Малороссии, в одном из больших городов и, возможно, бывали и в других, что вы видите? Видите, что никакого движения нет, города чисто русские, население прекрасно разговаривает по-русски, даже крестьяне. Газеты, книжки, театры, ну, все то же самое, как и по всей России. Причем здесь возрождение?³⁹

Лидия же, бывшая возлюбленная Андрея уверяет, что за два дня выучила все несложные законы украинской «мовы»:

Знаете, как у детей: нужно изменить один звук на другой, вот и все. Там, где по-русски и, “по-украински” і, где по-русски о, там... там, похоже, тоже і. Если слова начинаются на гласную, то “по-украински” нужно к этому слову добавить букву в. И тому подобные “законы”. Например, “улица” — “вулиця”, “ум” — “вум”, “ус” — “вус”⁴⁰.

Для этнических украинцев в романе выбор языковой идентичности — это всегда выбор национальной идентичности, причем это выбор не между русской и украинской идентичностями, но между русской, украинской и малороссийской идентичностями. Употребление понятия «малоросс» различается в тексте романа в зависимости от того, кто его использует: русские или украинцы. Для русских в романе не существует понятия «украинец», вместо него они используют понятие «малоросс», которое иногда заменяется на «хохол». Примечателен разговор между Андреем Халепой и его бывшими близкими знакомыми — столичной богемной молодежью. Лидия, которая ранее с сарказмом поздравляла Андрея, когда он начал писать стихи по-украински, с переходом в «инострannую» (то есть украинскую) литературу, в общем разговоре иронически заметила, что всем надо быть осторожнее в высказываниях, потому что они находятся за границей. Халепа в ответ на недоуменные возгласы поясняет, что «за границей» означает будто бы украинцы хотят отделиться от России. И далее происходит следующий диалог:

— Украинцы? Какие украинцы? Малороссы? — удивилась Катя.
Андрусеви́ч снова хотел захихикать, но сдержал себя и наклонил голову к тарелке.

³⁹ Там же. С. 261.

⁴⁰ Там же. С. 265.

— Ну, малороссы, хохлы... — усмехнулся Халепа.

— Так малороссы хотят отделиться?! Зачем? Вы не смейтесь, я ничего не понимаю⁴¹.

Однако в устах украинцев в романе «малоросс» и «украинец» имеют разное значение. Наиболее ярко значение понятия «малоросс» выражено в пылкой речи самого главного энтузиаста «украинской идеи», украинца-патриота, направившего Андрея «на путь истинный» — старшего Сосненко: «Знаете, что такое малоросс? Нет? Паршивец, просто говоря ни то ни се. Он, видите, по происхождению себе — украинец, по воспитанию — русский, по убеждениям — невежда во всем, что касается родного народа, по нраву — трус, себялюб, раб. Вот это малоросс»⁴². Не отстает в негативной характеристике «малороссов» старшая дочь Сосненко Олена. Когда Халепа говорит ей, что он по происхождению не русский, а малоросс, она отвечает: «Ну, это почти то же самое! <...> Даже еще хуже»⁴³. То есть малороссом в романе оказывается человек, изменивший своей национальной украинской идентичности и родному украинскому языку. Так, в романе зять Сосненко, учитель Тимофей Николаевич Чупрун, получивший должность от Министерства народного просвещения, украинец по происхождению, представлен ренегатом, поскольку у себя дома разговаривает с коллегами-учителями по-русски, а потом и с домашними переходит на русский язык. В то время как увлеченные Сосненко-старшим национальным вопросом «уважаемые главы семей, чиновники», «что стоят одной ногой в могиле, начинают, как дети, учиться украинскому языку, писать диктанты, читать брошюры и свирепеть от одного косого взгляда на украинский вопрос»⁴⁴.

Таким образом, национальная, в данном случае украинская, идентичность в романе оказывается «неполноценной» без языковой идентичности, путь к которой для главного героя романа «Хочу!» оказывается сложно преодолимым и невозможным лишь по одному «хотению», без борьбы и усилий.

Вскоре после завершения работы над романом Винниченко написал в дневнике: «Где мне его напечатать? По-русски еще найдется, а по-украински? Вечная история!» И дальше вполне пророчески

⁴¹ Винниченко В. К. «Хочу!». С. 260.

⁴² Там же. С. 126.

⁴³ Там же. С. 145.

⁴⁴ Там же. С. 172.

добавил⁴⁵: «Слишком рано я родился, мне лет на сто надо бы позже, тогда было бы место в украинской прессе для того, что я могу написать!»⁴⁶ В 1916 г. писатель все-таки издал роман, однако тот не привлек широкого внимания как читающей публики, так и литературных критиков: в разгаре была Первая мировая война, приближались революционные годы, так что украинское общество волновали совсем другие проблемы и вопросы.

Литература

- Бабишкін 1963 — *Бабишкін О.* Драматургія Лесі Українки. Київ: Вид-во образотв. мистецтва, 1963. 405 с.
- Байдалова 2014 — *Байдалова Е. В.* Политика и поэтика, или О роли сюжетных мотивов в романах В. К. Винниченко 1910-х гг. («По местам!», «Божки», «Хочу!») // Славянский альманах 2013. М.: Индрик, 2014. С. 281–290.
- Байдалова 2017 — *Байдалова Е. В.* Раннее творчество Владимира Винниченко и борьба поколений в украинской литературе начала XX века // Преемственность как фактор литературного процесса. Опыт Центральной и Юго-Восточной Европы (по материалам I Хоревских чтений) / отв. ред. И. Е. Адельгейм. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 188–198.
- Байдалова 2019 — *Байдалова Е. В.* «Огонь этот есть воля»: моральный императив в прозе В. К. Винниченко // Категории *воля* и *принуждение* в славянских культурах / отв. ред. Н. В. Злыднева. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 150–163. DOI: 10.31168/2658-5758.2019.8 (Категории и механизмы славянской культуры).
- Брайко 2007 — *Брайко О.* «Хочу!» В. Винниченка і «Санін» М. Арцибашева: порівняльно-типологічне зіставлення // Слово і час. 2007. № 10. С. 46–58.
- Гермайзе 1929 — *Гермайзе О.* Рання творчість Винниченка на тлі громадського життя // *Винниченко В.* Вибрані твори. Київ: Книгоспілка. 1929. С. 3–19.
- Гладир 2013 — *Гладир Я. С.* Внутрішні конфлікти «героя» роману В. Винниченка «Хочу!» // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. 2013. № 4 (263). Ч. II. С. 137–147.

⁴⁵ Возможно, эта мысль у Винниченко созрела под влиянием обращенных к нему слов в одном из писем Чикаленко: «Ко всему прочему Вы родились раньше, чем Вам было бы надо. Вам нужно было появиться в укр[аинском] обществе тогда, когда оно могло бы оплатить Ваш труд так, как рос[сийское] оплачивает, чтобы Вы могли иметь свою собственную дачу, и проч[ее]. Но это все — если бы! А что же делать сейчас?». См.: Чикаленко Е., Винниченко В. Листування. С. 100.

⁴⁶ *Винниченко В. К.* Щоденник. С. 177.

- Гладир 2014 — Гладир Я. С. «Ланцюжковий» зв'язок «системних» конфліктів в романі В. Винниченка «Хочу!» // Science and Education of New Dimension: Philology. 2014. Vol. II (1). Iss. 17. P. 25–28.
- Горбань 2004 — Горбань А. Роман В. Винниченко «Хочу!» у дзеркалі «псевдолюбовних» колізій // Слово і час. 2004. № 2. С. 13–19.
- Ковалик, Михида 2011 — Ковалик М. О., Михида С. П. Особливості еволюції драматургічної поетики Володимира Винниченка (п'єси «Дорогу красі» і «Брехня») // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». 2011. Т. 24 (63). № 1. Ч. 2. С. 219–226.
- Костюк 1997 — Костюк Г. Деякі проблеми наукового вивчення В. Винниченка // Сучасність. 1997. № 11. С. 78–87.
- Малиш 2000 — Малиш О. Проблема національного самовизначення і свободи волі у романі В. Винниченка «Хочу!» // Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства: Збірник наукових праць. Ужгород: Поличка «Карпатського краю», 2000. Вип. 3. С. 316–326.
- Панченко 2002a — Панченко В. «Я не буду загрожувати переходом в чужу літературу...» (Загадка генези драматичної поеми Лесі Українки «Оргія») // Дзеркало. Драматична поема Лесі Українки «Оргія» і роман Володимира Винниченка «Хочу!» / упор. В. Панченко. Київ: Факт, 2002. С. 5–21.
- Панченко 2002b — Панченко В. «Занадто я рано родився...» (Роман В. Винниченка «Хочу!» на тлі «Відродження нації» // Дзеркало. Драматична поема Лесі Українки «Оргія» і роман Володимира Винниченка «Хочу!» / упор. В. Панченко. Київ: Факт, 2002. С. 309–318.
- Панченко 2004 — Панченко В. Володимир Винниченко: парадокси долі і творчості. Книга розвідок та мандрівок. Київ: Твім інтер, 2004. 288 с.
- Хархун 2003 — Хархун В. «Задзеркалля» модерністської літератури, або Текстуальний діалог Лесі Українки з Володимиром Винниченком // Слово і час. 2003. № 5. С. 85–87.

References

- Babishkin, O., 1963. *Dramaturgia Lesi Ukrainki* [Dramaturgy of Lesia Ukrajinka]. Kyiv: Vid-vo obrazotv. mistectva, 405 p.
- Baydalova, E. V., 2014. Politika i poetika, ili O roli suizhetnykh motivov v romnakh V. K. Vynnychenko 1910-kh gg. ("Po mestam!", "Bozhki", "Khochu!") [Politics and poetics, or About the role of narrative motives in the novels of V. K. Vynnychenko 1910 years (*To Places!*, *The Idols and I want!*). In: *Slavic almanac 2013*. Moscow: Indrik, pp. 281–290.
- Baydalova, E. V., 2017. Rannee tvorchestvo Vladimira Vinnichenko i bor'ba pokolenii v ukrainskoi literature nachala XX veka [The early works by Volodymyr

- Vynnychenko and the generation struggle in Ukrainian literature in the early twentieth century] In: Adelgeim, I. E., ed. *Preemstvoennost' kak faktor literaturnogo protsessa. Opyt Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy (po materialam I Khorevskikh chtenii)* [Continuity as a factor of the literary process. Experience of Central and South-Eastern Europe (Proceedings of the Ist Khorev Readings)]. Moscow: Institut slavianovedenia RAN, pp. 188–198.
- Baydalova, E. V., 2019. “Ogon' etot jest' volia”: moral'nyi imperativ v proze V. K. Vynnychenko [“This fire is the volition”: the moral imperative in the novels by V. K. Vynnychenko] In: Zlydneva, N. V., ed. *Kategorii volia i prinuzhdenie v slavianskikh kul'turakh* [The categories of volition and force in Slavic cultures]. Moscow: Institut slavianovedenia RAN, pp. 150–163. DOI: 10.31168/2658-5758.2019.8.
- Brajko, O., 2007. “Khochu!” V. Vynnychenka i “Sanin” M. Artsybasheva: porivn'al'no-tipologichne zistavlen'n'a [I want! by V. Vynnychenko and Sanin by M. Artsybashev: a typological comparison]. *Slovo i chas*, 10, pp. 46–58.
- Germaize, O., 1929. Rannya tvorchist Vyynnychenka na tli gromadskogo zhuttya [Early works by Vynnychenko in the field of social life]. In: Vynnychenko, V. *Vibrani tvoriv*. Kyiv: Knigospilka, pp. 3–19.
- Gladir, Ia.S., 2013. Vnutrishni konflikty “heroia” romanu V. Vynnychenka “Khochu!” [Inner conflicts of the “hero” of the V. Vynnychenko's novel I want!]. *Visnyk LNU imeni Tarasa Shevchenka*, 4 (263), II, pp. 137–147.
- Gladir, Ia.S., 2014. “Lantsiuzhkovyi” zv'iazok “systemnykh” konfliktiv v romanu V. Vynnychenka “Khochu!” [The “chain” connection of “systemic” conflicts in V. Vynnychenko's novel I want!]. *Science and Education of New Dimension: Philology*, II (1), 17, pp. 25–28.
- Gorban', A., 2004. Roman V. Vynnychenko “Khochu!” u dzerkali “psevdoliubovnykh” kolizii [V. Vynnychenko's novel I want! in the mirror of pseudo-love collisions]. *Slovo i chas*, 2, pp. 13–19.
- Kharkhun, V., 2003. “Zadzerkallia” modernistiv'koï literatury, abo Tekstual'nyi dialoh Lesi Ukraïinky z Volodymyrom Vynnychenkom [The “through-the-looking-glass” of modernist literature, or Lesia Ukrainka's textual dialogue with Volodymyr Vynnychenko]. *Slovo i chas*, 5, pp. 85–87.
- Kostuk, G., 1997. Deiaki problemy naukovooho vyvchennia V. Vynnychenka [Some problems research of V. Vynnychenko]. *Suchasnist'*, 11, pp. 78–87.
- Kovalyk, M. O., Michida S. P., 2011. Osoblyvosti evoluciji dramaturgichnoji poetiki Volodymyra Vynnychenko (piesy “Dorogu krasi” i “Brehnya”) [The specificity of the evolution of Volodymyr Vynnychenko's dramaturgic poetics (the plays *The Way to the Beauty* and *The Lie*)]. *Ucheni zapiski Tavrijs'kogo natsional'nogo universitetu im. V.I. Vernads'kogo. Seria “Filologia. Social'ni komunikacii”*, 24 (63), 1/2, pp. 219–226.
- Malysheva, O., 2000. Problema natsional'nogo samovyznachennia i svobody voli u romanu V. Vynnychenka “Khochu!” [The problem of national identity and

- freedom of will in Vynnychenko's novel *I want!*]. In: *Suchasni problemy movo-znavstva ta literaturoznavstva: Zbirnyk naukovykh prats'*. Uzhhorod: "Polichka «Karpats'kogo kraiu»", 3, pp. 316–326.
- Panchenko, V., 2002a. "Ia ne budu zahroyhuvaty perekhodom v chuzhu literaturu..." (Zahadka genezy dramatychnoi poemy Lesi Ukraïinky «Orhiia») ["I will not threaten to pass in foreign literature" (The mystery of the genesis of Lesya Ukrainka's dramatic poem "The Orgy")]. In: Panchenko, V., ed. *Dzerkalo. Dramatychna poema Lesi Ukraïinky "Orhiia" i roman Volodymyra Vynnychenka "Khochu!"* [The mirror. The dramatical poem by Lesia Ukrajinka *The Orgy* and the novel by Volodymyr Vynnychenko *I want!*]. Kyïv: Fakt, pp. 5–21.
- Panchenko, V., 2002b. "Zanadto ja rano rodyvsya..." (Roman V. Vynnychenka "Hochu!" na tli "Vidrodzhennya naciji") ["I was born too early..." (The novel by V. Vynnychenko *I want!* on the background of "The revival of nation")]. In: Panchenko, V., ed. *Dzerkalo. Dramatychna poema Lesi Ukraïinky "Orhiia" i roman Volodymyra Vynnychenka "Khochu!"* [The mirror. The dramatical poem by Lesia Ukrajinka *The Orgy* and the novel by Volodymyr Vynnychenko *I want!*]. Kyïv: Fakt, pp. 309–318.
- Panchenko, V., 2004. *Volodymyr Vynnychenko: paradoksy doli i tvorchosti. Knyha rozvidok ta mandrivok* [Volodymyr Vynnychenko: paradoxes of the fate and creativity. The book of investigations and travellings]. Kyïv: Tvim inter, 288 p.

Ekaterina V. Baydalova

Junior Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334; Leninsky Prospekt, 32A. E-mail: kuzmukk@mail.ru

The problem of language identity in Volodymyr Vynnychenko's novel *I want!* in contemporary sociocultural context

The novel by Volodymyr Vynnychenko *I want!* (1915) was, on one hand, his literary answer to the discussion on the national question in Ukrainian society, and, on the other, it was his reaction to the accusations of him being a renegade resulting from his shift towards Russian literature. In 1907–1908, after the publication of his dramas and novels which were impregnated with the idea of “being honest with oneself” (it implied that all thoughts, feelings, and acts were to be in harmony), his works could be more easily published in Russian than in Ukrainian. This situation was taken by his compatriots as a betrayal against his native language and the national cause. In the novel *I want!* the problem of language identity is directly linked with national identity. In the beginning of the novel the main character, poet Andrey Halepa, despite being ethnic Ukrainian, spoke, thought, and wrote poems in Russian, and consequently his personality was ruined and his actions lacked motivation. It seems that after his unsuccessful suicide attempt and under the influence of a “conscious” Ukrainian, Halepa got in touch with his national identity and developed a life goal (the “revival” of the Ukrainian nation and the building of a free-labour enterprise). However, in the novel, national identity turns out to be incomplete without language identity. Halepa spoke Ukrainian with mistakes, had difficulty choosing suitable words, and discovered with surprise the meaning of some Ukrainian words from his former Russian friends. The open finale emphasises the irony of the discourse around a fast national “revival” without struggle and effort, and which only required someone’s will.

Keywords: national question, “being honest with oneself”, Ukrainian literature, Russian literature, national identity

Анна Романовна Лагно

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32А; старший преподаватель, кафедра международных организаций и проблем глобального управления, факультет государственного управления, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.
E-mail: Lagno@spa.msu.ru

Кто, что, кому и на каком языке говорил? Польско-украинское пограничье в 40-е годы XX в.: из истории одной семьи

Польско-украинское пограничье — это территория, которая чаще всего ассоциируется с восточной частью бывшей австрийской провинции Галиция. После окончания Второй мировой войны, 16 августа 1945 г., был заключен договор о советско-польской государственной границе, которая в основном соответствовала этническому принципу. Однако к западу от нее остались села и города с украинским населением, а к востоку — с польским. И украинцы, и поляки жили на этих территориях издавна, говорили между собой на одном языке, заключали браки, очень похожей, если не идентичной, была и их материальная культура. Дистанция между представителями разных конфессий тоже была не слишком велика: католики (поляки) и греко-католики (украинцы) толерантно относились друг к другу, могли посещать богослужения и в греко-католической церкви, и в католическом костеле. Идентичность населения, особенно сельского, не была четко выражена. Во время войны вопрос об этнической принадлежности стал крайне важным, поскольку судьба человека часто зависела от того, кем он являлся: поляком или украинцем, а иногда — и где родился: в уже независимой Польше или еще в Австро-Венгерской монархии. Окончание войны не успокоило пограничье, проблему национальных меньшинств на самом высоком уровне постановили решить путем переселений, которые завершились в 1946 г. В статье на основе воспоминаний жителя польско-украинского пограничья и интервью с его детьми предпринимается попытка описать его идентичность, при этом особенное внимание уделено значению билингвизма.

Ключевые слова: идентичность, польско-украинское пограничье, Галиция, украинский язык, польский язык, остарбайтеры, Вторая мировая война

«*Мені просто дивно, що вони з першого погляду повірили, що я Поляк*»¹. Эта фраза из воспоминаний дедушки в свое время заставила меня серьезно задуматься над загадочным феноменом этничности. Во время поездок по Польше мне в глаза бросалась необычайная похожесть бытовой культуры поляков, проживающих в юго-восточных воеводствах современной Польши, и украинцев, живущих во Львовской и Тернопольской областях. В то же время не могла не броситься и разница той же бытовой культуры украинцев правобережья и левобережья Днестра.

Воспоминания моего дедушки — Степана Федоровича Лагно (1913–1990) — охватывают период с 1939 по 1945 г. Особым драматизмом наполнены последние страницы его рукописи, повествующие о лете — начале осени 1945 г., когда уже шла репатриация украинцев и поляков из Польши и УССР соответственно. Именно тогда ему приходилось заявлять о себе то как об украинце, то как о поляке. И обе эти роли ему прекрасно удавались. Каковы же были те существенные признаки, разграничивавшие идентичность поляков и украинцев в середине 1940-х годов?

Кто, что и как писал об идентичности. Методология и историография

Понятие «идентичность» в социальных науках стало использоваться с XX в., сначала его взяли на вооружение психологи, а позднее — социологи и антропологи². Междисциплинарный статус термина создает серьезные сложности при попытке дать ему четкую и однозначную дефиницию. В статье описывается этническая идентичность, однако данное уточняющее определение не делает задачу более простой. Серьезные методологические и теоретические разработки, посвященные изучению этнической идентичности, были предприняты в конце 1960-х годов коллективом скандинавских исследователей, который возглавил норвежский антрополог Ф. Барт³. Они пришли к выводу, что наиболее продуктивным способом изучения этнической идентичности является поиск «различительных

¹ «Просто удивительно, что они с первого взгляда поверили, что я поляк» (*Лагно С. Ф. Спогади молодих літ. 1986. Зошит II. Л. 34 (рукопись, личный архив автора)*).

² Орлова 2010: 90.

³ Барт (ред.) 2006.

признаков», или «маркеров границ идентичности»⁴, отличающих культуру данной группы от культуры «другого», а не составление некоего пространного каталога культурных черт той или иной этнической группы. Советские историки и этнологи также обращали внимание на то, что формирование самосознания любой общности начинается с противопоставления «мы — они»: «Только ощущение, что есть “они”, рождает желание самоопределиться по отношению к “ним”, обособиться от “них” в качестве “мы”»⁵; «этносы — категория сопоставительная»⁶.

Как отмечают исследователи, наиболее значимым маркером, или, по терминологии Барта и его единомышленников, *диакритикой* этнической идентичности является язык⁷, однако для жителей польско-украинского пограничья этот маркер нельзя трактовать в качестве четкого критерия идентичности в силу повсеместно распространенного билингвизма и интерференции⁸. Так, в воспоминаниях поляков, репатрированных в 1940-е годы с территории нынешней Тернопольской области Украины в Польшу, неоднократно упоминается, что жители восточногалицийских сел, даже если и идентифицировали себя как поляки, то почти совсем не говорили по-польски, а использовали «русский» (то есть украинский) язык⁹. Следует обратить внимание также и на ряд других важных методологических проблем. Во-первых, исследователи указали на отличие индивидуальной идентичности от коллективной. И. Нойманн сделал вывод, что индивидуальная идентичность — это главным образом вопрос эмоций, и соответственно, ответы украинцев на вопрос, что же такое в их представлении украинская идентичность, могут совершенно не совпадать¹⁰. Вместе с тем идентичность этнической группы (коллективная идентичность) содержит «представления о типичных чертах “своей” общности: ее свойствах и достижениях как целого» и проявляется лишь через обобщение этнических представлений отдельных

⁴ Барт и его коллеги применяют термин «диакритики», который также используется в статье.

⁵ Поршнев 1979: 81.

⁶ Бромлей 1981: 16.

⁷ Андерсон 2001: 89–104; Нойманн 2004: 30

⁸ Hryciuk 2003: 122; Zowczak 2003: 51.

⁹ *Biłska-Homa W. Z Podolskiej Plotyczy na zachód Polski*. Wrocław: Wrocławskie Wydawnictwo Naukowe Atla 2, 2009. S. 36.

¹⁰ Нойманн 2004: 14.

людей¹¹, то есть через представления конкретных украинцев о том, что является общим для всех них.

Во-вторых, важное, если не определяющее, значение на конструирование идентичности оказывает государство, которое, проводя политику «категоризации индивидов», задает и поддерживает «способы интерпретации различий»¹². Государство выстраивает отношения с этническими группами через соответствующее законодательство, систему образования, средства массовой информации и т. д.

И наконец, идентичность не является некой константой, она динамична: «содержание, конфигурация ее компонентов и интенсивность ее проявлений зависят от макро- и микроконтекста, от этнополитических условий в целом и от конкретной ситуации общения»¹³, причем осознанный поиск идентичности начинается тогда, когда нарушается привычный уклад жизни той или иной группы. В контексте Второй мировой войны, повлекшей за собой смену нескольких государств на территории польско-украинского пограничья (II Речи Посполитой, Советского Союза, Третьего рейха, Польской республики), население в полной мере почувствовало на себе как изменение государственной политики по отношению к различным этническим и социальным группам, так и под влиянием этого само стало по-другому смотреть на своих соседей, переписывать и уточнять образы своих значимых «других».

Историографию проблемы, которая рассматривается в статье, можно разделить на два взаимосвязанных блока: 1) исследования, посвященные вопросам изучения идентичности населения польско-украинского пограничья и 2) работы, в которых описываются сложные польско-украинские отношения в период Второй мировой войны и послевоенные годы. Первый блок включает труды историков, филологов, этнологов, культурологов, социологов, которые преимущественно сконцентрированы на изучении процессов формирования национального самосознания украинцев и поляков Галиции в XIX — начале XX в., периоду же 40-х годов XX в. уделяется сравнительно немного внимания. В Польше эта проблематика разрабатывалась в 1960–1980-е годы Ю. Хлебовчиком¹⁴. По его мнению,

¹¹ Бромлей 1983: 176–177.

¹² Малинова 2009: 7.

¹³ Елаева 2000: 56.

¹⁴ Chlebowczyk 1968; Chlebowczyk 1976; Хлебовчик 1981.

на территории пограничья формируется специфическая ментальность, которую он называет «кресовым сознанием» (*świadomość kresowa*), сущность которой заключается в широкой амплитуде форм поведения жителей: от нерефлексирующего этнического индифферентизма до самых острых проявлений националистического фанатизма¹⁵. Вообще «Галиция», как отметила К. Хибель, в качестве самостоятельного предмета исследований появилась в научном дискурсе в 1980-е годы, когда вышли работы П. Магочи¹⁶. В 1990–2000-е годы было опубликовано несколько серьезных монографий и статей, посвященных Галиции¹⁷ как территории взаимовлияния и столкновения двух культурных и политических систем — украинской и польской¹⁸. Следует также отметить публикации сотрудников Института славяноведения РАН, в которых в сравнительном и междисциплинарном ключе рассмотрены вопросы формирования национального самосознания и эволюции этнокультурной идентичности населения польско-украинского пограничья¹⁹. В последнее время эта проблематика не теряет актуальности, в частности, уже на протяжении двух десятилетий в Польше выходит серийное научное издание «*Galicja i jej dziedzictwo*», а с 2015 г. — междисциплинарный научный журнал (ежегодник) — «*Galicja. Studia i materiały*»²⁰.

Второй блок — труды историков, затрагивающие комплекс взаимосвязанных проблем, таких как «украинский вопрос» в политике Третьего рейха, отношения между СССР и польским эмигрантским правительством, деятельность подпольных партизанских и националистических организаций на территории польско-украинского

¹⁵ Chlebowczyk 1968: 17.

¹⁶ Hibel 2014: 1.

¹⁷ Как отметил П. Магочи, термин «Галиция» является «немного неточным». Обычно он ассоциируется с границами одноименной австрийской провинции (*Regnum Galiciae et Lodmeriae / Königreich Galizien und Lodomerien*), которая просуществовала до 1918 г., в то время как сама провинция сильно отличалась от исторической Галиции, восходившей к Галицкому княжеству. Его границы более или менее совпадали с границами позднейшего Русского воеводства (*Województwo ruskie*) Польского королевства, которое в XIX в. при австрийцах стали называть *Восточной Галицией* (Magocsi 2002: 3). В статье под терминами «польско-украинское пограничье» и «Восточная Галиция» понимаются территории на восток от р. Сан и на запад от р. Збруч.

¹⁸ См., например: Magocsi 2002; Hrytsak 2005; Himka 2006.

¹⁹ Лукашова (ред.) 2011; Петровская, Борисенко (ред.) 2011.

²⁰ См.: *Galicja. Studia i materiały*. Open access. URL: <https://www.galicja.ur.edu.pl/> (дата обращения: 15.06.2019).

пограничья, переселенческо-депортационные операции 1944–1947 гг. Нельзя сказать, что эти темы мало исследованы — написано большое количество статей и монографий, основанных на тщательной проработке архивных документов и воспоминаний непосредственных участников тех событий²¹. Существует ряд статей, которые, в свою очередь, обобщают разыскания историков относительно обозначенной проблематики²².

Что, где и с кем происходило: из истории одной семьи

Несмотря на то, что люди не перестают использовать этнические ярлыки, а ученые не перестают изучать этнические группы, идентичность плохо поддается исследованию в силу сложного сплетения этничности той или иной группы с «другими коллективными идентификациями и лояльностями»²³. Как уже упоминалось, наиболее значимый маркер границ идентичности — язык — не совсем «работает» для жителей польско-украинского пограничья в исследуемый период. Сложности возникают и с другой *диакритикой* — различиями по конфессиональной принадлежности. Исследователи отмечают, что основополагающим критерием этнической принадлежности было вероисповедание: поляк — это католик, а украинец — греко-католик²⁴. В то же время украинцы и поляки Галиции рассматривали и греко-католическую церковь, и католический костел как часть единой вселенской католической церкви²⁵. Греко-католики и католики могли посещать богослужение и там и там. В смешанных польско-украинских семьях детей, как правило, крестили в вере отца или матери согласно полу²⁶. Таким образом, по-

²¹ Torzecki 1972; Torzecki 1981; Hryciuk 1995; Мисило 1997; Сергійчук 1997; Drozd, Hałagida 1999; Miśło 2001; Hałagida 2003; Hryciuk 2005; Boeckh 2007; Носкова 2012; Мотыка 2014 и др.

²² См., напр.: Цепенда 2002; Ильюшин 2012.

²³ Тишков 2016: 7.

²⁴ Rieger 1996: 111; Dzięciel 2003: 48–49.

²⁵ Федевич 2005: 29.

²⁶ Такая традиция установилась в соответствии с декретом Конгрегации пропаганды веры, который был подписан католическими и греко-католическими епископами 19 июля 1863 г. во Львове, а позднее 6 октября того же года утвержден папой Пием IX (Kusy 2003: 82). Декрет регулировал спорные правовые вопросы между двумя церквями, а именно: о переходе из одной церкви в другую, о богослужебных практиках, таинствах, заключении браков и воспитания детей, взаимоотношениях католического и греко-католического духовенства.

лучалось, что в одной семье братья и сестры могли иметь разную этническую принадлежность. Тем не менее представляется, что динамика и взаимосвязь этих двух маркеров границ идентичности — языка и конфессии — все-таки позволит попытаться ухватить «символическую вселенную»²⁷ жителей польско-украинского пограничья.

В качестве объекта исследования выступает смешанная польско-украинская семья (три поколения), переселенная в ноябре 1945 г. из Польши (с. Старые Олешичи Любачувского района Жешувского воеводства) в СССР (хутор Хомы, Тернопольской области). Основным источником служат рукописные воспоминания одного из членов этой семьи — Степана Федоровича Лагно. В качестве дополнительных источников используются опубликованные архивные документы, а также устные интервью-воспоминания представителей младшего поколения (т.е. тех, кто родился уже после переселения из Польши): интервью с Дарьей Степановной Чупык (от 16.08.2018) и Романом Степановичем Лагно (от 05.10.2018) — дочерью и сыном С. Ф. Лагно соответственно. Беседы записывались на диктофон, затем выделялись ключевые слова и фиксировались интересные сюжеты. Вопросы анкеты в основном касались детских воспоминаний моих собеседников, сюжетов, связанных с родителями, бабушками и дедушками, а впоследствии уже задавались уточняющие вопросы²⁸. Привлечение устных интервью позволило уточнить определенные факты, которые упоминаются в письменном источнике, не упоминаются или же упоминаются только мимоходом.

Воспоминания С. Ф. Лагно (*«Спогади молодих літ»*) были написаны в 1980-е годы²⁹ на украинском языке³⁰. Рукопись состоит из двух небольших тетрадей. Воспоминания начинаются с того, что летом 1939 г. автор работал на Волыни у поляка-осадника³¹. После того как территория Западной Украины была занята Красной армией, он вернулся в родное село Порубы (Львовская обл. современной

²⁷ Выражение, которое использует М. Зовчак в статье, посвященной «неуловимости идентичности» поляков на Подолье: Zowczak 2003: 15.

²⁸ Методика проведения устных интервью взята у: Нитхаммер 2012.

²⁹ Дата окончания рукописи, которая указана на последней странице, — 8 февраля 1986 г.

³⁰ В тексте рукописи встречаются также и некоторые фразы, написанные по-польски, по-немецки и по-русски.

³¹ *Осадники* — участники польско-советской войны 1919–1920 гг., получавшие землю за военные заслуги.

Украины), где помогал брату по хозяйству. В мае-июне 1941 г. работал в Любачувском районе «на укреплении западной границы»³² СССР. После нападения Германии на Советский Союз, в октябре 1941 г., он был вынужден выехать на принудительные работы в Австрию. В деревнях Хётцельсдорф и Даллайн работал на австрийских крестьян. С сентября 1944 по март 1945 г. он вместе с другими оstarбайтерами из близлежащих деревень был отправлен рыть окопы на «венгерскую границу»³³. После окончания войны, в середине августа 1945 г., выехал в Польшу, а оттуда пешком пошел в свои родные места, ставшие с 16 августа 1945 г. территорией Советской Украины³⁴.

Степан Федорович Лагно родился в 1913 г. в селе Порубы, которое в межвоенный период было в составе Львовского воеводства II РП. Автор воспоминаний рано потерял родителей и с 14 лет вынужден был наниматься в сельскохозяйственные работники. В 1927 г. он окончил «на отлично» четырехклассную школу и мечтал продолжить учиться, в частности, в 1940 г. хотел поступить в педагогическое училище города Сокаль, однако в условиях военного времени это оказалось невозможным³⁵.

Степан Федорович всю жизнь тянулся к знаниям, очень любил читать, особенно его интересовала история Украины. В воспоминаниях он описал любопытный случай, как они с приятелем Семеном Качуряком заказывали в Вене книги. В 1942 г., будучи оstarбайтерами в Австрии, они убедились в том, что за те деньги, которые им платили их хозяева, ничего невозможно купить из-за карточной системы (оstarбайтерам карточки не выдавали). Тогда они решили потратить деньги на покупку книг. Семен и Степан написали в Украинское издательство письмо с просьбой прислать им сочинения Т. Шевченко, И. Франко, М. Коцюбинского, П. Мирного, С. Руданского, М. Старицкого, И. Котляревского³⁶. Через две недели из Вены пришел «целый

³² Лагно С. Ф. Спогади молодих літ. Зошит I. Л. 6.

³³ Лагно С. Ф. Спогади молодих літ. Зошит II. Л. 19 об.

³⁴ 16 августа 1945 г. СССР и Польская республика заключили договор о советско-польской государственной границе, которая хотя и по большей части соответствовала этническому принципу, однако к западу от нее оставались села и города с украинским населением, а к востоку — с польским.

³⁵ Лагно С. Ф. Спогади молодих літ. Зошит I. Л. 5.

³⁶ Лагно С. Ф. Спогади молодих літ. Зошит II. Л. 2

рюкзак книжек», однако заказчики были разочарованы: из списка прислали только лишь «Энеиду» Котляревского, а остальные книги — по гигиене, семейной жизни, сельскому хозяйству.

Степану Федоровичу легко давались языки. Он написал, что очень хорошо говорил по-польски, по-немецки стал понимать и изъясняться достаточно быстро, с русским языком, судя по тексту воспоминаний, тоже проблем не возникало. В селе Хётцельсдорф и близлежащих селах были работники не только из Польши и Советской Украины, но также из Франции и Бельгии, с которыми он общался по-немецки. После окончания войны С. Ф. Лагно два месяца проработал переводчиком на железнодорожной станции Хётцельсдорф, где переводил для немцев приказы советского лейтенанта с русского на немецкий.

Безусловно, в 1980-е годы Степан Федорович переосмысливал прожитое с высоты опыта. После войны он жил в Советской Украине, культурная и историческая политика которой оказывали на него влияние (например, клишированные фразы: «панская Польша», «немцы вероломно напали на Советский Союз»³⁷). Автор симпатизировал некоторым социалистическим идеям, но при этом негативно относился к колхозам. Он был скептичен к служителям культа и сильно набожным людям, высмеивал ограниченность обывателей:

В Галичині сільський народ був неграмотний, затурканий дуже релігійний від малого до старого всі до церкви ходили. Ксьондзи говорили що Сталін є Ісидхрист, комуністів боялись гірше чорта³⁸
(здесь и далее орфография и пунктуация автора сохранены. — А.Л.).

Информационный потенциал воспоминаний С. Ф. Лагно достаточно велик, текст представляет несомненный интерес не только для историков, но и для этнологов, антропологов, филологов. Автор очень подробно описал повседневную жизнь австрийских крестьян, постоянно сопоставляя с тем, как это было принято у него дома. Например, он сравнивал сельскохозяйственные орудия: цеп у австрийского крестьянина был очень тяжелым, неудобным, молотьяба таким орудием неимоверно изматывала, в то время как украинский цеп — легкий,

³⁷ Лагно С. Ф. Спогади молодих літ. Зошит І. Л. 3, 7.

³⁸ «В Галиции сельский народ был неграмотный, забитый, очень религиозный, от мала до велика все в церковь ходили. Священники говорили, что Сталин — это Антихрист, коммунистов боялись больше черта» (Лагно С. Ф. Спогади молодих літ. Зошит І. Л. 7).

и им можно было работать гораздо быстрее³⁹. Ему запомнились привычки питания австрийских крестьян:

В Австріяків був звичай їсти по пять разів на добу по трошка. Зимою о семій годині рано, кава і маленькі дві кромки хліба посмаровані маргариною. Друге снідання о десятій годині, дві кромки хліба посмаровані мармоладою і дві склянки мосту, то є яблочне вино. В обід дванадцятій годині різні супи на перше, на друге кнidelь, сницель і картоплі. Підвечірок о третій годині дві кромки хліба з мармоладою і склянку вина, о шостій годині вечера, знову різного рода суп, і так майже цілий рік однаково, но в неділі і свята дещо смачнійше⁴⁰.

В воспоминаниях присутствует и очень трогательный романтический сюжет, поскольку именно находясь на работах в Австрии С. Ф. Лагно встретил свою будущую жену — Анелю Михайловну Мозиль. После окончания войны он провожал ее домой к родителям в село Старые Олешичи Любачувского повета Львовского воеводства⁴¹. Она родилась в смешанной семье: «Анелі мама була Полька»⁴², а отец — украинец. По установленной традиции Анеля Михайловна была, как и ее мать, крещена в католическую веру. Анеля Михайловна была самой младшей в семье (1915 г. р.), родители отдали ее в монастырь во Львове с тем, чтобы она посвятила свою жизнь Богу и тем самым, по их мнению, была бы свободна от тяжелой физической работы и семейных забот: «[З]а тим замужем щастя нема тільки незгода, клопіт, ціле життя тяжко працюєш і нічо не маєш»⁴³. Однако после того как Львов был занят Красной армией, монастырь разогнали и несостоявшаяся монахиня вернулась к родителям, а после нападения Германии на Советский Союз выехала на работы в Австрию.

³⁹ Лагно С. Ф. Спогади молодих літ. Зошит І. Л. 13–13 об.

⁴⁰ «У австрийцев было принято есть пять раз в день понемногу. Зимой в семь утра кофе и два маленьких кусочка хлеба, намазанных маргарином. Второй завтрак в десять часов, два маленьких кусочка хлеба, намазанных мармеладом и два стакана моста, это яблочное вино. В обед в двенадцать часов разные супы на первое, на второе кнidelь, сницель и картофель. Полдник в три часа два кусочка хлеба с мармеладом и стакан вина, в шесть часов вечера опять разного рода суп, и так почти весь год одинаково, но по воскресеньям и праздником кое-что более вкусное» (Лагно С. Ф. Спогади молодих літ. Зошит І. Л. 13).

⁴¹ Согласно административному делению II РП до изменений, проведенных в период с 1944 по 1949 гг.

⁴² Лагно С. Ф. Спогади молодих літ. Зошит II. Л. 31.

⁴³ «[В] замужестве счастья нет, лишь раздоры, хлопоты, всю жизнь тяжело работаешь и ничего не имеешь» (Лагно С. Ф. Спогади молодих літ. Зошит II. Л. 31).

19 ноября 1945 г. А. М. Мозиль вместе со всей семьей была эвакуирована⁴⁴ в УССР на хутор Хомы⁴⁵. Село Старые Олешичи, где они проживали до переселения, находилось в 5 км от административного центра повята — города Любачува, а ближайшая железнодорожная станция (Олешичи) — приблизительно на расстоянии 3 км. До войны в этом селе проживали почти 3 тыс. жителей, из которых более половины составляли греко-католики, то есть украинцы⁴⁶. Их переселение из Любачувского повята завершилось 25 ноября 1945 г., а в ночь с 4 на 5 марта 1946 г. все дома, оставленные украинцами в Старых Олешичах, были сожжены «украинскими бандами»⁴⁷. На Хомах⁴⁸, куда переселили семью Мозиль, в межвоенный период скупали земли богатые поляки из соседних сел Малашевцы и Обарынцы. После 17 сентября 1939 г. они, как кулаки, были депортированы в Сибирь. Хомы находились в 20 км от г. Тернополя, ближайшая железнодорожная станция (Великий Глубичек) тоже находилась приблизительно в 20 км.

Кому, почему и как приходилось притворяться: значимые «другие»

В воспоминаниях С. Ф. Лагно оценивал людей не через призму этнической принадлежности, а в первую очередь по их моральным качествам, например: «хоч німка але була добра людина»⁴⁹. Австрийцы в целом — это «работающие люди», «порядочные», есть скупые,

⁴⁴ Обмен населением между Польшей и Украиной начался еще до завершения войны и до заключения договора о советско-польской границе. 9 сентября 1944 г. Н. С. Хрущев как председатель СНК УССР подписал в Люблине с председателем ПКНО Э. Осубой-Моравским соответствующее соглашение. См.: Угода між Урядом Української Радянської Соціалістичної Республіки і Польським Комітетом Національного визволення про евакуацію українського населення з території Польщі і польських громадян з території УРСР // База даних «Законодавство України». URL: https://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/616_065 (дата обращения: 15.06.2019). В общей сложности с 1944 г. по 1946 г. территорию УССР покинули свыше 780 тыс. поляков, а территорию Польши — более 480 тыс. украинцев (Мисило 1997: 18).

⁴⁵ Ныне это село Хомивка Зборовского района Тернопольской области.

⁴⁶ Кубійович 1983: 46.

⁴⁷ 5 марта 1946 г. Любачув. Донесение А. Беднажа (староста)... // *Przesiedlenia Polaków i Ukraińców 1944–1946*. Т. 2. Warszawa; Kijów: s. t., 2000. S. 731.

⁴⁸ С 1960 г. это село называется Хомивка.

⁴⁹ «Хоть и немка, но была хорошим человеком» (Лагно С. Ф. Спогади молодих літ. Зошит II. Л. 14).

есть щедрые, с ними можно договориться. Однозначно опасными, негативными «другими» для автора были гестаповцы — суровые, жестокие, грозящие за любую провинность отправить в концлагерь. Автор описал только два сюжета встречи именно с гестаповцами: показательная карательная операция в 1942 г. и работы на «венгерской границе» осенью 1944 — весной 1945 г.⁵⁰

Поляки выведены в воспоминаниях в разных ипостасях. Например, к поляку-осаднику, на которого четыре месяца работал С. Ф. Лагно, негативного отношения нет, даже невзирая на то, что тот очень долго не мог заплатить за работу, пришлось даже вести судебную тяжбу, но в конце концов проблема была решена любовно. Не связаны никакие негативные коннотации и с поляками, которые были в Австрии остарбайтерами. Опасными «другими» поляки стали после возвращения автора из Австрии в Польшу. «Польские полицаи» постоянно останавливали С. Ф. Лагно и А. М. Мозиль, грозились забрать их в тюрьму или просто ограбить. Автор воспоминаний вскоре разработал собственный способ взаимодействия с поляками: идти смело, не оглядываясь, говорить по-польски громко, вести себя независимо, а главное, не иметь с собой вещей («и руки не болят, и проблем нет»⁵¹). Если же их все-таки останавливали «польские полицаи», то А. М. Мозиль показывала свою выписку из метрической книги, которая свидетельствовала, что она католичка и соответственно полька, а документы С. Ф. Лагно прятали, утверждая, что их украли. Однако иногда этого было недостаточно, описан один случай, когда поляки потребовали у него произнести молитву на польском языке:

Оден поліційнт каже як пан поляк, то нех сем пан по Польско помуд-
лі як matka учила, я полмоливсь бо я умів він каже пшепрашам, так
пан ест Поляк но попадаја Ukraińcy my jich zabieramy⁵².

Данный пример подтверждает уже не раз звучавший тезис, что одним из источников польской идентификации была в первую

⁵⁰ *Лагно С. Ф.* Спогади молодих літ. Зошит II. Л. 206–3; 20–23 об.

⁵¹ Там же. Л. 36.

⁵² «Один полицейский говорит: “Если вы поляк, тогда помолитесь по-польски как мать учила”. Я помолился, потому что я умел. Он говорит: “Прошу прощения, так вы поляк, но попадаются украинцы, мы их забираем”» (*Лагно С. Ф.* Спогади молодих літ. Зошит II. Л. 28об).

очередь религиозная традиция, а ее сущностью был язык молитвы⁵³. С. Ф. Лагно описал и другие своего рода уловки, которые помогли ему на территории Польши. Например, на одной из железнодорожных станций, когда к нему и А. М. Мозиль побежали польские полицейские с явно недобрыми намерениями, они стали громко ругаться между собой по-польски: «Полїцаї почули що ми так гарно по Польско сваримось тай вернулись, а то булиб нас зрабували»⁵⁴.

Из воспоминаний складывается впечатление, что С. Ф. Лагно идентифицировал себя как украинец, а А. М. Мозиль — как поляка.

З Анелею познайомивсь Чех дав Анелї яблук, питався вісте Полька чи Українка, Анеля каже Полька. На полі пасся кінь Чех питає що то сем пасе, Анеля каже кінь, Чех каже висте Українка, по Польску конь⁵⁵.

Благодаря привлечению устных интервью-воспоминаний этот вопрос стало возможно уточнить:

- Ваша мама была католичкой?
- Да, в паспорте было написано, что поляка <...>, и как делали маме паспорт в 1970-х гг. тоже написали, что поляка.
- Она сама себя считала полькой или украинкой?
- Считала себя украинкой. Никогда не говорила, что поляка⁵⁶.

Еще один важный маркер границ идентичности — территория, как утраченная («своя?»), так и приобретенная («чужая?»): «пространство — значимый фактор, в немалой степени определяющий идентичность отдельного человека и социума в целом»⁵⁷. И. Е. Адельгейм в книге, посвященной польской прозе 1990–2010-х годов, в первой главе проанализировала травматические воспоминания детей польских переселенцев, послевоенное детство которых «разыгрывается в сдвинутом с места пространстве»⁵⁸. Дети вслед за родителями

⁵³ См., напр.: Zowczak 2003: 15.

⁵⁴ «Полицейские услышали, что мы так хорошо по-польски ругаемся и вернулись, иначе бы нас ограбили» (*Лагно С. Ф. Спогади молодих літ. Зошит II. Л. 30*).

⁵⁵ «С Анелей познакомился чех, дал Анеле яблук, спрашивал: “Вы украинка или поляка?” Анеля говорит: “Полька”. На поле пасся конь, чех спрашивает: “А что там пасется?” Анеля говорит: “Кінь”. Чех говорит: “Вы украинка, по-польски конь”.» (*Лагно С. Ф. Спогади молодих літ. Зошит II. Л. 27 об.*).

⁵⁶ Интервью с Д. С. Чупык 1952 г.р., г. Тернополь, Украина. Зап. 16.08.2018.

⁵⁷ Адельгейм 2018: 29.

⁵⁸ Адельгейм 2018: 14.

испытывали «двойную трагедию изгнания и искоренения»⁵⁹, равно как и ностальгию отцов и матерей после утраты родины. Она пишет, что сознание этих детей поражали доставшиеся чужие дома, в которых они теперь жили, вещи, которыми они пользовались. Все это располагало их к рефлексии над судьбами бывших жителей этих территорий и над судьбами предков, оставшихся по ту сторону границы. Адельгейм пришла к выводу, что идентичность репатрированного общества размыта. Однако фиксация своих переживаний и переживаний своих родителей на бумаге, художественное их осмысление очень сильно влияет на формирование идентичности репатрированного польского населения⁶⁰.

Конечно, нельзя сравнивать художественный текст и мемуары, особенно интервью-воспоминания. Тем не менее на основании тех источников, которые используются в статье, можно отметить, что дети украинских репатриантов скорее жили будущим, нежели прошлым, их детство не было подчинено родительским воспоминаниям. Безусловно, для украинских репатриантов переселение тоже было травмой, их дети вспоминали, что у родителей присутствовала обида на Польшу за переселения, за то, что она выгнала их с родных земель⁶¹. Однако для детей эта частная родина отцов и матерей, могилы предков, села и дома по ту сторону границы, навсегда остались в прошлом. В то время как для поляков Восточные Кресы превратились в ностальгический, идеализированный миф, «утраченную Аркадию»⁶². Объяснение причин таких отличий — это отдельная и очень интересная тема, которая требует привлечения более широкого круга источников и написания отдельной работы.

* * *

Пожалуй, уже невозможно точно воссоздать процесс динамики идентичности и тех факторов, которые оказали наибольшее влияние на ее изменение. На примере мемуаров С. Ф. Лагно «*Спогади моєх діт*» и интервью-воспоминаний его детей можно проследить

⁵⁹ Адельгейм проиллюстрировала это тягостное чувство строкой немецкого поэта Хорста Бинека (1930–1990), который родился в Силезии: «[А] потом пришли нас выгонять те, кого тоже выгнали, из Львова» (Адельгейм 2018: 32).

⁶⁰ Адельгейм 2018: 88.

⁶¹ Интервью с Р. С. Лагно 1951 г. р., г. Москва, Россия. Зап. 05.10.2018.

⁶² Zowczak 2003: 9.

взаимосвязь использования языка и конфессиональной принадлежности. Исследователи отмечают, что идентичность плохо поддается исследованию, и на примере источников, использованных в статье, можно увидеть ее двойственность, «размытость», ситуативность. Безусловно, чтобы сделать выводы относительно динамики идентичности жителей польско-украинского пограничья в середине 1940-х годов, необходимо привлечь и другие воспоминания репатриантов и оstarбайтеров. Вместе с тем предложенная модель исследования помогает собрать, обобщить, классифицировать и проанализировать подобные письменные и устные исторические источники.

Список сокращений

- II РП — Вторая Речь Посполитая (официальное название польского государства, которое существовало в период между двумя мировыми войнами)
ПКНО — Польский комитет национального освобождения
ПНР — Польская Народная Республика
СНК — Совет Народных Комиссаров
УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика

Литература

- Адельгейм 2018 — *Адельгейм И.Е.* Психология поэтики: аутопсихотерапевтические функции художественного текста (на материале польской прозы 1990–2010-х гг.) / отв. ред. Н. Н. Старикова. М.: Индрик, 2018. 646 с.
- Андерсон 2001 — *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. 288 с.
- Барт (ред.) 2006 — Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта. М.: Новое издательство, 2006. 200 с.
- Бромлей 1981 — *Бромлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981. 390 с.
- Бромлей 1983 — *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
- Елаева 2000 — *Елаева И.Э.* Теоретические подходы к изучению этнической идентичности в отечественной науке // Этнологические исследования. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. Вып. 1. С. 28–66.
- Ильюшин 2012 — *Ильюшин И.* Переселенческо-депортационные акции 1944–1947 гг. на украинско-польском пограничье: дискуссионные вопросы в новейшей украинской историографии // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2012. № 4 (1). С. 83–91.

- Кубійович 1983 — *Кубійович В.* Етнічні групи південнозахідної України (Галичини) на 1.1.1939. Висбаден: Harrassowitz, 1983. 175 с.
- Лукашова (ред.) 2011 — Этнокультурная идентичность народов Украины, Белоруссии и Польши: Механизмы формирования и способы проявления / под ред. С. С. Лукашовой. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. 428 с.
- Малинова 2009 — *Малинова О. Ю.* Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллективной идентичности. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 189 с.
- Місило 1997 — *Місило Є.* Передмова // Акція «Вісла». Документи / Впор. і ред. Є. Місила. Львів; Нью-Йорк: Наукове товариство ім. Шевченка у Львові, 1997. С. 7–36.
- Мотыка 2014 — *Мотыка Г.* От волинской резни до операции «Висла». Польско-украинский конфликт: 1943–1947. М.: РОССПЭН, 2014. 336 с.
- Нитхаммер 2012 — *Нитхаммер Л.* Вопросы к немецкой памяти: Статьи по устной истории. М.: Новое издательство, 2012. 536 с.
- Нойманн 2004 — *Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
- Носкова 2012 — *Носкова А. Ф.* К истории репатриации из СССР граждан II Республики (1945–1946 гг.) // Миграционные последствия Второй Мировой войны: этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы / отв. ред. Н. Н. Аблажей, А. Блюм. Новосибирск: Наука, 2012. Вып. 1. С. 73–85.
- Орлова 2010 — *Орлова Э. А.* Концепции идентичности / идентификации в социально-научном знании // Вопросы социальной теории. 2010. № 1 (4). С. 87–111.
- Петровская, Борисенко (ред.) 2011 — Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы / под ред. О. В. Петровской, Е. Ю. Борисенко. СПб.: Алетей, 2011. 424 с.
- Поршнев 1979 — *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. 2-е изд. доп. и исп. М.: Наука, 1979. 232 с.
- Сергійчук 1997 — *Сергійчук В.* Трагедія українців Польщі. Тернопіль: Книжково-журнальне видавництво «Тернопіль», 1997. 440 с.
- Тишков 2016 — *Тишков В. А.* От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 5–22.
- Федевич 2005 — *Федевич К. К.* Интеграция галицийских украинцев в польское государство в 1920–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 190 с. (рукопись).
- Хлебовчик 1981 — *Хлебовчик Ю.* Роль и функции двуязычия в процессе образования наций // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты / под ред. И. С. Миллера, В. И. Фрейдзона. М.: Наука, 1981. С. 102–121.

- Цепенда 2002 — *Цепенда І.Е.* Операція «Вісла» в польській історіографії // Український історичний журнал. 2002. № 3. С. 84–93.
- Boeckh 2007 — *Boeckh K.* Stalinismus in der Ukraine: die Rekonstruktion des sowjetischen Systems nach dem Zweiten Weltkrieg. Wiesbaden: Harrassowitz, 2007. 605 s.
- Chlebowczyk 1968 — *Chlebowczyk J.* Kształtowanie się świadomości społecznej i narodowej na pograniczu językowym (w warunkach środkowoeuropejskich) // Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968. T. IV. S. 5–42.
- Chlebowczyk 1976 — *Chlebowczyk J.* Splot więzi wyznaniowej i narodowej w procesach narodotwórczych we wschodniej Europie Środkowej // Między feudalizmem a kapitalizmem. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1976. S. 181–193.
- Drozd, Hałagida 1999 — *Drozd R., Hałagida I.* Ukraińcy w Polsce 1944–1989 Walka o tożsamość (Dokumenty i materiały). Warszawa: Burchard Edition, 1999. 303 s.
- Dzięgiel 2003 — *Dzięgiel E.* Polszczyzna na Ukrainie. Sytuacja językowa w wybranych wsiach chłopskich i szlacheckich. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Semper, 2003. 187 s.
- Hałagida 2003 — *Hałagida I.* Ukraińcy na zachodnich i północnych ziemiach Polski, 1947–1957. Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2003. 259 s.
- Hibel 2014 — *Hibel K.* «Wojna na mapy», «wojna na słowa». Onomastyczne i międzykulturowe aspekty polityki językowej II Rzeczypospolitej w stosunku do mniejszości ukraińskiej w Galicji Wschodniej w okresie międzywojennym. Wien; Berlin: LIT Verlag, 2014. 325 s.
- Himka 2006 — *Himka J.-P.* The basic historical identity formations in Ukraine: a typology // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 28. № 1–4. P. 483–500.
- Hrytsak 2005 — *Hrytsak Y.* Historical memory and regional identity among Galicia's Ukrainians // Galicia. A multicultural land / eds. C. Hann, P. R. Magocsi. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2005. P. 185–209.
- Hryciuk 1995 — *Hryciuk G.* Polacy na Ukrainie // Wrocławskie studia z historii najnowszej / pod red. W. Wrzesińskiego. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1995. S. 407–429.
- Hryciuk 2003 — *Hryciuk G.* Struktura narodowa Galicji Wschodniej (Wschodniej części Woj. Lwowskiego, Woj. Stanisławowskiego i Tarnopolskiego) w 1931 r. // Беларуска-польскія архіваліі: стан і перспектывы: (Матэрыялы Другой беларуска-польскай канферэнцыі архівістаў, 10–11 кастрычніка 2001 года). Мінск: НА РБ, 2003. S. 115–135.
- Hryciuk 2005 — *Hryciuk G.* Przemiany narodowościowe i ludnościowe w Galicji Wschodniej i na Wołyniu w latach 1931–1948. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2005. 424 s.

- Kusy 2003 — *Kusy J.* «Toje swiatkuje, toje kopaje...» Katolicy i prawosławni w kontaktach sąsiedzkich i rodzinnych // Podole i Wolyn: Szkice etnograficzne / pod red. Ł. Smyrskiego, M. Zowczak. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2003. S. 76–92.
- Magocsi 2002 — *Magocsi P.R.* The roots of Ukrainian nationalism: Galicia as Ukraine's Piedmont. Toronto: University of Toronto Press, 2002. 214 p.
- Misilo 2001 — *Misilo E.* Kwestia ukraińska w polityce państwa polskiego w latach 1944–1947. Akcja «Wisła» na drodze Polski i Ukrainy ku porozumieniu // Україна і Польща — стратегічне партнерство на зламі тисячоліть: Історія. Сьогодення. Майбутня перспектива. Київ: Твім інтер, 2001. Ч. 1: Шлях України та Польщі до порозуміння. С. 334–346.
- Rieger 1996 — *Rieger J.* Identyfikacja narodowa i religijna Polaków na Ukrainie / red. J. Lewandowski. Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 1996. S. 110–130.
- Torzecki 1972 — *Torzecki R.* Kwestia ukraińska w polityce III Rzeszy (1933–1945). Warszawa: Książka i wiedza, 1972. 378 s.
- Torzecki 1981 — *Torzecki R.* Kontakty polsko-ukraińskie na tle problemu ukraińskiego w polityce polskiego rządu emigracyjnego i podziemia (1939–1944) // Dzieje najnowsze. 1981. № 1–2. S. 324–327.
- Zowczak 2003 — *Zowczak M.* O długim trwaniu Polaków na Podolu. Imponderabilia tożsamości // Podole i Wolyn: Szkice etnograficzne / pod red. Ł. Smyrskiego, M. Zowczak. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2003. S. 9–76.

References

- Adelgeim, I.E., 2018. *Psikhologiiia poetiki: autopsikhoterapevticheskie funktsii khudozhestvennogo teksta (na materiale pol'skoi prozy 1990–2010-kh gg.)* [The psychology of poetics: autopsychotherapeutic functions of a literary text (based on Polish prose from the 1990s–2010s)]. Starikova, N.N., ed. Moscow: Indrik, 646 p.
- Anderson, B., 2001. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma* [Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism]. Moscow: “KANON-press-C”; “Kuchkovo pole”, 288 p.
- Barth, F., ed., 2006. *Etnicheskie grupy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naia organizatsiia kul'turykh razlichii* [Ethnic groups and boundaries. The social organization of culture difference]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 200 p.
- Boeckh, K., 2007. *Stalinismus in der Ukraine: die Rekonstruktion des sowjetischen Systems nach dem Zweiten Weltkrieg*. Wiesbaden: Harrassowitz, 605 p.
- Bromlej, Ju. V., 1981. *Sovremennye problemy etnografii* [Modern problems of ethnography]. Moscow: Nauka, 390 p.
- Bromlej, Ju. V., 1983. *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the theory of ethnos]. Moscow: Nauka, 412 p.

- Cependa, I. E., 2002. Operacija "Visla" v pol's'kij istoriografii [Operation «Vistula» in Polish historiography]. *Ukrains'kij istorichnij zhurnal* [Ukrainian Historical Journal], 3, pp. 84–93.
- Chlebowczyk, J., 1968. Kształtowanie się świadomości społecznej i narodowej na pograniczu językowym (w warunkach środkowoeuropejskich). In: *Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej*, IV. Wrocław; Warszawa; Kraków, pp. 5–42.
- Chlebowczyk, J., 1976. Splot więzi wyznaniowej i narodowej w procesach narodotwórczych we wschodniej Europie Środkowej. In: *Między feudalizmem a kapitalizmem*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, pp. 181–193.
- Chlebowczyk, J., 1981. Rol' i funktsii dvuiazychiia v protsesse obrazovaniia natsii [The role and functions of bilingualism in the process of nation-formation]. In: Miller, I. S., Frejdzon, V. I., eds. *Formirovanie natsii v Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evrope. Istoricheskii i istoriko-kul'turnyi aspekty* [Nation-formation in Central and South-Eastern Europe. Historical and historical-cultural aspects]. Moscow: Nauka, pp. 102–121.
- Drozd, R., Hałagida, I., 1999. *Ukraińcy w Polsce 1944–1989 Walka o tożsamość (Dokumenty i materiały)*. Warszawa: Burchard Edition, 303 p.
- Dzięgiel, E., 2003. *Polszczyzna na Ukrainie. Sytuacja językowa w wybranych wsiach chłopskich i szlacheckich*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Semper, 187 p.
- Elaeva, I. Je., 2000. Teoretycheskie podkhody k izucheniiu etnicheskoj identichnosti v otechestvennoi nauke [Theoretical approaches to studying ethnic identity in domestic science]. In: *Etnologicheskie issledovaniia*, 1. Ulan-Udje: Izd-vo BNC SO RAN, pp. 28–66.
- Fedevich, K. K., 2005. *Integraciia galitsiiskikh ukraincev v pol'skoe gosudarstvo v 1920–1930-e gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Integration of Galician Ukrainians into the Polish state in the 1920s and 1930s. PhD thesis]. Moscow, 190 p. (manuscript).
- Hałagida, I., 2003. *Ukraińcy na zachodnich i północnych ziemiach Polski, 1947–1957*. Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 259 p.
- Hibel, K., 2014. "Wojna na mapy", "wojna na słowa". Onomastyczne i międzykulturowe aspekty polityki językowej II Rzeczypospolitej w stosunku do mniejszości ukraińskiej w Galicji Wschodniej w okresie międzywojennym. Wien; Berlin: LIT Verlag, 325 p.
- Himka, J.-P., 2006. The basic historical identity formations in Ukraine: a typology. *Harvard Ukrainian Studies*, 28, pp. 483–500.
- Hryciuk, G., 1995. Polacy na Ukrainie. In: Wrzesiński, W., ed. *Wrocławskie studia z historii najnowszej*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, pp. 407–429.
- Hryciuk, G., 2003. Struktura narodowa Galicji Wschodniej (Wschodniej części Woj. Lwowskiego, Woj. Stanisławowskiego i Tarnopolskiego) w 1931 r. In: *Belarуска-pol'skija arhivalii: stan i perspektyvy: (Matjeryjaly Drugoj belarуска-pol'skaj kanferencyi arhivistau, 10–11 kastychnika 2001 goda)*. Minsk: NA RB, pp. 115–135.

- Hryciuk, G., 2005. *Przemiany narodowościowe i ludnościowe w Galicji Wschodniej i na Wołyniu w latach 1931–1948*. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 424 p.
- Hrytsak, Y., 2005. Historical memory and regional identity among Galicia's Ukrainians. In: Hann, C., Magosci, P. R., eds. *Galicia. A Multicultured Land*. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, pp. 185–209.
- Iljushin, I., 2012. Pereselenchesko-deportatsionnye aktsii 1944–1947 gg. na ukraïnsko-pol'skom pogranich'e: diskussionnye voprosy v noveishei ukraïnskoi istoriografii [Movement and deportation actions 1944–1947 at Ukrainian-Polish borderland: discussion issues in the contemporary ukrainian historiography]. *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeiskikh istoricheskikh issledovanii* [Journal of the Russian and East European historical studies], 4 (1), pp. 83–91.
- Kubijovich, V., 1983. *Etnichni hrupy pivdennozakhidnoï Ukraïny (Halychyny) na 1.1.1939* [Ethnic groups of Southwestern Ukraine on 1 January 1939]. Visbaden: Harrassowitz, 175 p.
- Kusy, J., 2003. “Toje swiatkuje, toje kopaje...” Katolicy i prawosławni w kontaktach sąsiedzkich i rodzinnych. In: Smyrski, Ł., Zowczak, M., eds. *Podole i Wołyn: Szkice etnograficzne*. Warszawa: Wydawnictwo DiG, pp. 76–92.
- Lukashova, S. S., ed., 2011. *Etnokul'turnaia identichnost' narodov Ukraïny, Belorusii i Pol'shi: Mekhanizmy formirovaniia i sposoby proiavlenniia* [Ethno-cultural identity of the peoples of Ukraine, Belorussia and Poland. Formation mechanisms and manifestations]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 428 p.
- Magosci, P. R., 2002. *The roots of Ukrainian nationalism: Galicia as Ukraine's Piedmont*. Toronto: University of Toronto Press, 214 p.
- Malinova, O. Ju., 2009. *Rossiiia i “Zapad” v 20 veke: transformatsiia diskursa o kollektivnoi identichnosti*. [Russia and “the West” in the twentieth century: transformation of the collective identity discourse]. Moscow: ROSSPEN, 189 p.
- Misilo, E., 1997. Peredmovia [Introduction]. In: Misilo, E., ed. *Akcija “Visla”. Dokumenty* [1997. Operation “Vistula”. Documents]. L'viv, N'ju-Jork: Naukove tovaristvo im. Shevchenka u L'vovi, pp. 7–36.
- Misilo, E., 2001. Kwestia ukraïnska w polityce państwa polskiego w latach 1944–1947. Akcja “Wisła” na drodze Polski i Ukraïny ku porozumieniu. In: *Ukraïna i Pol'sha — strategichne partnerstvo na zlami tisjacholit': Istorija. S'ogodennja. Majbutnja perspektiva* [Ukraine and Poland — millennium strategical partnership: History. Nowadays. Future perspective], 1: Shljah Ukraïni ta Pol'shi do porozuminnja. Kiïv: Tvim inter, pp. 334–346.
- Motyka, G., 2014. *Ot volynskoi rezni do operatsii “Visla”. Pol'sko-ukraïnskii konflikt: 1943–1947*. [From Volhynian slaughter to the “Vistula” Operation. Polish-Ukrainian conflict: 1943–1947]. Moscow: ROSSPEN, 336 p.
- Niethammer, L., 2012. *Voprosy k nemetskoi pamiaty: Stat'i po ustnoi istorii* [Questions to German memory: Oral history articles]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 536 p.

- Neumann, I., 2004. *Ispol'zovanie "Drugogo": Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskikh identichnostei* [Uses of the Other. «The East» in the European identity formation]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 336 p.
- Noskova, A. F., 2012. K istorii repatriatsii iz SSSR grazhdan II Respubliki (1945–1946 gg.) [To the history of repatriation of citizens of the Polish Republic II from USSR (1945–1946)]. In: Ablazhej, N. N., Bljum, A., eds. *Migratsionnye posledstviia Vtoroj Mirovoj voiny: etnicheskie deportatsii v SSSR i stranakh Vostochnoi Evropy* [Migratory consequences of the Second World War: ethnical deportations in the USSR and countries of Eastern Europe], 1. Novosibirsk: Nauka, pp. 73–85.
- Orlova, Je. A., 2010. Kontseptsii identichnosti / identifikatsii v social'no-nauchnom znanii [Identity / identification concepts in social-science knowledge]. *Voprosy social'noj teorii* [Journal of Social Theory], 1 (4), pp. 87–111.
- Petrovskaja, O. V., Borisenok, E. Ju., eds., 2011. Zapadnaia Belorussiia i Zapadnaia Ukraina v 1939–1941 gg.: liudi, sobytia, dokumenty [Western Belorussia and Western Ukraine in 1939–1941: people, events, documents]. Saint Petersburg: Aleteiia, 424 p.
- Porshnev, B. F., 1979. *Social'naia psikhologiiia i istoriia* [Social psychology and history]. Second edition. Moscow: Nauka, 232 p.
- Rieger, J., 1996. Identyfikacja narodowa i religijna Polaków na Ukrainie. In: Lewandowski, J., ed. *Trudna tożsamość. Problemy narodowościowe i religijne w Europie Środkowo-Wschodniej w XIX i XX wieku. Materiały z międzynarodowej konferencji Samoidentyfikacja narodowa i religijna a sprawa mniejszości narodowych i religijnych w Europie Środkowo-Wschodniej. Lublin 19–21 października 1993*. Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 1996. S. 110–130.
- Sergijchuk, V., 1997. *Tragedija ukraïnciv Pol'shhi* [Tragedy of Polish Ukrainians]. Ternopil': Knizhkovozhurnal'ne vidavnytstvo «Ternopil'», 440 p.
- Tishkov, V. A., 2016. Ot etnosa k etnichnosti i posle. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 5, pp. 5–22.
- Torzecki, R., 1972. *Kwestia ukraińska w polityce III Rzeszy (1933–1945)*. Warszawa: Książka i wiedza, 378 p.
- Torzecki, R., 1981. Kontakty polsko-ukraińskie na tle problemu ukraińskiego w polityce polskiego rządu emigracyjnego i podziemia (1939–1944). *Dzieje najnowsze*, 1–2, pp. 324–327.
- Zowczak, M., 2003. O długim trwaniu Polaków na Podolu. Imponderabilia tożsamości. In: Smyrski L., Zowczak M., eds. *Podole i Wolyn: Szkice etnograficzne*. Warszawa: Wydawnictwo DiG, pp. 9–76.

Anna R. Lagno

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Science, Moscow, Russia. 119334, Leninsky Prospekt, 32A; Senior Lecturer, Department of International Organizations and Global Governance, Faculty of Public Administration, Moscow Lomonosov State University, Moscow, Russia. 119991, Lomonosovsky Prospekt, 27/4. E-mail: Lagno@spa.msu.ru

Who, what, to whom and on what language speaks? Polish-Ukrainian borderland in the 1940s: from the history of a family

Polish-Ukrainian borderland is commonly associated with Austrian Eastern Galicia. The river San marked the western border, and the river Zbruch marked the eastern one. It was multiethnic and multicultural land. At the beginning of the twentieth century Eastern Galicia acquired an exceptional symbolic meaning, becoming the place of collision of two state projects — Polish and Ukrainian. The complex relationship between Ukrainians and Poles was escalated by the Second World War. The problem of national minorities was to be solved by resettlement, that took place from 1944 to 1946. So during and after World War II, this region lost their traditional multiethnic character. Poles, Jews, and smaller numbers of Germans were replaced by Ukrainians from those territories that became part of the new Polish state. From this period Eastern Galicia became the part of the Ukrainian Soviet Republic. This article centers on the question of what were the essential features that delimit the identity of Poles and Ukrainians in the mid-1940s? For answering on this question, I have chosen unpublished memoirs of a man who was born in 1913 in Austrian Galicia, lived in Lviv voivodeship of the Second Polish Republic and died in Soviet Ukraine; I also use oral conversations with his children. Methodologically this paper is based on the work of Frederick Barth and Iver Neumann, who concluded that the most effective way of studying identity is to investigate the significant markers of identity that delimit the culture of this group from the culture of the «Other». Thus, it has been noted by many authors, identity is a very complex subject, that is difficult to study. The historical sources used in this article, shows that identity of the Polish-Ukrainian borderland population is ambivalent, blurred. The most significant marker of ethnic identity — language — does not «work» for the population of the Polish-Ukrainian borderland due to the widespread bilingualism. Difficulties arise with another markers — differences in denomination affiliation and the territory.

Keywords: identity, Polish-Ukrainian borderland, Galicia, Ukrainian language, Polish language, *Ostarbeiters*, World War Two

Анна Аркадьевна Плотникова

Доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ле-
нинский проспект 32а. E-mail: annaplotn@mail.ru

Календарные обходы у градищанских хорватов Венгрии: архаика и ее воспроизведение

В статье рассматриваются календарные обходы у градищанских хорватов юго-западной Венгрии в окрестностях Сомбатхея на материале полевых этнолингвистических исследований, проведенных в 2019 г. Особое внимание уделено процессам взаимодействия и взаимовлияния хорватской и венгерской сосуществующих языковых, фольклорных и этнографических традиций. Показана роль используемого языка фольклора, который в ряде случаев воспроизводится при воссоздании рождественского обрядового обхода. В центре внимания исследователя оказывается история возрождения рождественского обхода *pastiri* в селе Нарда и окружающих его селах — Горни Четар и Хорватские Шице. Реконструкция элементов данного рождественского обхода показала, что обрядовые лица, посещающие дома в селе как «пастухи», выступают в роли «чудесных гостей»: соединяя сферы «своего» и «чужого», они становятся объектом сакрализации и почитания как представители некоего иного мира, одаривание которых в свою очередь несет благосостояние, успех и удачу хозяевам. В настоящее время данный архаический аспект обхода сохраняется как символ, знак, характерная особенность самого зимнего обряда-представления (*pastirska igra*). Характерными являются маски, изображающие персонажей библейской истории (*pastiri, andjeli*), что вписывается в широкий контекст поздней славянской традиции. Более древнее значение обхода отражено в атрибутике обряда и мотивах песен. На примере рождественского обхода «пастухов» показана языковая и фольклорная полигlossия, характерная для данного региона, где градищанские хорваты проживают в иноязычном и инокультурном окружении.

Ключевые слова: народный календарь, этнолингвистика, фольклор, традиционная народная культура, архаические ареалы, градищанскохорватский язык, венгерское влияние

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01373) «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования». Экспедиции проводились А.А. Плотниковой совместно с Д. Ю. Ващенко.

За последнее время учеными Института славяноведения РАН было предпринято три этнолингвистические экспедиции в градищанскохорватские регионы, находящиеся на австро-венгерском пограничье¹. Первое полевое обследование региона состоялось в 2017 г. и охватывало села в окрестностях г. Шопрон (Унда, Хорватский Жидан, Присика и Плайгор)², так называемое Среднее Градище, если условно делить Бургенланд (Градище) на три части: Северное, Среднее и Южное. В 2018 г. полевая работа проводилась в Южной Словакии, в селах Яровце и Чуново (север Градища), бывших в составе Венгрии до конца Второй мировой войны и присоединенных к Словакии после нее, а в настоящее время входящих в административные границы Братиславы³. В 2019 г. удалось осуществить полевое этнолингвистическое изучение градищанскохорватских сел, условно относимых к Южному Градищу: с. Нарда (венг. *Narda*, гр.-хорв. *Narda*), Горни Четар (венг. *Felsőcsatár*, гр.-хорв. *Gornji Četar*), Хорватские Шице (венг. *Horvátlővő*, гр.-хорв. *Hrvatske Šice*) и Петрово Село (венг. *Szentpéterfa*, гр.-хорв. *Petrovo Selo*)⁴. Эти села образуют единый «куст» с селами Чемба и Чайта, расположенных на территории соседней Австрии, тоже вблизи границы, разделившей в 1921 г. по Трианонскому мирному договору (1920 г.) два государства бывшей Австро-Венгрии⁵.

¹ *Градище (Gradišće)* — хорватское название Бургенланда, федеральной земли в составе Австрии или, в широком смысле, исторической области на востоке Австрии и западе Венгрии. Топоним (*Burgenland* — «Край замков») сконструирован из немецких названий административно-территориальных единиц (комитатов) исторической Венгрии, содержащих слово «замок» (*Burg*): Шопрон (*Ödeburg*), Ваш (*Eisenburg*), Мошон (*Wieselburg*). В российской славистике традиционно используется самоназвание «градищанские хорваты» (*прим. редкол.*).

² Экспедиция Института славяноведения к градищанским хорватам Венгрии. 9–21 июня 2017 г. // Институт славяноведения РАН. URL: <https://inslav.ru/event/ekspediciya-institutu-slavyanovedeniya-k-gradishchanskim-horvatam-vengrii> (дата обращения: 30.12.2019).

³ Экспедиция Института славяноведения в Словакию. 15–25 мая 2018 г. // Институт славяноведения РАН. URL: <https://inslav.ru/event/ekspediciya-institutu-slavyanovedeniya-v-slovakiyu> (дата обращения: 30.12.2019).

⁴ Экспедиция к градищанским хорватам западной Венгрии (окрестности Сомбатхея). 14–23 мая 2019 г. // Институт славяноведения РАН. URL: <https://inslav.ru/event/ekspediciya-k-gradishchanskim-horvatam-zapadnoy-vengrii-okrestnosti-sombatheya> (дата обращения: 30.12.2019).

⁵ Подробнее о специфике местоположения этих сел см. Плотникова, Ващенко 2019: 89–90.

Этнолингвистические экспедиции на территории Венгрии показали определенное сходство языковой ситуации во всех градищанскохорватских селах. Представители старшего и среднего поколения билингвальны, хорватский язык используется ими для внутрисемейного общения, а также для коммуникации в пределах села и при общении с жителями окрестных славянских сел. Все надписи на табличках административного порядка (название села, на зданиях администрации и дома культуры и т. д.), как правило, представлены на двух языках. В градищанскохорватской речи хорватских жителей на территории Венгрии заметно определенное количество унгаризмов, касающихся вводных слов (например, *hogy* 'итак'), бытовой лексики окружения (например, *bolta* 'магазин' и др.), а в окрестностях Сомбатхея — еще и германизмов. Это обусловлено тем, что хорватские села юго-западной Венгрии тесно взаимосвязаны не только с собственно венгерскими селами, но и с окрестными немецкими деревнями Вашкерестеш (венг. *Vaskersztes*, нем. *Grossdorf*) и Порноапати (венг. *Pornóapáti*, нем. *Pernau*), которые юридически относятся не к Австрии, а к Венгрии. Специфика славянского островного ареала внутри иноязыковой общности на территории Венгрии накладывает отпечаток не только на язык, но и на традиционную культуру хорватов, переселившихся на эти земли более 500 лет назад. Во время экспедиций 2017 и 2019 г. фиксировались многие сохранившиеся архаические черты народной культуры⁶. Хорватские села на территории Словакии имеют определенную специфику. Поскольку обследованные два села градищанцев (Яровце и Чуново) были присоединены к ней или вошли в ее состав только после Второй мировой войны, то социоллингвистическая ситуация там во многом схожа с охарактеризованной выше, но здесь жители трилингвальны: помимо своего родного градищанскохорватского и официального словацкого, среднее и старшее поколение свободно владеет венгерским языком. В традиционной народной культуре наряду с архаическими чертами градищанскохорватской специфики прослеживается и современное влияние словацкой народной традиции.

Далее для анализа интересующей нас темы взаимовлияния элементов сельской народной культуры подробнее остановлюсь на материалах третьей экспедиции к градищанским хорватам австро-венгерского

⁶ См., например: Плотникова 2017: 111–121.

пограничья (окрестности Сомбатхея в Венгрии)⁷. Было зафиксировано немало обрядовых обходов в течение календарного года, роль которых в самоидентификации градищанцев, несомненно, очень высока. При этом календарные обходы хорватов окрестностей Сомбатхея несколько варьируются от села к селу, несмотря на определенную общность традиции. Вместе с тем современное состояние традиции таково, что многие из бытовавших здесь ранее календарных обрядов постепенно забываются и проводятся все менее регулярно. Так, если раньше за время масленицы (*Fášenki, Fášinjak*) не было ни одной свадьбы, то в селах Нарда и Петрово Село практиковался обычай «тянуть сосну/пень» (*bor vleć, panj vleć*). Такие сведения мне удалось записать 12 лет назад, беседуя в австрийском селе Чемба с информантом, приехавшим из села Нарда на венгерской стороне Градища (который, как выяснилось в экспедиции 2019 г., оказался отцом Шандора Хорвата, ныне сотрудника сомбатхейского этнографического музея). По словам собеседников из с. Петрово Село (это местечко обследовалось мною не только в 2019 г., но и ранее, в 2014 г.), на огромном пне, который по всему селу тянули кони, сидели неженатый парень и незамужняя девушка, одетые как жених и невеста. Тем не менее у градищанских хорватов Венгрии обычай давно не практикуется, и большой объем сведений о нем можно получить от заезжающих сюда жителей из соседних градищанскохорватских сел на территории Австрии (Чемба и Чайта), что в свою очередь связано с определенным «поддерживающим» влиянием культуры окружающих австрийцев, у которых подобные обычаи до сих пор практикуются (в том числе, в рамках фестивалей и пр.).

Среди календарных обходов, которые до сих пор хорошо сохраняются у градищанских хорватов этого региона Венгрии и имеют ряд архаических черт, следует выделить зимние обходы на св. Люцию с ряженой в белые одежды Люцией (они фиксируются лишь в двух селах — Хорватские Шице и Горни Четар; в других обследованных селах Градища не отмечены); обходы парней в день «невинных младенцев» (*Nekriva dičica*, 28.12) с собственноручно сплетенными кнутами (*korbači, šubari, šubre*), которыми пришедшие стегают домочадцев с приговорами: «Будьте свежими и здоровыми» и подобное (все села); масленичный обряд сбора розмарина парнями (понедельник

⁷ В этом регионе за время экспедиции удалось опросить более 20 информантов из четырех градищанскохорватских сел.

на масленицу). Довольно редкий на территории Градища масленичный «сбор розмарина» известен во всех трех селах рассматриваемого «куста» — Нарда, Горни Четар, Хорватске Шице. Несмотря на то, что жители села Горни Четар считают обход исключительно «своим», якобы другим селам не известным, следует заметить, что архаические черты обряда сохраняются именно в селе Нарда: это прежде всего касается мотива долгого странствия нищих, которым дают не розмарин, а солому, «чтобы они могли на ней отдохнуть».

Текст диалога:

<i>Хозяева:</i> Ko ste vi?	Кто вы?
<i>Гости:</i> Mi smo pogoreni, saku-pljamo darove da imamo živjet iz čega.	Мы погорельцы, собираем дары, чтобы иметь пропитание.
<i>Хозяева:</i> Odakle ste?	Откуда вы?
<i>Гости:</i> Izdaleka smo mi, molimo Vas da nam pomognite.	Мы издалека, просим вас помочь нам.

После этого диалога девушка каждому юноше на шляпу прикрепляла розмарин; от хозяев парни получали съестное. Далее группа шла с музыкой и песнями по селу. Сейчас известны многочисленные вариации (ходят только к знакомым или родным либо ходят в дома, где живут понравившиеся девушки; прикрепляют к шляпе букетик разных цветов, а не только розмарин; собираются в корчме, где проходит весь обряд, и т. д.).

В связи с этим обрядовым обходом нельзя не привести эмоциональный рассказ ученого, сотрудника этнографического музея в Сомбатхее Шандора Хорвата о послевоенных исторических событиях, когда в эпоху «коммунизма» из каждого села выдворяли на выселки по одной семье: через несколько лет, получив возможность вернуться, переселенцы обнаруживали на пороге своего дома пучок соломы, что свидетельствовало о поддержке всего села, почитающего старые традиции градищанских хорватов, и единении на основе своей традиции, — способ самоидентификации, выраженный с помощью ритуальной атрибутики.

Один из основных вопросов предпринятого этнолингвистического обследования — каким образом сохраняется архаика⁸ в традиции островного славянского ареала на западе Венгрии — попробую

⁸ Под термином «архаика» в данном случае понимаются элементы славянской народной традиции, соотносимые с наивной картиной мира, попытка реконструкции которой, в частности, предпринята в масштабном труде Московской этнолингвистической школы «Славянские древности. Этнолингвистический словарь». Т. 1–5. М., 1995–2012.

осветить в данной работе. Как и в случае фольклорных произведений, решающую роль играет передача многочисленных элементов народной традиции от поколения к поколению, но при этом нельзя забывать и о вторичном воспроизведении ряда важнейших культурных контекстов, внедряемом в культуру села вторично так называемыми проводниками. Употребляя словосочетание «проводник в народной культуре», обратим внимание на научные исследования С. Е. Никитиной: всесторонний полевой опыт работы позволил ей на многочисленных лекциях и в докладах говорить не только о «стратах» в том или ином этнокультурном сообществе, но также и об отдельных людях, своего рода «проводниках» для сторонних исследователей в иноязычных, инокультурных и иноконфессиональных анклавах⁹. В градищанскохорватском селе Нарда таким человеком стал для нас Ш. Хорват. А в крошечном селе Хорватские Шице, где также замечательно сохраняются и поддерживаются народные обычаи, знатоками местной народной культуры считаются венгр Л. Ковач и его супруга Дж. Ковач (градищанская хорватка), издавшие краеведческую книгу о селе¹⁰, в которой традиционным обрядам и поверьям уделяется особое внимание. Разумеется, опора на передачу сведений «из уст в уста» от старших к младшим (в каждой семье есть свои устои и обычаи, откуда высказывания «испокон века в нашем доме делали так-то»; «мой отец / моя мать / бабушка мне говорили» и подобное) укрепляет общую коллективную традицию, вместе с тем очевидны тенденции, исходящие от школы, церкви, местной интеллигенции прежде всего в лице учителей, а также патриотов наследия своего села любой профессии. Неудивительно, что воспитательница детского сада в с. Нарда в свое время писала курсовую работу «Обычаи в моем родном селе Нарда» в Высшей педагогической школе в Сомбатхее по специальности «хорватский язык»¹¹, в которой попыталась представить собранные воедино все исполнявшиеся в селе обряды календарного и семейного цикла.

Обращаясь к вторичному воспроизведению тех или иных народных календарных обрядов и ритуалов (что связано прежде всего с поддержанием исчезающей традиции в целях защиты этнокультурной самобытности островной славянской группы), отмечу, что здесь на первое место

⁹ См., например: Касаткин, Касаткина, Никитина 2000; Никитина 2019 и др.

¹⁰ [Kovács] (ed.) 2015.

¹¹ Bosits 1998.

выступает не только инициатива признанных знатоков местного варианта языка и народной культуры, но и их сотрудничество с односельчанами (причем не исключено и возможно сопротивление, нередко обусловленное совершенно неожиданными причинами, см. об этом ниже). Приведу рассказ Ш. Хорвата о возрождении одного зимнего календарного обычая в селе Нарда. Тема возникла во время диалога между исследователем и рассказчиком («проводником») ситуативно уже на самом заключительном этапе экспедиции, когда собственно фактический материал по всем темам этнолингвистического вопросника («Народный календарь», «Семейная обрядность», «Народная мифология») был собран и осмыслен исследователями. Этнограф Шандор Хорват отвез нас в местный придорожный отель около венгерского села Торонь, где проживали участники экспедиции, а по дороге я сообщила нашему спутнику, что мы также побывали в ближайшей от нас венгерской деревушке Дозмат, которая славится сохранением архаического рождественского обхода *Regoles*.

Этнографам в Венгрии (и всем интересующимся народными обычаями) известен факт, что на западе и юго-западе Венгрии долгое время практиковался рождественский обход колядующих парней, называемых «поющие» (от венг. *regölni* ‘петь’)¹², которые обходили дома 26 декабря, в день св. Иштвана, иногда эти обходы продолжались до Нового года, особенно при посещении домов, где были девушки на выданье. Участники обходов, как правило, не носили маску, но мазали лицо сажей, прикрепляли усы, одевались в вывернутые шубы. В руках парни держали палки с привязанными цепями, которыми создавали шум, а также дудели в дудки. У домов девушек на выданье они произносили благопожелания, за что получали подарки. Постоянные составляющие песен, которые исполняются во время таких обходов — благопожелания плодородия, благосостояния хозяину и его домочадцам, а также матримониальная часть, в которой говорится о соединении парня с девушкой. Иногда той или иной песне предшествует вступление, в котором участники обходов сообщают, что проделали большой путь и что они не разбойники, а посланцы Бога / слуги св. Стефана. Считается, что и мелодия песни, и ее текст носят архаический характер¹³.

¹² Лексема *regūs* фигурирует в средневековых грамотах в качестве наименования профессии (профессиональный певец). По мнению лингвистов и историков, термин мог служить древним наименованием венгерских шаманов, колдунов и певцов.

¹³ Материал «Венгерской этнографической энциклопедии»: <http://mek.niif.hu/02100/02115/html/4-808.html>; <http://mek.niif.hu/02100/02115/html/4-883.html>;

Разумеется, обследуя народную традицию градищанских хорватов, проживающих в Венгрии, мы не могли не посетить близлежащую к месту нашей дислокации деревню, которая в прошлом была известна своими обходами *Regölés*. А при опросе прихожанки местной церкви мы сразу услышали, что обряд выполняется и до сих пор. Рассказывая об этом Ш. Хорвату, я услышала его мнение, согласно которому, обход существовал в 1950-е годы, а сейчас этого нет, а если и есть, то это результат того, что обряд пытаются возродить, в том числе и его, Шандора, усилиями, поскольку много лет назад, в начале 1990-х они с группой от музея приезжали в Дозмат снимать фильм о местном рождественском обряде *Regölés*. Постепенно в диалоге наш собеседник перешел к повествованию о рождественских обходах уже в собственном селе Нарда, где он сам стал инициатором воспроизведения (по сути, возрождения) аналогичного, по его мнению, рождественского обряда *pastiri* некоторое время назад.

Далее приведу часть диалога¹⁴, в котором эта тема освещена достаточно подробно:

С. Н.: Ja sam još osamdesét ne znam, šeste ili sedme snimil, smo napravili naj **dokumentarni film**¹⁵, ne, za to, za **Régoleš**, ne. Onda je to snimio taj stariji, ki je kot mladi pokušal. I za prvo, to se deržalo, ne, pred drugim svijetskim bojem, ne. A onda kasnije već ne, i onda ... kad smo mi ovo načinili sa televizijom, onda je ta, nukić toga, neki ... i onda su par put napravili, ali ni, nije to išlo, nije to išlo. Imaju i táblicu, imaju na...

Ш. Х.: Я еще в восемьдесят, не помню, шестом или седьмом году, снял, мы сделали **документальный фильм о том Реголеше**, об этом. И тогда снимал тот более старший <исполнитель>, который еще в молодости это делал. И сначала это сохранялось, до Второй мировой войны. А позже уже нет, и тогда... когда мы это сняли для телевидения, тогда внук того, некто... и после этого пару раз исполнили, но нет, не пошло это, не удержалось. У них есть и табличка на...

<http://mek.niif.hu/02100/02115/html/4-884.html>; <http://mek.niif.hu/02100/02115/html/4-885.html> (дата обращения: 01.11.2019). За помощь в сборе венгерского материала благодарю Д. Ю. Ващенко.

¹⁴ А. П. (А. Р.) — Анна Плотникова, Ш. Х. (С. Н.) — Шандор Хорват.

¹⁵ Здесь и далее в диалоге с собеседником полужирным шрифтом выделены наиболее значимые ключевые фразы в описании истории взаимодействия двух рождественских обходов — градищанскохорватского и венгерского.

A. P.: Videli smo je!

S. H.: Ali da bi to...

A. P.: Pitali smo ženu o tom Regoleš, kako se deržalo, ona je rekla: "Prije deset godina je bilo zadnji put".

S. H.: Zato velim, taj mlađi, on bil polagal kad smo mi snimili sa televizijom taj kratki dokumentarac, onda je on dobil taj nagradu, malo novine.

A. P.: Kako da ne, obnovljenije tradicije.

S. H.: Ali pred tim mi smo tako sa jednim učiteljem snimili jedan film, za Regoleš, i s školama su se pominali, i se skupa. Ali nije onda, zbog toga nije još ono bilo. Onda kad smo mi tamo prošli s televizijom, onda taj mali: "Onda ću ponoviti". Ali nek toliko. Velim, to je smišno, znate, **mi Hervati većinom nimaju pastirsku igru pred Božićem, ali Ugri imaju.** I onda je ovdeka bilo i u našem selu: **ki svećenik naučio jednu generaciju i ona je pamti, onda je to išlo.**

A. P.: A u Hrvatskim Šicama kažu da imaju pastiri, i u Petrovom Selu isto?

S. H.: Za to kanim povidati. I onda sam ja dvadeset tri tomu da ... tako nekako, dvadeset pet, stariji ljudi nastali, odrasli nastali, kad su u Nardi, nek stvara (?) onda dvadeset

A. П.: Мы ее видели!

Ш. Х.: Но чтобы это <сохранилось>...

A. П.: Мы спрашивали женщину об этом Реголеше, как это сохранилось, и она ответила: "Десять лет назад было последний раз".

Ш. Х.: Вот я и говорю, что тот парень, он участвовал, когда мы снимали с телевидением тот короткий документальный фильм, он тогда получил награду, это было немного новым.

A. П.: Еще бы, обновление традиции.

Ш. Х.: Но перед этим мы вот также с одним учителем снимали фильм о Реголеше, и в школах беседовали, и все вместе. Но тогда еще нет, по этой причине еще до этого не дошло. Но потом, когда мы с телевизионной группой там побывали, тогда тот молодой и говорит: "Тогда я повторю". Ну и всё. Говорю, смешно, знаете, **мы, хорваты, в основном не совершаем «обход пастухов» перед Рождеством, а у венгров есть.** И тогда и у нас было в нашем селе: **священник обучил одно поколение, и они помнят, после чего это продолжалось.**

A. П.: А в Хорватских Шимах говорят, что у них есть *pastiri*, и в Петровом Селе ведь также?

Ш. Х.: Об этом и хочу рассказать. Это я двадцать три года назад... как-то так, двадцать пять, старшее поколение было, повзрослели уже, когда в Нарде организовано (?), двадцать восемь лет уже

osam lit je tomu da je to tako bilo. **Onda sam ja napravil na naš dijalekat pastirsku igru. I onda sam ja tu decu naučio...**

А. П.: Od vas je poteklo!

С. Н.: ...onako, naši tam, e-e, naš stil, ne, ali od ove regije samo po madjarski to mislilo. I ondak su ovi naši počeli to igrat. **I onda su oni svi prosili: četarska učiteljica je prosila od nas, i šćanka je prosila od nas tekst, i onda su oni tako...**

А. П.: Ne samo tekst, nego i bundu prevrnutu oni imaju?

С. Н.: Kad igraju. Da, da. Tako sam ja napravio.

А. П.: Iz tih sela, Hrvatski Židan, Prisika..., samo undanci imaju ti pastiri.

[Разговор уходит от основной темы]

С. Н.: A drugó je pri nas da je došlo od toga da imamo ovdekaj ali što kanim riječ na kraju od sega toga: da pri nas je sad u drugo lito tako malo ispálo **da su sada moráli tome napisat ugérski tekst, kad se igrálo, su Ugri...**

А. П.: Sad je ugersku tekst vazniji.

С. Н.: **Sad se mora ugersko dat, sad ugérski tekst govóru.** Sad na Božići je to tako bilo i prije rano, prevelo a sad opet na ugérski tekst. **A ja sam go mnogo dilal, da malo ukusa ostalo od našeg jezika.** I smišno da je uprav lani kad smo išli piši na Celje, na svodišće, ne,

тому, как всё так получилось. **И тогда я сделал на нашем диалекте “обход пастухов”. И тогда я тех детей обучил...**

А. П.: От Вас началось!

Ш. Х.: ...таким образом, наши, э-э, наш стиль, а ведь в этом регионе всё только в венгерском духе понималось. И потом эти наши начали это показывать. **И тогда все они просили: учительница из Четара просила у нас, и из Шиц просила от нас текст, и тогда они вот так...**

А. П.: Не только текст, но и вывернутую шубу используют?

Ш. Х.: Когда играют. Да, да. Так я сделал.

А. П.: В тех других селах, Хорватский Жидан, Присика... только в селе Унда есть эти “пастухи”.

Ш. Х.: Другой вопрос, как у нас появилось то, что сейчас имеем, но что хочу сказать в конце концов: у нас уже второй год так получилось, **что мы сейчас должны были переписать этот текст на венгерский, текст во время представления, по-венгерски...**

А. П.: Сейчас венгерский текст важнее [с грустью].

Ш. Х.: **Сейчас нужно по-венгерски дать, сейчас венгерский текст произносят.** Теперь на Рождество это так было, да и раньше — перевели, а сейчас вот снова венгерский текст. **А я его много обрабатывал, чтобы немного ощущения от нашего языка осталось.** И забавно, что как раз этим летом,

...je bilo, dvoje je bilo, ne, jedná je bila ka je s kim sam ja začel ovó. A onda je sva generacija! **Ja sam na početku, u prva litá sam još bil s njimi, da se to nauči, pa da to ide, a onda sam ja ostavil, kad nek običaj mora sam od sebe ić, ne moram ja tu stat iza njega, ne.**

A. P.: Znači, vi ste pokretač za te pastire ovde?

S. H.: Da, da, samo da znate.

A. P.: Igrokaz.

S. H.: Ali kazem: onda, onda dodju mladji, i ja pame-tim, jedno pitam: “A sto si bila, ali sto si bil?”. To. Tako sam im rekao: “Daj manje suvikanja!”. Oni teču, mali oraci imaju i ve-lju: “Glorija-a”, kad to bude — pastire. “Glorija-a, Glorija-a”... i onda od maloga andjela vikoj (?) daje.

A. P.: A pre Vas toga nije bilo? U hrvatskim selima tu?

S. H.: To kažem da... **U Nardi je bilo: jedan svećenik je tamo u pedesetim, početkom pedesetih pokušal naučit na madjarskome.** I onda je to išlo, ne znam, tri godina, tako nekako. I onda niš. To je gotovo, to nije bilo za naše dičake.

A. P.: U Nardi nije ostalo?

S. H.: Ne, ne. Tri ili tako nešto, tako madjarski.

[Разговор уходит от основной темы]

когда мы пешком ходили паломниками в Целье, да... получилось, что было, двое было, нет, одна была женщина, с кем я всё это начинал. А потом — целое поколение! **Я в начале, в первые годы еще был с ними, чтобы обучить и чтобы то пошло, а потом их оставил, так как обычай должен сам от себя развиваться, не должен я тут быть, рядом, нет.**

A. П.: Значит, Вы основатель этих «пастухов» здесь?

Ш. Х.: Да, да, чтобы вы знали.

A. П.: Представление [задумчиво].

Ш. Х.: Но повторяю: тогда, потом пришли более молодые, и я помню, как спрашивал: “А ты кем была, а ты кем был?” Вот это. Так я им сказал: “Давайте поменьше кричать!” Они идут и поют: “Глория-а”, когда исполняют “пастухов”. “Глория-а, Глория-а”... и так от малого “ангела” кричат (?) дальше.

A. П.: А до Вас этого не было? Здесь в хорватских селах?

Ш. Х.: Скажу так... **В Нарде было: один священник еще тогда в пятидесятых, в начале пятидесятых попробовал обучить на венгерском.** И тогда это продолжалось, не знаю, три года, так как-то. А потом ничего. Это закончилось, это не было интересно нашим ребятам.

A. П.: В Нарде не осталось?

Ш. Х.: Нет, нет. Три или около того <года> по-венгерски.

S.H.: Za ove pastire samo da to znate, da je to tako bilo. Velim, tekst, pa onda kad su, hat, hat, razglasilo se, ne. A prvo lito, to kad sam rekao im da, familiji, ne, materi, ocu, da pogodimo gde kad to igrat. "Kako?" sam rekao. **"А-а, то — не! Мой сын neće ijt kot pro-sjak pinezi si sabirat"**. Onda, velim, nešto drugo sam počel mislit ... Onda sam rekao: "Dobro je, onda ćemo u crkvi predstaviti". Ter prvo lito je tako ispalo. Valjda smo na Badnji večer za mašom, oni su. Jedva su bili živi oš, ali oš povstali pa si igrali. I onda mi velu...: "Jo-oj, kako je lipo ovo bilo iz dicom!". Ki su bili prid maše na ponoćke, ti kako to su mogli sad vidit? Gotovo je to sad vidit. A si sad mora to pokazat. Ja sam dicu pital: "Hoćete li zjutra za mašu na Božić?" Na mašu na Božić. Već odigrálo. I onda kad je to prošlo, onda sam rekao: "Ali ovako, ovo sad neće bit dobró, ovo mora do hiže ijt". ... No dobro je. A drugo lito sirote domisliť mati otac, ne, da hat ćemo tako na pojť: ako dostanu što da to onđak oforvat, ponudit za kakoga, za dobra cilj. To je ono što pristáli za to: "А-а, овдек кад смо зачели онда што" ... sobrali pinezi, ...onda smo pola vregli kraj, a pose sam razdelil. A to dite, on ide pak dostane pinez, ne. To nije tako, sporad ođaje.

A. P.: On bi to sebi zel.

Ш.Х.: Об этих «пастухах» вы должны знать, что это так было. Говорю, текст был, а потом он разошелся. А в первый год, когда сказал им, в семьях, матери, отцу, чтобы договориться, где и когда исполнять. "Как?" — сказал им. **"А-а, этого не будет! Мой сын не станет, как нищий, деньги собирать"**. Тогда, говорю, что-то другое начал придумывать. Тогда сказал: "Хорошо, тогда будем в церкви исполнять". И в первый год так вышло. Вроде бы в Сочельник после мессы они это делали. Были очень уставшими, но все же встали и устроили представление. И тогда мне все говорят: "О-о, как это красиво было с детьми". А те, которые были перед мессой в полночь, они как могли это увидеть? Всё закончилось — не увидишь. И теперь нужно всем это показать. Я детей спросил: "Как насчет завтра утром на мессу на Рождество?" На мессу на Рождество. И так случилось. И потом, когда всё закончилось, я тогда сказал: "Но теперь, это теперь не будет так же хорошо, нужно ходить от дома до дома". ... Ну хорошо. А на следующий год, родители опять про сирот будут придумывать, нет, итак, будем так делать: то, что соберут, предложим кому-нибудь, для хорошей цели. И это было то, на что они согласились: "А-а, теперь, когда уж мы начали, что ж теперь..." ...Собрали деньги, половину отложили, половину я потом разделил... А ребенок — ребенок идет, чтобы получить копейку, нет? Это не так, чтобы он с радостью отдал.

A. П.: Он бы себе взял.

S. H.: A da narandju, pa klop, pa to, to je njegovo, ali onda polóvicu sam svim razdelíl, a druga polóvica onda smo, ne znam, na različite dobré čine. Simbolično oni su darovali. E, i tako i onda kažem: i to već tako od iže do iže išlo, i onda smo..., a učiteljice su čuli kad smo onda, dica znala povidat u školi, da oni igraju pastirsku igru, i onda je to tako ispálo. Tako da koč, koč, ako človik živi u svojoj, u svojim društvu doma, onda koč mora ne samo analizirat mora pomoć za obdrzanje tu, zajednice, ne.

A. P.: Hvala lepo!

III. X.: А вот апельсин, другие продукты, такое вот, — это ему принадлежит, но потом половину <денег> я между всеми разделил, а другую половину мы, не знаю там, на разные добрые дела пустили. Люди одаривали символически. Э, вот так, и потом, я говорю: после уже от дома до дома ходили, и мы потом..., а учительницы услышали, как мы это делали, дети стали в школе рассказывать, как они исполняли представление “пастухов”, и вот так это получилось. Так вот, если, если, человек живет в своей <среде>, в своем обществе дома, тогда же должен не только анализировать, должен и помочь существованию своего общества здесь, так ведь.

A. П.: Большое спасибо!

Таким образом, обращаясь к социолингвистической стороне вопроса, обнаруживаем в диалоге следующий ряд событий в XX–XXI вв.: сначала, в 1950-х годах воспроизведением обрядового действия *pastiri* с текстами на венгерском языке занимался местный священник, но это не прижилось (продолжалось около трех лет); затем в начале 1990-х — III. Хорват воспроизвел текст на родном диалекте градищанскохорватского языка (причем венгерский Реголеш (*Regölés*), который хорошо сохранялся на западе и юго-западе Венгрии, сыграл роль своеобразной поддержки при возобновлении традиции у градищанских хорватов); далее, в течение последующих лет происходило распространение обрядового представления (*pastirska igra*; «*igraju dica pastirsku igru*») в этом «кусте» сел в основном через учителей; и наконец, в настоящее время осуществлен повторный перевод градищанскохорватских текстов «пастухов» на венгерский язык.

С точки зрения инициативы, сотрудничества и сопротивления в этой истории с рождественским обходом присутствуют все три аспекта: и инициатива, исходящая от безусловно уважаемой в селе личности, и сотрудничество, наблюдаемое и ожидаемое со стороны жителей деревни Нарда, а также других хорватских деревень, особенно

учителей и служителей местной церкви (священников). Вместе с тем, как видим, сопротивление, исходившее от тех же местных жителей, вызвано желанием не показаться этически ущербными («Не будет мой сын ходить побираться!»), что обусловлено новейшими процессами урбанизации и глобализации в целом, связанными с изменением качества жизни: нищенство уходит в прошлое. Поддержка и сотрудничество очевидны в данном случае со стороны церкви: церковь на стороне традиции (в данном случае — известной в других селах градищанцев Венгрии), несмотря на то что элементы архаики, сопутствующие воспроизведению обхода, несомненно, присутствуют.

Как видно из приведенного диалога, на свой вопрос: «А как они должны были быть одеты? В вывернутые кожанки?» я получила положительный ответ. Известно, что ношение ряжеными вывернутых кожанков (наряду с символическим обозначением пастушеской атрибутики) относится к ярко выраженным архаическим элементам народной культуры. Во-первых, «мохнатые» одежды (наиболее простой способ изобразить которые — вывернуть наизнанку шубы или кожанки) — обязательный компонент славянского ряжения, в том числе устрашающего¹⁶, деталь обряда, в прошлом направленная на изгнание нечисти¹⁷. Во-вторых, шерсть и мех как символы плодovitости и богатства известны всем славянам, особенно в рождественско-новогодней и весенней обрядности¹⁸.

Отмечу, что во всех градищанскохорватских селах Венгрии, где известен рождественский обход *pastiri*, сохраняется обязательный атрибут этого рождественского обхода — вывернутые наизнанку (мехом наружу) кожанки и шубы. Так, в с. Петрово Село, где обход исполняется до сих пор, участниками экспедиции было записано:

Sako lito šesti razred
ide od hiže do hiže *kot pa-*
stiri. Navuču kape, bunde
obérnuto. Božićne jačke izja-
ču. Zvončad si zvonu. Pinezi.
— Moremo unutra?
— Morete.

Каждый год шестой класс ходит
от дома к дому будто пастухи. Наце-
пят шапки, шубы наизнанку. Рожде-
ственные песни поют. В колоколь-
чики звенят. Деньги <собирают>.
— Можем войти?
— Можете¹⁹.

¹⁶ Отмечу, что в вывернутые кожанки рядились и участники венгерского обхода *Regoles*.

¹⁷ См.: Виноградова, Плотникова 2009: 520.

¹⁸ Плотникова 2012: 576.

¹⁹ Информант — *Ana Škropits*, 77 лет, запись 2019 г.

В книге М. Йорданича «Народные обычаи градищанских хорватов» имеется и опубликованный текст рождественской песни-благопожелания из с. Унда, где наряду с рассказом о действиях с выпасом овец (своего рода «подтверждение» их профессиональной деятельности) звучит также мотив нищенства, например: *a čizam nigdor nima* (а сапог нет ни у кого)²⁰. Декламация отдельных строк из песни ряженных «пастухов» Ш. Хорватом («я пришел из леса голодный» и т. п.) также свидетельствовала о необходимости фраз о том, как поющие пришли «издалека», что адресует нас к архаическому мотиву «чудесного гостя», приносящего дары и благоденствие. Нередко в этой роли выступает нищий, который мог восприниматься как носитель доли, судьбы, посредник между этим и «тем» светом²¹.

Во всех подобных случаях лица, посещающие дома, выступают в роли «чудесных гостей»: соединяя сферы «своего» и «чужого», они становятся объектом сакрализации и почитания как представители некоего «иногo» мира, одаривание которых в свою очередь несет благосостояние, успех и удачу хозяевам. В настоящее время архаический аспект обхода сохраняется как символ, знак, характерная особенность самого зимнего обхода. При этом для данного рождественского обхода (*pastirska igra*) характерны маски, представляющие персонажей библейской истории: в этом плане «пастухи» и «ангелы» в игровом исполнении из Нарды вписываются в более широкий контекст поздней славянской традиции, тогда как его более древнее значение, отраженное в атрибутике обряда и мотивах песен, прослеживается в разных градищанскохорватских селах Венгрии.

Литература

- Виноградова, Плотникова 2009 — Виноградова Л.Н., Плотникова А.А. Ряжение // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 519–525.
- Касаткин, Касаткина, Никитина 2000 — Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф., Никитина С.Е. Русский язык оregonских старообрядцев: языковые портреты // Речевое общение в условиях языковой неоднородности / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: URSS, 2000. С. 134–152.

²⁰ Jordanić 2009: 144.

²¹ См. Левкиевская 2004: 409–410.

- Левкиевская 2004 — *Левкиевская Е.Е.* Нищий // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 408–411.
- Никитина 2019 — *Никитина С.Е.* Взаимосвязь веры, культуры и языка в конфессиональной группе как коллективной личности // Понимая город: коммуникация с пространством, временем и людьми. Материалы XIX Международной школы по фольклористике и культурной антропологии / сост. Н. Петрова, Н. Рычкова. М.: РГГУ, 2019. С. 52–57.
- Плотникова 2012 — *Плотникова А.А.* Шерсть // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 576–579.
- Плотникова 2017 — *Плотникова А.А.* Основные мотивы в народной культуре градищанских хорватов // Вестник славянских культур. 2017. Т. 47. С. 106–119.
- Плотникова, Ващенко 2019 — *Плотникова А.А., Ващенко Д.Ю.* Этнолингвистическая экспедиция в градищанскохорватские села Западной Венгрии (окрестности Сомбатхея) // Славяноведение. 2019. № 6. С. 88–98.
- Bosits 1998 — *Bositz J.* Običaji u mojem rodnom selu u Nardi. Dissertation. Szombathely, 1998. 35 s. (рукопись).
- Jordanić 2009 — *Jordanić M.* Narodni običaji Gradišćanskih Hrvatov / Das Brauchtum der Burgenlandkroaten. Filež/Nikitsch: LIKUD/HKD, 2009. 281 s.
- [Kovács] (ed.) 2015 — Horvátlövő településtörténete és néprajzának értéktára / [összeáll. és szerk. G. Kovács]. [Gencsapáti]: Szülőföld könyvkiadó, 2015. 352 old.

References

- Bosits, J., 1998. *Običaji u mojem rodnom selu u Nardi*. Dissertation. Szombathely, 35 p. (manuscript).
- Jordanić, M., 2009. Narodni običaji Gradišćanskih Hrvatov / Das Brauchtum der Burgenlandkroaten. Filež/Nikitsch: LIKUD/HKD, 281 p.
- Kasatkin, L. L., Kasatkina, R. F., Nikitina, S. E., 2000. Russkii iazyk oregonskikh staroobriadtsev: iazykovye portrety [Russian language of the Oregon Old Believers: linguistic portraits]. In: Krysin, L. P., ed. *Rechevoe obshchenie v usloviyakh iazykovoi neodnorodnosti* [Language communication in conditions of language heterogeneity]. Moscow: URSS, pp. 134–152.
- [Kovács, G., ed.], 2015. *Horvátlövő településtörténete és néprajzának értéktára* [Gencsapáti]: Szülőföld könyvkiadó, 352 p.
- Levkievskaja, E. E., 2004. Nishchii [Beggars]. In: Tolstoi, N. I., ed. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvističeskii slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary]: 5 vols., 3. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, pp. 408–411.
- Nikitina, S. E., 2019. Vzaimosvjaz' very, kul'tury i iazyka v konfessional'noi gruppe kak kollektivnoi lichnosti [Interrelationship of faith, culture and language in

- a confessional group as a collective person]. In: Petrova, N., Rychkova, N., ed. *Ponimaia gorod: kommunikatsiia s prostranstvom, vremenem i liud'mi. Materialy 19 Mezhdunarodnoi shkoly po fol'kloristike i kul'turnoi antropologii* [Understanding the city: communication with space, time and people. Materials of the XIXth International School of Folklore Studies and Cultural Anthropology]. Moscow: RGGU, pp. 52–57.
- Plotnikova, A. A., 2012. Sherst' [Wool]. In: Tolstoi, N. I., ed. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary], 5. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, pp. 576–579.
- Plotnikova, A. A., 2017. Osnovnye motivy v narodnoi kul'ture gradishchanskikh khorvatov [Basic motives in the folk culture of Burgenland Croats]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 47, pp. 106–119.
- Plotnikova, A. A., Vashchenko, D. Yu., 2019. Etnolingvisticheskaia ekspeditsiia v gradishchanskokhrovatskie sela Zapadnoi Vengrii (okrestnosti Sombatkheia) [Ethnolinguistic expedition to the Burgenland Croats' villages of Western Hungary (around Szombathely)]. *Slavianovedenie*, 6, pp. 88–98.
- Vinogradova, L. N., Plotnikova, A. A., 2009. Riazhenie [Dressing up]. In: Tolstoi, N. I., ed. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary], 4. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, pp. 519–525.

Anna A. Plotnikova

Dr. Sc., Chief Research Fellow, Institute for Slavic Studies,
Russian Academy of Science, Moscow, Russia. 119334, Leninsky
Prospekt, 32a. E-mail: annaplotn@mail.ru

Calendar bypass rites of Burgenland's Croats in Hungary: history and reproduction

The article deals with the calendar bypass rites of the Burgenland Croats of South-Western Hungary in the vicinity of the town of Szombathei and is based on ethnolinguistic field studies conducted in 2019. Special attention is paid to the processes of the interaction between and mutual influence of the coexisting Croatian and Hungarian languages, folklore, and ethnographic traditions. The role of the folk language used is shown, which is in some cases reproduced when recreating the ritual Christmas circumambulation. The researcher focuses on the history of the revival of the “shepherds” Christmas rite in the village of Narda and its surrounding villages — Felsőcsatár and Horvátlövő. Reconstruction of the elements of the Christmas “shepherds” showed that the persons taking part in the ritual who visit the houses in the village as “shepherds” act as “wonderful guests”. They are connecting the spheres of both “their own” and “alien” worlds, and become the object of sacralisation as representatives of some other world, who bring prosperity, success, and good luck to the owners of the house. At present, this archaic aspect of the circumambulation (which is reflected in the attributes of the maskers and the motifs of their songs) is preserved as a symbol, sign, or characteristic feature of the winter rite itself (the shepherd's performance). The masks representing the characters of biblical history are characteristic (shepherds, angels), which fits into the broader context of the later Slavic tradition. The example of the Christmas rite of “shepherds” shows the linguistic and folklore polyglossia that is typical for this region, where Burgenland's Croats live in a foreign-language and foreign-culture environment.

Keywords: folk calendar, ethnolinguistics, folklore, traditional folk culture, archaic areas, language of Burgenland's Croats, Hungarian influence

Дарья Юрьевна Ващенко

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ле-
нинский проспект 32а. E-mail: daranis@mail.ru

Хорваты среди венгров: праздник сбора винограда

В статье на материале интервью, взятых в ходе полевых этнолингвистических исследований 2019 г. у хорватов, проживающих в Венгрии в окрестностях Сомбатхея, рассматривается праздник сбора винограда, который здесь носит название *trgadba* или *sureti*. Фрагменты интервью хорватских информантов анализируются в контексте соответствующей венгерской народной традиции и социально-исторических процессов, происходивших в регионе в XX в. Особое внимание уделяется восприятию хорватскими жителями данного праздника, квалификации его как своего/чужого, исконного/нового. Показано, что хорватские информанты считают празднование сбора винограда условным, даже полуофициальным мероприятием, которое не имеет корней в местной традиции. Часть жителей связывает это с венгерским происхождением праздника, а также с тем, что при социализме виноградники были национализированы и традиция прервана, другая часть информантов квалифицирует праздник как нововведение последнего времени. При этом для региона в целом традиция праздновать сбор винограда появилась в конце XIX в. и с тех пор осталась в рамках городской моды. Попытки развивать в регионе винный туризм и интегрировать хорватские села Бургенланда в состав так называемых винных маршрутов пока не находят у хорватов Западной Венгрии существенной поддержки, праздник сбора винограда имеет для хорватов характер разового развлечения и не ассоциируется у них с собственной этнокультурной идентичностью.

Ключевые слова: народная традиция, этнолингвистика, Бургенланд, межкультурные контакты, винный туризм

При исследовании традиционной народной духовной культуры этноса, существующего в анклавных условиях, чрезвычайно важным оказываются изучение взаимосвязей тех или иных фрагментов традиции в ареальном аспекте и выявление контактных/заимствованных явлений. В частности, для хорватов, проживающих в Западной Венгрии (Венгерский Бургенланд), открытым и во многом не изученным остается вопрос венгерского влияния на культуру анклава. В статье рассматривается один из фрагментов хорватской народной традиции, который, с одной стороны, стабильно присутствует в соответствующих нарративах у информантов, с другой — столь же стабильно осознается ими как чужой, заимствованный у венгров. Например, праздник сбора винограда, который в странах Центральной Европы традиционно отмечается в сентябре-октябре. При этом в специальной литературе данный праздник исследован достаточно схематично и неравномерно, что отчасти связано с самим характером современного бытования праздника и его стремительной коммерциализацией. Как правило, «виноградное шествие» рассматривается либо в рамках этнографических работ по виноградарству и виноделию как таковому¹, либо, в последнее время все чаще, в рамках статей, посвященных развитию туризма в конкретном регионе². Открытым, однако, остается вопрос о включенности подобных мероприятий в повседневную жизнь людей и восприятию информантами ремесленных праздников как органичных, своих либо как искусственных и пришедших извне. В рамках изучения этнокультурной традиции анклава это представляется важным в том числе потому, что позволяет четче разделять явления, обусловленные непосредственными контактами с представителями иного этноса, и феномены, внешние для всех этносов, проживающих в регионе.

Так, с 14 по 22 мая 2019 г сотрудниками Института славяноведения РАН Д. Ю. Ващенко и А. А. Плотниковой было предпринято этнолингвистическое обследование градищанских хорватских сел,

¹ Из венгерских источников приведу здесь статью Börcsök 1974, монографии Illés 2017 и Mód, Simon et al. 2001, из хорватских — дипломную работу Krnic 2015. Подробный обзор соответствующей литературы остается за рамками данной статьи.

² См., например, о праздновании сбора винограда в Словакии: Kahounová 1975, Popelková 2005, Popelková 2014 и др., из хорватских работ ср. Kranjčević, Gartner 2019.

расположенных в Западной Венгрии, в окрестностях г. Сомбатхей³: с. Нарда (венг. *Narda*, гр.-хорв. *Narda*), Горни Четар (венг. *Felsőcsatár*, гр.-хорв. *Gornji Četar*), Хорватские Шице (венг. *Horvátlővő*, гр.-хорв. *Hrvatske Šice*) и Петрово Село (венг. *Szentpéterfa*, гр.-хорв. *Petrovo Selo*)⁴. Жители сел билингвально, хорватский язык используется ими главным образом для внутрисемейного общения, а также для коммуникации в пределах села либо в пределах хорватского анклава в Венгрии и в последние десятилетия также в Австрии.

При этом информанты достаточно часто, хотя и схематично, упоминали праздник сбора винограда, который обозначался терминами «*trgadba*» или «*sureti* («*u nas sureti deržu*»)). В нарративах, как правило, сообщается, что праздник этот имеет венгерское происхождение, и вместе с тем для хорватов он является в значительной степени искусственным.

Ср. фрагменты интервью⁵:

(1)

А.Р.: A da li su se prerušavaju neke babe, koji su išli ili tako na svadbu, preoblačene neke žene va muško?

И.: Ne, ne. Ovo je na onuo, kad je trgadba, trgadba u jesen, szüreti felvonulás, oni se po selu vleču, onda mi po selu pečemo, vrežemo van, onda ih nutimo, onda i oni tu stoju vina, žganak postoji, onda na traktor ili na motor puojdu. U septemberi ovo je.

А.П.: А бывает ли у вас такое — какие-нибудь ряженые, которые шли на свадьбу, какие-то женщины, переодетые в мужчин?

И.: Нет, нет. Это тогда, ну когда сбор винограда, сбор винограда осенью, szüreti felvonulás, они (ряженые) едут по селу, а мы по всему селу печем, режем и угощаем их, а они выставляют вино, кувшин вина, едут на тракторе или на машине. Это в сентябре происходит.

³ Материал собирался в рамках работы авторов по проекту РНФ №17-18-01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования».

⁴ Экспедиция к градищанским хорватам западной Венгрии (окрестности Сомбатхея). 14–23 мая 2019 г. // Институт славяноведения РАН. URL: <https://inslav.ru/event/ekspediciya-k-gradishchanskim-horvatam-zapadnoy-vengrii-okrestnosti-sombatheya> (дата обращения: 15.01.2020).

⁵ Далее А. П. (А. Р.) — Анна Плотникова, Д. В. (Д. В.) — Дарья Ващенко, И. (И.) — информант.

(2)

I.: Trgadba je povorka — ovo je širo nastaveni običaj, naprave, neznam, nakinčeni kitice, traktore, kola, ovo, ono, ono se tako ide kroz selo do vinograda ili iz vinograda u selo, onda se jede, pije i tako da je.

И.: Сбор винограда — это праздничное шествие, широко распространенный обычай, я не знаю, праздничные букеты, тракторы, повозки, то-се, и так едут через все село на виноградники или из виноградников, и едят, пьют или что-то в этом роде.

(3)

A. P.: A da li je bio praznik za trgadb u i tu je nešto bilo?

А. П.: А на праздник сбора винограда у вас что-нибудь было?]

I.1: Hat, onda tu deržu festival.

И.1: Ну, здесь проводят фестиваль

I.2: To sve u novo vrijeme, i sad je povorka, valakad nije bila?

И.2: Это все уже в новое время, и сейчас есть шествие, раньше не было, верно?

I.1: Ne

И.1: Нет.

I.2: Nije bilo karakteristično za Gornji Četar, u drugima selima je, i onda se je preuzelo kad kulturno umetničko društvo u selu i oni se to počeli organizirati svake godine, ali kao tradicija, ne, Elek govori, u njegovo dinstvo nije bilo.

И.2: Это не было характерно для Горни Четара, в других селах есть, а сюда этот праздник принесло культурно-художественное общество, и в селе они стали это организовывать каждый год, но как традиция, нет, не было, Элек говорит, в его детстве не было.

(4)

D. V.: A za tu trgadb u, imate li ovde ili u Petrovom Selu?

Д. В.: А праздник сбора винограда, есть он у вас здесь или в Петровом Селе?

I.: Ovde ne, kad vinograd je zašal u Esterajsko pod komunistvon, onda li svo smili projt, nisu delali, čuda mi smo i ostavili, nisu svo udelali, to je ovde u Četaru, a sad moremo jako jit pred Esterajskoma, sad se čuda mi vzali najzad, pak delaju grojze.

И.: Здесь нет, поскольку виноградники отошли Австрии при коммунизме, мы все забросили и не делали <вино>, ну то есть что-то нам оставили, не все забрали, здесь в Четаре, надо ехать в сторону Австрии, мы свое забрали назад и вино делаем.

A. P.: A prije?

А. П.: А раньше?

I.: Pod komunistvom nebilo, praznik nije bil.

A. P.: A pred nim, pred komunistvom?

I.: Pred nim onda da.

A. P.: A danas, da li bi bil neki praznik?

I.: A danas u subotu deržu szüreti bál, tako ekstar u gorica-ma toga nije, to je svako lito jednač, i sada i u Petrovom Selu, da tako skupa neduojdemo, traktore nakinču, kola, aj tako se obliču u maškare, to je u Petrovom Selu sad, a u Četaru od uvijek bilo.

A. P.: A maškare, kako je to?

I.: Maškare, kako ću reć? Za polgare, za birova, ovde je tako, birov, birovica, za doktora.

A. P.: A ove maškare su bili samo na trgadbu?

I.: Da, samo, szüreti bál, felvonulás.

И.: При коммунистах не было, праздника не было

А. П.: А до них, до коммунистов?

И.: А до них, да

А. П.: А сейчас, сейчас есть какой-нибудь праздник?

И.: А сейчас в субботу проводят szüreti bál, такого чего-то особенного в виноградниках не происходит, каждый год одно и то же, и здесь, и в Петровом Селе, вместе мы не шествуем, тракторы украшают, повозки, рядутся, в Петровом Селе сейчас пошло, а в Четаре испокон было.

А. П.: А ряженные, как они выглядят?

И.: Ряженные, это самое... Наряжаются в горожан, в судью, там судья, жена судьи, в доктора.

А. П.: А эти ряженные были только на сбор винограда?

И.: Да, только, szüreti bál, felvonulás.

(5)

A. П.: A možno je još bilo isto za trgadbu, kad je bilo isto tih presvlačenja?

I.: Trgadba — hat ovde ni, i mi imamo goru, i vino, i svo imamo, i pivnicu u gori, ali vi za to pitate, je li kad szüreti deržu, szüreti multság, u Keresteshu je jako veliko, Vas-kereszttes, to je nimško selo, onda duojde iz daljine, iz Pilis-vörösvár, duojde nimška banda, onda imaju i kone, i kola,

А. П.: Может быть, то же самое у вас было на сбор винограда, когда также были эти переодевания?

I.: Праздник сбора винограда — ну, здесь его нет, и у нас есть и виноград, и вино, и все у нас есть, и винные погребки в винограднике, но вы спрашиваете, понимаю, когда проводят szüreti, szüreti multság, вот в Керестеше его широко отмечают, Вашкерестеш — это немецкое село, туда издалека, из Пилишверешвара приезжают немецкие музыканты, там

i traktora, onda mulatuju, to je szüreti, trgadba. Hat pri nas jako čuda nimaju. <...> Onda nimaju tak čuda već gori, mi imamo još, muoj sin novo je posadil, valakada moj otac dilal tak mat, veliku goru imal, ali na arendi su ju mali, onda mojega muža mat' je bila iz Keresteša, ona je onda jerbala pivnicu pak grojza. Muoj sin po drugi put se zasadil nuovo.

у них и кони, и повозки, и тракторы, они веселятся, это *szüreti*, сбор винограда. А у нас ничего этого особенно нет. <...> Здесь и нет таких больших виноградариков, у нашей семьи еще есть, мой сын посадил новые, когда-то мой отец так делал, у него был большой виноградник, но он его арендовал, и мать моего мужа была из Керестеша, она унаследовала винный погребок и виноградник. А мой сын уже посадил новый.

(6)

И.: Ovde nije bila trgadba.

И.: Здесь не было праздника сбора винограда.

(7)

А. Р.: A kad su bili gorici, da li je bil neki praznik, trgadba, ili tako?

А. П.: А когда был сбор винограда, был какой-то праздник, верно?

И.: Trgadba — hat mulativali ljudi. Deti pak majki su išli vesele, uvek su nebili.

И.: Праздник сбора винограда, ну это люди веселились. Но у нас никогда не было.

А. Р.: A to je bila prava fešta, pravi praznik, kad je trgadba?

А. П.: И это был настоящий праздник, сбор винограда?

И.: Da, da. Onda su mojli duojt rodbina skupa, potargat. Ali naši ljudi nisu imali veliki gorici, su uvek bilo par redov.

И.: Да, да. Могла приехать вся родня, собирать виноград. Но у наших людей не было больших виноградариков, всегда было пара рядов.

Из вышеприведенных интервью складывается следующая картина. Временем проведения праздника сбора винограда является конец сентября. Сам праздник представляет собой торжественное шествие по селу из виноградника либо в виноградник на тракторах/машинах. Кроме того, в качестве одного из элементов праздника могло иметь место шествие ряженных. После шествия следовало угощение и далее танцы. Центром празднования сбора винограда в регионе информанты называют немецкое село Вашкерестеш и венгерское село Нарай, подчеркивая, что, несмотря на то что многие хорваты сейчас

держат виноградники, само изготовление вина не является для них важным занятием. Информанты также упоминали, что не считают свой регион винным, хотя и знают, что на австрийской стороне южного Бургенланда виноделие развито — подобное отношение к виноградарству они чаще всего связывают с тем, что в период социализма значительная часть виноградников была отнята у хозяев и национализирована, в результате хорваты перестали считать виноградарство частью повседневной жизни, сколько-нибудь заслуживающей внимания, виноградники вновь стали возделывать лишь в последнее время, однако широкого распространения данное занятие до сих пор не получило. В плане укорененности традиции информанты несколько различаются в ответах, часть опрошенных считает празднование сбора винограда местным, но сугубо венгерским праздником, часть говорит, что это общее нововведение последних лет, кто-то утверждает, что прежде праздник существовал в регионе, однако затем традиция была на время прервана.

В качестве наименования праздника фигурируют два термина — *trgadba* и *sureti*. Первый восходит к *trgati* ‘собирать’ и является традиционным для Хорватии виноградарским термином, обозначающим собственно сбор винограда⁶. Для второго, в свою очередь, возможны два варианта происхождения: 1) от южнославянской лексики *surati*, обозначающей ряжение — ср. в Южной Славии турцизм *Surati* < *sureti* ‘маски, ряжение’⁷; 2) собственно венгерское происхождение от лексики *szüreti* (*felvonulás*) досл. ‘относящийся к виноградному суслу, связанный с виноградным суслом’, которая восходит к глаголу *szür* ‘жать, давить’⁸. В данном случае в связи с тем, что сами информанты неоднократно ссылались на венгерское происхождение праздника, логично было бы предположить венгерское происхождение также и для термина, которым тот обозначается.

Поскольку сам праздник осознается информантами как венгерский, рассмотрим его в рамках собственно венгерской традиции, двигаясь по направлению с востока страны на запад к землям Бургенланда. Празднование сбора винограда, естественно, не представляет собой чисто венгерское явление.

⁶ Skok 1973: 499.

⁷ Skok 1973: 363–364.

⁸ Benkő 1993: 1465.

В Венгрии праздник, который носит название *szüreti felvonulás* или *szüreti bál* (досл. 'шествие виноградного сусла' / 'бал виноградного сусла') проводится в сентябре-октябре, причем конкретный день его проведения варьируется в зависимости от региона. Так, на востоке Венгрии (Токай) это день св. Михаила (Михая), 29 сентября, в Среднем и Южном Задунавье, а также в Трансильвании праздник сбора винограда проводится на св. Терезию, 15 октября⁹, а в Западном Задунавье — в день св. Урсулы (Оршои), 21 октября. Сам праздник всегда представляет собой шествие по селу (либо сразу по нескольким селам, которые поддерживают тесные контакты) торжественной процессии, после чего устраиваются танцы и подаются угощения. Характер шествия и облик ряженных также несколько различаются в зависимости от региона. Отметим, что традиция, связанная с праздником сбора винограда, в ряде регионов прерывалась в силу естественных причин: в конце XIX в. значительная часть виноградников была уничтожена из-за массового заражения европейских виноградников филлоксерой; впоследствии праздник воссоздавался главным образом усилиями профессиональных сообществ¹⁰.

Так, в Восточной Венгрии процессия напоминает свадебную, в ряде сел девушки в белом, лица которых густо накрашены красной краской, несут большой венок, предназначенный для владельца виноградника. В Центральной Венгрии в составе шествия может присутствовать также персонаж *vinceller* (виноградарь, винодел). В районе г. Ноград (север Центральной Венгрии) он идет во главе процессии и несет с собой большой венок, сплетенный из винограда, а также большую палку, перевитую виноградом. После того как процессия прибывает в конкретный виноградник, *vinceller* отдает венок хозяйке, а палку хозяину виноградника, после чего начинается торжественный ужин с танцами. В районе с. Тура (Центральная Венгрия, окрестности Будапешта) толпа ряженных изображает солдат, нищих и пастухов¹¹. См. также описание праздника в районе гряды Черхат (север Центральной Венгрии), сделанное в 1857 г., где говорится о том, что центральным обрядовым персонажем был *vincellér*, «на нем была праздничная шляпа, в правой руке он держал

⁹ О том, что в районе Балатона праздник сбора винограда приходится на св. Терезию, см: Madarassy 1929: 162.

¹⁰ Ср. об этом для Восточной Венгрии в Erdész 1988, 86.

¹¹ Dömötör (ed.) 1991.

венок, сплетенный из винограда различных сортов, в правой руке палку, украшенную виноградом», он возглавлял процессию, которая с песнями шла через всю деревню к винограднику, где он отдавал венок хозяйке виноградника, а палку — хозяину, после чего начинался праздник с угощением и танцами¹². В с. Монор (Центральная Венгрия, окрестности Будапешта) сбор винограда всегда праздновали в самой деревне. Парни ехали на лошадях; четыре девушки в белых одеждах несли на шесте большую гроздь винограда, четыре парня несли «винного короля», который сидел на большой бочке. Роль «винного короля» выполнял маленький мальчик, он был празднично наряжен; на голове у него была бумажная корона, приклеены усы из кукурузной шелухи и борода из меха¹³.

В Западной Венгрии характер шествия соотносится с тем, который представлен в центральных регионах. Так, я принимала участие в празднике сбора винограда в с. Дюлакеси (Среднее Задунавье, район г. Тапольца) во время этнолингвистического обследования региона в октябре 2010 г. Праздник выглядел как проезд тракторов с прицепами, в которых сидели участники, через три деревни, жители которых совместно отмечали сбор винограда. В каждой деревне процессия периодически останавливалась возле домов, в которых жили хозяева более крупных виноградников, и участники процессии принимали символическую шуточную кражу специально подготовленных бутылок с вином. Существенным моментом праздника также являлись изготовление «виноградного колокола» (*szőlőharang*), жестяного колокола, висящего на конструкции в форме огромной подковы, увитой виноградом, и избрание виноградного судьи (*szőlőbíró*), который держал в руке большую палку; шляпа и палка судьи тоже были обвиты виноградом. В конце, когда процессия подъезжала к месту развлечения, виноградный судья звонил в виноградный колокол, прощал участникам процессии их кражу и разрешал выпить украденное вино, следовало торжественное угощение с последующими развлечениями.

При этом в самом комитате Ваш (Западное Задунавье), к которому относятся обследованные нами хорватские села, представлена достаточно парадоксальная ситуация: с одной стороны, праздник сбора

¹² Madarassy 1929: 165.

¹³ Ibidem.

винограда здесь проводился достаточно регулярно с конца XIX в., с другой стороны, он носит достаточно искусственный характер. Описанию данного праздника в регионе Ваш посвящена статья П. Иллеша, которую я позволю себе прокомментировать с учетом общевенгерского бытования праздника, а также в контексте записанных нами хорватских интервью. Так, автор пишет, что в регионе Ваш праздник сбора винограда стал проводиться с конца XIX в., и в целом представлял собой скорее городскую моду и стилизацию под народную традицию; первоначально инициаторами праздника выступали местные городские винодельческие союзы, а также молодежные объединения¹⁴. Это объясняет определенную противоречивость в квалификации хорватскими информантами праздника как нового, поскольку для сельской местности он в любом случае оставался явлением, привнесенным извне, хотя иногда и проводился с размахом в соседних селах.

Само шествие представляло собой процессию ряженных, где были «судьи», «присяжные» и «черти», участники процессии «крали» вино, за что судьи их могли «наказывать». В другом описании праздника упоминалась повозка с балдахинном, под которым сидели три девушки в белом, изображавшие ангелов. В позднейших описаниях (начало XX в.) процессия представляла имитацию свадебного шествия, двое участников изображали жениха и невесту, а другие, «черти», пугали окружающих, шумели либо стучали¹⁵. Мы видим здесь, с одной стороны, смешение региональных венгерских традиций (свадебное шествие / девушки в белом / символическая кража вина, избрание «виноградного судьи»), что подтверждает искусственное воссоздание праздника в регионе, о котором пишет П. Иллеш. С другой, шествие во время праздника сбора винограда имеет общие черты с масленичным шествием, что также отмечалось нашими хорватскими информантами.

Изначально местом проведения праздника сбора винограда был г. Сомбатхей, из других мест П. Иллеш отметил Кёрменд, Целлдемёлк

¹⁴ См. об этом в Illés 2005: 55–56. Аналогичная модель проведения праздника рассматривается в работе Börsöck 1974: 489, где автор, анализируя специфику данного праздника сбора винограда в окрестностях Сегеда, говорит о том, что мероприятие представляло собой скорее городскую традицию, поддерживаемую местными союзами молодежи, которая получала поддержку в том числе на селе.

¹⁵ Illés 2005: 52–54.

и Кёсег, а также сс. Нараи, Вашкерестеш, Чёрётнек, Немешбёд и Салафё. В межвоенный период профсоюзы праздновали сбор винограда в с. Ондод (Торонь), Вашкерестеш, а также в с. Сентпетерфа (хорв. Петрово Село)¹⁶. В любом случае точками иррадиации праздника являются более крупные населенные пункты, в числе которых фигурируют отмеченные нашими хорватскими информантами села Нараи и Вашкерестеш, а также Сентпетерфа (Петрово Село).

При этом праздник сбора винограда был одним из тех традиционных праздников, которые в советское время не подлежали запрету в странах социалистического лагеря и, с некоторыми трансформациями,¹⁷ продолжали свое бытование в Венгрии и Чехословакии. Хорватские информанты чаще всего упоминали виноградники как таковые именно в контексте эпохи социализма, однако это было связано не с праздничной традицией, а с тем, что именно в это время значительная часть виноградников была национализирована, что называлось информантами одной из возможных причин того, что сам праздник не находит у них сколько-нибудь значительную поддержку, и того факта, что сами они свой регион винодельческим не считают.

Что касается современности, следует отметить, что в карпатском регионе нередко прослеживается тенденция проводить праздник сбора винограда для привлечения туристов¹⁸. В районе, к которому относятся хорватские села южного венгерского Бургенланда, находится винный маршрут Кесег — Вашхедь, куда входит в том числе обследованное нами хорватское село Горни Четар/Фелшечатар.

У хорватов венгерского Бургенланда традиция, связанная с праздником сбора винограда, не нашла какого-либо существенного отражения и осталась в рамках некой формальности, которая интерпретируется хорватским анклавом как венгерская традиция, хотя и для самих венгров она здесь является в значительной степени искусственной. Отсутствие традиции праздновать сбор винограда хорватские информанты также связывают с социально-политическими

¹⁶ Illés 2005: 59

¹⁷ Об этом см., напр., в Popelková 2014.

¹⁸ Ср. об этом в Popelková 2005, 119 для словацких населенных пунктов Модра, Пезинок (Западная Словакия, район г. Братислава) и бывшем селе Рача (сейчас входит в черту Братиславы), которые включены в состав так называемой Малокарпатской винной дороги.

переменами в регионе, однако искусственность праздника вызвана скорее тем, что он фигурировал прежде всего как городское развлечение. Несмотря на то, что в окрестностях возделывается виноград и производится вино, а также вопреки стремлению властей развить «винную составляющую» региона, праздник сбора винограда пока функционирует у венгерских хорватов лишь в качестве развлекательного мероприятия и не рассматривается населением в качестве собственной региональной и этнокультурной идентичности.

Литература

- Benkő 1993 — *Benkő L.* Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen: 3 Bde. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993. 1614 old.
- Börcsök 1974 — *Börcsök V.* Az éró szőlőtermés őrzése, szüretelése és a szüreti bál a Szeged környéki homokon // *Ethnographia*. 1974. 85. évf. 479–493. old.
- Dömötör (ed.) 1991 — Népszokás, néphit, népi vállalosság. Folkor 3 / szerk. T. Dömötör. Budapest, 1991 (Magyar néprajz nyolc kötetben / főszerk.
- Erdész 1988 — *Erdész S.* Szüreti népszokások kialakulása a hegyaljai mezővárosokban // *A Hegyaljai mezővárosok történeti néprajza*. Miskolc: Hermnn Ottó Múzeum, 1988. 86–93. old.
- Illés 2005 — *Illés P.* A szüreti felvonulások és az egyesületi élet kapcsolatai a 2. világháborúig Vas megyében // *Vasi Honismereti és Helytörténeti Közlemények*. 2005. 33. évf. 3. sz. 51–65. old.
- Illés 2017 — *Illés P.* Tájfenntartó szőlőhegyi gazdaközösségek. Néprajzi, történeti és szociokulturális antropológiai írások az Őrség, a Vasi-Hegyhát/Kemeneshát és a Kemenesalja kistájokról. Szombathely: Savaria Megyei Hatókörű Városi Múzeum, 2017. 221 old.
- Kahounová 1975 — *Kahounová E.* Malokarpatské obračky — nová verzia tradičných slávností // *Slovenský národopis*. 1975. 23 (4). S. 566–580.
- Kranjčević, Gartner 2019 — *Kranjčević J., Gartner W. C.* Sektorske karakteristike nasljeđa za razvoj vinskih regija: utjecaj poljoprivrede, kulture i turizma / Sectoral heritage characteristics for wine region development: the influence of agriculture, culture and tourism // *Acta Turistica*. 2019. Vol. 31. № 1. P. 7–34.
- Krnic 2015 — *Krnic A.* Vinogradarstvo kao tradicijsko gospodarstvo u Hrvatskom Zagorju. Diplomski rad. Zagreb, 2015. 59 s. (рукопись).
- Madarassy 1929 — *Madarassy L.* Magyar szüreti szokások // *Ethnographia*. 1929. 40. évf. 162–167. old.
- Mód, Simon et al. 2001 — *Mód L., Simon A., Novak Császár J., Sági N., Guba Sz.* A hajtástól az újborig. A szőlő és bor ünnepei Lendva-vidéken. Lendva: Magyar Nemzetiségi Művelődési Intézet, 2001.

- A. Paládi-Kovács. VII. köt). URL: <https://mek.oszk.hu/02100/02152/html/07/index.html> (дата обращения: 17.01.2020)
- Popelková 2005 — *Popelková K.* Vinohradníctvo, vinohradníci a turizmus jedného odvetvia ako nosná rovina regionálneho rozvoja) // *Etnologické rozpravy [seriál]*. 2005. R. XII. Č. 2. S. 112–120.
- Popelková 2014 — *Popelková K.* K otázke dynamiky sociálnych funkcií mestského sviatku: obernárodné slávnosti // *Slovenský národopis*. 2014. R. 62. Č. 3. S. 313–334.
- Skok 1973 — *Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb: Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti, 1973. 700 s.

References

- Benkő, L. 1993. *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen*. 3 vols. Budapest, 1614 p.
- Börscsök, V., 1974. Az éró szőlőtermés őrzése, szüretelése és a szüreti bál a Szeged környéki homokon. *Ethnographia*, 85, pp. 479–493.
- Dömötör, T., ed., 1991. *Magyar néprajz nyolc kötetben. Vol. 7. Népszokás, néphit, népi vállalkosság. Folklor 3*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 867 p. (Magyar néprajz nyolc kötetben / főszerk. A. Paládi-Kovács. Vol. VII). URL: <https://mek.oszk.hu/02100/02152/html/07/index.html> (accessed: 17.01.2020).
- Erdész, S., 1988 Szüreti népszokások kialakulása a hegyaljai mezővárosokban. *A Hegyaljai mezővárosok történeti néprajza*. Miskolc: Hermn Ottó Múzeum, pp. 86–93.
- Illés, P., 2005. A szüreti felvonulások és az egyesületi élet kapcsolatai a 2. világháborúig Vas megyében. *Vasi Honismereti és Helytörténeti Közlemények*, 33, 3, pp. 51–65.
- Illés, P., 2017 *Tájéftartó szőlőhegyi gazdasközösségek. Néprajzi, történeti és szociokulturális antropológiai írások az Őrség, a Vasi-Hegyhát/Kemeneshát és a Kemenesalja kistájáról*. Szombathely: Savaria Megyei Hatókörű Városi Múzeum, 221 p.
- Kahounová, E., 1975. Malokarpatské oberačky — nová verzia tradičných slávností. *Slovenský národopis*, 23(4), pp. 566–580.
- Kranjčević, J. Gartner, W. C., 2019. Sektorske karakteristike nasljeđa za razvoj vinskih regija: utjecaj poljoprivrede, kulture i turizma / Sectoral heritage characteristics for wine region development: the influence of agriculture, culture and tourism. *Acta Turistica*, 31, 1, pp. 7–34.
- Krnic, A., 2015. *Vinogradarstvo kao tradicijsko gospodarstvo u Hrvatskom Zagorju*. Diplomski rad. Zagreb, 59 p. (manuscript)
- Madarassy, L., 1929. Magyar szüreti szokások. *Ethnographia*, 40, pp. 162–167.
- Mód, L., Simon, A., Novak Császár, J., Sági, N., Guba, Sz., 2001. *A hajtástól az újborig. A szőlő és bor ünnepei Lendva-vidéken*. Lendva: Magyar Nemzetiségi Művelődési Intézet, 159 p.

- Popelková, K., 2005. Vinohradníctvo, vinohradníci a turizmus jedného odvetvia ako nosná rovina regionálneho rozvoja. *Etnologické rozpravy*, 12, 2, pp. 112–120.
- Popelková, K., 2014. K otázke dynamiky sociálnych funkcií mestského sviatku: obaračkové slávnosti. *Slovenský národopis*, 62, 3, pp. 313–334.
- Skok, P., 1973. *Etimologijski rjecnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb: Jugoslavenška Akademija znanosti i umjetnosti, 700 p.

Daria Yu. Vashchenko

PhD, Senior Researcher, Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Science, Moscow, Russia. 119334, Leninsky Prospekt, 32A. E-mail: daranis@mail.ru

Croats among Hungarians: the grape harvest festival

The study is based on interviews collected in the course of field ethnolinguistic research in 2019 from Croats living in Hungary in the vicinity of Szombathej. The article deals with the grape harvest festival called *trgadba*, or *surety*. Testimonies from local Croats are analysed against the background of the corresponding Hungarian tradition, as well as in the context of socio-historical processes that took place in the region in the twentieth century. For the sake of comparison, data on the grape harvest holiday in neighbouring Slovakia is used. Special attention is paid to the perception of the holiday by the Croat population, and their qualification of it as their own/alien, and primordial/new. Some local Croats believe the celebration of the grape harvest to be some conventional semi-official holiday that has no support in local tradition, linking it with the Hungarian nature of the holiday, as well as the fact that, under Socialism, the vineyards were nationalised and the tradition broken. Others qualify the holiday as a novelty of recent times. It is shown that for the region as a whole, the holiday is an innovation going back to the late nineteenth century and since then has been considered an urban fashion. Attempts to develop wine tourism in the region and integrate the Croatian villages of Burgenland into the so-called wine roads have not yet met any significant support among residents, and the grape harvest festival has a conditional and rather formal character for them which is not associated with their own ethnocultural identity.

Keywords: folk tradition, ethnolinguistics, Burgenland, intercultural contacts, wine tourism

ПОЛИГЛОССИЯ ПОСТМОДЕРНА

Оксана Аркадьевна Якименко

Старший преподаватель, филологический факультет, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия. 191186, набережная реки Мойки, 48. E-mail: oxana.yakimenko@gmail.com

Полигlossия в современной венгерской литературе: разнообразие авторских стратегий

В статье демонстрируются основные тенденции и стратегии использования в венгерской литературе многоязычия, характерного для пограничных регионов, соседних с Венгрией стран, на территории которых проживают венгерские меньшинства. Автор прослеживает тенденцию к более активному использованию полигlossии как приема и выразительного средства в венгерской литературе конца XX — начала XXI в. и приводит примеры перехода от простой фиксации фактов говорения на нескольких языках и стремления сохранить максимальную близость с единой венгерской литературой, избегая регионализмов и вкраплений на других языках, к внедрению в тексты иноязычных слов, предложений и целых фрагментов на языках, в пространстве которых венгерские языковые меньшинства существовали и продолжают существовать на протяжении последних ста лет. Предметом рассмотрения служат прозаические произведения венгерских авторов — как уроженцев ближнего венгерского зарубежья, так и родившихся на территории современной Венгрии (или переехавших в Венгрию из соседних государств). В статье приводятся фрагменты произведений, ранее не переведившихся на русский язык, что позволяет ознакомиться с многообразием полицентричной венгерской литературы, создаваемой в пространстве других национальных литератур.

Ключевые слова: венгерская литература, полицентризм, транскультурализм, мультикультурализм, билингвизм

Венгерская литература — как внутри Венгрии, так и за ее пределами — привычно понимается многими исследователями, находящимися вне непосредственного «центральноевропейского поля», как литература, создаваемая исключительно на венгерском языке, пусть и с вкраплениями регионализмов и диалектизмов или отдельных слов на румынском, сербском, словацком, украинском или немецком

языках (а также — русинском, русском и других)¹. С помощью таких маркеров авторы (любой, не только венгерской литературы) обозначают обычно место действия и указывают на степень ассимиляции того или иного героя, его этническую принадлежность.

Однако в реальности венгерская литература создавалась и продолжает создаваться отнюдь не в монопольном пространстве, но в окружении и при непосредственном участии людей, для которых венгерский язык совершенно не обязательно являлся родным, да и сама венгерская литература, если рассматривать ее в историческом контексте, далеко не сразу начала существовать на венгерском языке — достаточно упомянуть писавшего на латыни и обучавшегося в Италии хорвата и при этом первого венгерского поэта Яна Паннония (1434–1472) или предположительно немецкоязычного автора первой венгерской исторической песни «Взятие Сабача» (1476). Литературовед Золтан Немет предложил рассматривать подобные явления, равно как и произведения, создаваемые на венгерском языке не его носителями с использованием специфических тем, литературных и культурных традиций, опыта и языковых особенностей, не свойственных прежде принимающему языку и созданной на нем литературе, как «мигрантскую литературу» (*migráns irodalom*), распространяя этот термин, широко применявшийся исследователями постколониальной литературы в конце 1990-х годов и впоследствии актуализированный в начале XXI в. в рамках полемики о «транскультурной», «новой мировой» и «мультикультурной» литературе², и на венгерскую литературу. При этом Немет отнес к «мигрантской литературе» и произведения венгерских писателей-реэмигрантов, а также переселившихся в Венгрию из ближнего зарубежья (Трансильвании, бывшей Югославии — в ходе войны), и наоборот, уехавших из страны авторов, а также тех, кто оказался жертвой насильственных переселений (например, словацкие венгры, переселенные после Второй мировой войны в места, где прежде жили судетские немцы)³.

¹ Список языков, вкрапления из которых можно встретить в текстах венгерской литературы, безусловно, намного обширнее, однако я сознательно не касалась, например, английского или русского языка, так как их использование в литературе иллюстрирует формы многоязычия, выходящие за рамки, обозначенные в статье.

² См., например: Thomsen 2008.

³ Németh 2018a: 63–66. Следует отметить, что Немет отнес к этой категории и литературу, описывающую опыт людей, мигрирующих из деревни в город, однако,

Было бы закономерно предположить, что обилие авторов-билингвов (и полилингвов), постоянное смешение языковых и культурных пластов в регионе отразится в полной мере и в венгерских литературных текстах. Ведь по утверждению венгерской исследовательницы проблем двуязычия Чиллы Барта:

Для того, кто родился в многоязычной семье и окружении, естественно возможность трактовать реальность на нескольких языках и на основе множественных прекоцепций. Как следствие, такой человек будет считать идеальным не только свой родной язык, но и второй родной язык будет проживать точно так же⁴.

Однако, несмотря на бытование венгерской литературы в пространстве других языков и билингвизм авторов, живущих в многоязычном пространстве так называемого ближнего венгерского зарубежья (территорий, до Трианонского мирного договора 1920 г. принадлежавших Венгрии, а затем ставших частью окружающих Венгрию стран) и использующих в качестве материала для своих произведений поликультурную специфику территорий, населенных представителями разных народов и носителями разных языков, полигlossия как явление встречается в венгерских литературных текстах отнюдь не часто. По оценкам венгерских литературоведов (П. Сирак, З. Немет), после Второй мировой войны и практически до смены политического строя в 1989 г. в «большой» венгерской литературе многоязычие оставалось периферийным явлением, а венгерский язык, на котором создавалась литература в Словакии, Румынии, Югославии, Закарпатье, продолжал быть единым венгерским языком, локальные варианты которого функционировали как варианты единого стандарта, а не как отдельные стандарты⁵. Признавая венгерский язык полицентричным, З. Немет предложил говорить об «асимметричном полицентризме»⁶ венгерского языка по причине явного доминирования языковой нормы, принятой в Венгрии.

поскольку в этом случае с точки зрения языка следует говорить, скорее, о столкновении и взаимопроникновении диалектов и литературного языка, я выношу данную группу за рамки этой статьи.

⁴ Bartha 1999: 35–36.

⁵ Подробнее об этом см., например: Szabomihály, Lánstyák (szerk.) 2011.

⁶ Németh 2018b.

Венгерский литературовед Иштван Фрид, исследующий проявления полигlossии в литературе Венгрии и, шире, Центральной и Восточной Европы на протяжении почти сорока лет, объяснил историческую маргинальность многоязычия в венгерской литературе, точнее, ограниченность его проявлений непосредственно в текстах (например сведение к языковым характеристикам персонажей или групп персонажей, как у Калмана Миксата⁷) тем фактом, что эпоха формирования венгерского литературного языка в его современном понимании совпала «с тем, что принято называть периодом языкового национализма», когда, с одной стороны, шел процесс демократизации, и любой, кто говорил и писал на этом новом литературном языке, становился частью народа/нации, а с другой:

Из нации исключались все, кто принадлежал к общности с иным родным языком, <...> в результате потребность принадлежать к выбранному языку могла сопровождаться отдалением от другого языка, что способствовало моноязычию — в отличие от прежнего, довольно широко распространенного многоязычия⁸.

Стремление создать литературный язык, способный стать в один ряд с другими европейскими языками, в конце XVIII в. оттесняет литературное многоязычие «главным образом, в субкультуру, в сферу литературной/языковой игры»⁹. Если полигlossия и фиксируется в текстах, то это, прежде всего, народная поэзия или авторские тексты макаронического характера¹⁰. Также характерно смешение языков

⁷ Кальман Миксат (Mikszáth Kálmán, 1847–1910), один из крупнейших венгерских прозаиков второй половины XIX — начала XX в., родился на территории современной Словакии, героями его рассказов и романов, ставших классикой венгерской литературы, нередко оказывались жители многоязычного комитата Ноград (ныне — Банскобыстрицкий край, Словакия). См., например, сборники «Братья-словаки» и «Добрые палотцы» (1881). Любопытно, что в современной Словакии периодически пытаются представить Миксата как «забытого словацкого писателя». См. также заочную полемику З. Немета с автором одноименной книги П. Криштуфekom: Németh 2017.

⁸ Fried 2011: 63.

⁹ Fried 2011: 64.

¹⁰ Макароническая, то есть изобилующая иностранными словами поэзия, особенно песенная лирика — явление, характерное для региона. Эндре Даниелис в статье «Макароническая народная песня» (Dánielisz 1977) привел десятки примеров макаронизмов в венгерской литературе: у Я. Чоконани, Я. Араня, Ш. Петефи, М. Йокаи и других авторов, причем речь идет не только о латинских, но и о словацких, хорватских, русинских и прочих иноязычных вкраплениях.

в сказках (см. работы Ш. Домокоша и Й. Фараго, посвященные венгеро-румынским сказкам и балладам¹¹).

Учитывая описанные выше тенденции, количество текстов, в которых так или иначе можно наблюдать феномен многоязычия, в венгерской литературе («внутренней» и «внешней») вплоть до 1960-х годов оставалось небольшим. Именно поэтому для анализа были отобраны произведения, созданные в последние три десятилетия XX в. и в начале XXI в. либо писателями-носителями венгерского языка, уроженцами ближнего венгерского зарубежья (Лайош Грендел, Нандор Гион, Андреа Томпа)¹², либо венгерскими писателями, родившимися и живущими в Венгрии, но, в силу разных причин, связанных с языками и культурами окружающих Венгрию стран (Миклош Месей (1921–2001), Пал Завада).

В первой половине и середине XX в. не представленная в полной мере в литературе полигlossия постепенно вытеснялась и из общественного пространства в силу разнообразных, чаще всего политических и экономических причин. Об утрате бытового многоязычия в середине прошлого столетия рассуждал в произведениях родившийся и живший в Словакии венгерский писатель Лайош Грендел (1948–2018):

В моем детстве город был абсолютно двуязычен. Не только венгры говорили по-словацки, но и большинство словаков прилично знали венгерский, и двуязычие еще не было вытеснено из магазинов и учреждений. Какой же рай мультикультурализма можно было бы здесь создать!¹³

В собственных же прозаических текстах, созданных на венгерском языке, Грендел часто указывал на различную степень многоязычия героев, однако нередко передавал это многоязычие описательно:¹⁴

¹¹ Domokos 1968, Faragó 1955 и др.

¹² Эти писатели представляют три важнейшие венгерские субкультуры в сопредельных с Венгрией государствах: словацкую, воеводинскую (Сербия) и трансильванскую (Румыния).

¹³ *Grendel L. Böske néni kalaptűje // Grendel L. Hazám Abszurdisztán. Pozsony: Kalligram Kiadó, 1998. 47. old.* Здесь и далее все приведенные фрагменты венгерских литературных произведений даны в переводе автора статьи, так как ранее на русский язык не переводились, за исключением текстов Пала Завады и Отто Толнаи, переводчики которых указаны отдельно.

¹⁴ Здесь и далее курсив мой.

Сын Пишти что-то понимал *по-венгерски*, но говорил на словацком — на этом языке он мог выразиться легче и точнее.

— Вижу, вы не совсем понимаете, о чем речь. У отца вчера случился ужасный приступ. <...>

— Там у него будет отдельная комната, — мечтательно произнес сын, — все будет. *Гроссмутти* уже на ладан дышит. («Гроссмутти»? До чего мы дошли!) — *произнес он по-венгерски*¹⁵.

Аналогичным образом явление полиглоссии изображал в текстах венгерский писатель — живший в Сербии — Нандор Гион (1941–2002): «Мать говорила с ними по-сербски, но у детей с окрестных хуторов они научились венгерскому»¹⁶. В романе «Золото нашел», заключительном томе тетралогии о судьбах жителей Бачки — региона, входящего в состав сербской Воеводины¹⁷ и венгерского комитата Бач-Кишкун, — Гион, почти не используя в тексте сербские вкрапления, постоянно подчеркивал присутствие сербского языка и культуры и их непростое сосуществование с венгерскими:

<...> с окончанием войны Сильвестр Дёме выступил удачно, <...> взял в жены Любицу, сербскую девушку из деревни Кать. В Кате живут зажиточные сербские семьи. Любица, правда, хоть и не из такой семьи была родом, но все же принесла счастье Сильвестру — приехала в Девечер *с сербским пониманием жизни*, они себе один из хуторов в Шаги и прикупили. <...> Любица родила двух дочерей, одну назвала Лепосавой, вторую — Бояной, *говорила с ними только по-сербски*, как и с мужем, а Сильвестр Дёме послушно *выучил сербский* и принялся преумножать семейное добро¹⁸.

Ситуации, аналогичные описанной в приведенном примере, встречаются у Гиона почти в каждом романе: «Штефан работал с удовольствием, научился объясняться *по-сербски*, шутил с людьми, когда те приносили палинку» («Цветочный солдат»)¹⁹; «Мать говорила с ними *по-сербски*, но у детей с соседних хуторов они научились

¹⁵ Grendel L. Az utolsó reggeli, regényrészlet // Jelenkor. 2013. 56. éfv. 2. sz. 127. old. Было бы преувеличением утверждать, будто Грендел вовсе не использовал в текстах полиглессию как прием (речь об этом идет ниже в статье).

¹⁶ Gion N. Aranyat talált. Budapest: Osiris, 2002. 838. old.

¹⁷ Многочисленное венгерское население современной Воеводины, до 1918 г. находившейся в составе Венгерского королевства, через образовательные и культурно-просветительские организации сохраняет язык и национальную идентичность.

¹⁸ Ibid. 835.

¹⁹ Цит. по: Kurcz 2015: 107.

венгерскому» («Золото нашел»)²⁰ и т. д. Однако, указывая на многоязычие своих героев, автор последовательно вычищал из текстов регионализмы. И. А. Курц в исследовании «Идентичность и история в прозе Нандора Гиона» отметил:

Кроме нацарапанного на стене “*Bezi, Kurta...*” и первых слов народной песни “*Tamo daleko*” в произведениях [Гиона] сербских вставок не встречается: реплики сербов и немцев, к примеру, всегда даны на венгерском, и указание на то, кто на каком языке говорит, попадает лишь периодически²¹.

Сознательное стремление уйти от регионализмов в случае Гиона, по мнению Курца, вызвано тем, что писатель, равно как и другие участники литературного движения, объединившегося вокруг журнала «*Új Symposion*» («Новый симпозиум»), важнейшего органа венгерских литераторов в бывшей Югославии (1965–1992), мыслили категориями единой венгерской литературы и предназначали свои тексты для всей венгероязычной читающей публики, то есть использовали универсальный, свободный от вкраплений других языков венгерский литературный язык, не желая, чтобы их произведения «оказались в языковой и культурной изоляции»²². Согласно еще более радикальному мнению Белы Помогача, «в случае с венгерскими литературами мы вообще не можем говорить о национальных различиях»²³.

Если для поколения Грендела и Гиона характерна стратегия фиксации полигlossии без непосредственного использования элементов других языков как в речи героев, так и в авторской речи, обусловленная желанием сохранить органическую связь с «материнской» венгерской литературой и не превратиться для читателя, живущего в самой Венгрии, в «экзотических» авторов из венгерских заповедников на территориях, прежде принадлежавших Венгрии в составе Австро-Венгерской монархии, то следующая генерация писателей выбрала иной путь и зачастую превращала полигlossию в художественный прием. Исследуя положение языковых и культурных меньшинств на территории Венгрии, аналогичную стратегию выбрали

²⁰ Ibid. 155.

²¹ Kurcz 2015: 203.

²² Ibid. 204. Справедливости ради следует отметить, что отнюдь не все авторы «*Új Symposion*» шли аналогичным путем: см. далее в статье о творчестве Отто Толнаи.

²³ Pomogáts 1995: 7.

и представители более старшего поколения в поздних произведениях, как в случае с Гренделом, который описывал жизнь венгров в условиях, где они являются «национальным меньшинством» и существуют в ситуации активного многоязычия.

Рассуждая о смене канона и новом контексте региональности после политического поворота 1989–1990 гг., Петер Сирак связал коренную трансформацию дискурсивного поля и литературной системы с обрушением советской и имперской системы: «Культурная функция литературы, <...> ее почти исключительная роль в формировании идентичности в кругу элит во всем регионе, похоже, сокращается»²⁴. Демократическая или, наоборот, крайне националистическая борьба за новую идентичность повлияла на межкультурные взаимодействия в литературе. «Появились тексты, которые не просто тематизируют, но инсценируют культурное сопоставление»²⁵. Похожую мысль высказывал и словацкий венгерский поэт и литературовед А. Мижер:

Смысл понятия “венгероязычная литература” на данном этапе слишком многосоставен, чтобы его можно было сузить до круга вопросов, связанных с “венгерским словарным запасом” и “венгерской фразеологией”. <...> Современный образец словацкой венгерской литературы (т.е. канон, иерархия, отношения поколений между собой, институциональная система) органически связан со структурой венгерской литературы после смены режима, и в широком смысле может быть сведен к смене парадигмы, произошедшей в начале восьмидесятых годов вместе с произошедшим в Венгрии прозаическим поворотом, а также с трансформацией поэтического языка, и давшей о себе знать во всей венгерской литературе²⁶.

Следует также отметить, что многоязычие — как разнообразие не только естественных языков, но и языков различных социальных и региональных групп — характерно для современной венгерской литературы вообще. Под современной я понимаю здесь литературу многожанровую, разнообразную по технике, несущую в себе элементы как исторического модернизма журнала «*Nyugat*» («Запад»), так и постмодернизма представителей «поворота в венгерской прозе»²⁷,

²⁴ Szirák 2000: 49

²⁵ Szirák 2000: 54–55.

²⁶ Mizser 2018: 55

²⁷ «Поворот» в венгерской прозе (*prózafordulat*) — радикальная трансформация письма в конце 1970-х — начале 1980-х годов и появление целого поколения писателей,

и, безусловно, тексты более ранних и оказавших огромное влияние на формирование языка венгерской литературы Г. Оттлика и М. Месея, и органически связанных с этими писателями поколений венгерских авторов вплоть до сегодняшнего дня. Достаточно вспомнить тексты П. Эстерхази, П. Надаша, Д. Шпиро, Л. Парти Надя и авторов следующего поколения — Я. Хаи, Л. Мартона, С. Борбея и др.

Сознательное использование полигlossии для иллюстрации сосуществования нескольких естественных языков в смешанной культурной среде в «материнской», «магистральной» венгерской литературе в качестве художественного приема на более раннем этапе встречается в 1960-е годы у Миклоша Месея в романе «Смерть атлета» (1966), главный герой которого выдающийся спортсмен Балинт Эзе накануне смерти оказывается в трансильванской Владеасе (венг. Видязо) в горах Бихор (Бихар). Месея сам часто бывал в Трансильвании²⁸, много размышлял в письмах и интервью о судьбе венгров и венгерского языка в Румынии²⁹ и вообще активно интересовался венгероязычной литературной жизнью ближнего зарубежья, в том числе и в Югославии. В «Смерти атлета» румынский язык присутствует как органическая составляющая языковой ткани. Находясь в Трансильвании, герой участвует в ситуации полного двуязычия — беседует с румынской женщиной, которая относится к нему настороженно и, очевидно понимая заданные на венгерском вопросы, отвечает все же по-румынски (венгерский перевод ее реплик Месея приводит в постраничных сносках), но в последний момент переходит на венгерский:

— Не знаете, где тут в деревне пели? Недавно... минут сорок назад.
— Nu, doamnă, — она снова отрицательно покачала головой. —
Bărbatul meu nu-i a casă. Copii dormeau. [*Хозяина дома нет. Дети спят.*]

изменивших венгерскую литературу. Начало его связывают с именами Г. Оттлика и М. Месея. Подробнее см.: Якименко [2018].

²⁸ Регулярные поездки Месея в Трансильванию были, в первую очередь, связаны с тем, что его жена, писательница, танатолог Ален Польш была уроженкой Трансильвании — она родилась в Клуже (венг. Коложваре), там жили ее родственники, которых они часто вместе навещали. Современный Клуж с его значительным венгерским населением остается одним из ведущих центров венгерской культуры и образования в Румынии.

²⁹ В этой связи нельзя не упомянуть и его «Записку о политических возможностях урегулирования венгеро-румынских отношений» (1988), составленную совместно с Петером Балашша и Габором Чордашем.

— Мальчик один заходил наверх в кабану [*гостевой дом*], сказал, нас тут ждут.

— Aici? [*Здесь?*]

— Да... где-то здесь.

— Nu. Nu Poate la Badea George. [*Нет. Не знаю. Может У Георга Бадеа.*] У них вчера крестины были. Fecior [*Мальчик*] — улыбнулась она. — Это они обычно молоко в кабану носят³⁰.

Многоязычие стало мотивом еще одного романа Месея — «В точности как все было, проездом» ([1968], 1970), где писатель рассказал историю от лица венгерской женщины, приехавшей навестить родственников в румынскую Трансильванию, создавая «картину страха, страдания, нищеты, размывания и утраты национальной идентичности трансильванскими венграми»³¹. Хотя непосредственных вкраплений на румынском в тексте романа почти нет, автор постоянно подчеркивал, что родственники героини регулярно переходят на румынский, вставляют румынские слова: «Я пытаюсь говорить *по-румынски*, чтобы Фира тоже поняла»; «Фира напряженно прислушивается, мы повторяем ей *на румынском*»; «[Вали] едва в состоянии разлепить глаза ото сна, запускает руку в волосы, что-то бормочет *по-румынски*, потом опять исчезает»; «Знаешь, *по-румынски* это куда лучше звучит. Намного приятнее»³² и т. д. О равнозначном использовании обоих языков речь заходит только в контексте обращения к высшим силам, к Богу: «Есть у меня молитва, я ее сам написал. Недлинная, очень красивая. Я ее на нескольких языках обычно произношу, если разом приходит много народу. По-румынски, по-венгерски, по-немецки — чтобы помогли храму»; «Бог и не слушает даже, когда человек к нему обращается, мне часто кажется, он ни по-венгерски, ни по-румынски не понимает»³³. По мнению писателя и критика Тибора Тюшкеша, активно переписывавшегося с Месеем в том числе и по «румынскому вопросу», именно «трансильванская тематика и критический тон романа» привели к тому, что издательство («*Magvető*») задержало публикацию текста по прямому указанию

³⁰ Meszöly M. Az atléta halála. Pécs: Jelenkor kiadó, 1998. 219. old.

³¹ Tüskés 2003.

³² Meszöly M. Pontos történetek, útközben. Pécs: Jelenkor kiadó, 2001. 85., 126., 316., 358. old.

³³ Ibid. 136., 329. old.

ЦК, а сам роман впоследствии, когда был-таки напечатан, подвергся резкой критике³⁴.

Следует, однако, признать, что в целом в венгерской литературе 1970–1980-х годов рассматриваемый в статье тип многоязычия оставался периферийным элементом, и фиксировали его в текстах чаще писатели, создававшие произведения на венгерском языке за пределами Венгрии³⁵. Как сказано выше, выход за пределы характерной для Венгрии венгерской языковой нормы за счет внедрения языковых норм венгероговорящих сообществ ближнего зарубежья характерен, скорее, для начала 1990-х годов. Возможно, одним из самых важных прорывов в этом направлении стал роман венгерского писателя словацкого происхождения Пала Завады «Подушка Ядвиги» (1997), который многие литературоведы (Немет, Сирак и др.) рассматривали как катализатор расширения языковой картины венгерской литературы в начале XXI в. В «Подушке Ядвиги» автор соединил в одном тексте литературный венгерский и архаичный вариант словацкого языка (на котором говорили и пока еще продолжают говорить представители словацкого национального меньшинства, проживающие в комитате Бекеш на территории Венгрии), позволяя изнутри увидеть, как менялось мультикультурное пространство на протяжении первой половины XX в.

Для венгерского читателя довольно большие куски текста на словацком языке (причем в его диалектном варианте) стали настоящей неожиданностью. Роман состоит из двух дневников и комментария к ним. И дневники, и комментарий — выдуманные, но за судьбами персонажей встает тщательно реконструированная историческая реальность — летопись жизни словацкого меньшинства сначала в Австро-Венгерской империи, а затем в независимой Венгрии. Столкновение культур и судеб отражается и в постоянном смешении языков: «автор» основного дневника Андраш Остатни³⁶ все время перемежает речь словацкими фразами, вдова героя, Ядвига Остатни — после

³⁴ Tüskés 2003.

³⁵ Несмотря на различные политические обстоятельства, венгерская литература, безусловно, сохраняла и продолжает сохранять определенное единство. Все упоминаемые в статье авторы регулярно печатались в венгерских журналах, некоторые — как, например, Адам Бодор в 1982 г. — даже переезжали в Венгрию на постоянное место жительства.

³⁶ *Ostatný* (словацк.) — остальной, другой.

смерти мужа она вписывает в его дневник свои комментарии — владеет несколькими европейскими языками, но словацкого не знает, а сын героев Мишо, своеобразный «осколок» старого мира, растерявший все, чем владели его родители (и в прямом, и в переносном смысле), дополняет тексты родителей собственными рассуждениями на странном, порой примитивном и неуклюжем, «недовенгерском» языке. Пал Завада (род. в 1954) сделал попытку воссоздать естественное двуязычие словаков г. Тоткомлош, еще существовавшее в первой трети XX в., но затем постепенно сошедшее на нет. О степени владения словацким языком современных жителей и процессах, повлиявших на степень двуязычия в этом регионе сегодня сам Завада рассказал в интервью:

Продолжалось овенгеривание. Частные хозяйства прекратили свое существование, были созданы колхозы, ставшие местом коллективного труда для крестьян, что способствовало овенгериванию, ведь венгерский стал для них общим рабочим языком. Плюс школа, конечно, пионерское движение. Правда, были и словацкие школы, но туда мало кто ходил, да и дальше качественно продолжать образование на словацком было невозможно. вообще <...> словацкий, на котором там говорят или в Бекеше, это, скорее, диалект. Изолированный века с шестнадцатого. Очень архаичный. На литературном словацком хорошо сейчас говорит только тот, кто учился в Пожони (Братиславе. — *О.Я.*)³⁷.

По наблюдению З. Немета, «мультикультурные слои становятся видны не только через использование того или иного языка, но и через орфографию: об этом свидетельствует и овенгеренная орфография словакоязычного текста»³⁸. Представление об организации текста «Ядвиги» дает фрагмент оригинального текста романа и его перевод на русский язык³⁹:

³⁷ См.: Интервью Пала Завады журналу «Прочтение». URL: <https://prochтение.org/geo/29529> (дата обращения: 11.02.2020).

³⁸ Németh 2008.

³⁹ Вопрос перевода подобных текстов, на мой взгляд, заслуживает отдельного серьезного исследования. В случае с «Ядвигой» представляют особый интерес перевод романа на словацкий (выполнен Ренатой Деак в 1999 г.), а также проблема графического оформления текста на русском.

Mert az Öreggel ma üzenet érkezett. Anyám dühös. Elég legyen most már a kujtorgásból, korhelykodásból, Húsvétra takarodjak haza, Keresztapáék jönnek, vasárnap templom, hétfőn locsolkodás! (Gregor persze nem e szavakkal adta át, de vissza tudom én fejtetni, miként szólhatott.)

Hát a feleségem nem mondott semmit?

Ályeee... dacsonyi, nyögte az öreg, hogy de, mert ő is odajött aztán, zse potom hát... aj ona visla...

No, a cso?

Aj ona vavela...

Úgy mondd, Sztári, ahogyan ő mondta!, megértetted?, csak úgy!

Hát zse... nyevje, ako szamózsos takto szprávaty... zse sznyov pred seckov rogyinov...

Toto mi odkázala?

Hát... nyi tak, zse odkázala, hát mnye vavela...*

**Dee... dehogyisnem... hogy utána hát... ő is kijött. — No és mi(t mondott)? — Ő is mondta. — Úgy mondd, Öreg, ahogyan ő mondta. — Hát hogy... nem tudja, hogyan lehet neked magadat így viselni... hogy ővele így az egész rokonság előtt... — Ezt üzenete nekem? — Hogy hát... nem úgy, hogy üzenete, hát én-nekem mondta.*

Különbben itt azt, hogy “Ona vavela” (“Ő mondta”) azt nő mondta, mert ona. Magyarban rossz, hogy nem lehet így mondani, hogy tudnánk, hogy nő mondta vagy férfi. Vagy olyat se hogy: Moja. Szerintem szép szó csak így egy szóval, hogy MOJA. Ami annyit tesz, hogy

Нынче пришла со Стари-ком весточка — Матушка в гневе. Хватит кутежей и гулянок — чтобы к Пасхе дома был, Крестный с семьей придет, в воскресенье — в церковь, а в понедельник — поливать! (Грегор, конечно, передал все своими словами, но не трудно догадаться, что говорила Матушка.)

— А жена ничего не сказала?

— Ай-й-й... дачони, — прокрихтел старый, — ну, да, она тоже вышла же, потом... ай она вишла...

— Но, а чо?

— Ай она вавела...

— Говори, Старый, так, как она сказала! Понял? Только так!

— Ну, же... невые, ако са можеш такто справать... же снѣв пред шецков роудинов...

— Toto mi odkázala?

— Ну... ни так, же одказала, мне вавела...*

**Нет... нет, конечно... словом, потом... она тоже вышла. — Ну, и что (сказала)? — Она то же сказала. — Говори, Старый, как она сказала. — Словом... не знает, как можно так себя вести... с ней на глазах у родственников... — Она просила это передать? — Ну, в общем, не передать — это она мне сказала.*

А “Ona vavela” (“Она сказала”) — это в женском роде, потому что она. В венгерском плохо, что нельзя сказать так, чтобы было ясно: женщина говорит или мужчина. Или: Моя. По-моему, красиво звучит так, одним словом: МОЯ. А значит это моя жена.

az én nejem. Vagy hát nő nemű valaki, aki enyém. Ezen a szavon többször el is morfondírozok, mert olyanom nekem sose volt. Csak Anyusom, de arra nem lehet így mondani, hogy moja, csak feleségre a férj. Mondjuk, ha kocsmában halom tótul: Megyek aszongya, mert moja már vár ebédelni. Moja ma csaká uzs na obed.

*То есть особа женского пола, принадлежащая мне. Часто размышлял над этим словом, потому что у меня-то такой не было. Только Матушка, но про нее «моя» не скажешь — это только для мужа и жены. Когда, скажем, в кабаке кто-то говорит по-словацки: Пойду-ка, а то моя с обедом зажда-лась. Моя ма чака уж на обед)*⁴⁰.

В венгерском тексте писатель не просто сделал словацкие фразы частью «главного» дневника Андраша Остатни, но и отрефлексирует их употребление посредством комментариев сына Мишо, и, таким образом, сделал текст более комфортным для венгерского читателя. Постепенное замещение словацкого языка венгерским — метафора «распадающейся, ассимилирующей культуры»⁴¹, зеркальный вариант вынужденного отказа от венгерского языка у героев Грендела.

После успеха «Подушки Ядвиги» авторы стали действительно более активно работать с иноязычной составляющей в венгерском тексте. Так, например, похожим образом использовал немецкий язык в «Швабской трилогии» Роберт Балог⁴² («Швабский евангелион», 2001, «Швабский легендарий», 2004 и «Швабский дневник», 2007). Примечательно, что при обращении к более современным проявлениям многоязычия авторы уже не обязательно использовали его для демонстрации ущемления одной культуры другой или недоверия носителей разных языков друг к другу. Так, в романе Дёрдя Норберта⁴³ «Клара» (2004) читатель сталкивается с современным вариантом смешанного венгеро-словацкого наречия, где венгерский доминирует, но словацкие элементы активно встроены в монолог главного героя и создается ощущение особого

⁴⁰ *Závada P. Jadviga párnája.* Budapest: Magvető, 1999. 96. old. *Závada P.* Подушка Ядвиги / пер. с венгерск. В. Попиней, О. Якименко. СПб.: Симпозиум, 2016. С. 82.

⁴¹ Németh 2008.

⁴² Балог Роберт (род. в 1972) — венгерский писатель, уроженец г. Печ на юге Венгрии, края с XVIII в., после освобождения среднего Подунавья от османов, заселявшегося немецкими колонистами (швабами). Их потомки проживают в крае, создают культурно-просветительские и образовательные организации, призванные сохранить свое этническое и языковое своеобразие.

⁴³ Норберт Дёрдь (род. в 1972) — венгерский писатель и режиссер, уроженец Словакии (г. Левоча, по-венгерски Лёче).

языка, не мешающее пониманию текста венграми, не знающими словацкого, о чем свидетельствует рецензия Тимеи Пензеш:

Книга изобилует разнообразными странными словами, попадают и словацкие — *podnyik, szlobodárka, andulka* <...>, своеобразное словообразование — *kitávkapcsolóz, bethurgauzik*. Попадают и славянские пассивные конструкции. <...> Приятно в ней это поверхностное знание из детства, как минимум для словацких венгров, но если этого знания нет, приятно ощущать, что есть *другие* слова, которые не обязательно понимать, чтобы прочувствовать настроение книги⁴⁴.

Вообще, рецепция текстов с иноязычными вкраплениями представляется перспективной темой для междисциплинарных исследований, особенно в свете существования еще одного типа многоязычного текста, когда автор не использует полигlossию в качестве тропа, но, владея несколькими языками на уровне, позволяющем писать на обоих, перемежает их в тексте, не «щадя» неподготовленного читателя. Примером полигlossии как естественной составляющей речи автора в венгерской литературе может служить творчество Отто Толнаи⁴⁵, в частности, его повесть «Помпейские любовники» (2007), где автор вставил в венгерский текст обширные цитаты на сербском, заставляя венгерского читателя продираться сквозь непонятный славянский язык, а потом, слово бы сжалившись, дает-таки перевод), превращая опыт чтения в культурный опыт многоязычия:

S már mondja is, fejből a Na Drini ćuprija karóba húzás jelenetének eredetét, szövegű változatát. Amit persze mi is jól ismertünk. Emlékszem, az érettségire készülve én is főleg a “Na Drini” ćupriját olvasgattam, a regény karóba húzás jelenetére fókuszálva éppen. Ez, mármint hogy Róza még mindig hibátlanul tudja a jelenet leírását, kissé mégis meglepett.

И вот Роза близко к тексту, по-сербски начала по памяти цитировать сцену из “Моста на Дрине”. Ее, конечно, мы все тоже отлично знали. Помню, готовясь к выпускным экзаменам, я читал, в основном, “Мост на Дрине”, особенно сцену казни на колу. Однако то, что Роза знает ее наизусть, меня несколько удивило. Описание самой казни

⁴⁴ Pénzes T. Minden róla szól. Norbert György: Klára // Olvass bele. 03.04.2019. URL: <https://olvassbele.com/2019/04/03/minden-rola-szol-norbert-gyorgy-klara-2/> (дата обращения: 12.03.2020)

⁴⁵ Толнаи (Тольнаи) Отто (род. в 1940) — венгерский писатель, уроженец Воеводины.

Két momentumot érintett a leírás előtti részből. Mondom, eredetiben citálta, de olykor fordítását is adta (én, ügyetlen rekonstrukciómban, természetesen kénytelen vagyok Csuka Zoltán fordításával élni):

Abidaga je otišao još jednom do potaje gde mu je javljeno da je sve spremno: tu je ležao hrastov kolac, dugačak blizu četiri aršina, kako treba zašiljen, na vrhu pokovan gvoždjem i sasvim tanak i oštar, a ceo namazan dobro lojem (ott feküdt a majdnem négy arsin hosszú tölgykaró, kihegyezve, ahogyan kellett, a csúcsára illesztett egészen vékony és éles vassal, jól bekenve olajjal).

она предварила двумя цитатами. Как я уже сказал, по-сербски, иногда с переводом (восстанавливая события, я, за неимением розиного таланта, использую литературный перевод Золтана Чуки⁴⁶):

Abidaga je otišao još jednom do potaje gde mu je javljeno da je sve spremno: tu je ležao hrastov kolac, dugačak blizu četiri aršina, kako treba zašiljen, na vrhu pokovan gvoždjem i sasvim tanak i oštar, a ceo namazan dobro lojem (здесь лежал очень тонкий дубовый кол около четырех аршин длины, хорошо заостренный, окованный сверху железом и густо смазанный салом)⁴⁷.

Показательно, что в начале XX в. и те из писателей ближнего венгерского зарубежья, кто прежде лишь обозначал факты сосуществования нескольких языков в регионе, начали более активно обращаться к феномену многоязычия. Так, у Л. Грендела в этот период иноязычные вкрапления выполняли в литературном произведении сложную смысловую функцию. Подробно о полиглоссии как приеме (приемах) у Грендела рассуждал З. Немет в статье «Языковые взаимодействия в современной венгерской литературе»⁴⁸ на примере романа «У нас, в Нью-Хонте» (2010), где, с одной стороны, многоязычие выступило как пародийный элемент, катализатор абсурдных и смешных ситуаций (часть действия происходит в 1945–1948 гг., когда в словацкий городок с преимущественно венгероязычным населением приходят советские солдаты и американец) — в этом случае речь идет о не слишком успешном взаимодействии носителей

⁴⁶ Русский перевод сербского текста цитируется по: *Андрич И.* Мост на Дрине. Вышеградская хроника / пер. с сербо-хорватск. Н.Н. Соколов. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956; *Толмаи О.* Помпейские любовники // Венгрия за границами Венгрии / пер с венгерск. В. Попиней. М.: Центр книги Рудомино, 2015. С. 121.

⁴⁷ *Толмаи О.* Помпейские любовники. С. 53.

⁴⁸ Németh 2008.

венгерского языка с представителями «империй», чьи языки оставались для местных жителей непроницаемыми, но позволяли при этом сохранять собственную языковую идентичность; с другой стороны, в сценах, где носители венгерского языка вынуждены общаться со словацкими властями на ломаном словацком, читатель почти физически ощущает, как мучительно пытаются герои объясняться на чужом для них языке в ситуации, когда им запрещено пользоваться родным языком не только в официальной, но и в бытовой обстановке (на улице, в магазине), и в этом случае столкновение языков дает трагический эффект.

Примерно в это же время Андреа Томпа⁴⁹ опубликовала роман «Дом палача. Истории из Золотого века» (2010). В этом и в двух последующих романах трилогии о тоталитарном режиме в Румынии и его последствиях для венгероязычного населения Трансильвании («С головы до пят. Два врача в Трансильвании», 2013 и «Омерта. Книга молчания», 2017) рассказчиками выступают люди, в разной степени сохранившие или не сохранившие свою венгерскую идентичность в условиях ее подавления румынскими властями или сумевшие обрести так называемую гибридную, пограничную идентичность.

В основанном на архивных документах и личных дневниках романе «С головы до пят. Два врача в Трансильвании»⁵⁰ главные герои, от лиц которых ведется повествование, по-разному воспринимают окружающее их разнообразие культур и языков. Конфликт языков подчеркивает непростой характер отношений между этническими венграми и венгероязычными представителями других национальностей в Трансильвании, и служит, по мнению К. Ж. Винце, развенчанию «ностальгического мифа о Трансильвании» как о самом чистом источнике венгерской культуры.⁵¹ Изначально ориентированные на венгерскую идентичность герои (оба, например, поддерживают идею о том, что представители меньшинств должны сменить свои фамилии на венгерские) после окончания Первой мировой войны сами вынуждены выучить румынский как новый

⁴⁹ Томпа Андреа (род. в 1970) — венгерская писательница, уроженка Румынии (г. Клуж-Напока).

⁵⁰ В оригинале в названии романа «*Fejtől s lábtól — Kettő orvos Erdélyben*» использована форма числительного «два» — «*kettő*» вместо «*két*», что уже само по себе ориентирует читателя на использование регионального варианта венгерского языка.

⁵¹ Vincze 2014: 114.

официальный язык: герой — для того, чтобы сделать карьеру, героиня — чтобы показать, насколько она либеральна и терпима к представителям любых национальностей. При этом в разговоре о новой языковой ситуации рассказчица называет румын «влахами» (*oláh*)⁵², чем невольно выдает свое пренебрежительное отношение к носителям других языков (сама же при этом говорит на диалекте венгерского языка):

Среди иностранных языков больше-то всего влашский ухо режет, и смотрят еще на тебя свысока, будто они тут хозяева. А саксы — не речь, а кваканье одно!.. Все зизинские влахи по-венгерски тоже понимают, мешают, конечно, оба языка... Пол-деревни румыны, а все равно говорят на венгерском, а не наоборот⁵³.

Особые смыслы гибридность обрела в нарративе одного из «рассказчиков» в романе «Омерта» — венгерского селекционера Отто Вилмоша Дечи, вынужденного переименовывать свои сорта порумынски, чтобы вписаться в новую реальность, на этот раз после Второй мировой войны:

Тот львиный зев, что я вывел, получил потом всемирный патент. Большой красный львиный зев “Лия Рошеску” и зеленовато-желтый “Марика” — такие имена я им дал. Голландец торгует ими *под другими именами*, но это его дело. Тот львиный зев, до того, как я им занялся, был простым, крестьянским цветком, ничего особенного.

Человек из Секуритате посмотрел мою декларацию и спрашивает:

— Кто такая Лия Рошеску? Аристократка какая-то из буржуев?

— Девушка одна, — отвечаю я с запинкой.

— Влюбились в румынскую капиталистку, значит?

— Да это дочка начальника пожарной охраны, — говорю, потому как именно так ее и звали. <...> Про “Марикку” этот из Секуритате ничего не спросил — недостаточно буржуйское имя. <...> Теперь мир такой стал, что все надо прояснять, все надо объяснять⁵⁴.

У Дечи на фоне вводимой румынским правительством новой языковой политики (прекращение преподавания на венгерском

⁵² В указанный период и ранее это слово использовалось в венгерском как пейоративный этноним.

⁵³ Tompa A. Fejtől s lábtól. Kettő orvos Erdélyben. Budapest: Kalligram, 2013. 221. old.

⁵⁴ Tompa A. Omerta. Hallgatások könyve // Jelenkor. 2017. 131. old.

в университете, дискредитация венгерского языка и культуры) постоянно проскальзывают румынские слова, автор показал, как вынужденное двуязычие приводит, порой, к смешным и даже, как отметила исследователь творчества Томпа Ева Баняи, шизофреническим ситуациям⁵⁵. В итоге Дечи изменил не только имена роз, но и собственное имя, превратившись из Вилмоша в Вильгельма Дечи и, в конце концов, в Гийома Дечи де Румани. Подобные трансмутации произошли и с другими героями Томпа, причем, сами они зачастую не заметили изменений и лишь смутно ощутили их через язык. Показательный пример — создание «Комиссии по наименованию сортов», для которой Дечи не в состоянии найти подходящего специалиста-лингвиста, поскольку в новой языковой ситуации те, кто мог бы выступить в качестве эксперта в обоих языках, либо сидят в тюрьме, либо боятся участвовать в языковых играх.

Полигlossия как явление и художественный прием присутствует в произведениях многих современных венгерских писателей и, безусловно, не ограничивается текстами, рассмотренными выше. Венгеро-румынское двуязычие, например, находит отражение в рассказах и романах Ж. Ланга, Ж. Паппа, А. Бодора, Ч. Сабо Роберта, Г. Виды, Д. Драгомана — особенно это касается текстов, написанных в 2010-х годах. Рамки статьи не позволяют остановиться на них подробнее, тем более что большинство перечисленных авторов вводят многоязычие в свои произведения, используя уже описанные выше формальные приемы, все чаще переходя от пояснений «сказал порумынски/сербски/словацки» к внедрению в ткань повествования иноязычных фрагментов.

Из приведенных выше примеров видно, что, в отличие от предыдущих периодов, когда авторы ближнего венгерского зарубежья и писатели-представители различных меньшинств внутри Венгрии стремились нивелировать различия, стремясь создавать тексты в рамках единой языковой нормы, в конце XX — начале XXI в. ситуация изменилась. Сегодня полигlossия как явление фигурирует в венгерских литературных текстах в разном качестве и служит различным художественным целям: а) иллюстрирует культурную, историческую и социально-политическую ситуацию в регионах, где венгерский язык сосуществует с другими языками, имеющими (или не имеющими — как в случае

⁵⁵ Bányaи 2018: 237–239.

со словами Тоткомлоша) статус государственных — в этом случае как правило, о многоязычии в тексте говорится, но целиком фразы на других языках в венгерском тексте не приводятся, авторы могут использовать иноязычные вкрапления или говорящие имена; б) работает как художественный прием; в) составляет суть языка писателя — то есть пишущий сам настолько полиязычен, что естественным образом пишет на смешанном языке, воплощая в жизнь концепцию билингвизма, описанную у Барты. За рамками данного исследования была сознательно оставлена венгерская многоязычная поэзия, однако и в поэтических текстах — у А. Тэжера, Л. Парти Надя, А. Шанты, А. Хаваши, Р. Орчика и многих других — можно проследить аналогичные тенденции.

Литература

- Якименко [2018] — Якименко О. О «повороте» в венгерской прозе // Прочтение. URL: http://prochtenie_geography_hungary.tilda.ws/ (дата обращения: 19.03.2020).
- Bányai 2018 — *Bányai É.* A hibrid rózsza. Transzkulturalizmus Tompa Andrea regényeiben // Transzkulturalizmus és bilingvizmus az irodalomban Transzkulturalizmus a bilingvizmus v literature / szerk. Z. Németh, M. Roguska. Nitra: Nyitrai Konstantin Filozófus Egyetem, 2018. 233–243. old.
- Bartha 1999 — *Bartha Cs.* A két nyelvűség alapkérdései. Budapest: Tankönyvkiadó, 1999. 268 old.
- Dánielisz 1977 — *Dánielisz E.* Makaronikus népdal // Művelődés. București, 1977. XXX. évf. 5. sz. 43–45. old.
- Domokos 1968 — *Domokos S.* Vasile Gurzău magyar és román nyelvű meséi. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1968. 393 old.
- Faragó 1955 — *Faragó J.* A szegény ember vására (székely népmesék). Budapest: Új M. Kiadó, 1955. 129 old.
- Fried 2011 — *Fried I.* Az irodalmi két/többnyelvűség — komparatistikai nézőpontból // Forrás. 2011. 43. évf. 9. sz. 63–74. old.
- Kurcz 2015 — *Kurcz A.I.* Identitás és történelem Gion Nándor prózájában [PhD dissz.]. Budapest, 2015. 227. old. (рукопись).
- Mizser 2018 — *Mizser A.* Kulturális határátlépések és a regionális nyelvhasználat elemei a kortárs magyar prózában (transzfer) // Transzkulturalizmus és bilingvizmus az irodalomban Transzkulturalizmus a bilingvizmus v literatúre / szerk. Z. Németh, M. Roguska. Nitra: Nyitrai Konstantin Filozófus Egyetem, 2018. 53–59. old.
- Németh 2008 — *Németh Z.* Nyelvi interakciók a kortárs magyar irodalomban // Irodalmi szemle. Pozsony [Bratislava], 2008. 9. sz. URL: <https://irodalmiszemle.>

- sk/2008/09/nemeth-zolstan-nyelsvi-instersakscisok-a-korstars-magyar-irodasilomsban/ (дата обращения: 17.02.2020).
- Németh 2017 — *Németh Z.* Mikszáth, az elfeledett szlovák. 07.09.2017 // Németh Zoltán és ami mögötte van. URL: <https://nemethzoltan.wordpress.com/2017/09/07/mikszath-az-elfeledett-szlovak/> (дата обращения: 31.01.2020).
- Németh 2018a — *Németh Z.* Pluricentrikus nyelv és transzkulturalizmus a kortárs határon túli magyar irodalmakban // Transzkulturalizmus és bilingvizmus az irodalomban Transzkulturalizmus a bilingvizmus v literatúre / szerk. Z. Németh, M. Roguska. Nitra: Nyitrai Konstantin Filozófus Egyetem, 2018. 59–72. old.
- Németh 2018b — *Németh Z.* Pluricentrikus nyelv és transzkulturalizmus a kortárs határon túli Magyar irodalmakban // Irodalmi szemle. Pozsony [Bratislava], 2018. 10. sz. URL: <https://irodalmiszemle.sk/2018/10/nemeth-zoltan-pluricentrikus-nyelv-es-transzkulturalizmus-a-kortars-hataron-tuli-magyar-irodalmakban/> (дата обращения: 17.02.2020).
- Pomogáts 1995 — *Pomogáts B.* Erdélyi tükör. Budapest: Kráter Műhely Egyesület, 1995. 174 old.
- Szabomihály, Lánstyák (szerk.) 2011 — Nyelv / szerk. G. Szabó Mihály, I. Lánstyák. Somorja: Fórum Kisebbségkutató Intézet, 2011. 586 old. (Magyarok Szlovákiában. VII).
- Szirák 2000 — *Szirák P.* A regionalitás és a posztmodern kánon a XX. századi magyar irodalomban // Nemzetiségi magyar irodalmak az ezredvégen / szerk. A. Görömbei Debrecen: Kossuth Egyetem Kiadó, 2000. 29–57. old.
- Thomsen 2008 — *Thomsen M.R.* Mapping world literature: International canonization and transnational literatures. London: Continuum, 2008. 192 p.
- Tüskés 2003 — *Tüskés T.* Mészöly Mikós és Erdély // Új Forrás. 2003 (December). 35. évf. 10. sz. URL: <http://epa.oszk.hu/00000/00016/00090/031017.htm> (дата обращения: 17.03.2020).
- Vincze 2014 — *Vincze Zs.K.* Politics of memory in Andrea Tompa's novel *Fejtől a lábtól* // Hungarian Cultural Studies. e-Journal of the American Hungarian Educators Association. 2014. Vol. 7. URL: <http://ahea.pitt.edu/ojs/index.php/ahea/article/view/145> (дата обращения: 10.03.2020). DOI:10.5195/ahea.2014.145.

References

- Bányai, É., 2018. A hibrid rózsa. Transzkulturalizmus Tompa Andrea regényeiben. In: Németh, Z., Roguska, M., eds. *Transzkulturalizmus és bilingvizmus az irodalomban Transzkulturalizmus a bilingvizmus v literature*. Nitra: Nyitrai Konstantin Filozófus Egyetem, pp. 233–243.
- Bartha, Cs., 1999. *A kétnyelvűség alapkérdései*. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 268 p.
- Dánielisz, E. 1977. Makaronikus népdal. *Művelődés*. București, XXX, 5, pp. 43–45.

- Domokos, S., 1968. *Vasile Gurzău magyar és román nyelvű meséi*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 393 p.
- Faragó, J., 1955. A szegény ember vására (székely népmesék). Budapest: Új M. Kiadó, 129 p.
- Fried, I., 2011. Az irodalmi két/többnyelvűség – komparatistikai nézőpontból. *Forrás*, 43, 9, pp. 63–74.
- Kurcz, A. I., 2015. *Identitás és történelem Gion Nándor prózájában* [PhD thesis]. Budapest, 227 p. (manuscript).
- Mizser A., 2018. Kulturális határátlépések és a regionális nyelvhasználat elemei a kortárs magyar prózában (transzfer). In: Németh, Z., Roguska, M. *Transzkulturalizmus és bilingvizmus az irodalomban Transzkulturalizmus a bilingvizmus v literature*. Nitra: Nyitrai Konstantin Filozófus Egyetem, pp. 53–59.
- Németh, Z., 2008. Nyelvi interakciók a kortárs magyar irodalomban. *Irodalmi szemle*. Pozsony [Bratislava], 9. URL: <https://irodalmiszemle.sk/2008/09/nemeth-zoltan-nyelsvi-instersakscisok-a-korstars-magyar-irodaslomsban/> (accessed: 17.02.2020).
- Németh, Z., 2017. Mikszáth, az elfeledett szlovák. 07.09.2017. *Németh Zoltán és ami mögötte van*. URL: <https://nemethzoltan.wordpress.com/2017/09/07/mikszath-az-elfeledett-szlovak/> (accessed: 31.01.2020).
- Németh, Z., 2018a. Pluricentrikus nyelv és transzkulturalizmus a kortárs határon túli magyar irodalmakban In: Németh, Z., Roguska, M. *Transzkulturalizmus és bilingvizmus az irodalomban Transzkulturalizmus a bilingvizmus v literature*. Nitra: Nyitrai Konstantin Filozófus Egyetem, pp. 59–72.
- Németh, Z., 2018b Pluricentrikus nyelv és transzkulturalizmus a kortárs határon túli Magyar irodalmakban. *Irodalmi szemle*. Pozsony [Bratislava], 10. URL: <https://irodalmiszemle.sk/2018/10/nemeth-zoltan-pluricentrikus-nyelv-es-transzkulturalizmus-a-kortars-hataron-tuli-magyar-irodalmakban/> (accessed: 17.02.2020).
- Pomogáts, B., 1995. *Erdélyi tükör*. Budapest, Kráter Műhely Egyesület, 174 p.
- Szabomihály, G., Lánstyák, I., eds., 2011. *Nyelv*. Somorja: Fórum Kisebbségkutató Intézet, 586 p. (Magyarok Szlovákiában. VII).
- Szirák, P., 2000. A regionalitás és a posztmodern kánon a XX. századi magyar irodalomban. In: Görömbei, A., ed. *A magyar irodalmak az ezredvégen*. Debrecen: Kossuth Egyetem Kiadó, pp. 29–57.
- Thomsen, M. R., 2008. *Mapping world literature: International canonization and transnational literatures*. London: Continuum, 2008. 192 p.
- Tüskés, T., 2003. Mészöly Mikós és Erdély. *Új Forrás*, 35, 10. URL: <http://epa.oszk.hu/00000/00016/00090/031017.htm> (accessed: 17.03.2020)
- Vincze, Zs.K., 2014. Politics of memory in Andrea Tompa's novel *Fejtől s lábtól*. *Hungarian Cultural Studies. e-Journal of the American Hungarian Educators Association*, 7. URL: <http://ahea.pitt.edu/ojs/index.php/ahea/article/view/145> (accessed: 10.03.2020). DOI:10.5195/ahea.2014.145.

Yakimenko, O., [2018]. О “povorote” v vengerskoi proze [On the “turn” in Hungarian prose]. *Prochtenie*. URL: http://prochtenie_geography_hungary.tilda.ws/ (accessed: 19.03.2020).

Oksana A. Yakimenko

Senior Lecturer, Philological Faculty, Herzen State Pedagogical University St. Petersburg, Russia. 191186, Naberezhnaia Reki Moiki, 48. E-mail: oxana.yakimenko@gmail.com

Polyglossia in modern Hungarian literature: diversity of authors' strategies

The article illustrates the major trends and strategies in employing multilingualism in Hungarian literature, especially that written by authors born and raised in the countries that surround Hungary in areas populated by polylingual groups including Hungarian-language minorities, as well as in texts describing 'internal' multilingualism within Hungary. The author explores the tendency of using multilingualism in the late twentieth and early twenty-first centuries as a method and medium of expression, and provides examples of how authors shift from merely stating the facts of polylingual speech and avoiding foreign language inclusions to keep up with mainstream Hungarian literature, to including foreign words, phrases and whole fragments from other languages into their Hungarian texts, while reflecting on the multi/transcultural environment that Hungarian minorities have inhabited over the last hundred years. The article reviews prose by Hungarian authors, who were either born in Hungary or in neighbouring countries (and who later moved to Hungary). The article features excerpts from works previously not translated into Russian, thus allowing the reader to get a closer look at the versatile and polycentric Hungarian literature created in the environment of the national literature of Central and Eastern Europe.

Keywords: Hungarian literature, polycentrism, transculturalism, multiculturalism, multilingualism, bilingualism

Екатерина Дмитриевна Гончаренко

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт языкознания им. Якуба Коласа, Национальная академия наук Беларуси, Минск, Республика Беларусь. 220072,
ул. Сурганова, д. 1, корп. 2. E-mail: kattka_84@mail.ru

Белорусско-русская смешанная речь в современных сценических выступлениях

В статье анализируются типичные проявления влияния русского языка на сценическую речь на белорусском языке. В качестве примеров взяты образцы сценарной и несценарной речи, записанные в 2012–2019 гг. Это реплики актеров из спектаклей, сопроводительная речь ведущих и гостей концертов, просветительских лекций, тематических акций, презентаций, реплики музыкантов во время общения с публикой. Как базовые типы взаимодействия двух языков в речи человека исследуются переключение языковых кодов и межъязыковая интерференция. Указываются специфические черты русского языка, которые чаще всего проявляются в белорусской речи на лексическом, грамматическом, фонетическом уровнях. В качестве причин неосознанной интерференции указываются близость лексем двух языков, привычка формулировать мысли по-русски. Как специфическая разновидность интерферированной речи рассматривается так называемая трясанка, искажение русского языка по орфоэпическим моделям белорусского. Указываются прагматические задачи смешанной речи: цитирование известных выражений, передача чужих высказываний, создание комических либо негативных образов на сцене, максимальное приближение образа артиста к зрителям. Кроме того, демонстрируются различные варианты сильного смешения систем и подсистем, функциональных стилей двух языков, когда сложно вычислить опорный код. Указываются примеры включения в смешанную речь белорусских диалектизмов, а также слов, произнесенных по образцу альтернативных норм белорусского языка «тарашкевицы». Как результат значительной демократизации сценической речи приводятся примеры частого использования в спектаклях и во время культурных мероприятий жаргонной и разговорной лексики, в частности, не полностью адаптированной из русского языка.

Ключевые слова: современный белорусский язык, современный русский язык, билингвизм, межъязыковая интерференция, трясанка, переключение языковых кодов, сценическая речь, разговорная речь

Сценическая речь — определенный сценарием текст выступления либо общение с публикой в импровизированной форме — это способ транслирования на аудиторию конкретной культурной идеи и норм речевого поведения. Белорусская культурная сфера — та отрасль, где национальный язык является естественным, принимаемым, в том числе «хорошим тоном», в отличие от других сфер, где доминирует русский язык. Некоторые белорусскоязычные мероприятия, которые проходят под покровительством независимых культурных компаний («Арт-сядзіба», «Будзьма беларусамі» и др.) преследуют цель не только популяризации языка, но и консолидируют белорусскоязычную аудиторию.

Правда, иногда в речи артистов и ведущих на белорусском языке фиксируются элементы русского языка. Это может носить неосознанный характер либо специально использоваться для создания сценического образа, выявляться как снижение эталонов речевого поведения. Некоторые из проявлений приобретают черты типичных. Одной из важнейших причин является нехватка коммуникативных ситуаций с белорусским языком или «несбалансированное белорусско-русское двуязычие»¹. Согласно собственному анкетированию, проведенному в рамках проекта БРФФИ среди молодежи из белорусскоязычных кругов, лишь 30% почти во всех ситуациях разговаривает на белорусском². Зачастую сферы употребления национального языка разграничиваются — это либо только с близкими людьми, либо только на учебе (работе). Подобное мнение высказывают и участники проекта-дискуссии «Беларускамоўныя» («Арт-сядзіба», 2018–2019 гг.), где известные люди делятся опытом постоянного общения на белорусском языке. Редкое применение белорусского языка в межличностном общении подтверждают и данные официальной статистики³.

Недостаточное использование белорусского языка в быту, в школе приводит к его длительному и позднему усвоению. В данном случае билингвизм в Белоруссии переходит от характеристики «говорящие с детства усваивают два языка» к разделению на «первый,

¹ Лукашанец 2014: 162.

² Шчасная, Марозава 2017.

³ Носова М. Белстат: Белорусский язык в качестве разговорного использует 23% населения страны // Новости TUT.BY. 21.02.2012. URL: <http://news.tut.by/society/275255.html> (дата обращения: 15.10.2019).

родной» и «второй приобретенный»⁴; вторым, к сожалению, становится белорусский. Среди молодых творческих людей 1980–1990-х годов рождения есть как билингвы с рождения, так и лица, усвоившие (перешедшие на) белорусский язык в юности — в университете или через неформальные компании, что связано с осознанным выбором. Исследовательница Е. Ленкевич выделила языковые коды, где есть белорусская, русская литературная речь, смешанная речь, приобретенный русский и приобретенный белорусский языки⁵.

Таким образом, интерес представляет выявление взаимодействия двух языков в сценической речи на белорусском языке. Материалом исследования выступили записи спектаклей на современную тематику за 2012–2018 гг. НАДТ Купалы (г. Минск), РТБД (г. Минск); НАДТ Коласа (г. Витебск); театра «Напротив» (г. Брест). Также были использованы записи музыкальных, литературных, просветительских мероприятий, дискуссий за 2017–2019 гг.

Переключение языковых кодов в речи одного человека

Ученые разделяют переключение и смешение кодов. При построении текста с переключением кодов используются различные лингвистические единицы двух языков — слова, фразы, предложения — соответственно, с использованием двух грамматических систем. Смешение же кодов происходит в рамках одного предложения, где слова двух языков употребляются по модели одной из грамматических систем⁶. Лингвисты отмечают, что подобное переключение больше характерно для диалога, чем для монолога⁷. Следовательно, при смешении кодов будут возникать ошибки, вызванные интерференцией; переключение кодов подразумевает, к примеру, два грамотно построенных предложения на разных языках в одном речевом фрагменте.

Перемена языка в выступлении артиста может быть вызвана элементарно двуязычным репертуаром. Например, певица Palina (Паліна Паланейчык) пишет и исполняет песни на двух языках, но общается с публикой на белорусском: *«Я пішу песні ў адных абставінах, і*

⁴ Васильев 2017: 66.

⁵ Лянкевіч 2014: 8–9.

⁶ Stavans, Hoffman 2015: 177.

⁷ Панькин, Филиппов 2016: 96–97.

ў мяне пасля, як гэта <...> ажываюць свае асацыяцыі»⁸. При этом она высказывается против деления на языковые «тусовки»: «Я не люблю такога, што ты ціпа размаўляеш па-беларуску, значыць ты з гэтай тусоўкі, а эта ты ўжо была ў Піцеры — ну ўсё, давай адсюль» (проект «Беларускамоўныя», Минск, 24 апреля 2019 г.).

Популярная группа «*Naviband*», представившая Республику Беларусь в финале «Евровидения–2017» с белорусскоязычной композицией, также создает материал на двух языках. На сольном концерте (Минск, 22 апреля 2017 г.) в сценической речи у солистов было отмечено переменное использование двух языковых кодов. Артем Лукьяненко: «Привет, мы так рады, что этот вечер состоялся» (после русскоязычной песни) и «Якія вы прыгожыя сёння, якія малайцы!» (после белорусскоязычной). У солистки Ксении Жук переключение кодов замечено в рамках одного монологического фрагмента — обращения к зрителям для создания совместного фото: «Все сели? <...> Раз, два, три! **Яшчэ раз!**»

Русский язык в монологической речи используется для цитирования другого человека. При этом не происходит фонетического искажения, но используется ироничная интонация: «*І мы часта сварыліся, калі яна (младшая сестра. — Е.Г.) тэлефанавала: “Ой, Даша, привет, как дела?”, — і я пачынала казаць: “Мае справы так і так...”*» (поэтесса Д. Белькевич, культурный проект «Беларускамоўныя», 31 ноября 2018 г.). В документальном моноспектакле «Билингвы» театра «Напротив» в исполнении актера А. Баранника звучали высказывания молодежи о белорусском языке — попеременно на двух языках. В видеоверсии спектакля⁹ большая часть фрагментов — на русском, последняя треть — на белорусском. При этом создаются полярные образы неуверенного белорусского интеллигента: «*Мне цяжка размаўляць на сваёй мове, няма звычкі, няма суразмоўцаў*», — и самоуверенного русскоязычного человека: «*Говорю, естественно, на русском, как и все*».

Употребление в белорусской речи выражений и отдельных слов на русском вызвано желанием сохранить язык оригинала, безэквивалентностью единиц: «*Я з радасцю згадзіўся звярстаць для Вольгі кніжку, як кажацца ў мульціку, “совершенно безвозмездно”*» (поэт,

⁸ Запись сольного концерта, г. Гродно. 27.03.2017 // Youtube. URL: <https://youtube.com/watch?v=RydZzvsqbbU> (дата обращения: 21.07.2019).

⁹ «Билингвы». 26.10.2015 // Youtube. URL: <https://youtube.com/watch?v=dzmLWhuONNU> (дата обращения: 12.10.2019).

переводчик И. Куликов, презентация книги О. Маркитантовой, Минск, 03 апреля 2018 г.). «Хутчэй карціна Рэніна **“Не ждалі”** (актер К. Новицкий, спектакль «Белы анёл з чорнымі крыламі», РТБД, 2012). «Каб не было ніякіх сумневаў, падпісалі **“настоящий”**» (экскурсовод П. Дюсеков, лекция «Менскія некропалі», Минск, 15 марта 2017 г.). Цитаты в шуточной реплике могут претерпевать модификации: «*Тут ёсць мая асабістая бяда-печаль*» (ведущий М. Барановский, литературный фестиваль «*Вежа міру*», Минск, 09 декабря 2016 г.) — от названия песни «Печаль-беда» ВИА «Поющие гитары».

Для сравнения, в сценической речи на русском языке осознанное вкрапление белорусских слов может подчеркивать, что определенный объект относится к белорусской культуре (в позитивном и негативном значении). Например: «*На сцене — гурт “Пава”*» (ведущий Е. Перлин. Праздник азербайджанской культуры. Минск, 26 сентября 2018 г.) вместо *группа*, так как коммерческое имя фолк-исполнителей закрепилось именно в белорусском варианте. «*Такое было, что по-белорусски — значит “сяло”*» (спектакль «Билингвы»).

Межъязыковая интерференция

Термин «интерференция» У. Вайнрайх определил как «случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных <...> вследствие языкового контакта»¹⁰, В. Розенцвейг говорил о «лингвистическом переносе в промежуточную систему сопоставления двух языков правил одного из контактирующих языков»¹¹. В общем понимании интерференция — это процесс языкового взаимовлияния и результат языкового взаимодействия¹².

Лексическая интерференция в сценической речи проявляется в неконтролируемом произнесении русизма, что связано, скорее всего, с привычкой формулировать мысли по-русски. «*Вам жа ў галаву не магла прыйсці такая **мысль!***», ср. бел. *думка*, но *мысліцель* (актриса Т. Лихачева, спектакль «Дарослыя дзеці», НАДТ Коласа, 21 октября 2017 г.). Интерференция проявляется в первую очередь в несценарном общении (реплики для действий с публикой, слова

¹⁰ Вайнрайх 2000: 22.

¹¹ Розенцвейг 1972: 25.

¹² Каліта 2008: 33.

благодарности, рассказ о себе): «*Запутайся валасамі*» (А. Лукьяненко, «Naviband»), сравн. бел. *заблытайся*; «*Агромны дзякуй*» (переводчица С. Паукштелла, литературная премия «Дэбют», Минск, 21 марта 2017 г.), бел. *вялікі, агромністы*; «*Яны, што закалдованыя?*» (экскурсовод П. Дюсеков, «Менскія некропалі»), сравн. бел. «*зачараваныя*», *заварожаныя*; «*Мы тады (в 1990-е. — Е. Г.) драліся*» (музыкант А. Таболич, «Беларускамоўныя», 21 сентября 2018 г.), сравн. бел. *біліся*. Привычной является и ситуация, когда выступающий исправляет замеченную за собой ошибку, повторяя слово уже по-белорусски: «*Гэта не страшна будзе, амаль не **больна**, амаль не **балюча**, толькі калі вы не адгадаеце нейкія песні*» (ведущий Н. Найденов, «Дзень роднай мовы», 21 февраля 2019 г.)

Не всегда полностью переводятся фразеологизмы — из-за сложности калькирования, при котором они могут потерять стилистическую окраску: «*Пагіблі смерцю **храбрых***», — с сарказмом говорит персонаж о попугайчиках, которых убил в детстве (актер М. Пониматченко, спектакль «Дажыць да прэм’еры», РТБД, 2013 г.) < рус. *пасть смертью храбрых*¹³, бел. вариант — *загінуць смерцю мужных (адважных)*, глагол *пасть* — безэквивалентный. «*Яна **губкі** банцікам зрабіла*» (актриса Л. Сидоркевич, спектакль «Гэта ўсё яна», РТБД, 18 февраля 2018 г.) < рус. *губки бантиком*, бел. — *вусны банцікам*. В некоторых случаях русизм помогает сохранить рифму. Примеры реплик актрисы Б. Шпинер из спектакля «Дажыць да прэм’еры»: «***Я? — Не! Пушкіна жана!***», сравн. бел. *жонка*. «***Падабаецца — не падабаецца, колькі хочаш, **красавіца?*****» < рус. *нравится — не нравится*, бел. *прыгажуня* не рифмуется с возвратными глаголами

Наиболее сложными для монолога на белорусском языке являются слова официально-делового стиля. «*Антыква [шриф] дапамагала ліквідаваць **іздзержкі***», сравн. бел. *выдаткі, расходы* (ведущий В. Любенчук, «Скарына-вечарына», Минск, 26 октября 2016 г.). В литературном тексте может встречаться намеренное использование слов русского языка, имеющее широкое распространение и особенное лексическое наполнение: «*Прачынаюся я сярод ночы, **захацелася мне нежнасцяў***», бел. *пяшчоты* (только ед. ч.) (актер И. Кушнерук, спектакль «Шабаны», НАДТ Купалы, по роману А. Бахареви́ча, 16 февраля

¹³ Фразеологический словарь русского литературного языка [в 2 т.] / под ред. проф. А. Н. Тихонова. М.: Флинта; Наука, 2004. Т. 2. П — Я. С. 379.

2017 г.). «Ало, **дзевушка**, паклічце, калі ласка, Рому да тэлефона» (актриса Е. Боярова, спектакль «Белы анёл з чорнымі крыламі», РТБД, 2012 г.), бел. *дзяўчына*. Девушка — типичное обращение к представительнице сферы услуг, связи. В постановке «Каханне як мілітарызм» (НАДТ Купалы, 31 мая 2017 г.) героиня Таня советует своей тете отомстить мужу-изменнику. В ответной реплике актрисы Ю. Михневич искаженная речь больше акцентирует внимание на противоположном значении слов: «**Ты харошая дзевачка, Танечка!**».

Грамматическая интерференция проявляется в употреблении окончаний *-а (-я)* в существительных м. р. в Р. п. ед. ч.: *два штыря, тры кіламетра*, когда в белорусском языке — только *-ы (-і)*, отмечено окончание *-е* и сохранение заднеязычного *к* в существительных ж. р. Д. п. ед. числа: *свайёй дачке* (бел. *дачцы*), окончание *-а* в Р. п. ед. ч. у существительных, обозначающих вещество: *без парашка*, постфикс *-сь* вместо *-ся* в возвратных глаголах мн.ч. и ж. и ср. р. ед. ч. прошедшего времени: *стамілісь, сустракалась, закахалась*, суффикс *-і* вместо *-у* в наречиях: *па-беларускі*.

На фонетическом уровне влияние русского языка на систему белорусского проявляется в употреблении звуков *л, в* на месте *ў*: *зразумел, закончїл, полны, Евразія, чыновнік*, мягкого звука *ч'* — *ч'ай, скач'аць, чім*, мягкого *р'* — *Кальварійка* (Кальварийское кладбище в Минске), *хрясь, абрыдавыя*, неверной постановке ударения: *ста́ры* вместо *стары́*, *бы́ло* вместо *было́*. «*Калі я прыехаў уці́ца ў Мінск*» (музыкант А. Таболіч, «Беларускамоўныя»). В сценической речи в белорусском фрагменте не было отмечено употребление мягких [т'], [д'] и явной синтаксической интерференции.

Особый тип представляет включение схожих по произношению единиц. С одной стороны, это интерференция, лексическая замена, с другой стороны, максимально сохраняются отличительные черты языка-источника как при переключении кодов. Данные явления — неконтролируемый процесс, они могут проявляться даже в сценарной речи актеров: междометия *да* 'так' (наиболее часто), *нет* 'не', *так далее* 'так далее', местоимения *вот* 'вось', *эт[а]* 'гэта', *себя* 'сябе', *сюда* 'сюды': «*Пітон адмяняецца, а госці нет!*» (актер А. Базук, спектакль «Глыток чужога віскі», НАДТ Коласа, 22 октября 2017 г.); *Да, да, да <песня> «Бегчы»*¹⁴.

¹⁴ Группа «Akute», г. Минск. 22.04.2016 // Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3KRjzAPicZE> (дата обращения: 05.08.2019).

«Трасянка»

Исследования белорусских и зарубежных ученых о «трасянке» Г.А. Цыхун суммировал следующим определением: «трасянка» — это исключительно смешанная речь, носящая стихийный, разнообразный, индивидуальный характер, в которой есть фрагменты двух языков, что не позволяет представить ее как единую систему¹⁵. Чешская исследовательница И. Калита сначала отметила, что «трасянка» — это закономерное заполнение лакуны, так как многие белорусы не считают белорусский язык родным либо, называя родным, не пользуются им¹⁶, но в следующих публикациях уже обозначила явление как «языковой балласт»¹⁷. Б. Ю. Норман, рассматривая особенности так называемого белорусского варианта русского языка, заметил: «Что касается фонетических и грамматических особенностей, то они проходят по ведомству “трасянки”»¹⁸, лексические же вкрапления претендуют на понятие «нациолект» и могут иметь особое территориально-культурное наполнение.

В моем понимании, определяющим фактором «трасянки» является искажение речи, которое реализуется за счет привнесения несвойственных одному из языков звуков, более узко — это искажение русскоязычных лексем на фонетический манер белорусского языка. При этом такая единица может использоваться как в русской, так и в белорусской речи. Скажем, слово *паступкі* вместо *учынкi* можно отнести к интерференции, а слово *цвяты* вместо *кветкі* — к «трасянке». Единичная ошибка, вызванная влиянием второго языка, — интерференция, многочисленные типичные отклонения — «трасянка».

Возникновение белорусско-русской «трасянки» лингвисты относят к XIX столетию¹⁹, когда после раздела Речи Посполитой белорусские земли были присоединены к Российской империи. Примечательно, что хронологически «трасянка» одновременно формировалась с современным белорусским языком, имевшим прерванную литературную традицию. Русизмы в белорусских произведениях

¹⁵ Цыхун 2018: 189.

¹⁶ Каліта 2008: 108.

¹⁷ Каліта 2010: 38.

¹⁸ Норман 2017: 281.

¹⁹ Гируцкий (ред.) 2012: 54.

появлялись, так как собственные языковые средства еще не закрепились как норма, а иногда и не были найдены²⁰. В пьесе В. Дунина-Марцинкевича «Пінская шляхта» (1866) искаженная на белорусский манер русская речь создает образ малограмотного чиновника и указывает на сложность приспособления к другому официальному языку: «*Знаеш, па всеміласцівейшаму ўказу нашага гасудара 1881 года, сенцябры 75-га дня какой вялікі адказ за паблажку сторонам в угаловнам прэступленні?!*».

В осовремененной белорусской версии комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» НАДТ Купалы (14 сентября 2018 г.) большинство героев используют искаженную русско-белорусскую речь, что иллюстрирует общение жителей провинциального городка: «*Галубое (платье. — Е.Г.) цибіе идзет гаразда лучшэ, патаму што я хачу адзець леапардавае*» (актриса Ю. Михневич — жена городничего), речь местных руководящих лиц: «*Тожэ самае я магу і сказаць і аб учыцелі па істарычэскай часці*» (актер В. Манаев — городничий). Замечу, городской интеллигент Хлестаков (актер А. Казела) разговаривает на литературном белорусском языке.

В спектакле «Лифт» НАДТ Коласа по пьесе Ю. Чернявской молодой вор Димон (актер Е. Береснев) разговаривает на белорусском языке с вкраплением «трясянки» и жаргонной лексики из русского языка: «*Харэ, ёжыку ясна*»²¹. Персонажи-представители старшего поколения также используют русизмы — это образ бытового общения: *ажыдаю, спрасі, чулочкі* (сравн. бел. *чакаю, спытай, панчохі*). Например, (Анна Николаевна, учитель; актриса С. Жуковская): «*Маці яны такія тоўстыя, валасы ў іх жоўтыя або белыя, крашаныя*» (сравн. бел. *фарбаваныя*), *паліто шэрае або зялёнае*» — (Димон): «*Не шэрае, а галубое*» (сравн. бел. *блакітнае*). // (А.Н.): «*А шапка ў іх з пясца*» — (Д.): «*Яна ўжо знасіла, у дзярэўню адвезла*» (сравн. бел. *вёска*).

В спектакле «Шабаны» есть два примера искажения цитат русского языка на белорусский манер. Первый — «*Ну-ка, сонцэ, ярчэ брызні*» — у персонажа-алкоголика (актер И. Кушнерук) < «Спортивный марш» В. Лебедева-Кумача. Второй — не совсем уместная

²⁰ Гируцкий (ред.) 2012: 54.

²¹ «Лифт» Юліі Чарняўскай. 10.06.2016 // Youtube. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=5&v=XddSEtKDU6g (дата обращения: 10.09.2019).

реализация авторского замысла А. Бахареви́ча «фальшы́ва напывае» через прочтение стихотворения В. Шефнера «Вещи»: «*Можэ́т быць для вяшчэ́й так не сто́іт стара́цца, // так на́корна сябе па́д-ста́ўляюць усім зьра́кала*». Таким образом молодой художник (актер П. Остроух) читал стихи с романтическим намерениями — для девушки.

Проанализировав тексты с использованием «трясянки», выделяю основные черты искажений: подчеркнуто твердые звуки *ч, ш, шч, ж, р: очэ́нь, зачэ́м, лучы́шэ, обшчэ́й, тошчы́я, жы́знi, сцiхатва́рэ́ннiя*, особенно в словах официально-делового стиля: *абшчэ́ственна́сць*, вводное слово *ме́жду протчы́м* с разделением [ч] на 2 звука, *й/у* вместо *в: урэ́мя*, аканье: *праду́прадзі́ў, очара́дзь, я́сцесцвенна́, то́жа*, иногда замена безударного *е* на *i: цiбе*, мягкий *ц'* на месте твердого *т: цема́, ра-мани́ца*, фрикативное *у: мно́га*.

Разговорная лексика русского языка в белорусской речи

Одним из активнейших источников пополнения современных разговорных и жаргонных слов белорусского языка является русский язык, из которого приходит до 50% подобных слов, до 80% — устойчивых выражений. Естественно, не все слова могут легко адаптироваться. Например, частица *типа*, имеющая эквивалент бел. *тыпу*, может употребляться как *цiна*, так как для белорусского языка характерен переход [т] в [ц']. «*Мяне часта пытаюць, ну цiна клёвая песня, але надта сумная*» (поэт, рэпер В. Рыжков, группа «Belaroots», сольный концерт, Минск, 10 апреля 2017 г.); «*Ну цiна таго*» (актер Д. Давидович, спектакль «Гэта ўсё яна»). Сложно адаптируются причастия и прилагательные с суффиксом *-тель-н*, так как в белорусском характерны только суффиксы *-н, -оў-н*: *удиви-тель-н-о — дзіў-на, замеча-тель-н-ый — цуд-оў-ны*, либо эквивалент с другой основой: *действи-тель-н-о — сапраўды*. «*Ахрэ́ніцельна́ сакрэ́тны дзе́ннік*» (актриса Л. Сидоркевич, спектакль «Гэта ўсё яна»). «*Эх, ну што б зрабі́ць тако́га, а... сно́гшыба́цельна́га*» (актриса В. Буслаева, спектакль «Белы анёл з чорнымі крыламі»).

Кроме того, искаженное разговорное русское слово выбирается и при наличии (возможности образования) белорусского эквивалента: «*Шакаладачку ста́шчыла*», сравн. бел. *сперла* (актриса Т. Сворцова, спектакль «Пахавайце мяне за плінтусам» по повести П. Санаева,

НАДТ Коласа)²². «Хутка адпачынкi, **усе дзяла**» (ведущий М. Барановский, литературное мероприятие «Пяць Ч», Минск, 16 июня 2016 г.) — бел. *усе справы, такія справы*. У ряда сленговых слов есть общая база с белорусским языком, но отличительные особенности строения слова говорят о неполной адаптации: «*Усе на фоткі ставяць нейкую **дзіч**, толькі не сябе*» (актер Д. Давидович, спектакль «Гэта ўсё яна»). Аппелятивом рус. сленг. *дичь* ‘что-то непонятное, пугающее, плохое’ является собирательное обозначение диких животных и птиц, в белорусском языке его эквивалент — *дзічына*. «*Ёй гармон так у галаву стукне, што яна **прам** забудзе ўсё на свеце!*» (актриса Т. Сворцова, спектакль «Пахавайце мяне за плінтусам»). В белорусском языке тоже есть наречие *прама* и его синоним *проста*, но для белорусской разговорной речи не характерна редукция последних гласных.

Сильное смешение речи. Смешение с диалектной лексикой, «тарашкевицей»

Речь артиста может представлять не один языковой код с некоторыми вкраплениями, а быть сильно смешанной, с элементами различных подсистем и стилей. Особенно это касается ситуаций, где необходимо создать комический (трагикомический) образ.

Белорусская рок-группа «Разбітае сэрца пацана» взяла за основу своего творчества юмористическое воздействие «трасянки». Лирический герой их песен — простой романтичный городской парень. Лексическое наполнение текстов неоднородно по языковой принадлежности, содержит элементы жаргонной, разговорной и диалектной лексики, что отражает стихийный характер «трасянки». Так, одну строчку их песни «Палюбіла гапара» можно отнести к искаженному на белорусский манер русскому языку. «*Дзіскачы пасяшчаеш ты с ім рыгулярна*» — тут одно общее для двух языков слово (*ты*), одна словоформа из русского литературного языка *с ім* (сравн. бел. *з ім*), два элемента «трасянки»: *пасяшчаеш*, *рыгулярна*, один искажённый жаргонизм (сравн. с бел. орфоэпией — *дыскач*). В другой — «*Модных шмотак табе накупіў нейкіх*

²² «Пахавайце мяне за плінтусам» П. Санаева. Трагикамедия тэатра імя Якуба Коласа. г. Віцебск, 25.01.2015 // Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GpUbMhFR610> (дата обращения: 22.09.2019).

странных» — преобладает белорусский язык (*табе, нейкіх, накупіў*), одно идентичное слово (*модных*), одно слово из русского языка (*странных*, сравн. бел. *дзіўных*), один жаргонизм на базе русского слова — *шмоткі* (сравн. бел. разг. *шмаццё*). В строчке «*Мо таму, што з дзейчонкай хадзіў эцім летам*», помимо элементов «трасянки» (разг. *дзеўчонка, эцім*), встречена региональная лексика: *хадзіць* ‘ухаживать, добиваться внимания’²³ = польск. *chodzić z kimś*, усеменение модального слова *можжа* по образцу диалектной речи — *мо*²⁴. В последнее время в речи белорусскоязычных деятелей стало популярным использовать диалектные формы глаголов 3-го лица ед. ч., характерные для северо-восточного диалекта. Например: «*Падаркаў* (трас.) *ужо будзец!* (диал.)» (К. Жук, «Naviband», 2017 г.), сравн. бел. *падарункаў, будзе*.

Автор перевода указанного выше спектакля «Ревизор» Мария Пушкина использовала «трасянку» для разделения полярно действующих персонажей и в спектакле «Паляванне на сябе», осовремененной пьесе А. Вампилова «Утиная охота» (РТБД, 03 ноября 2018 г.). Большинство персонажей спектакля разговаривают на смешанном языке, на русском — начальник, все обильно используют жаргонную и ненормативную лексику. Положительная героиня — жена Зилова (актриса Л. Сидоркевич) — разговаривает на литературном белорусском языке. У главного героя Зилова (актер М. Брагинец) выбор средств общения указывает на его двойственную натуру: он говорит по-белорусски, когда искренний, а когда примеряет «социальную маску» — на «трасянке»²⁵. Но его речь, как и остальных действующих лиц, неоднородная. Например, в одном фрагменте — русская разговорная речь с белорусским произношением и вкраплениями слов, указывающих на нормы белорусского языка: «*Пацаны, спасиба, я сам да сих пор у шоку*» (бел.). «*Он такой гаварыт мне: “Прыдзі”*» (бел.). В другом — белорусский язык с интерферированной лексемой: «*Ты проста не ўяўляеш, якая ты прэлесць*».

²³ Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5-ці т. / рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, 1986. Т. 5. С — Я. С. 278.

²⁴ Тураўскі слоўнік: у 5-ці тамах / А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін. Мінск, 1984. Т. 3. Л — О. С. 84.

²⁵ *Гурына Ж.* Тэатраадчуванні: паляванне на Бабруйск. 19.02.2019 // Рэспубліканскі тэатр беларускай драматургіі. URL: <https://rtbd.by/paliavanne-babrujsk> (дата обращения: 24.06.2019).

В речи молодой белорусской интеллигенции проявляются также черты альтернативного варианта белорусской орфографии «тарашкевицы», который активизировался в СМИ и литературе в начале 1990-х годов как отрицание академических правил и возвращение принципов 1920-х годов. После принятия Закона «Аб правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі» (2008) количество печатных изданий на «тарашкевице» сводится к минимуму. Однако в индивидуальной устной и письменной речи альтернативная система проявляется в типичных фонетико-орфографических формах: *кампутар, зала* (норм. *камп'ютар, зала*), особенно в географических названиях — *Берасце* (норм. *Брэст*), *Расея* (норм. *Расія*), *з Менску, крамаў* — Р. п. мн. ч. (норм. *з Мінска, крам*). При этом в речи на белорусском языке мы можем замечать одновременно и фрагменты «тарашкевицы», и белорусско-русского смешения. Например, в речи ведущего конкурса «Мова-музыка-футбол» А. Сапрыкина (27 апреля 2017 г.): «*Нехта мяняет* (интерфер. рус.) *клубы* (тарашк.)», сравним бел. *мяняе клубы*; *Паедзе на конкурс «Еўравідзеніе»* (трас.) и в следующей реплике: «*Хутка вы паляціце на Еўравізію* (тарашк.)», сравним бел. *Еўрабачанне*.

Такие вкрапления могут быть и едва различимыми на слух: «*Кожны раз, выступаючы ў розных залах <...> гэта можа быць Расея* (тарашк.), *Украіна, Польшча, ідэнтыфікацыя нас беларусаў, да* (рус.), — *гэта мова*» (певец Uzari, «Дзень родной мовы», Минск, 21 февраля 2019 г.). Зафиксирована и сильная степень комбинирования. Музыкант Ф. Грувич («Беларускамоўныя», 24 апреля 2019 г.), рассказывая об особенностях использования белорусской лексики в беседах с россиянами, переключался с одного языка на другой с произношением по «тарашкевице», включая интерферированные лексемы белорусского языка в русском фрагменте: «*Кажаш: “Слухай там...” Па-расейску* (тарашк.) *говориш “О я там сейчас курточку зашпилю* (интерфер. бел.)” < бел. *зашпіліць* ‘застегнуть’.

Таким образом, в сценической речи смешанная белорусско-русская речь может проявляться как неосознанно (на уровне схожих единиц, по незнанию норм), но чаще всего артистами преследуется цель воздействия на аудиторию: ироничное копирование манеры общаться в быту и на должностном уровне либо закладывается определенный подтекст через цитирование фрагментов известных

произведений. Замечено, что в театральных постановках персонаж-носитель «трасянки» зачастую наделяется негативными чертами, носитель белорусского литературного языка в противопоставлении — положительными. «Трасянка» формирует образ ведущего, артиста как комичный либо максимально приближенный к простому зрителю. В целом сознательное отступление от лексико-грамматических, орфоэпических и стилистических норм связано со снижением эталонов сценической речи и языковой культуры.

Для теоретического осмысления сложность представляет многообразие форм взаимодействия двух языков. Так, переключение с белорусского на русский язык в рамках монологического фрагмента может иметь объем от фразы до целого предложения. Такое вкрапление может как сохранять особенности языка оригинала, так и передаваться согласно законам белорусского языка. Влияние русского языка наиболее активно в лексическом плане, в грамматическом — в некоторых ошибках (*дачке* вместо *даццы* и др.), в фонетическом — только в произношении звуков [ч'], [р'] *вместо* [ч], [р], [л], [в] *вместо* [ў]. Сильным проявлением интерференции на многих уровнях является «трасянка», для которой характерно искажение на белорусский манер слов русского языка. Такие фрагменты во множественном количестве могут присутствовать в монологе, основной базой которого является как русский, так и белорусский языки. Зачастую это просторечье со значительным смещением элементов разных систем, с наличием диалектизмов, жаргонных слов. Кроме того, в речи белорусского интеллигента вместе с интерферируемыми единицами могут сосуществовать элементы альтернативного варианта белорусского языка «тарашкевицы», который несет определенную протестную идею.

Список сокращений

БРФФИ — Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований

НАДТ Коласа — Национальный академический драматический театр им. Якуба Коласа

НАДТ Купалы — Национальный академический драматический театр им. Янки Купалы

РТБД — Республиканский театр белорусской драматургии

Литература

- Вайнрайх 2000 — *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Благовещенск: Благовещ. гуманитар. колледж, 2000. 260 с.
- Васильев 2017 — *Васильев А.Д.* Лингвокультурные процессы и возможности их прогнозирования. М.: Флинта: Наука, 2017. 262 с.
- Гируцкий (ред.) 2012 — *Гируцкий А.А., Стариченок В.Д., Балуш Т.В., Иватович В.Т., Чернышова, Л.В., Чуханова, А.В.* Двухязычие: теория и практика / отв. ред. А. А. Гируцкий. Минск: БГПУ, 2012. 160 с.
- Каліта 2008 — *Каліта І.У.* Трасянка як моўны і культурны нігілізм // *Личность — слово — социум: материалы VIII Международ. науч.-практ. конф. 20–29 апр. 2008 г. / глав. ред. В. В. Фалалеев.* Минск: Паркус плюс, 2008. Ч. 1. С. 105–110.
- Калита 2010 — *Калита И.В.* Современная Беларусь: языки и национальная идентичность. *Ústí nad Labem: PF UJEP*, 2010. 300 с.
- Лукашанец 2014 — *Лукашанец А.А.* Беларуская мова ў XXI стагоддзі: развіццё сістэмы і праблемы функцыянавання: Мінск: Беларус. навука, 2014. 396 с.
- Лянкевіч 2014 — *Лянкевіч А.У.* Беларуская мова і змешаныя коды ў сацыялінгвістычным і псіхалінгвістычным аспектах: катэгорыя адносін да мовы ў грамадстве: аўтарэф. ... канд. філалаг. навук. Мінск, 2014. 25 с. (рукопись).
- Норман 2017 — *Норман Б.Ю.* Билингвизм и многообразие в Республике Беларусь // *Русский язык в многоязычном социокультурном пространстве / отв. ред. Б. М. Гаспаров, Н. А., Купина. М.; Екатеринбург: Флинта, 2017. С. 267–286.*
- Панькин, Фишплов 2016 — *Панькин В.М., Фишплов А.В.* Языковые контакты: краткий словарь. М.: Флинта; Наука, 2016. 156 с.
- Розенцвейг 1972 — *Розенцвейг В.Ю.* Языковые контакты. Лингвистическая проблематика. Ленинград: Наука, 1972. 80 с.
- Цыхун 2018 — *Цыхун Г.А.* Прастора мовы. Моўныя сувязі. Гісторыя слоў: выбраныя працы. Мінск: Беларуская навука, 2018. 315 с.
- Шчасная, Марозава 2017 — *Шчасная К., Марозава А.* Класны, клёвы, файны. Выяўленне частотных размоўных і слэнгавых слоў сярод беларускамоўнай моладзі // *Маладосць. 2017. № 2. С. 85–90.*
- Stavans, Hoffman 2015 — *Stavans A., Hoffman Ch.* Multilingualism. Cambridge [ets]: Cambridge University press, 2015. XII. 308 p.

References

- Cychun, H. A., 2018. *Prastora movy. Moŭnyja suviasi. Historyja sloŭ: vybranyja pracy* [Language space. Linguistic contacts. History of words: selected works]. Minsk: Bielaruskaja navuka, 315 p.
- Girutskii, A. A., Starichenok, V. D., Balush, T. V., Ivatovich, V. T., Chernyshova, L. V., Chukhanova, A. V., 2012. *Dvuiazychie: teoriia i praktika* [Bilingualism: the theory and practice]. Minsk, BGPU, 160 p.
- Kalita, I. U., 2008. *Trasianka jak moŭny i kulturny nihilizm* [Trasianka as a linguistic and cultural nihilism]. In: Falalieiev, V. V., ed. *Lichnost' – slovo – socium: VIII International scientific and practical conference, April 20–29, 2008*. Minsk: Parkus plius, 1, pp. 105–110.
- Kalita, I. V., 2010. *Sovremennaja Belarus': iazyki i natsional'naja identichnost'* [Modern Belarus: Languages and national identity]. Ústí nad Labem: PF UJEP, 300 p.
- Liankievich, A. U., 2014. *Bielaruskaja mova i zmiešanyja kody ŭ sacyjalinhvistyčnym i psichalinhvistyčnym aspiektach: katehoryja adnosin da movy ŭ hramadstvie* [Belarusian language and mixed codes in psycholinguistic and sociolinguistic aspects: category of relationship to language in society]: autaref. ... kand. filal. navuk. Minsk, 2014. 25 p. (manuscript).
- Lukašanec, A. A., 2014. *Bielaruskaja mova ŭ 21 stahoddzi: razvicio sistemy i prablemy funkcyjanavannia* [Belarusian language in the twenty-first century: development of the system and functioning problems]. Minsk: Bielarus. navuka, 2014. 396 p.
- Norman, B. Yu., 2017. *Bilingvizm i mnogorechie v Respublike Belarus'* [Bilingualism and multilingualism in the Republic of Belarus] In: Gasparov, B. M.; Kupina, N. A., eds. *Russkii iazyk v mnogorechnom sotsiokul'turnom prostranstve* [The Russian language in the multilingual sociocultural space]. Moscow; Yekaterinburg: Flinta, pp. 267–286.
- Pan'kin, V. M., Filippov, A. V., 2016. *Iazykovye kontakty: kratkii slovar'* [Language contacts: A short dictionary]. Moscow: Flinta; Nauka, 156 p.
- Rosenzweig, V. Yu., 1972. *Iazykovye kontakty. Lingvisticheskaia problematika*. [Language contacts. Linguistic issues]. Leningrad: Nauka, 80 p.
- Ščasnaja, K., Marozava, A., 2017. *Klasny, klioivy, fajny. Vyjaŭliennie častotnyh razmoŭnyh i slenhavyh sloŭ siarod bielaruskamoŭnaj moladzi* [Klasny, klioivy, fajny. Identification of frequency of colloquial and slang words among of Belarusian youth]. *Maladosts'*, 2, pp. 85–90.
- Stavans, A., Hoffman Ch., 1015. *Multilingualism*. Cambridge [ets.]: Cambridge University press, 2015, XII, 308 p.
- Vasil'ev, A. D., 2017. *Lingvokul'turnye protsessy i vozmozhnosti ikh prognozirovannia* [Linguocultural processes and possibilities of their prediction]. Moscow: Flinta; Nauka, 262 s.
- Weinreich, U., 2000. *Iazykovye kontakty* [Language contacts]. Blagoveshchensk: Blagoveshch. humanitar. kolledzh, 260 p.

Ekaterina D. Goncharenko

PhD, Senior Researcher, Centre for the Belarusian Culture, Language and Literature Researches, Yakub Kolas Institute of Linguistics, National Academy of Science of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, 22072, ul. Surganova, 1, korp. 2. E-mail: kattka_84@mail.ru

Belarusian-Russian mixed speech in modern stage performances

This article analyses the typical features of the influence of the Russian language on Belarusian stage speech. Contemporary theatre, concerts, and other cultural events have played an important role in the popularization in the Belarusian language of misbalanced bilingualism. According to the transcripts of modern actors, emcees, and musicians recorded in theatres, music clubs, literature museums, and culture centres between 2012 and 2019, different fragments and types of mixing of Belarusian and Russian are revealed. Firstly, we notice switching of language code, which is used for famous phrases from literature, cinema, etc., or shows someone else's speech. Secondly, we have examples of Russian language interference in Belarusian at the lexical, grammatical, and phonetic levels. So-called *trasianka*—distorted Russian language according to the special features of the Belarusian orthoepy—is observed as a specific kind of interfered speech. In addition, various variants of hard mixing of systems and subsystems, functional styles of two languages (especially including of dialect words and forms), jargon lexis, and special units of alternative norms of the Belarusian language *tarashkevitsa* are shown. This research notes that mixed speech is a result not only of bilingual interaction, but the decline in the standard of stage speech. It is noted that *trasianka* helps to create a comic or negative character image on stage.

Keywords: bilingualism, modern Belarusian language, modern Russian language, stage speech, colloquial speech, language interference, *trasianka*, language code-switching

В ПАМЯТЬ О КОЛЛЕГЕ

Светлана Михайловна Фалькович

О некоторых аспектах русско-польского двуязычия в Российской империи XIX — начала XX в.

Статья посвящена вопросам русско-польского двуязычия в Российской империи в XIX — начале XX в. Эта проблема связана с тем, что в рамках империи ареал расселения поляков не ограничивался территорией Королевства Польского. Их присутствие в различных российских регионах показано на примере деятельности «полоний» в Харьковской губернии, на Северном Кавказе и в Сибири. Миграция поляков происходила как добровольно, что имело место в Харьковской губернии, так и вынужденно, в результате репрессий царских властей и ссылки участников польского национального движения на Северный Кавказ и в Сибирь. Были нередки случаи, когда после окончания срока ссылки поляки добровольно оставались на прежнем месте. Род их занятий во многом зависел от характера региона и их социального статуса. В Харьковской губернии представители польской интеллигенции вели профессиональную и культурно-просветительскую деятельность, служили в качестве губернских чиновников и занимались городским благоустройством. В Сибири польские сосильные обращались как к учительскому ремеслу, так и входили в состав научных экспедиций, проводивших исследования в области географии, гидрографии, геологии, флоры и фауны, метеорологии, этнографии данного края. Для получения больших возможностей и адаптации к окружающей действительности полякам было необходимо в той или иной степени знание русского языка. Помимо его самостоятельного изучения, этому способствовали контакты с местным населением, заключение браков с особами православного вероисповедания и т. д. Участие поляков в общественной и культурной жизни рассматриваемых регионов способствовало некоторому сближению и большему распространению культуры обоих народов.

Ключевые слова: поляки, Российская империя, двуязычие, адаптация, Харьковская губерния, Северный Кавказ, Сибирь

Выступление на конференции «Полигlossия как норма в многонациональных империях и национальных государствах Центральной Европы и сопредельных регионах: от раннего Нового времени до наших дней» в ноябре 2018 г. стало для Светланы Михайловны Фалькович (1932–2018) одним из последних. Незадолго до кончины она направила в редакцию ежегодника эту статью. Публикуя ее, редколлегия выражает глубокое уважение к памяти коллеги, посвятившей жизнь изучению истории Польши в «долгом XIX веке». Статья подготовлена к печати О. С. Каштановой (*прим. редкол.*).

Русско-польская языковая проблема была тесно связана с тем, что в рамках многонационального Российского государства ареал расселения поляков не ограничивался территорией Королевства Польского¹. Они селились на всем пространстве Российской империи, составляя порой более компактные общины. Так было, в частности, на территории Украины и Белоруссии, где возникали польские колонии².

Одним из характерных примеров может служить Харьковская губерния. Первые поляки стали единично селиться там в начале XIX в., в 1840-е годы в Харьковском университете появились польские студенты и преподаватели, возникла небольшая польская община, была создана римско-католическая парафия, построен первый костёл. В этот период складывались немногочисленные поначалу группы польской интеллигенции, по большей части владевшей русским языком. Возникли «открытые дома» польских фамилий (Ольховских, Шидловских, Кецковских, Островских, Квятковских, Валицких, Семирадзких и др.). Посещавшие их поляки (в частности, профессор Университета Александер Мицкевич, брат Адама) навещали также и «русские дома» Бердяевых, Мухановых, Данзасов, что создавало базу для русско-польского двуязычия, хотя, несомненно, в общении русской и польской интеллигенции активно присутствовал и французский язык³.

С середины XIX в. польское население Харьковской губернии быстро росло: в 1888 г. оно насчитывало около 2 тыс. человек, а всероссийская перепись 1897 г. зафиксировала уже 5 тыс. 910 поляков, 4 тыс. из них проживали в губернском центре. С начала же Первой мировой войны в результате эвакуации поляков из Королевства Польского в Харькове их оказалось уже 7 тыс.⁴ Значительную часть польского населения по-прежнему составляли образованные слои — прежде всего, учителя, профессора и студенты, причем большинство учащихся Харьковского университета происходили из Литвы и Белоруссии. Для этой интеллигентной «полонии» было обычным владение как

¹ В отечественной исторической науке сосуществуют две традиции написания: «Царство Польское» и «Королевство Польское». С. М. Фалькович последовательно использовала последнее. Также в статье сохранено написание польских имен, которого она придерживалась: Зелиньский, Белиньский и пр. (*прим. редкол.*).

² См., например: Островский 2016.

³ Kijas 2006: 233.

⁴ Kijas 2006: 234–236, 257.

польским, так и русским языком. Но двуязычной была и другая часть образованных поляков — офицеры находившихся в губернии воинских частей (генералы, полковники, капитаны и др.), большое число юристов (в Харькове было семь польских адвокатских контор) и особенно медиков: в 1907 г. 14 польских врачей разных специальностей имели в городе свои кабинеты; действовали три популярные у жителей польские аптеки. Русский язык звучал в среде польских инженеров разного профиля, ремесленников и купцов, промышленников и банкиров, владельцев магазинов, хозяев пекарен, содержателей ресторанов и кафе, а также в устах представителей культуры и искусства, нередко занимавших штатные городские должности. Так, в 1838–1846 гг. популярный польский писатель и драматург Юзеф Коженёвский служил директором гимназии в Харькове и был визитатором Харьковской губернии, а ученый-востоковед Ян Непомуцен Верниковский в 1840–1850-х годах исполнял обязанности директора 1-й Харьковской гимназии и ректора губернских школ; штатным губернским архитектором стал в 1890-е годы один из известных харьковских зодчих-поляков Франтишек Шустер. А в 1900 г. польский физик Александер Погорелко занял место председателя городского совета Харькова, и во многом благодаря его инициативе в 1909 г. в городе, где с 1882 г. действовала конка, появилась первая электрическая трамвайная линия⁵.

То, что представители польской интеллигенции, владевшие двумя языками, участвовали в губернском руководстве и занимались городским благоустройством, было достаточно частым явлением. В сфере просвещения и культуры они также проявляли значительную активность: еще в 1840-е годы дом генерала Хиполита Семирадзкого играл роль артистического салона, где организовывались инструментальные концерты и другие музыкальные выступления, велись беседы о литературе и искусстве, вызывавшие большой интерес у польской молодежи. В 1896 г. в Харькове было создано Римско-католическое благотворительное общество, и его член Люциан Павлович развернул широкую филантропическую деятельность: устраивал концерты, лекции, рассчитанные на двуязычную публику и проводил сбор пожертвований. Активным пропагандистом польской и русской музыкальной культуры был, в частности, Константин Горский,

⁵ Kijas 2006: 235–236, 249–251, 256.

известный скрипач, ученик Н. А. Римского-Корсакова, связанный также с М. М. Ипполитовым-Ивановым. Он выступал в составе скрипичных квартетов, исполняя партию первой скрипки, играл концерты в сопровождении симфонического оркестра, а в 1891 г. солировал при исполнении созданного П. И. Чайковским концерта для скрипки с оркестром, причем за дирижерским пультом стоял сам композитор. Горский поддержал идею создания любительского оперного театра и способствовал организации постановок. Он писал музыку для драматических спектаклей и даже сочинил трехактную оперу, а вместе с органистом Станиславом Свитычем содействовал также созданию светского и церковного хоров, выступавших с большим успехом. Были организованы и другие хоровые сообщества, связанные с именами Станислава Зажицкого, Теодора Липиньского и других польских деятелей. Наличие хоров и музыкальных коллективов способствовало развитию в Харькове любительского драматического театра, музыка содействовала успеху пьес, преимущественно польских, постановкой которых занимались актер и режиссер Александер Квятковский и режиссер Людвик Маевский. С конца 1890-х годов ставились также «живые картины», предварявшие начало спектакля. Часто они сочетались с балами и приемами в салонах, на праздниках в «открытых домах». В Харьков приезжали также как известные актеры, так и целые театральные коллективы, и, как правило, харьковские театральные постановки пользовались успехом, о чем сообщала, в частности, петербургская газета «*Kraj*» («Край»)⁶.

Все это служило для местной «полонии» большой поддержкой в сохранении родного языка и в то же время привлекало внимание и интерес русской публики к полоноязычной драматургии⁷. Несомненно, факт подтверждения языковой близости был немаловажен, но не только это служило сближению русских и польских жителей Харькова. Польские поселенцы сумели стать нужными и полезными всему населению губернии как вследствие энергичного участия в развитии экономики и эффективного решения ряда технических задач, так и благодаря активной культурно-просветительской деятельности. Для самой местной «полонии» эта работа была особенно важна, если учесть, что

⁶ Kijas 2006: 233, 240–242, 244–248; Kraj. Petersburg, 1857. № 48. S. 16; 1895. № 13. S. 30.

⁷ Подробнее см.: Фалькович 1998; Фалькович 2010.

до первых лет XX в. в Харькове не было государственных средних школ, где польская молодежь могла бы учиться родному языку. С 1897 г. при Римско-католическом благотворительном обществе действовала лишь небольшая (до 32 учеников и учениц) школа, в которой, согласно российскому закону, детей обучали религии, русскому языку, счёту, правописанию, рисованию, также рукоделию (для девочек). Борьбу за создание возможности обучать польских детей родному языку вел возникший в 1909 г. Польский дом, но открыть в Харькове польскую гимназию удалось лишь с началом Первой мировой войны, когда в город нахлынула большая волна эвакуированных из Королевства Польского поляков. До 1918 г. через это учебное заведение прошло около 200 человек, и в деле обучения, в частности, сыграли роль усилия Польского дома по созданию польского книжного фонда — организации польских библиотек, книжных магазинов и книгоиздательств, обеспечения доставки русской, польской и зарубежной прессы. Особенно ценились школьные учебные пособия, представлявшие собой обогащенную дополнительными сведениями перепечатку учебников, изданных в Варшаве, Львове, Кракове и Познани. Все эти усилия поддерживались щедрыми пожертвованиями состоятельных слоев харьковской «полонии»; использовались также средства, вырученные от театральной деятельности польских энтузиастов, и этот источник доходов был важен, учитывая, что концерты и спектакли посещали не только поляки, но и русская публика⁸. Ее интерес и внимание к польской культуре свидетельствовали о том, что языковые различия не были непреодолимым препятствием в сближении двух народов.

Не стали они препятствием и при проведении польскими специалистами — юристами и медиками — благотворительных акций, распространявшихся на все харьковское общество. Так, Владислав Франковский, врач и общественный деятель, отмеченный за заслуги в поддержании здоровья населения Харькова званием почетного гражданина города, за 50 лет оказал медицинскую помощь 200 тыс. больных. Во время Крымской войны он руководил военным госпиталем, в 1878 г. создал детский госпиталь для лечения инфекционных заболеваний. Франковский был избран членом городского совета, исполнял обязанности мирового судьи. Как член местного благотворительного общества он бесплатно консультировал студентов-медиков,

⁸ Kijas 2006: 242–243, 248–249, 259–260.

во время эпидемии холеры в 1847–1848 гг. опекал неимущих. Тратя на помощь беднякам свои средства, Франковский умер в 1895 г., не оставив состояния, и был похоронен за счет города и Харьковского медицинского общества. Его популярность в Харьковской губернии была велика. Широко известны также были врачи Януарий Познаньский, Цезарий Моравский, Ян Шукевич, проявивший самоотверженность во время борьбы с эпидемией тифа в 1855 г., а позже — невропатолог Бруно Живицкий и терапевт Юзеф Иваницкий⁹.

Люди, подобные подвижнику Франковскому, которых газета «*Kraj*» называла «апостолами христианской любви», каких «общество редко рождает»¹⁰, вызывали уважение и восхищение окружающих независимо от их национальной принадлежности. Это служило действенным фактором сближения поляков и русских, делая языковые различия не столь важными. Двуязычие в этой части Российской империи достаточно «мирно уживалось», не превращаясь в фактор отчуждения или обострения национальных отношений. Однако на территории Российского государства имели место иные варианты сосуществования русского и польского языков. Если на Харьковщине «полония» возникла в основном в результате добровольного переселения поляков (исключением была эвакуация жителей из Королевства Польского в связи с началом Первой мировой войны), то на Северном Кавказе первое массовое появление поляков (около 10 тыс. человек) датировалось началом XIX в., когда в 1813 г. в русский плен попали польские участники наполеоновских походов¹¹. Уже в 1814 г. они были амнистированы, и российские власти даже оказывали им помощь в возвращении на родину, заказав для них обувь и одежду взамен изношенного обмундирования и дав провожатых-«партионцев». Но некоторая часть пленных поляков осталась на Северном Кавказе, присоединившись к небольшому польскому анклаву, который образовался еще в конце XVIII в., после того как в 1763 г. появился манифест российского правительства, предлагавший иностранцам заселять пустующие земли и обещавший новопоселенцам льготы¹². Однако в первые десятилетия XIX в. «мирное» польское население было там еще весьма незначительно, и новый

⁹ Kijas 2006: 236–239.

¹⁰ Kraj. 1895. № 15. S. 30; № 16. S. 24.

¹¹ Нечитайлов 2007: 268.

¹² Цифанова 2007: 67.

приток поляков оказался связан с подавлением восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском, когда остатки повстанческих формирований были в 1840-е годы перемещены на Кавказ, и их члены оказались сосланы в казацкие полки отдельного Кавказского корпуса, а частично отправлены в действующую на Кавказе российскую армию. Над ними был установлен полицейский надзор и предусматривалось применение карательных мер в случае необходимости¹³.

В это время шла война русских с кавказскими горцами, и она весьма интересовала находившихся на Кавказе поляков, что нашло отражение в их письмах и дневниках. Так, Владислав Юрковский, попавший в ссылку в 1839 г., подробно изложил эпизоды из истории «покорения Кавказа» в письмах, которые он ухитрился посылать в Киевскую губернию, минуя цензуру. Он сообщал как о боях, так и о солдатском быте, а кроме того, сумел красочно описать повседневную жизнь черкесов, их культуру, обычаи, одежду и жилища¹⁴. В 1830-е годы (особенно в 1834 и 1837–1838 гг.) частыми были случаи побегов ссыльных поляков в горы, где они рассчитывали присоединиться к борьбе черкесов против России. От имени кавказских горцев в действующую русскую армию приходили соответствующие призывы на русском и искаженном польском языках. Польских перебежчиков черкесы использовали не столько как боевую силу, сколько как своеобразных «военных экспертов», которые помогали модернизировать оружие горцев, пытались даже создать артиллерию, что свидетельствовало о достаточно высоком уровне образования и квалификации поляков. Они участвовали и в вооруженных схватках, однако черкесы не слишком охотно принимали «неверных» в свои ряды, а порой и продавали их в Турцию¹⁵.

Зато знания, умения и квалификация пленных поляков широко использовались в российской армии. Они трудились как на тяжелых «черных» работах (при строительстве мостов, дорог и т. п.), так и выступали в качестве искусных «мастеровых»-ремесленников — портных, сапожников и др. Особо выделялись «умеющие грамоте», что подразумевало владение частью польских пленных русским языком. Отмечалось и «знание нескольких языков» (в том числе русского,

¹³ Колесникова 2007: 40.

¹⁴ Ендрыховска 2011: 133.

¹⁵ Нечитайлов 2007: 276–277, 282.

польского, французского и латыни), характеризовавшее «как правило, великолепно образованных» офицеров из высших кругов польского общества¹⁶. Поскольку срок солдатской службы для ссыльных поляков являлся весьма продолжительным (15–20 лет), русский язык за это время в той или иной степени могли освоить многие польские пленные. Освоившее русский язык местное кавказское население постепенно привыкло к звучанию родственного польского языка. Процесс сближения, в том числе языкового, происходил во время общения русских и польских военных по службе. Те же поляки, кто, отбыв свой срок плена, добровольно оставались на Кавказе, обзаводились семьями, чаще всего женились на местных русскоязычных женщинах, причем во время свадебного торжества также звучала в основном русская речь, поскольку гости на свадьбу приглашались вне зависимости от национальности. Русские жены после замужества по большей части сохраняли свою веру и язык, дети же, родившиеся в поликонфессиональных и разноязычных семьях, должны были по закону исповедовать православие. Как дети «польских преступников», они не допускались в русские учебные заведения из опасения их воздействия на русскую молодежь, и лишь со временем это ограничение, закрывавшее дорогу к овладению русским языком и соответствующему образованию, было снято полицейскими властями.

Пожелавшие остаться на Кавказе польские ссыльные давали на русском языке письменную присягу верности государю-императору, текст которой нередко был написан чужой рукой; при этом они получали право на приобретение собственности, в том числе земельной. Поляки вступали в разряд государственных крестьян, селились в деревне в качестве земледельцев; часть польских поселенцев приписывалась к мещанским обществам, часть поступала на службу в казачьи полки¹⁷. Моноэтничных польских поселений на Северном Кавказе не было, если не считать хутор Польский, возникший в 1834 г. в Ставропольском крае. Власти стремились расселять поляков как «подозрительных» мелкими партиями и преимущественно не в городах. Но начавшееся уже в 1816–1817 гг. массовое ежегодное переселение поляков продолжалось, и со временем как бывшие польские ссыльные, так и добровольные переселенцы из Королевства

¹⁶ Нечитайлов 2007: 274; Цифанова 2007: 72.

¹⁷ Нечитайлов 2007: 274–275.

Польского и других районов Российской империи стали оседать в областных и уездных центрах Северного Кавказа. Постепенно происходила и их адаптация: более образованная «полония», став местной, оказывалась полезной коренному населению, что способствовало постепенному складыванию положительного к ней отношения. Но такая ситуация возникла не сразу, на первых порах существовало недоверие к людям, говорящим на чужом языке и принадлежащим к иной, католической церкви. Не все из прибывших на Кавказ поляков сумели сразу адаптироваться к новой обстановке, найти работу, обеспечить постоянный доход и, как вспоминал впоследствии один из таких ссыльных К. В. Гловацкий, были вынуждены «переносить большие затруднения в средствах к жизни». Отсутствие «всяких средств к жизни» вкупе с катастрофическим состоянием одежды прибывших польских ссыльнопоселенцев констатировала и местная власть, которой приходилось выделять для них «пособия от казны»¹⁸.

Оказавшиеся в таком положении поляки старались использовать все возможности для заработка: трудились на поденных работах, нанимались к частным лицам, занимались извозом, изготовлением одежды и обуви, работали на железных дорогах, в области медицины и санитарии, преподавания и воспитания. Труд в этих сферах предполагал и требовал знания русского языка в той или иной степени. Тем более это знание оказалось полезным и необходимым полякам, когда в середине XIX в. они были допущены к должностям на государственной губернской службе — к военно-административной деятельности, работе в суде, полиции, администрации. Первоначально им был разрешен доступ лишь к лакейской и сторожевой службе; продвижение по служебной лестнице в государственных учреждениях было ограничено, однако со временем ограничения сняли, хотя часть профессиональных занятий оставалась под запретом. Так, власти пресекали попытки поляков помогать в составлении юридических документов, оказывать адвокатские услуги, выступать в суде. Но в 1840–1850-е годы почти все запреты были аннулированы, и новое ужесточение закона произошло лишь после польского восстания 1863–1864 гг. Что же касается тех поляков, кто переселился на Кавказ по собственному желанию, для них ограничений вовсе не существовало, и ряд польских поселенцев, энергично продвигавшихся

¹⁸ Цифанова 2007: 73.

по службе, внесли вклад в успешное развитие региона. Так, в 1844–1846 гг. на посту гражданского губернатора Кавказской области находился М. М. Ольшевский, а городничим в Георгиевске стал губернский секретарь Л. К. Конопельский; важную позицию в Ставрополье занимал неперменный член Ставропольской губернской строительной и дорожной компании титулярный советник П. А. Биберштейн-Левицкий и там же, в Ставропольском окружном суде, служил титулярный советник П. Вильчиньский, которому город был обязан созданием первого паспортного стола. Но активно участвовали в социально-экономическом развитии края не только чиновные поляки. На рубеже XIX–XX вв. большую роль в развитии машиностроения сыграл поляк — предприниматель П. В. Буковский: он открыл в Екатеринодаре и городах Кубанской области индустриальные предприятия, построив два чугунолитейных завода, фабрику сельскохозяйственных машин и орудий, машиностроительный, деревообрабатывающий и столярный заводы, различные мастерские и склады¹⁹. Подобные предприятия создавали рабочие места для значительного числа прибывших на Кавказ поляков, которых к переселению толкал разразившийся в Королевстве Польском в 1870-е годы политический и экономический кризис. В результате в конце XIX в. (по данным переписи 1897 г.) на Кавказе находилось 9854 поляка, почти половина из них (4373 чел.) — в Терской области; кроме того, 2719 поляков проживали в Кубанской области, а также в Ставропольской и Черноморской губерниях — 2031 и 731 человек соответственно²⁰.

В эти десятилетия активного экономического развития росла и доля лиц, живших на доход от капитала. Происходил дальнейший процесс экономической, политико-административной, профессиональной, социально-этической и психологической адаптации населения этого региона, естественно включавший и языковую адаптацию, поскольку в сложившейся ситуации поляки могли говорить на родном языке лишь в небольшом кругу; русский язык становился необходим им для жизни в обществе — для работы и общения. Это неминусом должно было оставить след и на приобщении польского населения к русской культуре, на формировании отношения его к русским и другим народам России. Столь масштабное русско-польское

¹⁹ Цифанова 2007: 73, 78.

²⁰ Цифанова 2007: 68–69; Колесникова 2007: 40.

взаимовлияние имело большое значение, если учесть, что с таким психологическим багажом известная часть польских переселенцев впоследствии смогла вернуться на родину после очередной царской амнистии, а затем после возрождения к жизни в 1918 г. Польского государства. В новой ситуации звучание русского языка должно было напоминать им о годах жизни, проведенных в столь специфической части Российской империи, как Кавказ.

Однако, кроме кавказского региона, было еще и другое освоенное в это время поляками специфическое российское пространство — российский Север и, в частности, Сибирь. Оно служило местом ссылки не только для поляков, но и для русских и потому являлось естественным местом встречи двух языков. Подробности сибирской жизни польских каторжан и ссыльных известны также, главным образом, из их дневников и писем. Переписка разрешалась полякам на обоих языках, но ограничивалась частота писем (один раз в три месяца). Правда, иногда запреты нарушались, и не исключено, что порой поляки специально писали письма по-русски «для верности»: чтобы обеспечить меньшее внимание к ним цензуры и более быструю доставку их по адресу²¹.

Двуязычие в этих краях имело довольно широкое распространение и применение, так как поляки в военных частях, на каторге, в ссылке и на поселении могли общаться между собой на родном языке и одновременно по необходимости вступали в языковой контакт с русскоязычным окружением. В первую очередь, в круг их общения входили русские репрессированные; между ними и польскими ссыльными поддерживались дружеские, а порой и весьма близкие отношения. Так, например, Юлиан Сабиньский, участник восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском и член нелегальной организации «Содружество польского народа», осужденный на каторгу и ссылку, 19 лет провел в Восточной Сибири — в Усолье и Иркутске. Там он тесно общался как с польскими, так и с русскими «преступниками», в том числе с декабристами. Поддерживая тесный контакт с семьей декабриста Волконского, он жил в его доме, учил его детей. Преподавал он и детям российских чиновников, бывал в светских салонах. То же относилось и к другим польским ссыльным, кому хорошее образование позволяло служить гувернерами, репетиторами, учителями в домах высокопоставленной губернской верхушки,

²¹ Ендрыховска 2011: 130; Jędrychowska 2004: 71.

преподавать иностранные языки, обучать музыке и рисунку²². Как писал Сабиньский, это был «огромный труд», и неслучайно его педагогическая деятельность пользовалась столь же «значительной популярностью» у местных жителей²³. Популярными становились и польские медики, оказывавшие квалифицированную помощь местному населению. Одним из них был врач Юзеф Лаговский, на похоронах которого присутствовало множество жителей Иркутска²⁴.

Несмотря на активные профессиональные усилия, снискавшие благодарность, признание и уважение, большинство польских ссыльных жили в условиях крайней нужды, иногда на грани выживания, хотя некоторые сумели добиться успеха в предпринимательской деятельности. Так, если иркутский ссыльнопоселенец Ян Шумский с трудом добывал скудные средства для существования, работая в пекарне, а затем торгуя в лавочке продуктами питания, папиросами, галантереей и бижутерией, то другой ссыльный поляк — Людвик Балцер в том же Иркутске, трудившийся в польском ресторане, стал владельцем двух лавок и искал возможность для дальнейшего развития собственного торгового предприятия и осуществления торговых сделок, изучая в связи с этим условия предпринимательской деятельности, разрешенной ссыльным²⁵. Все это предполагало достаточно хорошее знание русского языка, позволявшее близкое и разностороннее общение поляков с объясняющимся по-русски местным населением. Подтверждением такого общения может служить заинтересованное описание польскими ссыльными быта, характера и обычаев живших в этом регионе России как русских, так и представителей других народов. В частности, Александр Белинский, находившийся в ссылке в Кургане, а затем в Нерчинских рудниках, Иркутске и Тобольске, детально описал местные обычаи этих краев, а обладавший литературным талантом Густав Зелинский в 1830–1840-е годы ярко представил народную культуру и фольклор киргизов, написав поэму «Киргиз» и другие произведения. Уделялось внимание и описанию местной природы, получившему отражение в живописном и литературном творчестве ссыльных поляков. Многие из них старались находить время и силы для занятия наукой, литературой и искусством. Врач Юзеф Пекарский, например,

²² Трынковский 2011: 124–126; Ендрыховска 2011: 136.

²³ Трынковский 2011: 124.

²⁴ Ендрыховска 2011: 136.

²⁵ Ендрыховска 2011: 134; Jędrychowska 2004: 85.

подчеркивал, что в Сибири он живет, не испытывая истинной нужды, так как удовлетворять более важные «потребности ума и сердца» ему помогает общение с культурой и искусством — театром, поэзией, музыкой, танцем, а прежде всего, с книгой. Подобной позиции придерживался и Эдвард Рёмер, увлекавшийся скульптурой и музыкой; он стал инициатором создания в Вологде польско-русского хора, исполнявшего, в частности, произведения С. Монюшко, что, несомненно, служило русско-польскому культурному и языковому сближению²⁶.

Необходимость такого сближения и взаимопонимания ощущали сами польские ссыльные: например, Генрик Каменьский, находясь в вятской ссылке, специально учил русский как язык общения, имея в виду не только установление контакта с властями, но и более близкое ознакомление с русской культурой, в том числе с русской прессой и книжным собранием местных библиотек. Конечно, в первую очередь эта заинтересованность, стремление к сближению и сотрудничеству характеризовали интеллигентную часть польской ссылки. И неслучайно, что поляки, сосланные в Сибирь и другие края России, стали активными участниками освоения ее просторов — описания, изучения и научного исследования гор Кавказа и Восточной Сибири, сибирских и дальневосточных рек и озер. Большинство из этих энтузиастов попали в ссылку в связи с участием в восстании 1863–1864 гг. в Королевстве Польском. Одним из таких ссыльных стал составивший первую геологическую карту берегов Байкала географ, геолог и палеонтолог Ян Черский, чьим именем названы два сибирских хребта. Один из хребтов в Восточной Сибири также носит польское имя — имя выдающегося исследователя северо-восточной Азии геолога и географа Александра Чекановского. Юзеф Калиновский и другие находившиеся в Восточной Сибири польские ссыльные активно участвовали в работе по изучению флоры и фауны Байкала, которую проводило находившееся в Иркутске Сибирское отделение Русского географического общества. Исследованием фауны озера Байкал занимался также известный зоолог-эволюционист Бенедикт Дыбовский; его имя присвоено ряду зоологических видов, обитающих в озере Хубсугул, к которому он вместе с Чекановским и Вроньским прошел в составе научной экспедиции, исследовавшей течение реки Иркут до горного массива Мунку-Сардык. С открытием ряда

²⁶ Ендрыховска 2007: 132–134; Jędrychowska 2004: 76–78, 80, 84.

зоологических видов оказалось связано также имя сосланного в Сибирь польского ученого Виктора Годлевского. Польские ссыльные проводили научные наблюдения в разных концах российской глубинки. Так, еще в 1840-е годы ссыльный Леопольд Немировский был в качестве рисовальщика включен в состав российской научной экспедиции, изучавшей природу Камчатки, и оставил яркие описания и художественные изображения, посвященные сибирским просторам над рекой Леной, окрестностям Охотска и Якутска. А 40 лет спустя сосланный в 1887 г. на Сахалин этнограф и социолог Бронислав Пилсудский (брат Юзефа Пилсудского) вел на острове метеорологические наблюдения, изучал национальные особенности местного населения — айнов и гиляков, а с 1899 г. стал хранителем музея во Владивостоке²⁷.

Совместная научная работа польских и русских ссыльных тесно сближала их и не только в отношении языка: она служила противовесом возникавшему у многих поляков чувству отчужденности от окружения, тем более что в нем они видели много недостатков. В письмах и дневниках польских ссыльных критическому анализу нередко подвергались нравственные качества русской бюрократии, армейского начальства; подчеркивалось распространение таких пороков, как пьянство, нечестность, стяжательство; проявления же порядочности, вежливости, интеллигентности воспринимались как исключение, считалось, что эти редкие качества присущи единицам, небольшой прослойке образованной части местного населения. В результате у ряда ссыльных поляков, как например у Феликса Зенковича, возникало ощущение культурной чуждости окружения, отсутствия контакта с местным обществом²⁸. В этой связи как научное, так и культурное сотрудничество поляков и русских в местах ссылки играло очень большую и важную роль, важную не только для науки и культуры. Как признавались сами польские ссыльные, оно становилось свидетельством «проведения с пользой того времени и тех лет, которые, казалось бы, предназначались быть потерянными»²⁹. И действительно, в конечном итоге они оказались не совсем потеряны как

²⁷ Гуманитарные науки формируют личность. Беседа с Анджеем Б. Легоцким // Новая Польша. 2006. № 6. С. 82; Ендрыховска 2011: 133–134, 138; Jędrychowska 2004: 78, 82–83.

²⁸ Ендрыховска 2011: 134–136; Трынковский 2011: 125–126.

²⁹ Ендрыховска 2011: 133–134.

для науки и культуры, так и для утверждения русско-польской языковой и человеческой общности, для сближения между собой обоих народов.

Литература

- Ендриховска 2011 — *Ендриховска Б.* Переписка польских ссыльных XIX века как исторический источник (на примере корреспонденции Феликса Зенковича) // Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы. Изучение и публикация исторических источников в России и Польше / редкол.: Н. А. Макаров (отв. ред.), О. С. Каштанова, Л. П. Марней, Б. В. Носов. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 128–139.
- Колесникова 2007 — *Колесникова М. Е.* Польская ссылка на Северном Кавказе в XIX веке (историографический аспект) // Российско-польский исторический альманах. Ставрополь; Волгоград: Изд-во СГУ, 2007. Вып. II. С. 39–45.
- Нечитайлов 2007 — *Нечитайлов М. В.* Поляки на Кавказе в 1814–1854 годах: документы // Российско-польский исторический альманах. Ставрополь; Волгоград: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2007. Вып. II. С. 268–283.
- Островский 2016 — *Островский Л. К.* Польское население Новониколаевска (1890-е гг. — февраль 1917 г.) // Российско-польский исторический альманах. Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета. Вып. 8. С. 35–41.
- Трынковский 2011 — *Трынковский Я.* Юлиан Сабиньский (1797–1869) и его «Дневник» — уникальный источник по истории ссыльных поляков и не только // Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы. Изучение и публикация исторических источников в России и Польше / редкол.: Н. А. Макаров (отв. ред.), О. С. Каштанова, Л. П. Марней, Б. В. Носов. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 124–126.
- Фалькович 1998 — *Фалькович С. М.* Влияние культурного и политического факторов на формирование в русском обществе представлений о Польше и поляках // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. / *Związki kulturalne między Polską a Rosją XI–XX w.* / ред. Я. Н. Щапов. М.: URSS, 1998. С. 190–203.
- Фалькович 2010 — *Фалькович С. М.* Историческая традиция и национальная культура как фактор сохранения национальной идентичности народами, находящимися под инонациональной властью // Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия со дня рождения Владимира

- Константиновича Волкова (1930–2005) / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2010. С. 117–123.
- Цифанова 2007 — *Цифанова И. В.* Поляки на Северном Кавказе в XIX столетии. Проблемы социокультурной адаптации // Российско-польский исторический альманах. Ставрополь; Волгоград: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2007. Вып. II. С. 66–86.
- Jędrychowska 2004 — *Jędrychowska B.* Listy XIX-wiecznych zesłańców // Wrocławskie studia wschodnie. 2004. T. 8. S. 65–87.
- Kijas 2006 — *Kijas A.* Polonia charkowska na przełomie XIX i XX wieku // Проблемы славяноведения. Брянск: Изд-во Брянского государственного педагогического университета, 2006. Вып. 8. С. 232–260.

References

- Falkovich, S. M., 1998. Vliianie kul'turnogo i politicheskogo faktorov na formirovanie v russkom obshchestve predstavlenii o Pol'she i poliakakh [The influence of cultural and political factors on the formation of stereotypes about Poland and Poles in the Russian society]. In: Shchapov, Ia.N., ed. *Kul'turnye sviazi Rossii i Pol'shi 11–20 vv. / Związki kulturalne między Polską a Rosją 11–20 w.* [Cultural ties of Russia and Poland from the eleventh to the twentieth century] Moscow: URSS, pp. 190–203.
- Falkovich, S. M., 2010. Istoricheskaia traditsiia i natsional'naia kul'tura kak faktor sokhraneniia natsional'noi identichnosti narodami, nakhodiashchimisia pod inonatsional'noi vlast'iu [Historical tradition and national culture as a factor of preservation of national identity of the nations, which were under foreign rule]. In: Nikiforov, K. V., ed. *Slavianstvo, rastvorennoe v krovi... V chest' 80-letiiu so dnia rozhdeniia Vladimira Konstantinovicha Volkova (1930–2005)* [Slavness dissolved in blood... In honour of the eighteenth anniversary of Vladimir Konstantinovich Volkov]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 117–123.
- Jędrychowska, B., 2004. Listy XIX-wiecznych zesłańców. *Wrocławskie studia wschodnie*, 8, pp. 65–87.
- Jędrychowska, B., 2011. Perepiska pol'skikh ssyl'nykh 19 veka kak istoricheskii istochnik (na primere korrespondentsii Feliksa Zenkovicha) [Correspondence of Polish exiles in the nineteenth century as a historical source (based on Feliks Zienkowicz's correspondence)]. In: Makarov, N. A. (Editor-in-Chief), Kashtanova, O. S., Marnei, L. P., Nosov, B. V., eds. *Sotrudnichestvo rossiiskikh i pol'skikh istorikov: dostizheniia, problemy, perspektivy. Izuchenie i publikatsiia istoricheskikh istochnikov v Rossii i Pol'she* [Cooperation of Russian and Polish historians: achievements, problems, prospects. Study and publication of historical sources in Russia and Poland]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 128–139.

- Kijas, A., 2006. Polonia charkowska na przełomie XIX i XX wieku. In: *Problemy slavianovedeniia* [Problems of Slavic Studies]. Briansk: Izd-vo Brianskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 8, pp. 232–260.
- Kolesnikova, M. E., 2007. Pol'skaia ssylka na Severnom Kavkaze v 19 veke (istoriograficheskii aspekt) [Polish exile in the Northern Caucasus in the nineteenth century (historiographic aspect)]. In: *Rossiisko-pol'skii istoricheskii al'manakh* [Russian-Polish historical almanac]. Stavropol'; Volgograd: Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2, pp. 39–45.
- Nechitailov, M. V., 2007. Poliaki na Kavkaze v 1814–1854 godakh: dokumenty [Poles in the Caucasus in 1814–1854: documents]. In: *Rossiisko-pol'skii istoricheskii al'manakh* [Russian-Polish historical almanac]. Stavropol'; Volgograd: Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2, pp. 268–283.
- Ostrovskii, L. K., 2016. Pol'skoe naselenie Novonikolaevska (1890-e gg. — fevral' 1917 g.) [Polish population of Novonikolaevsk (the 1890s — February 1917)]. In: *Rossiisko-pol'skii istoricheskii al'manakh* [Russian-Polish historical almanac]. Stavropol': Izd-vo Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta, 8, pp. 35–41.
- Trynkowski, Ia., 2011. Iulian Sabin'skii (1797–1869) i ego “Dnevnik” — unikal'nyi istochnik po istorii ssyl'nykh poliakov i ne tol'ko [Julian Sabin'ski (1797–1869) and his “Diary” — a unique source on the history of exiled Poles and more]. In: Makarov, N. A. (Editor-in-Chief), Kashtanova, O. S., Marnei, L. P., Nosov, B. V. *Sotrudnichestvo rossiiskikh i pol'skikh istorikov: dostizheniia, problemy, perspektivy. Izuchenie i publikatsiia istoricheskikh istochnikov v Rossii i Pol'she* [Cooperation of Russian and Polish historians: achievements, problems, prospects. Study and publication of historical sources in Russia and Poland]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 124–126.
- Tsifanova, I. V., 2007. Poliaki na Severnom Kavkaze v 19 stoletii. Problemy sotsiokul'turnoi adaptatsii [Poles in the Northern Caucasus in the nineteenth century: Problems of sociocultural adaptation]. In: *Rossiisko-pol'skii istoricheskii al'manakh* [Russian-Polish historical almanac]. Stavropol'; Volgograd: Izd-vo Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2, pp. 66–86.

Svetlana M. Falkovich

On some aspects of Russian-Polish bilingualism in the Russian Empire in the nineteenth and early twentieth centuries

This article deals with the issues of Russian-Polish bilingualism in the Russian Empire in the nineteenth and early twentieth centuries. Within the framework of the empire, the area of settlement of Poles was not limited to the territory of the Kingdom of Poland. Their presence in various Russian regions is shown by the example of the activities of “Polonies” in the Kharkov province, the North Caucasus, and Siberia. The migration of the Poles occurred both voluntarily, as was the case in the Kharkov province, or was forced, as a result of the repressions of the tsarist authorities and the exile of members of the Polish national movement, as in the North Caucasus and Siberia. It was not unusual that after the expiration of the term of exile, Poles voluntarily remained in the place they had been exiled to. Their occupation depended largely on the nature of the region and their social status. In the Kharkov province, representatives of the Polish intelligentsia carried out professional and cultural-educational activities, served as provincial officials, and were engaged in the improvement of urban infrastructure. In Siberia, Polish exiles became teachers as well as taking part in scientific expeditions that conducted research in the fields of geography, hydrography, geology, flora and fauna, meteorology, and ethnography of the region. To obtain better opportunities and adapt to the surrounding reality, the Poles needed, to one degree or another, knowledge of the Russian language. They acquired the language in various ways in addition to self-education: they were in constant contact with the local population and some even married those of the Orthodox faith. The participation of Poles in the social and cultural life of the regions under consideration contributed to a certain rapprochement and greater assimilation of the culture of both peoples.

Keywords: Poles, Russian Empire, bilingualism, adaptation, Kharkov province, North Caucasus, Siberia